

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ОТ КРИТИКИ ИСТОЧНИКА
К ОБОБЩЕНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ**

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Москва, 19–21 марта 2019 г.

МОСКВА 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
Н76

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

к.и.н. Н.Б. Ахметгалеева, к.и.н. Е.М. Болдырева, к.и.н. С.Б. Вальчак, к.иск. М.В. Вдовиченко, к.и.н. А.Н. Ворошилов, к.и.н. О.М. Ворошилова, к.и.н. К.Н. Гаврилов, И.О. Гавритухин, к.и.н. В.А. Гаиров, О.Н. Глазунова, к.и.н. Б. Громадова, д.и.н. М.В. Добровольская, И.И. Елкина, к.и.н. Д.К. Еськова, д.и.н. М.Г. Жилин, д.и.н. И.С. Жущиховская, к.и.н. И.Е. Зайцева, к.и.н. О.В. Зеленцова, С.С. Зозуля, к.и.н. А.А. Казарницкий, к.и.н. А.А. Клещенко, к.и.н. В.Ю. Коваль, д.и.н. Д.С. Коробов, к.и.н. У.Ю. Кочкаров, д.и.н. Н.А. Кренке, к.и.н. А.А. Кудрявцев, д.и.н. И.Л. Кызласов, к.и.н. С.Ю. Лев, к.и.н. Е.С. Леванова, к.и.н. Е.В. Леонова, к.и.н. В.Ю. Малашев, д.и.н. М.Б. Медникова, к.и.н. Д.В. Ожерельев, д.и.н. Д.О. Осипов, А.С. Пахунов, к.и.н. И.А. Сапрыкина, к.и.н. А.Ю. Скаков, к.и.н. Е.К. Столярова, к.и.н.Е.В. Суханов, к.и.н. О.И. Успенская, А.Н. Федорина, к.и.н. З.Х.-М. Царикаева, д.и.н. Ю.Б. Цетлин, к.и.н. С.В. Шарапова, к.и.н. Т.Ю. Шведчикова, С.В. Шполянский, к.и.н. Л.С. Шумиловских, к.и.н. Л.В. Яворская

Ответственный редактор
к.и.н. В.Е. Родинкова

Н76 **Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. – М.: ИА РАН, 2019. – 264 с.: ил.**

ISBN 978-5-94375-277-3

В сборник включены материалы к докладам, представленным на V Международной конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования», прошедшей в Институте археологии РАН 19–21 марта 2019 г. Тематика статей охватывает широкий круг проблем современной археологии от палеолита до Нового времени.

Книга предназначена археологам, историкам, специалистам в области охраны культурного наследия, музейным работникам, студентам исторических специальностей и всем, интересующимся историей

УДК 902/904
ББК 63.4

Издание подготовлено и опубликовано в рамках реализации поддержанного фондом «История Отечества» проекта «V Международная конференция молодых ученых “Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных”»

В оформлении обложки использована иллюстрация к статье А.Ю. Кононович

ISBN 978-5-94375-277-3

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-277-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПОХА КАМНЯ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНЫХ СООБЩЕСТВ

Алишер кызы С. Новые данные по каменной индустрии грота Дам-Дам-Чешме 2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова).....	8
Баскова В.А. Украшения из зубов животных и бивня мамонта верхнепалеолитической стоянки Гагарино.....	11
Бессуднов А.А. Особенности каменного инвентаря нижнего культурного слоя Костёнок 17 (Спицынская) в свете новых данных.....	13
Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье.....	14
Велент-Щербач С.С. Многослойное поселение Барово 5 и его место в лесном неолите Восточно-Европейской равнины.....	16
Волокитина Н.А. Ижма-Томский геоархеологический район Припечорья: новейшие исследования мезолита.....	18
Гилязов Ф.Ф. Реконструкция палеогеографического фона развития орловской культуры..	19
Дороницева Е.В. Удаленное перемещение каменного сырья в среднем палеолите: варианты интерпретации.....	21
Киселева А.М. Типология и хронология каменных наконечников с поселения Маяк 2 на Кольском полуострове.....	22
Кудашов А.С. Стоянка Сокольное VII – новый памятник раннего неолита Марийского Поволжья.....	24
Кузнецов А.М., Когай С.А. Новые данные по костяному инвентарю верхнепалеолитической стоянки-мастерской им. И.В. Арембовского (по результатам работ 1989 г.).....	26
Курбатова Л.А. Керамические традиции стоянок Варфоломеевка и Алгай.....	27
Малахай Ю.М. Технология расщепления нуклеусов в позднем палеолите Донбасса.....	29
Манько Н.В. К характеристике технологий изготовления двусторонне обработанных изделий в инвентаре неолитических культур Донбасса.....	31
Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Хаценович А.М. К методике определения характера формирования и сохранности культуросодержащих отложений палеолитических стоянок в горах Центральной Азии: анализ культурной стратиграфии и планиграфии памятника Толбор-4 (Северная Монголия).....	33
Недомолкин А.Г. Динамика изменений метрических характеристик пластинчатых сколов в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа (по материалам Мезмайской пещеры).35	
Попов А.С. Сравнительный анализ каменного инвентаря раннего неолита Волго-Донского междуречья.....	38
Пушкарь А.А. Ранний железный век Приморья: новые материалы по янковской культуре.....	40
Ражева Е.А. Еще раз о В.С. Передольском: от «колючек-растопырок» до современной интерпретации материалов стоянки Коломцы.....	41
Смагин В.А. Развитие традиции изготовления микролитов геометрической формы на территории Нижнего Поволжья.....	43
Сомов А.В. К вопросу об ареале средневожской культуры.....	44
Ткачева М.И. К вопросу выявления мест обжига керамики на памятниках эпохи неолита бассейна р. Сож (Восточная Беларусь).....	47
Толстых Д.С. Гравировка на изделиях из бивня мамонта по материалам стоянки Костенки 11: трасология и экспериментальные данные.....	48
Хрусталева И.Ю. Неолитические жилища Рийгикюла I (Эстония) – постполевой сезон 1951–1953 гг.	51

АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА:

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Андреева (Ересько) О.В., Батуева Н.С. Некоторые итоги изучения керамики эпох энеолита – бронзы с территории Прикамья.....	53
Басова Н.В. Геологические свидетельства древнего землетрясения на поселении Турист-2 в Новосибирске.....	55
Булакова Е.А. Керамический комплекс погребений как маркер половозрастных характеристик индивида.....	57
Даниелян Г.А. Феномен «циклопических» сооружений в Армении.....	59
Демаков Д.А. Особенности расположения энеолитических памятников в бассейне Верхней и Средней Камы.....	60
Завершинская М.П. Особенности курганных могильников в восточной части Большого Донбасса.....	62
Ларенок О.П. Анализ бронзовых изделий из курганного могильника Бургуста 1.....	64
Ларочкин А.А. Проявление сейминско-турбинских традиций в эпоху ранней бронзы в Западной Сибири (одиновская культура).....	65
Лобода А.Ю., Терещенко Е.Ю., Ретивов В.М., Шишлина Н.И. Исследование металлических серпов из клада у с. Сосновая Маза.....	67
Мосунова А.В. Погребальные традиции населения горно-лесного Зауралья в IV–II тыс. до н.э.....	69
Петрова О.П. О размещении тесел в погребениях могильника Екатерининский мыс (по материалам 2013–2016 г.).....	70
Пономарев В.С. Оформление днищ лощеных сосудов эпохи ранней бронзы Крыма кругами-вдавениями: аналоги и технологии.....	72
Симонян Асм.Г., Симонян Аст.Г., Геворгян М.В. Проблема повторных захоронений: распределение археологического материала в погребальных камерах курганов Мецаморского некрополя.....	74
Солдаткин Н.В. Сравнение архитектуры жилищ синташтинско-петровских укрепленных поселений.....	76
Трофимов А.Г. К проблеме изучения самарско-хвалыньских материалов на реке Сок.....	77
Швецова А.А. Гончарное производство у племен поздняяковской культуры на подготовительной стадии: предварительные результаты технико-технологического анализа.....	79
Butsuradze T.G. Reconstruction of social and public relations according to the archaeological finds in the Late Bronze – Early Iron Age (Contemporary aspects).....	81
Chilingarashvili T., Chogovadze T. Final stage of the Middle Bronze Age in Atskuri and cultural interpretations.....	83

ЕВРАЗИЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ:

ЗОНА КОНТАКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Авидзба Д.З. Защитное вооружение древнеабхазских племен (VIII–I вв. до н.э.).....	84
Александрова А.И. Анализ форм керамики кочевников раннего железного века из курганных могильников Покровка I, II, VIII в Оренбургской области.....	85
Берлизов А.Н. Традиции и инновации в погребальном обряде некоторых некрополей Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н.э. (Кепы, Волна 1, Артющенко 2).....	88
Бесегаев Б.Б. Конское снаряжение скифо-сакского времени Восточного Казахстана.....	89
Воробьева С.Л., Куфтерин В.В. Ново-Сасыкульский могильник как опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье.....	91
Головченко Н.Н. Многокомпонентность предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.....	93
Гольшкин А.О., Клюкойть А.А. Воинское погребение из сарматского могильника в Липецке.....	95
Иванов С.С. К проблеме взаимоотношений кочевого и оседлого населения Притяньшанья в сакский период (по данным археологии).....	97
Кабанов Д.О. Итоги обследования памятников раннего железного века в окрестностях городища Колпакова.....	99

Кириченко Д.А., Агаларзаде А.М. Терракотовая антропоморфная статуэтка из Самедабада	102
Лясович В.И. Особенности системы расселения на правом берегу р. Белой в раннем железном веке по предварительным данным	104
Макоев Б.Н. Наконечники стрел предскифского и скифского времени с памятников кобанской культуры в Кабардино-Балкарии.....	105
Микич И.Ж. Палеодемографические исследования популяций античного Виминациума	108
Преснова Н.Н. Исследования Нижнего города Танаиса в 2017–2018 гг.	109
Русаков М.Ю. Предметы в зверином стиле из раннескифских памятников Нижнего Дона	110
Русакова А.А. Краснофигурные кратеры из материалов Елизаветовского городища	112
Хайруллина О.Ф. К проблеме датировки мазунинских могильников (по материалам Боярского «Арай» могильника в Удмуртском Прикамье).....	114
Шкрибляк И.И. Опыт трехмерной фиксации кургана скифского времени Туак-Оба в Крыму.....	116
Ярмолович В.И. К вопросу о влиянии древнегреческих и ближневосточных сосудов на древнеегипетскую керамику VI–IV вв. до н.э.	118
Bugianishvili S.Z. Standards of pottery production at Grakliani Gora	119
Paatashvili S.V. The research of Shida Kartli Transit period ceramics	121
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:	
ЦЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ	
Абиев А.К. Серьги с подвесками из находок Гочатлинского 3-го средневекового могильника в Горном Дагестане.....	122
Аминов Ф.Ш. Новые данные о домашнем ремесле предмонгольского Пенджикента	124
Артамкин А.Н. Предметы вооружения и воинского снаряжения из раскопок 2010–2018 годов в Старой Рязани	126
Бажин М.И. Женские погребения с днепровскими фибулами в могильниках Юго-Западного Крыма – проблема интерпретации.....	130
Белявская О.С. К изучению элитного раннесредневекового погребения на территории Уфы	133
Близнюкова В.И. Статистический анализ стеклянных бус Болгарского городища XIV–XV веков (раскоп № 192 2016 года)	135
Васильева Е.Е. Кладбище при церкви Рождества Богородицы в Роще	137
Ганцев В.К. Винодельческие комплексы округа Сюреньской крепости: современное состояние и перспективы исследования	138
Голда Н.Н. К вопросу о «кочевье Балка Котельникова»	140
Гюрджоян К.Г. Орнитоморфные подвески в культуре средневекового населения Тазовского Заполярья.....	141
Демахина М.С. К вопросу о культурной принадлежности памятников Юность 3, 5, 6.....	143
Джоуа И.А. Изучение и охрана памятников I тысячелетия н.э. в Сухуме.....	145
Загайнова А.Ю. Элементы архитектурного декора на Селитренном городище по материалам раскопа XLVII	146
Иожица Д.В. Новый этап изучения храма у горы Кильса-Кая (Судак). Пропорциональный анализ храма	147
Исмаилов Д. Сабля без гарды из Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея.....	150
Кайсин А.О., Борисова А.М., Глазырина М.К. Некоторые итоги археологического изучения исторической части города Кирова в XX – начале XXI века	152
Кайтан Ш.Г. Археологические исследования Великой Абхазской стены в 2017–2018 годах	155
Кононович А.Ю. Глиняная фигурка с городища близ Шепетовки	157
Кройтор Е.А. Образ представителей кошачьих в ювелирном деле Руси и Волжской Булгарии в XII–XIV веках	160

Кутузова Д.О. Хронология бус могильников левобережья Волги IX–XII веков	162
Лавров В.В. Альтернативный подход к типологии курительных трубок.....	165
Маковеев Д. В. К вопросу о возможности построения функциональной классификации чжурчжэньских наконечников стрел	167
Милованова М.П. Поясные наборы могильника Кладовка 2	171
Михеева (Китаева) А.А. Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV) – новые архивные данные и их интерпретация	172
Моряхина К.В. Перстни из раскопок Рождественского могильника	175
Никитин Е.Ю. Предварительные результаты раскопок могильника Штыково-3 в Приморье	178
Огородников А.Д. Об одной из групп покойницкой обуви из Тихвинского некрополя Йошкар-Олы (Царевококшайска).....	181
Половников Л.В. Трудозатраты на строительство жилищ каркасно-столбовой конструкции в средневековом Пермском Предуралье	183
Русланов Е.В. Позднесредневековые погребения с площадки Нижегородского III поселения в районе Уфимского полуострова	185
Сагманова Г.М. Стекланные браслеты с территории верхнего посада Переяславля Рязанского	187
Сейдалиева Д.Э., Сейдалиев Э.И. Полуфабрикаты с необычным узором из раскопок гончарного поселения Бокаташ II	190
Смертин А.Р. Сравнительная характеристика инструментов ломоватовской и родановской археологических культур.....	192
Смирнова С.М. Братский корпус Тверского Успенского Жёлтикова монастыря по данным письменных и археологических источников.....	194
Степаненко С.Ф. Черниговщина в системе торговых коммуникаций между севером и югом в X веке	195
Страхова Н.Д. Сельскохозяйственные орудия средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа).....	197
Сумманен И.М. Керамика курганов Юго-Восточного Приладожья: технологическая характеристика	199
Ткачев Ал.Ал., Ткачев А.А. Погребальный обряд доненецкого населения Тазовского Заполярья	201
Холошин П.Р. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов.....	204
Черевко В.В. Внемогильный инвентарь и практика подзахоронения детей на сельских кладбищах Белорусского Подвинья XVII–XVIII вв. (в свете данных археологии, антропологии и этнографии)	206
Шапиро А.В. Железные заклепки Гнёздовского археологического комплекса	207
Шашерина Л.В., Зозуля С.С. Геоморфологические условия освоения поймы Днепра в раннем Средневековье на примере Днепровской курганной группы Гнёздовского археологического комплекса	210
Широухов Р.А. Новые методы датирования памятников железного века Восточно-Балтийского региона.....	212
Шмырина М.Е. Костяные изделия Роданова городища (по материалам раскопок М.В. Талицкого и А.Н. Сарапулова).....	214
Sirkin A. Remarks about the analysis of the radiocarbon data from Wiskiauten/Mokhovoye settlement (Kaliningrad region)	216
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД: В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	
Абрамова А.Н., Шведчикова Т.Ю., Свиркина Н.Г. Антропологическое заключение в рамках научного отчета о выполненных полевых исследованиях (к вопросу о содержании и оформлении).....	218
Антипенко А.В. Элементный состав фибул из могильника Чернореченский	219

Антонов Е.Е. Опыт сплошного картографирования подъемного материала для определения границ поселения	221
Аржанов А.Ю., Кучинин А.А., Панченко В.В. Комплексный подход к методике археологических разведок на примере работ отдела междисциплинарных исследований Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»	224
Арсенова Н.Е., Клещенко Е.А., Яблоков А.Г. Новые данные в изучении кремаций памятников боршевской культуры на примере материалов кургана 151 Лысогорского могильника	226
Бабенко А.Н. Спорово-пыльцевой анализ дороги Маджарского городища	228
Березовская В.А. Геометрические мотивы среди петроглифов Альты: типология и поиск аналогий	231
Вафина Г.Х., Овечкина Л.В. Намогильные плиты мусульманского кладбища Биш-Балта	233
Володин С.А., Свиркина Н.Г. Роль цветности и структуры кремированных костей в изучении погребального обряда (по материалам экспериментальных сожжений)	234
Горланов С.С., Дрыга Д.О., Мочалов А.В. Система расселения хоры Горгиппии: новые подходы к исследованиям	236
Егоров А.В., Онуфриенко Ю.А. Исследование Волковского могильника в Кировской области: антропологический аспект	237
Жилина М.В. Применение оптической микроскопии при анализе находок из кожи (по материалам раскопок в Старой Руссе)	239
Закян Т.С., Мамиконян Н.С. Работа археолога-реставратора на археологических памятниках Армении эпох бронзы и железа	241
Ковалева К.С. Результаты исследования химического состава металла и техники изготовления изделий из цветных металлов из раскопок курганных групп Бахтияровка и Царевского городища	242
Колосов В.П., Кузнецова А.А. Возможности синтеза археологических и антропологических данных при дифференциации местного и греческого населения Боспора	244
Любезнова Л.В., Мамонова А.А. Опыт комплексных исследований в процессе реставрации археологических объектов, состоящих из различных материалов	246
Насонова Э.Д. Возможности использования непыльцевых палиноморф в археологических исследованиях	248
Савченко И.А., Вепрецкий С.В., Беляев Д.Д., Ковач М. Исследования российских археологов в Гватемале: итоги полевых сезонов 2015–2018 годов	249
Свиркина Н.Г., Шведчикова Т.Ю. О сохранности коллагена в костной ткани животных и человека различных археологических памятников	251
Сосновцева И.М. Животные в погребальном обряде кочевников раннего железного века Южного Приуралья (историография проблемы)	253
Терещенко Е.Ю., Мандрыкина А.В., Хмеленин Д.Н., Антипин А.М., Васильев А.Л., Яцишина Е.Б., Алексеева О.А. Электронно-микроскопические и рентгеновские исследования античной крымской керамики	255
Хохрякова С.А. Современные методы документации и изучения наскальных и пещерных изображений Гватемалы	257
Шатровая Д.О., Кулькова М.А. Геохимические методы реконструкции ландшафтно-климатических факторов и антропогенной активности на памятниках археологии	258
Ясаков В.С. История изучения предметов из раковин <i>Turbinella pyrum</i> в зарубежной археологии	259
Tavartkiladze N. Artificial cranial deformation from Samtavro Cemetery in the Early Middle Age period: historical meaning and genesis	261
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	262

ЭПОХА КАМНЯ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНЫХ СООБЩЕСТВ

С. Алишер кызы
Новосибирский государственный университет
saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ГРОТА ДАМ-ДАМ-ЧЕШМЕ 2 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А.П. ОКЛАДНИКОВА)

При изучении материальной культуры финального плейстоцена и раннего голоцена на территории Восточного Прикаспия особое значение имеют коллекции грота Дам-Дам-Чешме-2, материалы которого фигурируют практически во всех культурно-хронологических схемах от раннего мезолита до бронзового века региона (Коробкова, 1989; Kozłowski, 1996; Шнайдер 2015). При этом данные материалы до сих пор не обработаны и не опубликованы в полном объеме.

Грот Дам-Дам-Чешме 2 обнаружен в 1947 г. палеолитическим отрядом ЮТАКЭ. С 1949 по 1952 г. на нем под руководством А.П. Окладникова проводились планомерные раскопки. Общая площадь раскопа в центральной части грота составила 40 кв. м. Были выявлены 6 литологических слоев (1, 2, 3, 4, 5 низ, 5 верх), содержащих остатки

Табл. 1. Состав каменной индустрии грота Дам-Дам-Чешме-2 (коллекция А.П. Окладникова)

Категория каменных изделий	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Слой 5 «верх»		Слой 5 «низ»		Все- го	
		%		%		%		%		%		%
Нуклеусы	2	2.33	4	1.36	4	0.87	5	0.74	3	0.25	18	0.67
Пластины	11	12.79	48	16.27	73	15.87	79	11.69	191	15.88	402	14.89
Пластинки	16	18.60	101	16.89	144	31.30	293	43.34	410	34.08	964	35.70
Микро- пластины		-	17	5.76	76	16.52	97	14.35	63	5.24	253	9.37
Отщепы	45	52.33	89	30.17	138	30.00	176	26.04	399	33.17	847	31.37
Технические сколы	12	13.95	36	12.20	25	5.43	26	3.85	137	11.39	216	8.00
Всего, без учета отходов произ- водства	86	32.09	295	49.33	460	68.76	676	63.06	1203	63.15	2700	60.11
Отходы произ- водства	182	67.91	303	50.67	209	31.24	396	36.94	702	36.85	1792	39.89
Всего	268	100.00	598	100.00	669	100.00	1072	100.00	1905	100.00	4492	100.00

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.8-10

Табл. 2. Состав орудийной коллекции грота Дам-Дам-Чешме-2 (коллекция А.П. Окладникова)

Типы орудий	Слой 3	Слой 4	Слой 5 «верх»	Слой 5 «низ»
<i>Геометрические микролиты:</i>				
треугольники	5	-	-	2
сегменты		2	11	16
рогатые трапеции		1		
трапеции	2	1	-	
<i>Негеометрические микролиты:</i>				
прото-прямоугольники				1
пластинки с изогнутым притупленным краем			4	
микрограветийские острия				1
остроконечные пластины с базальной обработкой				1
асимметричные острия		2	1	3
остроконечные пластинки с притупленным краем			5	2
узкие пластинки с притупленным краем			5	
<i>Скрепки:</i>				
концевые с выпуклым лезвием	4	4	8	14
концевые с узким лезвием	5	1	2	13
концевые с прямым лезвием	2	1	1	2
по периметру 3/4	2	-	2	4
вентральные скребки	1			2
боковые	6	-	1	1
микроскрепки	13	9	5	23
двойные				1
Острия	1		2	
Проколки	2	3	13	14
Шиповидное				2
Выемчатые орудия	14	16	25	54
Усеченные пластинки	2			
Наконечники стрел	1			1
<i>Сколы с ретушью притупления</i>				
пластинки притупленным краем		1	3	10
микропластины с притупленным продольным краем			3	3
фрагменты орудий с ретушью притупления			6	11
<i>Сколы с ретушью</i>				
отщепы с ретушью	1	6	11	13
пластины с ретушью	11	8	13	15
пластинки с ретушью	15	5	10	12
микропластины с ретушью		2	3	6
технические сколы с ретушью	6	2	2	9
осколки	6	2	1	-
<i>Сколы с вентральной ретушью</i>				
отщепы с ретушью		1		4
пластины с ретушью	1	2	1	6
пластинки с ретушью	5	2	8	2
микропластины с ретушью	3			

технические сколы с ретушью	2	1	-	3
<i>Сколы с ретушью утилизации</i>			-	-
отщепы с ретушью утилизации			4	10
пластины с ретушью утилизации		6	4	13
пластинки с ретушью утилизации		5	5	19
микропластины с ретушью утилизации		2	1	
технические сколы с ретушью утилизации	0	0	0	6
Всего	110	85	160	299

материальной культуры от эпохи раннего мезолита до бронзового века включительно (Окладников, 1953). В дальнейшем стационарные исследования на памятнике проводились с 1963 по 1980 г. силами ТАЭЭ МГУ под руководством Г.Е. Маркова. В этот период была вскрыта практически вся площадь грота (240 кв. м). Исследователь выделил на памятнике 23 литологических подразделения и объединил их в 9 крупных культурных слоев – от позднего палеолита до эпохи бронзы. Согласно публикациям Г.Е. Маркова, общее число каменных артефактов составило более 11000 изделий, помимо этого были обнаружены несколько десятков раковин, среди которых отмечались просверленные. Найдены также более 600 фрагментов керамики, два обломка костяных игл, бронзовое шило, керамическое пряслице (Марков, 1966, С. 108). Эти материалы были неоднократно представлены в работах как самого Г.Е. Маркова, так и других исследователей, которые предлагали различные варианты их культурно-хронологических атрибуций (Коробкова, 1989; Kozłowski, 1996; Шнайдер, 2015). Материалы, полученные в ходе раскопок первого этапа, не подвергались такому подробному анализу, в публикациях приведена только наиболее представительная часть коллекции (Окладников, 1953). Таким образом, проведение детального технико-типологического анализа каменной индустрии из раскопок А.П. Окладникова является весьма актуальным.

Коллекция, полученная в ходе раскопок грота Дам-Дам-Чешме-2 в 1950-е годы, составляет всего 4492 предмета, из них отходы производств насчитывают 1792 экз. (39,8 %). Согласно наблюдениям А.П. Окладникова, в индустрии рассматриваемых комплексов использовалось местное кремневое сырье (Окладников, 1953).

Первичное расщепление (табл. 1) раннего этапа индустрии, который представлен в нижней части слоя 5, направленно на получение пластин с объемных нуклеусов посредством ударной техники с применением мягкого отбойника. В верхней части слоя отмечается использование схожих стратегий первичного расщепления, но при этом фиксируются единичные пластинчатые сколы и нуклеусы, которые отражают применение отжимной техники. В слое 4 их количество возрастает (5% пластинок, 20% микропластин). В индустрии слоя 3 и 2 не наблюдается свидетельств применения отжимной техники.

Орудийный набор (табл. 2) нижней и верхней части слоя 5 характеризуют микролиты геометрических форм (сегменты и треугольники), микролиты негеометрических форм (пластинки с изогнутым притупленным краем, единичные экземпляры остроконечных пластинок, прото-прямоугольник, микрограветийское острие), проколки, выемчатые изделия и концевые скребки. В орудийном наборе слоя 4 среди геометрических микролитов помимо сегментов найдены две трапеции, одна из которых рогатая. Также отмечается наличие выемчатых изделий, скребков, единичными экземплярами представлены негеометрические микролиты (асимметричные острия) и проколки. В слое 3 геометрические микролиты представлены треугольниками, отмечается наличие трапеций, усеченных пластинок, острий, выемчатых орудий и концевых скребков.

На данном этапе исследований, при отсутствии детальных описаний слоев в публикациях и полевых отчетов, сложно соотнести стратиграфию, выделенную А.П. Окладниковым, с предложенной Г.Е. Марковым. Самые древние слои 6–9 Г.Е. Маркова не находят соответствия в материалах А.П. Окладникова. Это может объясняться тем фактом, что ими исследовались разные участки грота. По количеству находок и характеру ору-

дейных наборов комплексов можно предположить, что слои 5 и 4 «низ» и «верх», выделенные Г.Е. Марковым, соотносятся со слоями 4, 5 «низ» и «верх» А.П. Окладникова. Слой 3 у обоих исследователей определен одинаково (Марков, 1966).

Отсутствие абсолютных датировок для памятника Дам-Дам-Чешме-2 усложняет определение его хронологической позиции. Несмотря на это, на основе детального изучения технико-типологических параметров коллекции можно предположить, что слои 5 и 4 и хронологически, и технологически отражают разные этапы развития одного мезолитического комплекса. В силу малочисленности коллекции определить культурную атрибуцию индустрии слоя 3 сложно. На данном этапе можно согласиться с предыдущими исследователями, которые отнесли ее к неолиту.

Коробкова Г.Ф., 1989. Мезолит средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. С. 149–174.

Марков Г.Е., 1966. Грот Дам-Дам-Чешме-2 в Восточном Прикаспии // СА. № 2. С. 104–125.

Окладников А.П., 1953. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.) // Изв. АН Туркменской ССР. № 2. С. 28–32.

Шнайдер С.В., 2015. Туткальская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 26 с.

Kozłowski S.K., 1996. The Trialetian «Mesolithic» Industry of the Caucasus, Transcaspiia, Eastern Anatolia, and the Iranian Plateau // Neolithic chipped stone industries of the Fertile Crescent, and their contemporaries in adjacent regions. Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence and Environment. Berlin. P. 161–170.

В.А. Баскова

*Институт археологии РАН, Москва
varyabaskova@yandex.ru*

УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗУБОВ ЖИВОТНЫХ И БИВНЯ МАМОНТА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ГАГАРИНО

Стоянка Гагарино находится в Липецкой области на левом берегу р. Дон, в 5 км выше впадения в него р. Сосны. Археологическое изучение памятника проводилось в 1926–1929 гг. С.Н. Замятниным и в 1961–1969 гг. Л.М. Тарасовым (Замятнин, 1935. С. 27; Тарасов, 1979. С. 17). Время существования Гагарино, по данным радиоуглеродного датирования, укладывается в хронологические рамки 22–20 тыс. л.н. Большинство исследователей отмечают культурную близость Гагарино с памятниками костенковско-авдеевской культуры (Гвоздовер, 1985. С. 51; Ефименко, 1958. С. 414; Тарасов, 1979. С. 158).

Костяной инвентарь Гагарино включает около 200 предметов; значительную часть коллекции составляют фрагменты кости и бивня с единичными следами обработки. Среди изделий и их заготовок можно выделить орудия хозяйственно-производственного назначения (шилья, иглы и игольник, острия, ложила, «лопаточки»), предметы охотничьего снаряжения (наконечники), предметы искусства (женские статуэтки, украшения).

Украшения из зубов животных и их заготовки составляют самую обширную категорию костяных изделий Гагарино (68 экз.). При производстве таких украшений на Гагаринской стоянке предпочтение отдавалось зубам песка или лисицы, преимущественно клыкам (57 экз.), реже – резцам и премолярам (11 экз.). В коллекции из раскопок С.Н. Замятнина украшения изготовлены из 13 клыков минимум от 6 особей (определение по верхним правым клыкам), 11 премоляров минимум от 9 особей (по верхним левым премолярам) и 4 резцов (Житенёв, 2007. С. 52).

По результатам изучения коллекции из раскопок Л.М. Тарасова можно говорить, что для создания украшений были выбраны клыки (34 экз.) минимум от 10 особей (по нижним левым клыкам), однако количество других клыков также достаточно велико (9 верхних левых, 8 верхних правых, 7 нижних правых). Полученное соотношение классов зубов на стоянке Гагарино коррелирует с выводом, что на стоянках средней поры

верхнего палеолита был представлен набор разных классов зубов песца или лисицы, используемых для производства украшений (Житенёв, 2007. С. 52).

В целях изучения технологии изготовления украшений в настоящей работе рассмотрены 44 зуба из коллекции ГИМ и 6 зубов из коллекции МАЭ РАН. Заготовки украшений (8 экз.) представляют собой зубы с уплощенным корнем, на которых прослеживаются намечающие отверстие линейные продольные и поперечные следы. Корень зуба в большинстве случаев уплощался с обеих сторон, вследствие чего от его изначальной толщины сохранялось 2/3 или 1/3. У одного зуба корень оказался срезан до половины изначальной толщины, до корневого канала – возможно, по этой причине клык остался заготовкой. На зубах из Гагарино прорезание было направлено в сторону коронки, поскольку именно с этой стороны прослеживается небольшой «порожек».

На следующем этапе в корне зуба создавалось отверстие. У 6 экз. клыков отверстия миниатюрных размеров (около 0.2 × 0.1 см) и неровных очертаний со следами прорезания вглубь корня. Практически ни у одного из них четко не прослеживается «порожек». В большинстве случаев отверстие у готовых украшений имеет овальные удлиненные (реже округлые) очертания. Техника утоньшения корня и последующего прорезания и пробивания отверстия характерна и для других памятников костенковско-авдеевской культуры (например, Авдеево, Костенки I/1, Костенки 21/III, Зарайск) (Амирханов и др., 2009. Табл. 23).

Поверхность корня у части готовых украшений (7 экз.) настолько заложена, что следы обработки практически незаметны, хотя процент готовых украшений с технологическими следами велик. Часто встречаются следы заполировки по краям отверстий.

Украшения были обнаружены по всей площади жилища, в т.ч. в небольших ямках-хранилищах (47 экз. из клыков и 6 экз. из других зубов). Из западной ямы происходят 12 экз. из клыков и 5 экз. из других зубов, из восточной – 2 и 3 экз. соответственно. В виде скопления был обнаружен один комплекс, состоящий из украшений и их заготовок (17 экз.) (Замятнин, 1935. С. 60).

Помимо украшений из зубов песца или лисицы из раскопок С.Н. Замятнина происходят два украшения-имитации в виде рудиментарного клыка оленя размерами 2.5 × 1.5 × 0.5 см и 2.2 × 1.3 × 0.7 см, изготовленные из бивня мамонта. Они имеют форму почти правильных уплощенных овалов со сглаженными краями, с прорезанным отверстием (Замятнин, 1935. С. 58). Предметы-имитации являются характерной чертой памятников костенковско-авдеевской культуры (Амирханов и др., 2009. С. 206; Гвоздовер, 1953. Рис. 15; Ефименко, 1958. С. 414).

Таким образом, изучение украшений из зубов животных позволяет сделать выводы об этапах их производства и наметить индивидуальные особенности в изготовлении. В принципе выбора морфологических классов зубов, технологии изготовления украшений и наличия в коллекции украшений-имитаций из бивня мамонта проявляется сходство Гагарино с другими культурно и хронологически близкими стоянками памятниками.

Амирханов Х.А., Ахметгалева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Машенко Е.Н., 2009.

Исследования палеолита в Зарайске 1999–2005. М.: Палеограф. 466 с.

Гвоздовер М.Д., 1953. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. МИА. № 39. Л.: АН СССР. С. 192–226.

Гвоздовер М.Д., 1985. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. Вып. 75. М. С. 27–66.

Ефименко П.П., 1958. Костенки I. М.; Л. 485 с.

Житенёв В.С., 2007. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги. С. 40–61.

Замятнин С.Н., 1935. Раскопки у с. Гагарино (Верховья Дона, ЦЧО) // Изв. ГАИМК. Вып. 118. Палеолит СССР. М.; Л. С. 26–77.

Тарасов Л.М., 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука. 167 с.

**ОСОБЕННОСТИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ
НИЖНЕГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ КОСТЁНОК 17
(СПИЦЫНСКАЯ) В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ¹**

Нижний (II) культурный слой палеолитической стоянки Костёнки 17 (Спицынская) был обнаружен П.И. Борисковским и исследовался им в течение двух полевых сезонов 1953 и 1955 гг. (Борисковский, 1963), в ходе которых была получена богатая коллекция каменного инвентаря (около 10 тыс. предметов). Развитое пластинчатое расщепление наряду с костяным инвентарем и серией просверленных подвесок позволили исследователям единогласно ассоциировать данную индустрию с человеком современного физического типа, а залегание культурного слоя в нижней гумусированной толще под вулканическим пеплом CI/Y5 (~39–38/5 ka cal BP, по Giaccio et al., 2017) свидетельствовало о его весьма раннем возрасте. Несмотря на различные мнения относительно ближайших аналогий материалам нижнего слоя Костёнок 17 (см. Бессуднов и др., 2018; Dinnis et al., 2019), традиционное определение «спицынская культура» («Spitsynian») прочно закрепилось в отечественной и зарубежной литературе.

В результате пересмотра коллекции каменного инвентаря из раскопок П.И. Борисковского выяснилось, что сохранилась лишь небольшая выборка предметов (191 экз.), преимущественно изделий со вторичной обработкой. Местонахождение остальной части коллекции остается неизвестным. Это обстоятельство, наряду с задачами по уточнению стратиграфии и отбору образцов для естественнонаучных исследований, стало причиной возобновления археологических работ на памятнике.

В ходе раскопок 2017–2018 гг. на Костёнках 17 нижний культурный слой был вскрыт на площади около 11 кв. м. По предварительным подсчетам, обнаружено около 4 тыс. предметов каменного инвентаря, включая микродебитаж. Если типологический состав коллекции и количественное соотношение различных типов изделий с вторичной обработкой изменились незначительно (абсолютное доминирование ретушных резцов), то наличие полного контекста расщепления позволило существенно уточнить особенности технологии первичного расщепления.

Технология первичного раскалывания была направлена на получение двух стандартов заготовок: крупных пластин (до 10 см в длину и 4 см в ширину), полученных с подпризматических одноплощадочных нуклеусов, и микропластин, иногда скрученного профиля, которые снимали с многофасеточных резцов с ретушным оформлением площадки. Контекст изготовления крупных пластин отсутствует, что подтверждает ранее высказанное предположение о том, что они были получены за пределами стоянки, возможно, на месте добычи сырья (Борисковский, 1963). Обращает на себя внимание тщательность оформления площадок крупных пластин – большая часть кромок пришлифована, в двух случаях зафиксирован специфический способ изолирования площадки (Гиря, 1999).

Особый интерес представляет микропластинчатый компонент индустрии, в первую очередь, в связи с обнаружением в коллекции П.И. Борисковского двух ранее не опубликованных микропластин прямого профиля с альтернативной краевой ретушью (микропластины дюфур подтипа дюфур (Demars, Laurent, 1992)). Согласно устоявшейся западноевропейской периодизации, такие микропластины наиболее типичны для протоориньякских памятников, а параметрические характеристики дюфур из Костёнок 17 и таких памятников, как Фумане, Истюриц, Ле Кот идентичны (Dinnis et al., 2019). Однако

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 18-78-0013); полевые работы на стоянке Костёнки 17 в 2017–2018 гг. осуществлялись на средства гранта РФФИ № 17-06-00319а, а также частично в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012.

абсолютное большинство микропластин без ретуши (и несколько с ретушью) в коллекции нижнего слоя Костёнок 17 были получены с нуклеусов-резцов и имеют изогнутый, а иногда и скрученный профиль и характерную морфологию резцовых сколов (Бессуднов, 2018). Таким образом, контекст производства пластинок дюфур прямого профиля пока не обнаружен, что не исключает возможности того, что они также были получены с нуклеовидных резцов и представляют собой так называемые резцовые сколы третьего порядка.

В целом аналогии между спицинской индустрией и протоориньяком прослеживаются в типично пластинчатом производстве с одноплощадочных нуклеусов, высокой роли микропластинчатого компонента и присутствии ретушированных пластинок дюфур прямого профиля. При этом получение микропластин с ретушних нуклеовидных резцов является отличительной чертой спицынской культуры, что подчеркивает ее самобытность и указывает на вариабельность каменного инвентаря внутри протоориньякского круга памятников.

- Бессуднов А.А., 2018. Технология производства микропластин нижнего культурного слоя стоянки Костёнки 17 (Спицынская) // Верхнедонской археологический сборник: материалы второй Всероссийской археолого-этнографической научной конференции с международным участием «Археология в исследованиях молодых». Вып. 10 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 30–32.
- Бессуднов А.А., Диннис Р., Артюшенко А.А., 2018. Условия залегания культурных горизонтов палеолитической стоянки Костёнки 17 (по результатам работ 2017 г.) // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН. С. 69–73.
- Борисковский П.И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. МИА. № 121. М.; Л.: АН СССР. 231 с.
- Гиря Е.Ю., 1999. Есть ли переходные технологии в Костенках? // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. СПб.: МАЭ РАН. С. 120–122.
- Demars P.-Y., Laurent P., 1992. Types d'outils lithiques du Paléolithique supérieur en Europe. Paris: Presses du CNRS. 180 p.
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T., 2019. New Data for Early Upper Palaeolithic of Kostenki (Russia) // Journal of Human Evolution. Vol. 127. P. 21–40 <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2018.11.012>
- Giaccio B., Hajdas I., Isaia R., Deino A., Nomade S., 2017. High-precision ¹⁴C and ⁴⁰Ar/³⁹Ar dating of the Campanian Ignimbrite (Y-5) reconciles the time-scales of climatic-cultural processes at 40 ka // Scientific Reports. Vol. 7: 45940. P. 1–10. <https://doi.org/10.1038/srep45940>

М.А. Бурыгин

*Самарский государственный социально-педагогический университет
burigin.maxim@yandex.ru*

СТОЯНКА КОЧКАРИ I – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ¹

В 2016 г. в Самарской области в ходе разведочных работ в пойме р. Сок О.В. Ересько выявлена мезолитическая стоянка Кочкари I. Ее исследование начато в 2017 г. и продолжается по настоящее время (Андреев, Адуреева, 2018. С. 195–202; Андреев и др., 2018. С. 455–460). Полученные артефакты пополнили ограниченную источниковую базу по мезолиту региона и способствуют решению ряда вопросов, связанных с его изучением.

Стоянка Кочкари I находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Сок в 1,5 км к ЮВ от пос. Кочкари. Расположена на небольшом дюнном всхолмлении, имеет размеры около 80 × 70 м, вытянута по линии СЗ–ЮВ, вдоль грунтовой дороги. В 2017–2018 гг. археологической экспедицией СГСПУ под руководством К.М. Андреева

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Самарской области в рамках научного проекта № 18-49-630005 p_a.

и О.В. Андреевой, при непосредственном участии автора, заложены три раскопа общей площадью 272 кв. м. Исследования проводятся с использованием системы трехмерной фиксации находок и просеиванием извлекаемого грунта.

Стратиграфия памятника относительно простая. Под дерном (мощностью до 5 см) прослежен слой черной супеси (старопахотный слой). Ниже представлены два незначительно различающихся по цвету и структуре слоя – серой и светло-серой супеси, с которыми связано основное количество находок кремня. Их подстилает материк – желтая легкая супесь. Наблюдается турбированность слоев в результате активной деятельности землеройных животных.

По образцам почвы в радиоуглеродной лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена получены две даты: для верхней части слоя светло-серой супеси -7277 ± 100 BP (SPb-2607), для нижней части – 7500 ± 80 BP (SPb-2606) (6499–6216 calBC). Они верифицированы датировкой по кости животного -7632 ± 100 BP (SPb-2705). Таким образом, примерное время обитания мезолитического населения на площадке памятника может быть отнесено к середине VII тыс. до н.э.

В ходе исследований получена коллекция из 1874 артефактов. Помимо изделий из камня обнаружены единичные измельченные (размером менее 3×3 см) фрагменты керамики позднего бронзового века и кости животных. Изделий из кремня выявлено 1329, что составляет 71% от общей коллекции. Они представлены: отщепами и чешуйками без ретуши (528 экз.), кусками и осколками кремня без следов вторичной обработки (121 экз.), поперечными (19 экз.) и продольными (108 экз.) сколами без ретуши. На памятнике выявлена представительная серия пластин – 461 единица (35% всего каменного инвентаря): 23 целых пластины, 69 дистальных, 223 медиальных и 146 проксимальных частей пластин. Из них 75 – с ретушью, в большинстве случаев нерегулярной (62 экз.). Ретушь, как правило, наносилась с дорсальной (54 экз.), реже с вентральной (16 экз.) стороны по одной (48 экз.) или двум (14 экз.) граням, на 5 пластинах представлена противоположная ретушь. Толщина пластин варьируется от 0.1 см до 0.7 см, а ширина от 0.5 см до 2.6 см. Преобладают пластины толщиной 0.2–0.4 см (88%) и шириной 0.7–1.5 см (92.4%).

Нуклеусов выявлено 20, они представлены 4 типами: торцевые (9 экз.), конические (5 экз.), карандашевидные (1 экз.) и аморфные (5 экз.). Морфологически выраженных орудий всего 78, что составляет 5.7% всего каменного инвентаря. Зафиксировано 27 скребков концевого типа на пластинах и продольных сколах с округлым (18 экз.), прямым (7 экз.) и скошенным (1 экз.) рабочими краями, также в коллекции представлен 1 нуклеидный скребок. Резцы (42 единицы) двух типов: угловые на пластинах (35 экз.) и сколах (4 экз.) и срединные на сколах (3 экз.). В коллекции присутствуют 4 проколки на пластинах и продольных сколах, с ретушированными продольными гранями. Скобели (3 экз.) изготовлены на продольных сколах (2 экз.) и на куске кремня (1 экз.). Обнаружены 2 ножа с прямыми лезвиями. Деревообрабатывающие орудия представлены долотами (2 экз.), теслами (2 экз.) и топорами (2 экз.), также в коллекции присутствуют 3 заготовки деревообрабатывающих орудий или бифаса. Особый интерес представляет наконечник стрелы иволистной формы с бифасиальной ретушью, связь которого с мезолитическим комплексом нуждается в дополнительном подтверждении. Наконеч, выявлено 8 отбойников из гальки, 4 фрагмента ростров белемнита, которые, возможно, использовались в качестве ретушеров, и 2 абразивных камня.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в целом комплекс стоянки Кочкари I по относительно низкому показателю пластинчатости и типологическому (весьма ограниченному) набору орудий находит ближайшие аналогии в материалах стоянки Красный Яр I лесостепного Поволжья и стоянки Маяк. Меньше сходства наблюдается с комплексами стоянок Чекалино II и Старо-Токская, у которых высокие показатели пластинчатости индустрии (более 50%), но типологический набор орудий весьма близок рассмотренному выше. Обозначенные черты сходства и различия могут быть обусловлены как хронологическими, так и культурными факторами. Ввиду ограниченности источниковой

базы по мезолиту лесостепного Поволжья культурно-хронологическая позиция указанных памятников определена лишь в общих чертах и нуждается в уточнении.

Андреев К.М., Андреева (Ересько) О.В., 2018. Итоги исследований стоянки Кочкари I в 2017 году // Известия Самарского НЦ РАН. Т. 20. № 3. Самара. С. 195–202.

Андреев К.М., Андреева О.В., Бурыгин М.А., 2018. Некоторые итоги исследований стоянки Кочкари I в 2018 году // Известия Самарского НЦ РАН. Т. 20. № 3 (2). Самара. С. 455–460.

С.С. Велент-Щербач

*Институт истории НАН Беларуси, Минск
swetlana.velent@gmail.com*

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БАРОВО 5 И ЕГО МЕСТО В ЛЕСНОМ НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

В 2014 г. во время археологического обследования правобережья р. Неман на территории Ивьевского района (Западная Беларусь) автором была обнаружена стоянка каменного – бронзового веков Барово 5. Памятник расположен на коренном берегу старицы высотой 2–6 м, его площадка имеет вытянутую с запада на восток форму и размеры 140 × 70 м.

За 5 лет исследований на поселении раскопана площадь 98 кв. м и получена коллекция из 4925 находок, в том числе 958 фрагментов лепной керамики, 3607 кремневых артефактов, 348 фрагментов кальцинированных костей и 12 каменных отщепов.

Почвы на исследуемом участке в основном песчаные. Прослежены шесть стратиграфических слоев. Археологический материал залегает в 3–5 слоях, на глубине от 0.09 до 0.88 м. В центральной части памятника разновременные артефакты смешаны и равномерно распределены по всей площади раскопа, их стратиграфическое разделение не представляется возможным. Там же выявлены восемь объектов. Семь из них представляют собой углубления в материковой поверхности естественного происхождения, один – каменную выкладку.

Иная ситуация наблюдается в шурфе 3 в северо-западной части стоянки: в контактной зоне слоев 3–4 и слое 5 выявлены раннеолитические материалы, в размещении которых прослеживается зональность.

Кремневые артефакты. В качестве сырья местное население использовало в основном светло-серый и серый с вкраплениями местный валунный кремль с тонкой до 1 мм меловой коркой. Его выходы обнаружены вверх по течению р. Неман, в 2.5–3 км от стоянки. Значительно реже встречаются заготовки и изделия из темно-серого, почти черного сырья (менее 5%), выходы которого в окрестностях памятника не выявлены.

Значительную часть кремневой коллекции составляютdebitаж и технические сколы (более 90%). Орудийный набор включает треугольные наконечники стрел, заготовки черешковых наконечников, тесло, долото, проколки и прокрутки, резцы, скребки, скребла, выемчатые орудия, продукты контрударного расщепления, комбинированные орудия, ретушированные пластины, отщепы и сколы. Кроме того, найдены 1 вкладыш, 2 трапеции, 30 фрагментов неопределимых орудий, а также 35 нуклеусов.

Керамика. Собрано 958 фрагментов лепной керамики, которую можно разделить на 6 групп.

1) Керамика припятско-неманской культуры (ПНК). В тесте присутствуют минеральные и волокнистые органические примеси. Поверхность со следами расчесов. Несколько фрагментов украшены гусеничным орнаментом, наколами, вдавлениями, есть сквозные отверстия.

2) Керамика лысогорского этапа неманской культуры (НК). Тесто хорошо вымешано, примеси – песок и мелкая дресва. Гладкостенная. Орнамент – линейный штамп.

3) Керамики доброборского этапа НК. Примесь – разнoзернистая дресва. Поверх-

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.16-17

ность сосудов хорошо заглажена, имеет легкую подштриховку внутри и снаружи. Орнамент – круглые наколы, насечки.

4) Керамика круга культур шнуровой керамики (КШК). Примеси – разнотельная дрсва и песок. Наружная поверхность сосудов имеет легкую подштриховку. Орнаментация – отпечатки шнура и наколы, налепной валик под краем венчика.

5) Небольшие фрагменты лепной керамики, размеры и степень сохранности которых не позволяют идентифицировать ее культурную принадлежность. Примесь в тесте – разнотельная дрсва. На внешней поверхности черепков имеется легкая подштриховка.

6) Керамика бронзового века. Примесь в тесте – средняя и крупная дрсва. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов имеет следы подштриховки. Культурная принадлежность неясна. Хронологически принадлежит, скорее всего, к эпохе поздней бронзы.

Анализ материалов позволяет предположить, что заселение территории стоянки произошло в раннем неолите носителями ПНК. По мнению М.М. Чернявского, ПНК сформировалась на основе местного мезолитического населения под воздействием импульса с востока (Черняўскі, 2003. С. 29). В пользу этой версии свидетельствует наличие в нижних слоях шурфа 3 вместе с фрагментами керамики ПНК кремневого инвентаря мезолитического облика – трапеции, треугольник, пластина со скошенным ретушью концом, регулярные пластины.

Более поздние неолитические материалы Барово 5 указывают, скорее, на сочетание черт нескольких культурных традиций. Органические примеси в глиняном тесте заменяют минеральные. Среди орнаментации фиксируется линейный косой штамп, образующий пояса. В кремневом инвентаре появляются треугольные наконечники с прямым и вогнутым основанием, пластины, ретушированные по периметру. Это может свидетельствовать о развитии НК на основе местного раннеолитического населения под воздействием носителей культур польского «лесного неолита» и культуры воронковидных кубков (КВК) (Черняўскі, 2001. С. 235, 240). В то же время ряд исследователей отмечают идентичность некоторых признаков, в частности, линейного штампа, КВК и культуры шаровидных амфор (КША) (Чебрешук и др., 2003. С. 38; Зуева, 2011. С. 12), поэтому нельзя исключить вероятность прямого или опосредованного влияния последней. М.М. Чернявский, в свою очередь, признает воздействие КША на позднем (доброборском) этапе НК наравне с КШК (Черняўскі, 2011. С. 52, 55).

Последняя группа неолитической керамики на памятнике представлена фрагментами стенок с минеральной примесью в тесте и легкой подштриховкой наружной поверхности, с отпечатками шнура и наколами. Появление подобных сосудов В.Л. Лакиза связывает с влиянием Циркумбалтийского культурного круга и выделяет их в группу памятников Бершты-Русаково, возникшую при непосредственном участии КША (Лакиза, 2008. С. 147–150).

Таким образом, материал, представленный на стоянке Барово 5, свидетельствует о заселении памятника в раннем неолите носителями ПНК. Дальнейшая эволюция местного населения шла под влиянием культур польского «лесного неолита», КВК, КША и КШК, что привело к формированию на его основе самобытной НК и характерной группы КШК.

Зуева А.У., 2011. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі і яе роля ў развіцці супольнасцяў III — пачатку II тыс. да н.э. Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск. 24 с.

Лакиза В.Л., 2008. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мінск. 343 с.

Черняўскі М.М., 2001. Неаліт з грабенчата-накольчатой і кольчатой керамікі Заходняй Беларусі. Асаблівасці эвалюцыі // *Od neolityzacji do początków epoki brązu*. Poznań. P. 231–240.

Черняўскі М., 2003. Да пытання вылучэння прыпяцка-нёманскай раннеалітычнай культуры // *Гісторыка-археалагічны зборнік*. № 18. Мінск. С. 25–33.

Черняўскі М.М., 2011. Каменны век Беларусі: ілюстраваны канспект лекцый. Мінск. 135 с.

Чебрешук Я., Шмит М., 2003. К исследованию среднеевропейских факторов процесса культурных перемен в лесной зоне Восточной Европы в III тыс. до н.э. // *Гісторыка-археалагічны зборнік*. № 18. Мінск. С. 34–51.

ИЖМА-ТОМСКИЙ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАЙОН ПРИПЕЧОРЬЯ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТА

Исследования памятников мезолита в Северном Приуралье проводятся с 1950-х годов. Следует отметить, что материалы бассейна Печоры на данный момент изучены и опубликованы менее, чем вычегодского бассейна (Волокитин, 1997). В долине Печоры раскопаны лишь памятники Топыд-Нюр 5 и Топыд-Нюр 7. Остальные представлены сборами и материалами из разведочных шурфов. На р. Ижме, левом притоке р. Печоры, В.Е. Лузгиным раскопана стоянка Турунюр 1 (Лузгин, 1972), А.В. Волокитиным – два жилищных комплекса стоянки Лек-Леса 1 с датировкой 9010±70 (Ле-3607) (Волокитин, 2005), им же при участии автора исследуются с 2010 г. два мезолитических культурных горизонта многослойного памятника Вылыс Том 2 (Волокитин и др., 2013; Волокитин, Степанова, 2017). Радиоуглеродные даты этих горизонтов, близких по показателям индустрий, различаются между собой в пределах одного-двух десятков лет и имеют значение 8,7 тыс. углеродных лет назад (Волокитин и др., 2014). Указанные памятники расположены компактно в окрестностях пос. Том Ижемского района Республики Коми, образуя так называемый Ижма-Томский геоархеологический микрорайон.

На данный момент Ижма-Томский геоархеологический микрорайон – единственный в Северном Приуралье с тремя раскопанными достаточной площадью мезолитическими памятниками. При этом горизонты Вылыс Тома 2 относятся к так называемой западной традиции мезолита европейского Северо-Востока (Волокитин, Волокитина, 2016), занимая промежуточное положение по хронологии между стоянками Парч 1 и Парч 2 на Вычегде и комплексом топыднюрских стоянок на Печоре, а Лек-Леса 1 – опорный памятник приуральской традиции (Волокитин, Грибченко, 2014).

В 2017 г. в микрорайоне были проведены разведочные работы, в результате которых открыты местонахождения Улыс Том 4 и Очью катище, датированные эпохой мезолита (Волокитина, 2017). В 2018 г. на них осуществлена шурфовка, имеющая целью определение культурных остатков и границ их распространения. Несмотря на небольшой объем раскопанной площади и количество полученных материалов, можно достаточно уверенно высказаться о принадлежности стоянок к известным в регионе культурам.

Оба рассматриваемых памятника, как и исследованные в микрорайоне ранее, находятся на правобережье р. Ижма. Они располагаются на второй надпойменной (боровая) террасе. Стоянка Улыс Том 4 примыкает к северной окраине пос. Том в 3 км севернее памятника Вылыс Том 2 и в 10 км южнее стоянки Лек-Леса 1. Общее число находок здесь – 38 экз. Среди них преобладают узкие кремневые пластины и их обломки, в том числе с ретушью, есть микропластинки. В коллекции присутствуют косоусеченная и прямоусеченная пластинки с вентральной ретушью по краям.

Стоянка Очью катище находится в 2 км южнее памятника Вылыс Том 2. Помимо значительного количества находок из кремня (191 экз.) здесь обнаружены фаунистические остатки хорошей сохранности, что является редким исключением для археологических памятников региона. Большая их часть принадлежит мелким млекопитающим; фрагмент крупной трубчатой кости имеет серию нарезок. В коллекции присутствуют дистальный сегмент нуклеуса, нуклеусы в завершающей стадии расщепления, скол подживления площадки нуклеуса, а также резец на сечении пластины, резцовые ощепки, скребок, обломок скребла или скребловидного орудия. Обращает на себя внимание наличие на стоянке Очью Катище большого количества сечений и фрагментов очень крупных пластин. Серией представлены сечения крупных пластин с нерегулярной краевой ретушью и мелкими резцовыми сколами. Такое количество крупных и очень крупных пластин, в том числе неправильных, имеющих нерегулярную ретушь, характерно для мезолитических горизонтов памятника Вылыс Том 2.

Несомненный интерес вызывает то обстоятельство, что находки стоянки Очю Катище обнаруживают сходство с материалами памятника Вылыс Том 2, а стоянки Улыс Том 4 – с материалами стоянки Лек-Леса 1.

- Волокитин А.В., 1997. Мезолит // Археология Республики Коми. М., С. 91–145.
- Волокитин А.В., 2005. Мезолитический памятник Лек-Леса 1 на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: ACADEMIA. С. 198–205.
- Волокитин А.В., Андреичева Л.Н., Зарецкая Н.Е., 2013. Геоархеологические исследования на р. Ижме: многослойная стоянка Вылыс Том 2 // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. № 8 (244). С. 13–18.
- Волокитин А.В., Волокитина Н.А., 2016. Место каменной индустрии 3 и 4 культурных горизонтов памятника Вылыс Том 2 в мезолите Приуралья // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь: ПермГУ. С. 86–90.
- Волокитин А.В., Грибченко Ю.Н., 2014. Север Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография / Отв. ред. В.М. Котляков, А.А. Величко, С.А. Васильев. М.: ГЕОС. С. 73–98
- Волокитин А.В., Панин А.В., Арсланов Х.А., 2014. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. № 3. С. 42–46.
- Волокитин А.В., Степанова К.Н., 2017. Ударно-абразивные орудия для обработки кости третьего культурного горизонта археологического памятника Вылыс Том 2 на р. Ижме // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. № 6. С. 201–206.
- Волокитина Н.А., 2017. Археологические исследования в Ижемском районе Республики Коми в 2017 году // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 20-й научной конференции. Т. XX. Сыктывкар: Геопринт. С. 156–159.
- Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.: Наука. 125 с.

Ф.Ф. Гилязов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
filatgiljazov12@gmail.com*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФОНА РАЗВИТИЯ ОРЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Исследователи отводят памятникам раннего неолита Нижнего Поволжья, в силу их малочисленности, особую роль. Еще большее значение имеют стоянки с непотревоженным культурным слоем. Одна из них – стоянка Алгай, расположенная на правом берегу р. Б. Узень в Александровогайском районе Саратовской области (Выборнов и др., 2015).

Результаты проведенных на этом памятнике в 2014–2018 гг. изысканий позволили расширить представления об эпохе неолита в регионе (Юдин и др., 2016). Площадь раскопа составила 144 кв. м, толщина культурного слоя достигала 1,8 м. Балласт, образовавшийся в результате строительства котлована, составляет 30–40 см (Гилязов, Курбатова, 2018. С. 123). Были изучены характерные признаки орловской культуры и получены данные к реконструкции палеогеографических условий существования населения степного Заволжья в неолитическую эпоху.

М.А. Кулькова на стратиграфических разрезах стоянки Алгай провела детальные почвенные исследования культурных слоев, отложившихся в неолите и на рубеже неолитической эпохи. На глубине 147–130 см выявлен гумусированный лессовидный суглинок, в котором найдены артефакты орловской культуры. Климатические условия периода формирования данного слоя характеризуются как гумидные и теплые. В отложениях фиксируется высокая антропогенная нагрузка, связанная с появлением носителей орловской культуры. Радиоуглеродный возраст этого слоя от 5800 до 5650 cal BC.

¹ Работа выполнена в рамках проекта 33.1907.2019/ПЧ Государственного задания Министерства образования и науки РФ.

На глубине 130–90 см залегает светло-коричневый лессовидный суглинок. На глубине 132–127 см прослеживается прослойка более светлого цвета, которая практически не содержит находок. Затем располагается культурный слой, содержащий артефакты раннего этапа орловской культуры. Регистрируется повышение антропогенной активности, климатические условия характеризуются как теплые, с тенденцией к аридизации. Человек в это время обитал в условиях полупустыни, где господствовали злаково-пыльняные группировки, широко были представлены сообщества маревых. Даты, полученные с глубины 130–120 см, ложатся в диапазон от 5600 до 5470 cal BC.

Для слоя, залегающего на глубине 120–113 см, прослеживается уменьшение антропогенной нагрузки. Климатические условия, соответствующие этому периоду, более сухие и прохладные. Затем начинается средний этап орловской культуры. Начало формирования соответствующего ему слоя совпадает с увеличением температуры и влажности. Культурные отложения датируются 5350–5120 cal BC. Этот период был наиболее благоприятным для обитания на стоянке, что подтверждается мощностью культурного слоя и высокой степенью его насыщенности керамикой, каменными изделиями и костями животных. Аналогичная картина наблюдается и для Варфоломеевской стоянки, расположенной в 60 км от стоянки Алгай (Юдин, 2004).

Отложения на глубине 100–90 см, вторая половина слоя, соответствующего среднему этапу орловской культуры, формировались в умеренно прохладных условиях, при увеличении аридизации климата. Судя по результатам радиоуглеродного анализа костей животных, рассматриваемый слой имеет даты 5120–5050 cal BC.

Формирование залегающего выше светло-бежевого лессовидного суглинка происходило, судя по геохимическим данным, в режиме максимальной аридизации. Здесь фиксируется низкая антропогенная активность.

Следующий этап повышенной антропогенной активности прослеживается в слое на глубине 80–55 см. Радиоуглеродный возраст артефактов из этого слоя 4900–4366 cal BC. Климатические условия в начале периода характеризуются как влажные и прохладные, в конце его начинается потепление.

Все культурные слои образовались в атлантический период, внутри которого происходили изменения климатических условий от более холодных к более теплым и наоборот. Эти колебания, несомненно, влияли на процессы почвообразования, замедляя или ускоряя их. Нельзя исключать, что кроме хозяйственных факторов формированию подвижного образа жизни населения могла способствовать резкая смена климата.

Таким образом, на основе геохимического анализа, проведенного М.А. Кульковой, мы можем сопоставить почвенные горизонты с культурными слоями и стерильными прослойками, соотнести их с этапами развития орловской культуры, уточнить хронологические рамки этих процессов.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С., 2015. Новые данные по неолиту – энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского НЦ РАН. Т. 17. № 3. С. 235–241.

Гилязов Ф.Ф., Курбатова Л.А., 2018. Комплексный анализ неолитической стоянки Алгай в Нижнем Поволжье // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. СПб., С. 123–125.

Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 200 с.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник № 3 (16). С. 61–69.

УДАЛЕННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Свидетельства транспортировки каменного сырья на большие расстояния неандертальцами имеются в разных регионах Европы. Такая мобильность фиксируется на стоянках во Франции, Германии, Польше, Чехии, Венгрии, Италии, Грузии и России (Roebroeks et al., 1988; Feblot-Augustins, 1997; Slimak, Giraud, 2007; Porraz, Negrino, 2008; Doronicheva et al., 2016). К сожалению, эти результаты пока не были должным образом обобщены и интерпретированы.

Этнографические исследования показывают, что общества современных охотников-собирателей, как правило, характеризуются очень высокой мобильностью. Л. Бинфорд (Binford, 1980) предложил различать два типа мобильности: «круговую» (circulating) и «радиальную» (radiating). Исследователи также отмечают, что доисторические племена могли практиковать одновременно и тот, и другой тип мобильности в зависимости от времени года (Hovers, 2001).

Поступление неместного сырья на стоянки неандертальцев многие авторы связывают с добычей других жизненно важных ресурсов, таких как животная и растительная пища (напр., Roebroeks et al., 1988). Это подтверждается результатами анализа охотничьих стратегий. Неандертальцы Северо-Западного Кавказа были охотниками на мигрирующих стадных копытных животных, преимущественно на бизонов и горных козлов (Голованова, Дороничев, 2005). Такая система жизнеобеспечения предполагает активную мобильность групп неандертальцев в рамках их ресурсной территории.

Выделяют также социальные и экономические причины, влияющие на мобильность и организацию поселений. Р. Уоллон (Whallon, 2006) определяет четыре типа мобильности охотников-собирателей: 1 – переселенческая; 2 – снабженческая; 3 – социальная (посещение родственников и т.п.); 4 – информационная (посещение священных мест и т.п.). Исследователь подчеркивает, что четкие границы между ними могут отсутствовать.

К. Гэмбл (Gamble, 1999) предложил выделять три основных уровня социальных связей у охотников-собирателей, характеристики которых дополнены другими исследователями (Whallon, 2006; Borić, Cristiani, 2016): 1) близкие отношения с группой около 5 человек (семья); 2) эффективные контакты с группой около 20–25 человек, связанных общим происхождением и/или местом проживания; 3) расширенные связи с группой около 100–400 человек, которые обычно основаны на общих культурных традициях и репродуктивных механизмах. Эта модель предполагает три радиуса мобильности людей по отношению к месту их стоянки: менее 200 км (перемещение сырья, необходимого для производства орудий); 200–300 км (социальные контакты и обмен); более 300 км (церемониальные и ритуальные связи) (Borić, Cristiani, 2016). Внутри крупных объединений мог происходить обмен знаниями и обучение, что нашло отражение в сходстве материальной культуры на больших территориях (Gamble, 1999), а также обмен сырьем (Borić, Cristiani, 2016).

Основываясь на последних данных о высокой мобильности и развитой социальной организации неандертальцев (Slimak, Giraud, 2007; Porraz, Negrino, 2008; Дороничева, 2017), некоторые авторы высказывают мнение, что транспортировка каменного сырья на большие расстояния не должна включаться в понятие «поведения современного типа», так как она не является исключительной чертой поведения человека современного типа

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Взаимодействие человека и природы в древности на Центральном Кавказе: динамика изменения природной среды и технологические новации, адаптации систем жизнеобеспечения», грант РФФИ №17-78-20082.

в эпоху верхнего палеолита. Безусловно, только дальнейшие исследования стратегий жизнеобеспечения в среднем палеолите, в том числе связанных с сырьевыми стратегиями, помогут прояснить характер мобильности и социальных связей неандертальцев.

- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 5. Краснодар. С. 3–72.
- Дороничева Е.В., 2017. Мобильность древнего человека в среднем и позднем палеолите // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: *Материалы международной археологической конференции*. Краснодар: ИП Смородин. С. 87–92.
- Binford R.L., 1980. Willow Smoke and Dogs' Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation. *American Antiquity*. № 45. P. 4–20.
- Borić D., Cristiani E., 2016. Social networks and connectivity among the Paleolithic and Mesolithic foragers of the Balkans and Italy // *Southeast Europe before Neolithisation. Proceedings of the International workshop within the Collaborative Research Centers SFB 1070 "RessourcenKulturen" Schloss Hohentübingen*. Vol. 1. Tübingen: Universität Tübingen. P. 73–112.
- Doronicheva E.V., Kulkova M.A., Shackley M.S., 2013. Exploitation of lithic raw material in the Northwestern Caucasus Upper Paleolithic // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 41 (2). P. 40–53.
- Féblot-Augustins J., 1997. La circulation des matières premières au Paléolithique. Synthèse des données perspectives comportementales. T. I. Liège: *Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège*. N. 75.
- Gamble C., 1999. *The Palaeolithic Societies of Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hovers E., 2001. Territorial behavior in the Middle Paleolithic of the Southern Levant // *Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age / N.J. Conard (Ed.)*. Tübingen: Kerns Verlag. P. 123–152.
- Porraz G., Negrino F., 2008. Espaces économiques et approvisionnement minéral au paléolithique moyen dans l'aire Liguro-Provençale // *Bull. Mus. Anthropol. Préhist. Monaco. Suppl. N 1*. P. 29–39.
- Roebroeks W., Kolen J., Rensink E., 1988. Planning Depth, Anticipation and the Organization of Middle Palaeolithic Technology: The "Archaic Natives" meet Eve's Descendants // *Helinium*. Vol. XXVIII/1. P. 17–34.
- Slimak L., Giraud Y., 2007. Circulations sur plusieurs centaines de kilomètres durant le Paléolithique moyen. Contribution à la connaissance des sociétés néandertaliennes. *Comptes Rendus Palevol* 6 (5). P. 359–368.
- Whallon R., 2006. Social Networks and Information. Non-'Utilitarian' Mobility Among Hunter-Gatherers // *Journal of Anthropological Archaeology*. 25. P. 259–270.

А.М. Киселева

*Санкт-Петербургский государственный университет
aliakiseleva@mail.ru*

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ КАМЕННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ С ПОСЕЛЕНИЯ МАЯК 2 НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹

Поселение неолита – эпохи раннего металла Маяк 2 располагается в северной части Кольского полуострова на побережье Дроздовской губы Нокуевского залива Баренцева моря. Памятник был обнаружен в 1977 г. и исследовался до 1984 г. Кольской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной. Изучено в общей сложности более 1000 кв. м, зафиксированы остатки 12 жилых и хозяйственных сооружений (Гурина, 1997. С. 56). Благодаря большой вскрытой площади, хорошей сохранности органики и многочисленной коллекции артефактов памятник уникален для территории всей Северной Фенноскандии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Костяной и роговой инвентарь позднего неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: динамика развития» № 17-31-01070.

Мощность культурных отложений составляла от 20 до 80 см; на участках с большой мощностью количество горизонтов разборки культурного слоя доходило до четырех. Согласно Н.Н. Гуриной, неолитическим временем датируются материалы из четвертого горизонта в центральной части и второго-третьего горизонтов в южной части поселения. Остальные находки относятся к эпохе раннего металла (Гурина, 1997. С. 56–66). Для памятника имеется 12 радиоуглеродных дат, сделанных по древесному углю и нагару с фрагментов керамики. Они расположены в интервале 4728–1434 calBC (Гурина, 1997. С. 138; Мурашкин, Карпелан, 2013). К сожалению, находки при публикации не были разделены по комплексам или слоям; их датировка требует отдельного исследования.

Одной из самых многочисленных категорий орудий на поселении являются наконечники стрел из кремнистых пород, сланца и кварца. Всего насчитывается 156 изделий, включая заготовки и фрагменты. Больше всего найдено наконечников из сланца (98 экз.), они изготовлены с помощью двусторонней обработки и последующей шлифовки всей поверхности. Бифасов из кремнистых пород и кварца значительно меньше – 54 экз. и 4 экз. соответственно.

Типология наконечников строится с опорой на опыт предшествующих разработок для подобных материалов Северной Фенноскандии и Карелии (Гурина, 1978; Шумкин, 1984. С. 55–57; Helskog, 1983. P. 58–71; Tarasov, 2013).

На основании количественного распределения артефактов по их метрическим характеристикам можно выделить две группы: наконечники стрел и наконечники дротиков. Для наконечников дротиков из кремнистых пород условной границей является ширина изделия более 2 см, а для сланцевых – более 2,5 см. Типы выделены на основании сочетания двух групп признаков: конструкция пера (абрис, наличие или отсутствие шипов, сечение) и конструкция насада (наличие или отсутствие черешка, форма основания).

Среди орудий из кремнистых пород выделено семь типов наконечников стрел и три типа наконечников дротиков. Для сланцевых орудий выделяется четыре типа наконечников стрел и три типа наконечников дротиков. Кварцевые наконечники стрел представлены тремя типами. Все выделенные типы наконечников с поселения Маяк 2 находят

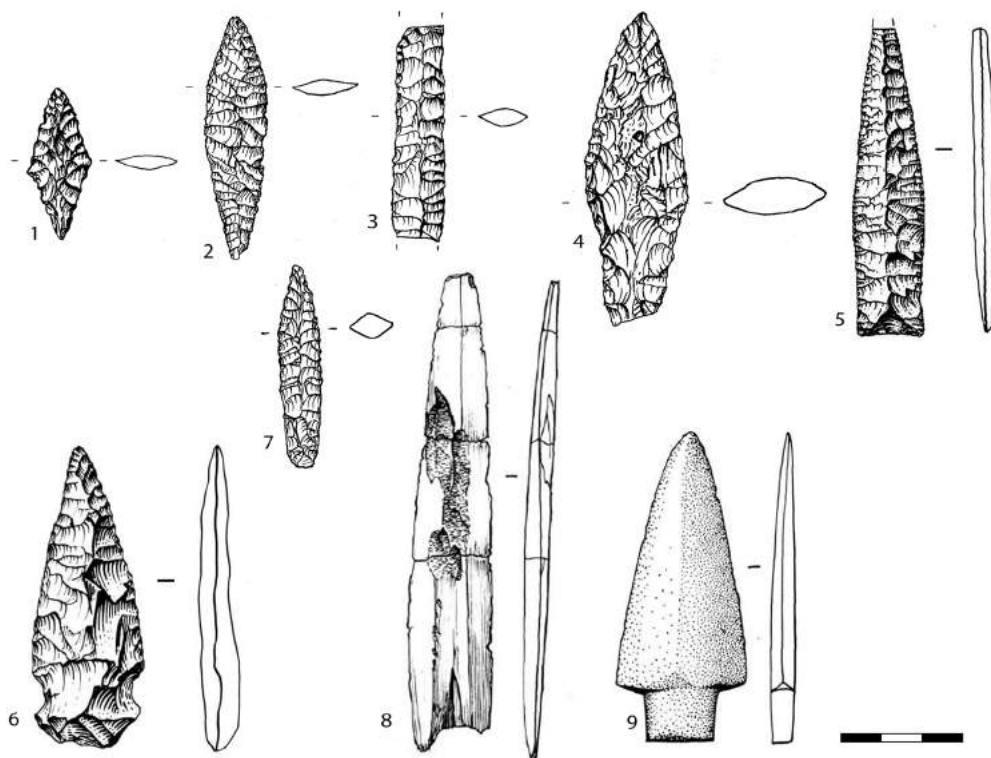

Рис. 1. Каменные наконечники с поселения Маяк 2. 1–7 – кремнистые породы; 8, 9 – сланец.

аналогии в памятниках северной Фенноскандии или Карелии, в том числе в «чистых комплексах». На основе этих аналогий можно определить примерную датировку изделий.

Самые ранние типы наконечников датируются эпохой неолита. Это листовидные наконечники без выделенного черешка, ромбовидные наконечники, со специально выделенными небольшими шипами-выступами (рис. 1: 1) и наконечники дротиков листовидной формы с черешком и без шипов (рис. 1: 4). Также к концу эпохи неолита обычно относят иволистные наконечники (рис. 1: 2) и наконечники с параллельными лезвиями (рис. 1: 3) с заостренным основанием. К ранним формам сланцевых изделий относятся листовидные наконечники стрел и дротиков со слабо выделенным черешком или без него, подобные орудия продолжают существовать и в более поздние периоды. К концу неолита относятся также стержневидные наконечники с ромбическим сечением (тип «ниельв» в норвежской литературе).

В эпоху раннего металла появляются иволистные и треугольные наконечники с вогнутым или прямым основанием (рис. 1: 5), наконечники дротиков, черешок которых оформлен двумя выемками (тип «сандбукт») (рис. 1: 6) и иволистными наконечниками с ромбическим сечением и пильчатой ретушью (рис. 1: 7). Среди сланцевых наконечников также появляются изделия с вогнутым основанием (тип «сундерой») (рис. 1: 8) и треугольные с хорошо выделенным черешком и шипами (рис. 1: 9).

Гурина Н.Н., 1978. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века. Киев: Наукова Думка. С. 57–69.

Гурина Н.Н., 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение. 240 с.

Мурашкин А.И., Карпелан К., 2013. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб.: СПбГУ. С. 200–207.

Шумкин В.Я., 1984. Каменная и костяная индустрии мезолита – раннего металла Кольского полуострова. Дисс.... канд. ист. наук. Л. 227 с.

Helskog E., 1983. The Iversfjord Locality. A Study of Behavioural Patterning during the Late Stone Age of Finnmark, North Norway // Tromsø Museums Skrifter, Vol. XIX. Tromsø: Tromsø Museum, Universitetet i Tromsø. 162 p.

Tarasov A., 2013. Typology and cultural-chronological variability of bifacially worked implements of siliceous rocks from the territory of Russian Karelia // Man, his time, artefacts, and places: collection of articles dedicated to Richard Indreko. Tartu. P. 347–386.

А.С. Кудашов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
aleksandr.kudashov@gmail.com*

СТОЯНКА СОКОЛЬНОЕ VII – НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕГО НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Памятник Сокольное VII обнаружен разведками В.В. Никитина в 1985 г. Стоянка находится на левом берегу р. Волги в 600 м к северо-западу от пос. Сокольный, на высокой (около 4 м) террасе ручья (Никитин, 2009. С. 87). В 2018 г. Археологической экспедицией СГСПУ под руководством А.А. Выборнова, К.М. Андреева, при непосредственном участии автора, на ней заложен раскоп площадью 39 кв. м. Работы проводились с использованием трехмерной фиксации находок и просеиванием извлеченного грунта.

Стратиграфия памятника следующая. Дерновый слой, черный песок с углистыми включениями, имеет мощность до 10 см. На глубине 10–15 см залегает подзол – рыхлый белесый песок, в котором встречаются единичные находки. На глубине от 15 до 40 см фиксируется верхняя часть культурного слоя, представленного темно-желтым (бурым)

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Минобрнауки РФ, проект №33.1907.2017/ПЧ «Традиционные и инновационные модели развития древнего населения Поволжья».

песком с черными углистыми вкраплениями. На глубине от 40 до 70 см залегает нижняя часть культурного слоя – желтый песок с редкими углистыми вкраплениями. Ниже 70 см выявлен материк, светло-желтый (белый при высыхании) песок с железистыми разводами.

Всего на стоянке Сокольное VII обнаружено 2555 артефактов. Кремневые изделия составляют 94,4% от числа находок (2412 единиц), керамика – 4,6% (118 единиц), кости – около 1% (18 единиц).

Кремень в основном коричневого, светло-коричневого, серого цвета, но имеется также желтый, бежевый, розовый, бордовый, вишневый, черный, в некоторых случаях двуцветный (например, серо-коричневый и др.). Среди обнаруженных артефактов присутствуют и изделия из опоки. На 436 кремневых находках (18% от всего комплекса) зафиксирована корка. Сами изделия из кремня небольших размеров – до 3 см в длину и ширину, более крупные экземпляры единичны. Отходы производства представлены чешуйками – 660 единиц (около 27%), отщепами – 1100 единиц (45.6%), кусками кремня – 30 единиц (1.3%) без ретуши, 531 осколок (22%), а также продольными сколами без ретуши и следов утилизации – 31 экземпляр (1.3%). На памятнике обнаружена 71 пластина или ее фрагмент (около 3% от всего каменного инвентаря); большая часть их имеет нерегулярную огранку, 64 – без ретуши, 7 – с ретушью, которая наносилась в основном по одной из граней с дорсальной стороны. Выявлены три нуклеуса: один аморфный и два фронтальных. В коллекции представлены два куса и девять сколов с регулярной краевой ретушью или следами утилизации, которые использовались в единичных операциях резания или строгания. Морфологически выраженные орудия (1.3% от всего каменного инвентаря) представлены: 8 наконечниками (подтреугольной, листовидной и иволистной формы), на которых краевая ретушь наносилась в основном с дорсальной стороны; 7 скребками (на пластинах и отщепах) нуклевидного, стрельчатого, концевого, углового и скошенного с выемкой типа; 9 угловыми резцами (лишь один двугранный); 5 ножами (4 саблевидных и один прямолезвийный); 1 проколкой; 1 деревообрабатывающим орудием (возможно, топор). Также в коллекции имеются два шлифованных обломка орудия с выемкой, возможно, утюжка.

Керамический комплекс стоянки Сокольное VII по количеству значительно уступает кремневому. Всего обнаружено 118 фрагментов керамики, размер которых не превышает 4 × 4 см. Толщина черепков в основном 0.4–0.5 см, единично 0.6–0.8 см. Почти вся керамика – с видимой примесью шамота. Внутренняя поверхность фрагментов заглажена, внешняя залощена. Посуда неорнаментированная или украшена разреженными наколами треугольной и округлой формы. По венчикам и орнаментированным стенкам можно выделить 14 сосудов. Венчики прямые, в основном с плоским, реже округлым срезом, один прикрытый со скошенным внутрь срезом. Неорнаментированная группа керамики представлена 5 сосудами, еще 8 сосудов украшены наколами округлой (6 шт.) или треугольной (2 шт.) формы. Мотивы орнамента простые, состоят из одного или нескольких горизонтальных или диагональных рядов наколов. Также в коллекции представлена придонная часть плоскодонного сосуда, орнаментированного короткими насечками.

Памятник Сокольное VII в целом укладывается в контекст марийского неолита, опорными для которого являются стоянки Дубовская III, VIII, Отарская VI, Сутырская V (Никитин, 2011), но имеет и ряд отличий. Это большое количество кремневого материала на площади раскопа (около 65 единиц на кв. м), относительно небольшое число морфологически выраженных орудий, значительное количество изделий с коркой и абсолютное преобладание отходов производства. Данные обстоятельства дают нам основание интерпретировать памятник Сокольное VII, как стоянку-мастерскую. Такому предположению не противоречит и весьма ограниченная керамическая коллекция. Стоит отметить, что неорнаментированные и накольчатые сосуды в Марийском регионе являются самыми древними (Никитин, 2013. С. 22, 23). Радиоуглеродные даты неорнаментированной посуды с других памятников определяют время ее существования в рамках конца VII – начала VI тыс. до н.э. (Васильева, Выборнов, 2015. С. 68–70).

- Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2015. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 68–98.
- Никитин В.В., 2009. Археологическая карта республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 416 с.
- Никитин В.В., 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Тр. МАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 470 с.
- Никитин В.В., 2013. Неолитизация лесного Волго-Камья // Поволжская археология. № 1 (3). С. 22–31.

А.М. Кузнецов, С.А. Когай
Иркутский государственный университет
golos_siberia@list.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КОСТЯНОМУ ИНВЕНТАРЮ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ-МАСТЕРСКОЙ ИМ. И.В. АРЕМБОВСКОГО (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 1989 г.)¹

Местонахождение им. И.В. Арембовского, расположенное на северо-восточной окраине г. Иркутска, раскапывалось в спасательном режиме в 1989 г. В результате полевых работ в позднекаргинских седиментах (МИС 3) было зафиксировано более 15 000 археологических находок. Фаунистические остатки (113 экз.) принадлежат видам *Mammuthus sp.*, *Equus sp.*, *Bos/Bison sp.*, *Rangifer tarandus*, что характерно для этого времени в регионе. Полученные датировки 25000 ± 280 ¹⁴C л.н. (UCIAMS–144530), 25960 ± 230 ¹⁴C л.н. (UCIAMS–144531) подтверждают возраст комплекса. Первичное расщепление было направлено на получение крупных пластин в системе плоскостного продольного и бипродольного скалывания. Немногочисленная орудийная коллекция представлена скреблами, скребками, остроконечниками, долотовидными изделиями, ретушированными пластинами и отщепами. Функционально местонахождение было атрибутировано как мастерская (Стратиграфия..., 1990. С. 69).

В 2015–2018 гг. материалы стоянки были пересмотрены, в результате чего выявлено роговое орудие, ранее не попавшее в фокус внимания исследователей. Оно представляет собой заостренный, полуовальный в профиле расколотый фрагмент рога северного оленя размерами 109 × 30 × 10 мм. Губчатая масса выбрана. На проксимальном конце фиксируются следы рубки под углом около 50°. На правом краю перпендикулярно к продольной оси изделия читается негатив крупного широкого скола. На левом краю – следы слома со стороны дистального конца. Дистальная приостренная часть несет следы забитости и негативы двух небольших продольных сколов (в одном случае со ступенчатым окончанием) на дорсальной поверхности. Верхний слой поверхности рога вследствие постдепозиционного кислотно-щелочного износа очень хрупкий, бугристый, отслаивающийся тонкими чешуйками. Негативы сколов затерты, слабо читаемы. Судя по углу поверхности кортикального слоя рога, составляющему около 45°, обработке подвергся свежий рог (Baumann, Maury, 2013. С. 602). Исходя из однородной текстуры поверхности слома, можно заключить, что использовалась техника расклинивания, предполагавшая расщепление клиновидным каменным орудием цилиндрической заготовки с торца. Негатив скола на правом краю говорит об ударном воздействии, направленном на формирование приостренной дистальной части. Продольные следы на дорсальной поверхности в дистальной части предположительно свидетельствуют об отжимной функции орудия, при которой линейные сколы образовывались от зацепа за край каменного артефакта (Жилин, 2012. С. 227). Обобщенные характеристики макротрасологических следов на артефакте предполагают следующую последовательность операций. Подходящий фрагмент рога северного оленя подрубался со всех сторон до губчатой массы, затем

¹ Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

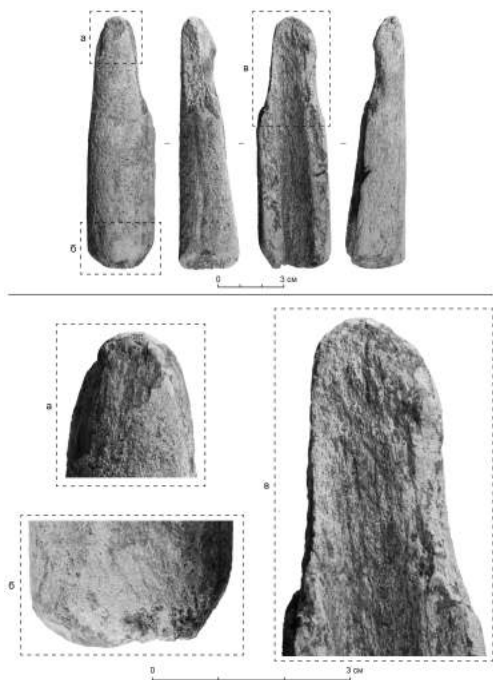

Рис. 1. Отжимной ретушер со стоянки-мастерской им. И.В. Арембовского (раскопки 1989 г.).

Рассматриваемое орудие, с одной стороны, по совокупности технико-типологических характеристик представляет собой отжимной ретушер, с другой, не соотносится с типичными проявлениями отжимной техники в каменной индустрии. Этому возможно предложить два объяснения. Первое состоит в том, что им пользовались для ретуширования пластин и орудий, присутствующих в коллекции. Второй вариант, учитывая функциональную специфику стоянки как мастерской, предполагает, что готовые бифасиальные изделия уносились с территории местонахождения.

Таким образом, в результате пересмотра старых коллекций выявлено первое свидетельство присутствия отжимного ретушера в раннем верхнем палеолите Приангарья.

Жилин М.Г., 2012. Роговые посредники и отжимники в мезолите Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 227. С. 223–232.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири, 1990. Иркутск: ИГУ. 165 с.

Baumann M., 2014. A l'ombre des feuilles de laurier, les équipements osseux solutréens du sud-ouest de la France. Apports et limites des collections anciennes. Thèse de doctorat soutenue le 10 décembre 2014 à l'université de Paris 1 – Panthéon-Sorbonne // Bulletin de la Société préhistorique française. Vol. 112-1. P. 152–154.

Baumann M., Maury S., 2013. Ideas no longer written in antler // Journal of Archaeological Science. Vol. 40. P. 601–614. doi: 10.1016/j.jas.2012.07.006.

Л.А. Курбатова

*Самарский государственный социально-педагогический университет
kurbatovaludmila.if@gmail.com*

КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СТОЯНОК ВАРФОЛОМЕЕВКА И АЛГАЙ

Одним из главных вопросов неолита Нижнего Поволжья был и остается вопрос о гончарном производстве. На данной территории исследователи выделяют орловскую культуру, получившую свое название от стоянки Орловка, исследованной В.И. Мамонтовым (Юдин, 1988. С. 144).

В 2014 г. работами на стоянке Алгай (Юдин и др., 2016) начался новый этап в изучении орловской культуры. Большое разнообразие предметов из органических материалов позволило получить для памятника радиоуглеродные даты. Находки из нижней части его культурного слоя близки комплексу слоя 2Б Варфоломеевской стоянки. Не противоречит этому дата, полученная по нагару с керамики, залегавшей на глубине 140 см – 6800±40 ВР. Она совпала с датой по нагару для слоя 2Б Варфоломеевки – 6850±40 ВР. Дополнительно валидность приведенных дат подтверждает радиоуглеродное определение кости с того же уровня – 6820±80 ВР, и дата по кости с вышележащего уровня – 6654±80 ВР (Выборнов и др., 2016. С. 64).

Находки в верхней части культурного слоя обладают признаками, позволяющими предполагать его более поздний возраст по сравнению с нижней частью и соотносить со слоем 2А и верхним слоем Варфоломеевской стоянки. Это подтверждается радиоуглеродной датой, полученной по костям животных с уровня 50–60 см – 5720±120 ВР. Сходная дата получена по нагару на керамике Варфоломеевской стоянки из слоя 2А – 5800±150 ВР.

В связи с отмеченными соответствиями слоев стоянок Алгай и Варфоломеевская встает вопрос о сходстве или различии данных памятников по керамическому инвентарю.

В слое 2Б Варфоломеевки наколами орнаментировано 63% сосудов, 29% – прочерками и 8% – их сочетанием. На стоянке Алгай в нижнем слое 69% сосудов с наколами, 13% украшены прочерками, 18% – их сочетанием (Курбатова, 2018б. С. 97). Среди орнаментальных композиций на стоянке Алгай самыми распространенными являются: зигзаг (45%), разреженные наколы (21%), прочерченные линии (16%). Также присутствуют ромбы (4%), шевроны (7%), косая решетка (7%). Последняя отмечена на стоянке Алгай в слоях 22, 28, а на Варфоломеевской стоянке – в слоях 130–150 см, 160–170 см, 170–180 см. Это граница верхнего и нижнего слоя на Алгае и слоя 2А и 2Б Варфоломеевской стоянки. Зигзаги же встречаются во всем нижнем слое Алгае и слое 2Б Варфоломеевки. По определениям И.Н. Васильевой, при изготовлении сосудов нижнего слоя стоянки Алгай основным сырьем были илестые глины и ил с примесью раковин пресноводных моллюсков (Васильева, 2018. С. 14). В слое 2Б Варфоломеевской стоянки сосуды изготавливались путем лоскутного налепа также из илов и илестых глин, с преимущественным добавлением дробленой раковины (Васильева, 2012. С. 14).

В слое 2А Варфоломеевской стоянки 80% сосудов орнаментировано наколами, 17% – прочерками, 3% – их сочетанием (Курбатова, 2018а. С. 52). В верхнем слое стоянки Алгай 77% сосудов орнаментировано наколами, 15% – прочерками и 8% – их сочетанием. Среди орнаментальных композиций самыми распространенными являются: зигзаг, сочетание зигзага и прямых линий, одиночные наколы, прочерченные линии, ромбы, шевроны. Посуда из рассматриваемого слоя Варфоломеевской стоянки изготавливали из илестых глин и глин с обильным добавлением дробленой раковины (Васильева, 2012. С. 12). Для керамики из верхнего слоя стоянки Алгай использовалась схожая технология изготовления. Толщина стенок в среднем 0.8 см и не зависит от материала, из которого изготовлен сосуд. Венчики от низа к верху становятся тоньше – от 0.9 до 0.6 см (Курбатова, 2018а. С. 53).

В Варфоломеевке в слое 2А на глубине 120–130 см появляются сосуды с напылом на внутренней стороне венчика. В слое 2Б они также присутствуют. Их количество варьируется от 12% до 36% от общего числа венчиков. На стоянке Алгай такие изделия отмечаются с 20 слоя и встречаются в слоях 24, 25, 26, 28, составляя 9–10% от общего числа венчиков. Орнаментация на внутренней стороне венчика представлена у сосудов данных памятников, в основном, наколами.

Таким образом, выявлен ряд общих черт керамики Варфоломеевской стоянки и стоянки Алгай: технология изготовления сосудов, толщина, доминирование накольчатого орнамента, орнаментальные композиции. Стоит отметить и отличия рассматриваемых керамических комплексов: на Варфоломеевской стоянке представлены сложные геометрические орнаментальные композиции, не имеющие аналогий на стоянке Алгай.

- Васильева И.Н., 2012. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи. Вып. 9 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ. С. 5–22.
- Васильева И.Н., 2018. Итоги технико-технологического анализа керамики стоянок Алгай и Орошаемое // XXI Уральское археологическое совещание / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ. С. 13–16.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Посснерт Г., Филиппсен Б., 2016. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 62–74.
- Курбатова Л.А., 2018а. Керамика орловской культуры Варфоломеевской стоянки // УПАСК / Отв. ред. С.Э. Зубов. Самара: Самарский университет. С. 50–54.
- Курбатова Л.А., 2018б. К вопросу о керамическом инвентаре неолитической стоянки Алгай (по итогам работ 2018 года) // Верхнедонской археологический сборник: материалы второй Всероссийской археолого-этнографической научной конференции с международным участием «Археология в исследованиях молодых». Вып. 10 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 97–100.
- Юдин А.И., 1988. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ. С. 142–173.
- Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. № 3 (16). С. 61–69.

Ю.М. Малахай

Донецкий национальный университет

Julia.Mal.2000@yandex.ua

ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ НУКЛЕУСОВ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ДОНБАССА

В пределах Донбасса и соседнего Северо-Восточного Приазовья исследовано значительное количество памятников позднего палеолита. Традиционно они относятся к трем условным культурным группам – «граветтоидной», «селетоидной» и «ориньякоидной» (Кротова, 1986. С. 60). Для Донбасса более характерны граветтоидные комплексы, ориентированные на получение крупных и средних по размерам пластин в качестве базовой заготовки для орудий. Основой для нашего анализа послужили коллекции опорных мастерских позднего палеолита: Висла Балка (более 17 тыс. кремней), Выдылыха (около 1 тыс. кремней) и Новоклиновка II (около 4 тыс. кремней). Материалы хранятся в фондах Донецкого республиканского краеведческого музея. Степень их опубликованности различная (Колесник и др., 2002; Колесник, 2015). Для некоторых мастерских проанализированы сопряженные методы расщепления кремня (Колесник, 2018). При работе с коллекциями автор продолжила ремонтаж продуктов расщепления и обратила внимание на дополнительные детали, которые уточняют полученную картину.

Методы торцового или слабовыпуклого расщепления основываются на эксплуатации нуклеусов разной конструкции. Они обеспечивали основные потребности людей позднего палеолита в пластинчатых заготовках (Колесник, 2015. С. 42). Торцовое скалывание базировалось на нуклеусах из крупных первичных отщепов, плоских кусков кремневой породы и так называемых нуклеусах-гигантолитах, произведенных в форме крупных заготовок с двусторонней оббивкой. Торцовые нуклеусы на отщепах массово представлены в материалах мастерской в Вислой Балке. Естественная форма первичных отщепов предопределяла дальнейшее клиновидное поперечное сечение нуклеуса и узкий рабочий фронт на одном из боковых участков. Все нуклеусы данной подгруппы одноплощадочные (Колесник и др., 2002. С. 98). Они были рассчитаны на скалывание мелких и средних по размеру пластин. Для производства крупных пластин предназначались нуклеусы в виде бифасов неправильного листовидно-овального вида, с двусторонней, реже односторонней оббивкой в индустрии мастерской Выдылыха (Колесник,

2015). Крупный скол с вершины заготовки вдоль одного из ребристых краев создал ударную площадку, предназначенную для скалывания крупной ребристой пластины вдоль (Гиря, 2000. С. 99). Заготовки нуклеусов-гигантолитов с уплощенным тылом и торцовым рабочим фронтом с одной площадкой в основном имеют килевидное основание. С наиболее сложной версией технологии скалывания пластин связаны особые выпуклые ударные площадки с использованием приема «изолирования» и «освобождения». В частности, такая площадка отмечена на крупной ребристой пластине, сохранившейся в двух фрагментах (Колесник, 2017. С. 34). Подобные площадки встречаются в костенковской культуре и называются «костенковские шпоры» (Ефименко, 1958. С. 198). Проведенный нами ремонт показывает, что данная пластина также была сколота с нуклеуса-гигантолита, который на последней стадии обработки приобрел вид ядрища с уплощенным рабочим фронтом. Как видно, форма нуклеуса и приемы управления поверхностью скалывания существенно менялись в ходе расщепления.

Методы объемного расщепления включают простые и специфические последовательности раскалывания нуклеусов. В одной из хорошо представленных в материалах мастерских Донбасса серий нуклеусов в начальной стадии раскалывания роль заготовок выполняли массивные изделия в виде конвергентных скребел с гладкой или ретушированной площадкой-перемычкой (Висла Балка, Новоклиновка 2). Поперечное сечение заготовок плоско-выпуклое, площадки на широком конце образовывались несколькими способами сколом или же ретушировались. Сколы продольных слегка изогнутых ребер с односторонней огранкой, ориентированные на плоскую сторону заготовки, придавали корпусу нуклеуса первоначальную параллельную огранку, которая последовательно развивалась при систематическом отделении пластин и приводила, в конечном счете, к формированию одноплощадочного призматического нуклеуса. В одном из новых складней (мастерская Выдылыха) мне удалось установить, что одноплощадочные призматические нуклеусы с «круговым» рабочим фронтом могли стать итогом расщепления нуклеуса, произведенного из массивного первичного отщепа, у которого поперечными сколами были образованы два сходящихся скребловидных участка. В отличие от такого порядка расщепления, в торцовых нуклеусах из крупных первичных отщепов (Висла Балка и др.) «тыльная» сторона, противоположная торцовому фронту, дополнительно не обрабатывалась, что придавало нуклеусу клиновидную конструкцию.

Методы многоплощадочного (аморфного) расщепления представлены ограниченным количеством изделий. Нуклеусы массивные, без системно подготовленных площадок, имеющие нестрогие очертания и огранку, близкую к продольно-поперечной (Висла Балка). Расщепление было рассчитано на получение отщепов, достаточно широко востребованных при производстве каменных орудий со вторичной обработкой.

В целом для граветтоидного технокомплекса позднего палеолита Донбасса характерны сопряженные методы торцового, объемного и многоплощадочного расщепления нуклеусов, которые процессуально тесно переплетены между собой и отчетливо различимы только при анализе конечных продуктов расщепления.

Гиря Е.Ю., 2000. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Висла Балка в Подонцовье: технологический анализ пластинчатых сколов // Археологический альманах. Вып. 9. Донецк. С. 99–112.

Ефименко П.П., 1958. Костенки I. М.; Л. 452 с.

Колесник А.В., 2015. Ремонт торцового нуклеуса позднего палеолита из мастерской Выдылыха // Святогірський альманах 2015. Донецьк: «Донбас», ТОВ ПА «Ваш імідж». С. 181–186.

Колесник А.В., 2017. Кремнеобрабатывающее производство Большого Донбасса в каменном веке / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 42 с.

Колесник А.В., 2018. Сопряженная группа методов расщепления нуклеусов в мастерских позднего палеолита Донбасса // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 477–485.

Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Гиря Е.Ю., 2002. Морфология продуктов первичного расщепления и краткий технологический анализ // Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах. № 11. Донецк. С. 13–98.

Кротова А.А., 1986. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Востока Украины // Кротова А.А., Зализняк Л.Л., Неприна В.И. Памятники каменного века Левобережной Украины. К. С. 6–73.

Н.В. Манько

*Донецкий национальный университет
nikita_manko98@mail.ru*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕ ОБРАБОТАННЫХ ИЗДЕЛИЙ В ИНВЕНТАРЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ДОНБАССА

В период неолита Донбасс формируется как крупный европейский центр по добыче и переработке минеральных ресурсов (Колесник, 2004. С. 199). Технология изготовления каменных орудий на данной территории весьма разнообразна, что четко прослеживается по составу находок на многочисленных мастерских и ряде поселений. Важное место в составе инвентаря занимают орудия с двусторонней обработкой. Данный тип изделий в основном представлен наконечниками, а также специфическими типами макролитов – теслами и топорами-резаками. Важно отметить и тот факт, что во многих случаях на мастерских «бифасальную» стадию обработки проходили заготовки одноплощадочных призматических нуклеусов. Как правило, подобные изделия имеют сформированную систему продольных ребер, впоследствии использующихся для скалывания ребристых пластин, определявших параллельную огранку рабочего фронта.

Однако если при анализе законченных орудий представляется возможным если не идентифицировать, то, по крайней мере, интерпретировать их морфологический тип, то при изучении изделий, оставшихся по тем или иным причинам на стадии заготовки и не имеющих четко выраженной формы, нередко возникает проблема с их типологическим определением. «В таком случае приходится исходить из производственного профиля памятника, конкретного технолого-морфологического контекста его индустрии» (Матюхин, 1995. С. 23). Одним из вариантов подобного технолого-морфологического анализа является определение коэффициента сечения заготовок с двусторонней обработкой по формуле: толщина / ширина * 100%. Коэффициент сечения широко применяется в археологии каменного века. В частности, он стал основой для вычисления коэффициента массивности сколов, по Н.К. Анисюткину (Анисюткин, 1968. С. 5–8). Массивность сколов предоставляет дополнительные основания для разделения индустрий раннего и позднего палеолита. По данным Э. Кэллэхена и Е.Ю. Гири, коэффициент сечения важен для характеристики первичного и вторичного утончения орудий с двусторонней обработкой (Гиря, 1997). Диагностический потенциал этого простого коэффициента проявляется и при первичной дифференциации заготовок изделий с двусторонней обработкой, происходящих из мастерских.

В нашем случае в качестве базы данных для попыток дифференциации функциональных классов изделий была использована выборка заготовок бифасов из пунктов 1, 4 и 7 комплекса мастерских по обработке кремня у с. Красное в Северо-Западном Донбассе (Цвейбель, 1967). Всего коэффициент сечения был просчитан у 37 двусторонне обработанных экземпляров различных заготовок (табл. 1). Установлено, что среди них

Табл. 1. Коэффициент сечения заготовок бифасов из пунктов 1, 4 и 7 комплекса мастерских по обработке кремня у с. Красное

До 10%	До 20%	До 30%	До 40%	До 50%	До 60%	До 70%	До 80%	До 90%	До 100%	Более 100%
-	-	4	5	10	7	8	2	-	-	1
Всего: 37 экз.										

Табл. 2. Коэффициент сечения топоров-резаков и тесел, обнаруженных на неолитических памятниках Ильичевка и Чернецкое озеро

№	Ширина орудия	Толщина орудия	Коэффициент сечения
1	6.7	3.5	52.2%
2	4.6	2.5	54.3%
3	5	2.5	50%
4	3.5	1.7	48.5%
5	3	1.6	53.3%
6	7.5	4.4	58.6%
7	6.5	3	46.1%
8	4.7	2.5	53.1%
9	5	3.5	70%
10	7.7	5	64.9%
11	6.4	3.5	54.6%
12	4.8	2.2	45.8%

преобладают изделия с коэффициентом 50–70%, в незначительном количестве представлены заготовки со значением 30–40%, и единичны образцы с коэффициентом сечения до 100% и выше.

Вероятно, изделия с коэффициентом сечения до 70% являются ничем иным, как заготовками орудий. Это предположение подтверждается результатами анализа выборки из 12 предметов, происходящих из неолитических стоянок Донбасса (Кравець, 1989. С. 78, 79; Колесник, 2018. С. 212–214): коэффициент сечения орудий, определенных как топоры-резаки и тесла, составляет 50–70% (табл. 2). Изделия с коэффициентом сечения до 40% могут быть заготовками наконечников, а с коэффициентом около 100% и более – заготовками призматических нуклеусов. Однако при подобном анализе необходимо учитывать факт того, что технология изготовления двусторонне оббитых орудий предполагает процесс неоднократного утончения корпуса орудия в процессе его эксплуатации.

Таким образом, определение коэффициента сечения имеет значительный потенциал при анализе двусторонне обработанных орудий неолитической эпохи, происходящих из мастерских по первичной обработке кремня, а также стоянок.

Анисюткин Н.К., 1968. Дополнения к методике обработки нижнепалеолитических комплексов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л. С. 5–8.

Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч 2. СПб. 198 с.

Колесник А.В., 2004. Донбасс как древнейший добывающий и обрабатывающий центр // Донецкий археологический сборник. Вып. 11. Донецк. С. 199–201.

Колесник А.В., 2018. Кремнеобрабатывающее производство Большого Донбасса в каменном веке. Дис.... докт. ист. наук: в 3-х т. Т.1. СПб. 341 с. <http://www.archeo.ru/>

Кравець Д.П., 1989. Нові знахідки крем'яних сокир в Середній Донеччині // Археологія. № 1. С. 78–83.

Матюхин А.Е., 1995. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // РА. № 3. С. 13–27.

Цвейбель Д.С., 1967. Отчет о проведении полевых работ студентами исторического факультета Донецкого госуниверситета у с. Красное в 1965 и 1967 гг. // Архив Музея археологии при ДонНУ.

Д.В. Марченко*, Е.П. Рыбин**, А.М. Хаценович**

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
dasha-smychagina@yandex.ru

**Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

**К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХАРАКТЕРА ФОРМИРОВАНИЯ
И СОХРАННОСТИ КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИХ ОТЛОЖЕНИЙ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК В ГОРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОЙ СТРАТИГРАФИИ И ПЛАНИГРАФИИ ПАМЯТНИКА
ТОЛБОР-4 (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)¹**

Толбор-4 является опорным памятником для верхнего палеолита Северной Монголии. Стоянка расположена на пологом склоне делювиального шлейфа близ р. Их-Тулбэрийн-Гол, притока р. Селенги. В результате исследований 2017 г. выявлена следующая стратиграфия:

1. Комплекс голоценовых почв – 0.3-0.45 м.
2. Лессы с включением гравия (<5 %), доля которого возрастает вниз по слою – 0.1–0.2 м.
3. Рыхлые коричневатые иловатые супеси, возможно, переработанные, с легкой степенью гумусации – 0.05–0.2 м.
4. Линзы солифлюцированных лессовидных отложений, верхние границы обозначаются прослоями глыбовника и плиток местных пород – до 0,5 м.
5. Плотные белые и коричневые слойки солифлюцированных иловатых отложений с редкими включениями гравия и желваков – 0.4 м.
6. Рыхлые серые солифлюцированные иловатые супеси с включением гравия. Видимая мощность – 0.1 м (Рыбин и др., 2017. С. 202–205).

Каменные артефакты обнаружены в литологических подразделениях 1–5. Полученные к настоящему моменту датировки (Деревянко и др., 2013. С. 21–37) демонстрируют значительный перерыв в осадконакоплении между слоями 3 и 4. Он приходится на временной интервал от 26 до 14.5 некалиброванных тыс. л.н. и включает в себя финал каргинского межледниковья, начало и максимум сартанского оледенения. Исследованиями, проведенными в 2017 г. (Рыбин и др., 2017. С. 202–205), установлено, что горизонт 4, образованный солифлюцированными отложениями, разделяется на подгоризонты (4А, 4В и 4С). Не исключено, что эти подгоризонты являются наложенными друг на друга седиментами, отражающими солифлюкционные события. Структура слоя 5 образована прослоями, имеющими ламинарный характер, возможно, связанными с более спокойным режимом осадконакопления. Указанные напластования представляют собой субгоризонтальные чередующиеся прослойки белесоватых и серых суглинков толщиной от 1 до 3 см, сформированные в результате низкоэнергетических склоновых движений седиментов. Учитывая непростую историю формирования отложений этого важного памятника, актуальной является проблема соотношения выделенных культурных подразделений между собой с учетом сложной стратиграфической ситуации.

С целью уточнения культурно-стратиграфической последовательности нами проанализированы материалы новейших исследований (Рыбин и др., 2017). В раскопе площадью 3 кв. м зафиксировано 953 артефакта. Уклон поверхности склона в южном направлении – около 10°.

Одним из инструментов изучения культурных слоев и процессов, влиявших на них, является анализ направлений залегания артефактов (McPherron, 2005. P. 1003–1014). Такой анализ был выполнен по каждому из слоев, выделенных в полевой документации 2017 г. (табл. 1). К сожалению, материалы более ранних раскопок не позволяют провести подобное исследование.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-00591А.

Табл. 1. Результаты анализа направлений удлиненных артефактов памятника Толбор-4

Слой	Кол-во удлиненных артефактов, экз.	Всего артефактов в слое, экз.	Доминирующая ориентировка	Вертикально стоящих (с углом погружения более 65°), экз.	%	С углом погружения менее 10°, экз.	%
2	8	100	СЗ–ЮВ	2	25	4	50
3	24	155	С–Ю	0	0	10	42
4А	21	186	С–Ю	2	9.5	13	62
4В	28	149	В–З	2	7.1	12	43
4С	17	60	нет	0	0	16	94
4С/05	51	179	нет	1	2	39	76
5	19	90	СЗ–ЮВ	1	5.3	12	63

В слое 3 артефакты имеют доминирующую ориентировку север – юг, но в северной части раскопа выделяется небольшая группа предметов с иной ориентировкой. Вертикальный угол наклона у них больше, чем у остальных. Среди удлиненных артефактов слоя 4А также доминирует ориентировка север – юг. Почти треть из них имеет угол погружения более 25° и группируется в северной части раскопа. В слое 4В ориентировка артефактов меняется – преобладает направление восток–запад. Залегание материала в целом более спокойное, чем в вышележащем слое, за исключением двух вертикально стоящих находок в центральной части раскопа. Их положение, вероятно, связано с морозобойной трещиной в нижележащем горизонте. Удлиненные артефакты в слое 4С не имеют доминирующей ориентировки, при этом почти все они залегают горизонтально. Близкие показатели имеет и прослой, переходный между слоями 4С и 5. Среди удлиненных артефактов слоя 5 преобладает ориентация северо-запад – юго-восток.

Суммируя результаты проведенного анализа, можно сделать следующие выводы. В слое 3 выделяется зона, в которой залегание артефактов нарушено. Совпадение в слоях 3 и 4А участков с наибольшим углом погружения находок позволяет предположить, что предметы из нижележащего слоя (4А) являются материалом либо вышележащего (3), либо другого слоя, вовлеченным в солифлюцированный поток. В обоих случаях они переотложены. Следующий по глубине слой, 4В, характеризуется иной ориентировкой и более спокойным положением удлиненных артефактов, что говорит о самостоятельности его образования. Слои 4С и 4С/5 имеют очень близкие показатели, что свидетельствует об общих условиях их формирования в спокойном режиме осадко-накопления и бытования в погребенном состоянии без солифлюкционных нарушений.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Цыбанков А.А., Олсен Д., 2013. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (56). С. 21–37.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсүрэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Звинс Н., Лхундэв Г., Маргад-Эрдэнэ Г., 2017. Хроностратиграфические исследования стоянки Толбор-4 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 202–205.

McPherron S.J.P., 2005. Artifact orientations and site formation processes from total station proveniences // Journal of Archaeological Science. Vol. 32. P. 1003–1014.

**ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ МЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
ПЛАСТИНЧАТЫХ СКОЛОВ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КAVKAZA
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЗМАЙСКОЙ ПЕЩЕРЫ)**

Стратиграфическая колонка Мезмайской пещеры включает восемь слоев эпохи верхнего палеолита. Они датируются в интервале от 42/38 до 12 тыс. л.н. Для всех верхнепалеолитических слоев Мезмайской пещеры характерна пластинчатая технология расщепления каменного сырья, направленная преимущественно на получение пластинок и микропластинок.

В рамках изучения технологии расщепления был проведен анализ размерных характеристик (ширина, толщина, относительная толщина (толщина / ширина * 100%)) значительной выборки пластинчатых сколов из слоев позднего верхнего палеолита (слои 1A2, 1A1/1A2, 1A1) и эпипалеолита (слой 1-3) Мезмайской пещеры. Они датируются в интервале от 30/29 до 13/12 тыс. л.н. (Голованова, 2009; Golovanova et al., 2014).

Слой 1-3 имеет мощность около 50 см и состоит из 9 четко выраженных горизонтов золы и тепла (Голованова, Дороничев, 2012). Календарный возраст верхнего горизонта составляет около 12 тыс. л.н (Голованова и др., 2016). Горизонт 9 датируется в интервале 15–16 тыс. л.н. (Голованова, Дороничев, 2012).

Из-за большой мощности этого слоя пластинчатый компонент в количестве 1484 предметов рассматривался по горизонтам. Была измерена длина, ширина, толщина 3268 пластинчатых сколов: из слоя 1A2 – 810 предметов, 368 пластин, пластинок и микропластинок из слоя 1A1/1A2, 606 сколов-заготовок из слоя 1A1 и 1484 сколов из слоя 1-3.

Длина. Подавляющее большинство сколов в верхнепалеолитических слоях Мезмайской пещеры фрагментировано (в слое 1A2 – 80.0%, 1A1/1A2 – 76.4%, 1A1 – 82.4%, 1-3 – 89.1%). Длина целых сколов колеблется в интервале от 8 до 70 мм. Высокая степень фрагментации пластинчатых сколов не позволяет использовать эту характеристику для анализа.

Ширина. Во всех верхнепалеолитических слоях Мезмайской пещеры ширина пластинчатых сколов не превышает 25 мм (табл. 1). При этом заметно меняется распределение сколов по ширине (рис. 1: 1–6). Для слоя 1-3 характерно меньшее число микропластинок шириной до 5 мм и более высокий процент пластин шириной более 10 мм, чем в нижележащих слоях.

Толщина сколов. Колеблется в интервале от 0,3 до 15 мм. Минимальное значение отмечено в горизонте 4 слоя 1-3, максимальное – в горизонте 9 слоя 1-3 (табл. 2).

Относительная толщина сколов. Для оценки изменения пропорций пластинчатых сколов дополнительно был введен параметр относительной толщины. Изменение относительной толщины сколов показано на графике (рис. 1: 7).

Анализ метрических параметров позволил выявить ряд закономерностей. От ранних слоев 1A2–1A1/1A2 к верхним горизонтам слоя 1-3 увеличивается среднее значение ширины скола-заготовки. Если в слоях 1A2 и 1A1/1A2 средняя ширина составляет 7.4 и 7.2 мм, то для пластинчатых сколов из слоя 1A1 и нижних горизонтов слоя 1-3 этот показатель равен 8.3, 8.1 и 8.2 мм. Максимальное среднее значение ширины пластинчатых сколов зафиксировано в горизонтах 1 и 2 слоя 1-3 – 9.2 и 8.9 мм соответственно.

Еще сильнее изменяется среднее значение относительной толщины скола. В слоях 1A2 и 1A1/1A2 она составляет 36% и 32% соответственно. Относительная толщина пластинчатых сколов в слое 1A1 и горизонтах 8–9 слоя 1-3: 30.9%, 29% и 27.5%, соответственно. В верхних горизонтах слоя 1-3 зафиксировано минимальное значение этого показателя – 25%.

Табл. 1. Ширина пластинчатых сколов в верхнепалеолитических слоях Мезмайской пещеры

Слой	1A2	1A1/ 1A2	1A1	1-3 г.9	1-3 г.8	1-3 г.7	1-3 г.6	1-3 г.5	1-3 г.4	1-3 г.3	1-3 г.2	1-3 г.1
Ширина min, мм	1.9	1.4	1.6	1.4	2.3	2.2	2.2	2.1	1.9	2.4	2.1	2.3
Ширина max, мм	23.9	24.7	23.4	23.5	18.5	17.9	23.3	18.6	17.4	24.6	20.9	21.1
Средняя ширина, мм	7.4	7.2	8.3	8.1	8.26	7.75	8.9	7.4	7.54	8.9	8.9	9.2

Табл. 2. Толщина пластинчатых сколов в верхнепалеолитических слоях Мезмайской пещеры

Слой	1A2	1A1/ 1A2	1A1	1-3 г.9	1-3 г.8	1-3 г.7	1-3 г.6	1-3 г.5	1-3 г.4	1-3 г.3	1-3 г.2	1-3 г.1
Толщина min, мм	0.5	0.5	0.4	0.6	0.5	0.7	0.7	0.6	0.3	0.5	0.4	0.5
Толщина max, мм	12.1	8.8	10.8	14.8	7.4	10.6	7.0	9.4	7.35	10.7	9.0	8.0
Средняя толщина, мм	2.3	2.3	2.4	2.5	2.2	1.8	2.4	2.0	2.16	2.7	2.31	2.3

Попарное сравнение размеров пластинчатых сколов с использованием t- критерия Стьюдента и U-критерия Мана – Уитни (расчеты выполнены с помощью пакета программ Statistica 08) по ширине, толщине и относительной толщине показало отсутствие статистически значимых различий по ширине и относительной толщине между сколами из слоев 1A2 и 1A1/1A2, близость сколов из слоя 1A1 из горизонтов 8–9 слоя 1-3, и горизонтов 1 и 2 слоя 1-3. Это подтверждает неслучайный характер выявленных тенденций.

Описанное выше изменение размеров пластинчатых сколов могло быть вызвано действием нескольких факторов или их сочетанием: появление типов орудий, для изготовления которых необходимы сколы определенных размеров; изменение модели утилизации нуклеусов; изменение источников сырья; тип стоянки (долговременного обитания, кратковременный охотничий лагерь и т.п.). Наиболее вероятным кажется изменение размерных характеристик пластинчатых сколов в результате развития технологии расщепления, в частности, изменения техники скола.

Для объяснения выявленных закономерностей использованы данные, полученные в результате экспериментов.

В настоящее время для палеолита определяется несколько способов получения сколов-заготовок: техника прямого удара с использованием минерального отбойника (жесткого или мягкого), прямой удар органическим (мягким) отбойником, техника удара через посредник и техника простого отжима (без использования рычага). Каждый из этих способов характеризуется набором метрических и морфологических признаков (Павленок Г., Павленок К., 2014).

Данные экспериментов, опубликованных П.В. Волковым и Е.Ю. Гирей (Волков, Гиря, 1990), показывают, что сколы, полученные в технике ручного отжима, могут иметь максимальную ширину не более 15 мм, при среднем значении 8–10 мм. Более детальные опыты Ж. Пелегрини свидетельствуют, что максимальная ширина пластинчатого скола, полученного простым отжимом, не превышает 20 мм. При этом минимальная ширина сколов колеблется от 2 до 5 мм для разных способов отжима (Pelegrin, 2012).

Ширина сколов, снятых прямым ударом, практически не ограничена и зависит от размеров нуклеуса, веса отбойника и силы удара. Таким образом, диапазоны ширины сколов, полученных разными способами, в значительной степени перекрываются.

К сожалению, в настоящее время почти отсутствуют публикации результатов экспериментов, в которых приводились бы данные по метрическим характеристикам крупных серий сколов, полученных при помощи той или иной техники скалывания. При этом

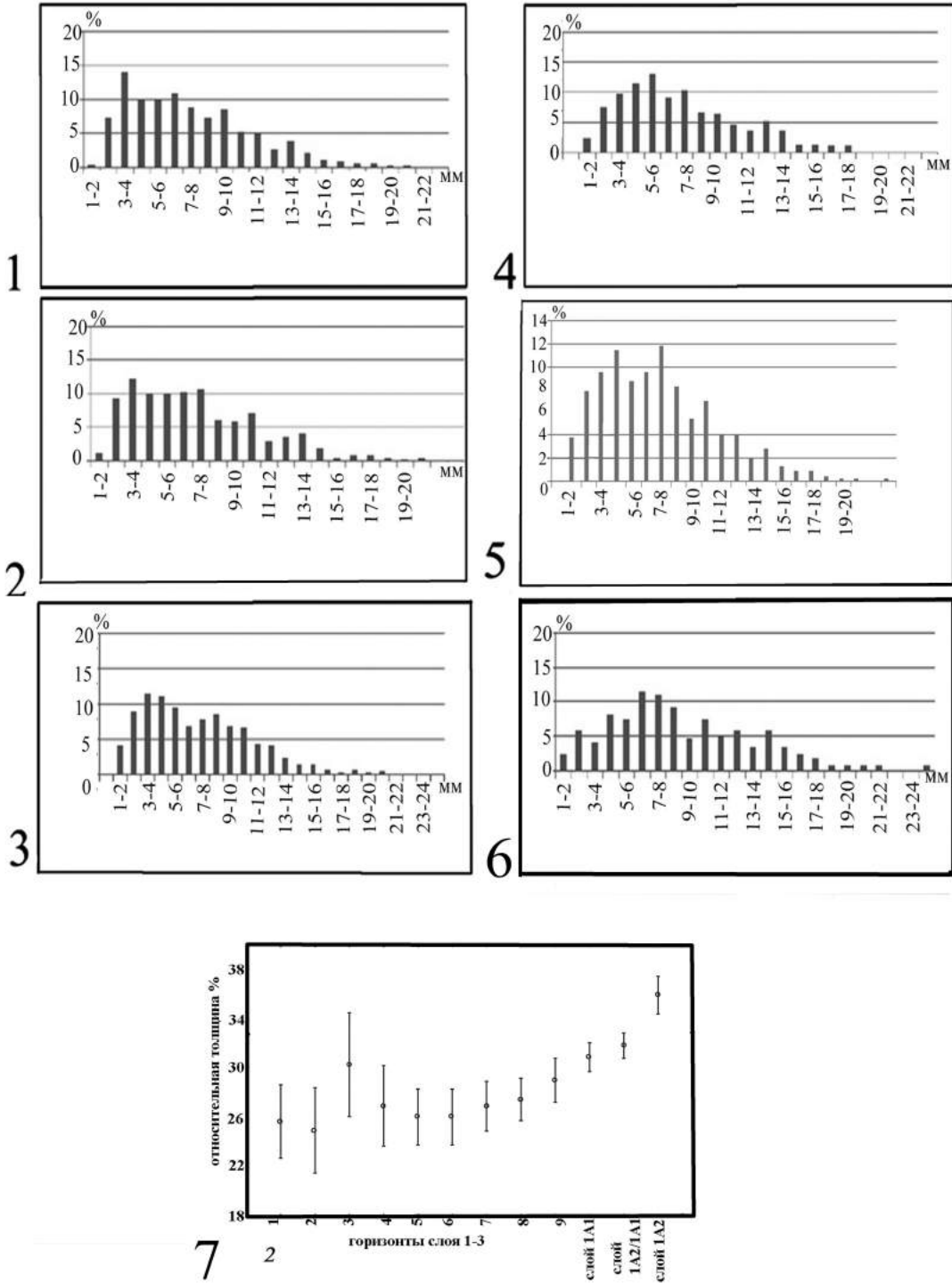

Рис. 1. Распределение пластинчатых сколов из верхнепалеолитических и эппалеолитических слоев Мезмайской пещеры по ширине.

1 – слой 1A2; 2 – слой 1A1/1A2; 3 – слой 1A1; 4 – горизонты 8–9 слоя 1-3; 5 – горизонты 3–7 слоя 1-3; 7 – изменение относительной толщины пластинчатых сколов в слоях верхнего палеолита и эппалеолита Мезмайской пещеры.

общепризнанным среди археологов-экспериментаторов является тот факт, что пластинчатые заготовки, сделанные в технике отжима, при равной ширине тоньше и длиннее, чем сколы, полученные с использованием ударных техник скалывания (Павленок Г., Павленок К., 2014).

На основании приведенных экспериментальных данных можно предварительно предполагать, что выделенные на материалах Мезмайской пещеры тенденции изменения средних размеров и пропорций пластинчатых заготовок могут быть связаны с развитием техники скола. Для достоверного подтверждения этого, однако, необходим детальный анализ не только метрических, но и морфологических признаков, а также создание репрезентативных экспериментальных серий сколов, полученных с использованием разных техник скалывания.

- Волков В.П., Гирия Е.Ю., 1990. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств / Отв. ред. А.Н. Соловьев, С.А. Гладышев. Новосибирск. С. 38–56.
- Голованова Л.В., 2009. Динамика изменения среды и культуры в позднем палеолите Северо-Западного Кавказа // Пятая Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Изд-во КубГУ. С. 8–84.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 59–102.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Спасовский Ю.Н., 2016. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры // РА. № 3. С. 5–19.
- Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 5. С. 26–36.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Kulkova M.A., and Spasovskiy Yu.N., 2014. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // Quaternary International. 337 (2014). P. 189–224.
- Pelegrin J., 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // The Emergence of Pressure Blade Making / Ed. P.M. Desrosiers. New York: Springer, P. 465–501.

А.С. Попов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Asya.samara@gmail.com*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ РАННЕГО НЕОЛИТА ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

Эпоха раннего неолита вызывает особый интерес у исследователей. В это время происходят существенные изменения в способе ведения хозяйства, появляются керамика и новые технологии обработки камня. Одной из черт раннего неолита рассматриваемой территории является наличие геометрических микролитов различных форм. Они присутствуют в неолитических коллекциях Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья, а также на памятниках Нижнего Подонья Ракушечный яр и Раздорская II.

К раннему неолиту Северного Прикаспия исследователи относят стоянки Кугат IV и Кулугайси. На первой обнаружено 18 сегментов, 9 параллелограммов и 1 трапеция. На втором 2 сегмента, 3 параллелограмма и 1 трапеция (Козин, Комаров, 1989. С. 9. Рис. 1). Ранний возраст памятников подтверждается радиоуглеродными датами: 7680±100 ВР для Кугата IV и 7380±120 ВР для Кулугайси. Более поздней считается стоянка Каиршак III, для которой имеется дата 7230±90 ВР. С нее происходит 4475 изделий из кремня. С вторичной обработкой преобладают скребки различных форм на отщепах и пластинах – 1390 экземпляров. Вторая по численности группа – геометрические микро-

¹ Работа выполнена в рамках гранта №33.1907.2017/ПЧ.

литы. К сегментам можно отнести 50 изделий, из них с двусторонней обработкой дуги – 43. К трапециям причислены 6 экземпляров, к треугольникам – 3 (Васильев и др., 1989. С. 37. Рис. 12). Ряд исследователей относит их к наконечникам стрел, использовавшимся в качестве охотничьего инвентаря. Присутствие артефактов, связанных с охотой, может говорить о приоритетах в ведении хозяйства древнего населения. Это предположение подтверждает и остеологический материал, в котором обнаружено большое количество диких млекопитающих; преобладают кости кулана (Выборнов, 2008. С. 11).

Схожая ситуация наблюдается в Нижнем Поволжье. Здесь геометрические микролиты встречаются в ранненеолитическом слое Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004. С. 68. Рис. 45), а также на памятнике Алгай (Юдин и др., 2016. С. 66. Рис. 5) и в 3-м слое поселения Орошаемое (Выборнов и др., 2018. С. 215. Рис. 5). В остеологическом материале доминируют кости тура, велик процент костей сайги, тарпана, кулана, что также позволяет предполагать специализированную охоту.

Для коллекций Нижнего Подонья статистика следующая. По данным Т.Д. Белановской, нижние слои поселения Ракушечный Яр характеризуются отсутствием как микролитов, так и наконечников стрел (Белановская, 1995. С. 81). В ходе раскопок ранне-неолитических слоев памятника в 2016–2017 г. обнаружено 329 изделий из камня, из них с вторичной обработкой – всего 105. Первую по численности группу составляют острия (22 экз.), вторую – скребки (19 экз.), а геометрические микролиты представлены единственным экземпляром – трапецией со «струганной» спинкой (Городецкая, 2018. С. 157. Рис. 2). На стоянке Раздорская II картина иная. Здесь геометрические микролиты представлены в основном трапециями (272 экз.), сегментами (13 экз.) и треугольниками (4 экз.) (Горелик и др., 2014. С. 273. Рис. 21). Данный набор, однако, не характерен для памятников раннего неолита Нижнего Подонья в целом. По мнению В.В. Цыбрия, отмеченные различия объясняются более ранним возрастом стоянки Раздорская II.

В остеологическом материале Ракушечного Яра присутствуют кости как диких, так и домашних млекопитающих. Удалось определить 201 кость. Наибольшее количество останков принадлежит благородному оленю (Саблин, 2018. С. 160). Следует отметить, что памятник Ракушечный Яр исследован непосредственно в прибрежной зоне. В его коллекции обнаружено большое количество костей рыб и пресноводных моллюсков. Найденные категории орудий связаны в значительной степени с рыболовством и обработкой, а не с охотой. Этим в значительной степени объясняется и почти полное отсутствие на памятнике геометрических микролитов.

- Белановская Т.Д., 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.: СПбГУ. 200 с.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев; КГПУ. С. 18–46.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.
- Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Рослякова Н.В., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Попов А.С., Юдин А.И., Ойнонен М., Посснерт Г., Стрельцов М.А., 2018. Итоги исследования поселения Орошаемое в 2018 году // Самарский научный вестник. Т. 7. № 4 (25). С. 211–218.
- Горелик А.Ф., Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., 2014. О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки (к проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья) // *Stratum plus*. № 2. С. 247–282.
- Городецкая С.П., 2018. Каменный инвентарь ранне-неолитических слоев стоянки Ракушечный Яр (по материалам раскопок 2016–2017 годов) // Самарский научный вестник. Т. 7. № 3 (24). С. 153–160.
- Козин Е.В., Комаров А.М., 1989. Памятники ранне-неолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев; КГПИ. С. 6–18.
- Саблин М.В., 2018. Археозоологический анализ остеологического материала поселения Ракушечный Яр в контексте изучения хозяйства ранне-неолитического населения // Самарский научный вестник. Т. 7. № 4 (25). С. 160–165.

- Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 200 с.
- Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. № 3 (16). С. 61–68.

А.А. Пушкарь

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
nas.pushkar@gmail.com*

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ПРИМОРЬЯ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Одна из наиболее изученных культур, распространенных на территории Приморского края, – янковская. Она сменила несколько названий: «культура раковинных куч», «южноприморская», «сидиминская», получив свое нынешнее наименование в 1973 г. Менялась и хронологическая атрибуция культуры: ее относили к каменному веку, эпохе бронзы и, наконец, после получения железных находок, – к раннему железному веку.

Открытие рассматриваемых древностей относится к концу XIX в., когда на полуострове Сидими М.И. Янковский обнаружил остатки «раковинных куч». По этой находке культура и получила свое первоначальное название. Ее хронологическим определением заинтересовался В.П. Маргаритов. Он предположил, что культура раньше эпохи раннего средневековья. В.К. Арсеньев отнес «раковинные кучи» к каменному веку.

Исследования 1920 – 1930-х годов связаны с именами А.И. Разина и Л.Н. Иваньева. Большое внимание уделялось изучению инвентаря на поселениях, а также фаунистическим остаткам.

После создания Дальневосточной археологической экспедиции в 1953 г. изучением янковской культуры занялся А.П. Окладников. В свет вышли его статья «Приморье в I тысячелетии до нашей эры», монографии «Далекое прошлое Приморья» и «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока». В них было дано развернутое описание находок, сделана попытка датирования культуры, а также выделены варианты локализации памятников – «континентальный» и «прибрежный».

В 1986 г. вышла в свет совместная работа Ж.В. Андреевой, И.С. Жущиховской, Н.А. Кононеко «Янковская культура». Это единственная на данный момент обобщающая монография, в которой собраны и систематизированы данные по раскопкам и находкам.

Несмотря на то, что вплоть до настоящего времени исследователи уделяют янковской культуре пристальное внимание, широкомасштабные раскопки памятников с 1980-х годов не проводилось. Они возобновлены лишь в 2008 г., во многом из-за необходимости строительства крупных инфраструктурных сооружений. В ходе таких работ исследован памятник Солонцовая-2.

Памятник расположен в долине р. Солонцовой, в 4 км к юго-востоку от пос. Смоляниново. Открыт Б.В. Лазиним в 2016 г. Раскапывался А.Н. Поповым. Вскрытая площадь составляет более 2 тыс. кв. м. Выявлены материалы культур раннего железного века – янковской и кроуновской. Разрозненные фрагменты керамики принадлежат корейским иммигрантам и относятся к этнографической современности – концу XIX – началу XX в.

Объектом данного исследования является янковская керамика комплекса 11.1, который представляет собой промоину площадью 30 кв. м и глубиной 1 м, заполненную отходами в древности. Найдено 3748 фрагментов керамики, из которых 368 принадлежат верхним частям сосудов, 3257 – стенкам и 137 – доньям и придонным частям. Подавляющее большинство керамического материала сильно фрагментировано, что затрудняет его морфологическое определение. Однако по отдельным частям можно установить, что основные формы были следующие: низкогорлые и высокогорлые горшки, банки, миски и чаши на поддонах.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40101.

Венчики прямые или слегка отогнутые наружу, с округлой кромкой. Встречаются фрагменты Г-образной формы (5% от общего числа венчиков). У прямых венчиков орнамент расположен чуть ниже кромки, композиции составлены рядами горизонтальных прочерченных линий, наlepных или «выглаженных» валиков.

Основные элементы, присутствующие среди орнаментальных мотивов на тулове сосудов: наколы (2%) округлой, подтреугольной формы, прочерченные линии (31%), наlepные валики (67%). Они образуют различные композиции, в том числе геометрические.

Нижняя часть сосудов характеризуется плоскодонностью, наблюдается расширение от дна, иногда присутствует «закраина». Особый интерес вызывают узкие донья (8% от общего количества доньев) диаметром 2–4 см. Дно и придонная часть сосуда не орнаментированы.

В целом керамика Солонцовой-2 находит аналогии на таких памятниках, как Славянка-1, 2, Песчаный, Малая Подушечка. Один из типов встречающейся на перечисленных памятниках посуды – низкогорлые плоскодонные сосуды с отогнутыми наружу округлыми венчиками. Орнамент расположен на их верхних частях. Преобладают прочерченные линии, горизонтальные и вертикальные, в отдельных случаях образующие геометрический узор или «лесенку». Часто встречается наlep, который широко использовался древними гончарами и на памятнике Солонцовая-2. Особенностью изучаемого нами памятника является наличие большого количества узких донышек.

На данном этапе исследования можно заключить, что керамика комплекса 11.1 относится к янковской культуре раннего железного века. По основным характеристикам она не выделяется на фоне уже известных материалов. В дальнейшем предстоит определить технико-технологические показатели этой посуды и сопоставить комплекс полученных результатов с данными, имеющимися для других памятников янковской культуры.

Е.А. Ражева

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород
ek.razheva.novsu@mail.ru*

ЕЩЕ РАЗ О В.С. ПЕРЕДОЛЬСКОМ: ОТ «КОЛЮЧЕК-РАСТОПЫРОК» ДО СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ СТОЯНКИ КОЛОМЦЫ

В 1888 г. новгородский археолог-любитель Василий Степанович Передольский на собственные средства организовал раскопки в ур. Коломцы в шести верстах от Великого Новгорода на берегу оз. Ильмень у истока р. Волхов (Ражева, 2017. С. 163). Ему удалось обнаружить обширное неолитическое поселение, занимавшее полосу шириной от трех до пяти саженей (Иностранцев, 1905. С. 129). Работы на памятнике длились более десяти лет, было исследовано 1500 кв. саженей (0,69 га – *Е.Р.*). Обнаружено около 60 тыс. предметов каменного века, каждая находка считалась отдельно (Передольский, 1893. С. 55).

В 1893 г. к выставке в Николаевском дворце в Санкт-Петербурге В.С. Передольский подготовил книгу-путеводитель «Бытовые остатки насельников Ильменско Волховского державства и земель Велико Новгородского державства каменного века» с описаниями и объяснениями находок со стоянки Коломцы. В целях систематизации обнаруженных предметов старины их описания были объединены в главы в зависимости от использованного для их изготовления материала: камня различных пород, керамики, кости. Наиболее ярко мнение о монографии В.С. Передольского выразил А.А. Формозов: «Удачной ее назвать нельзя. Рисунков нет. Описывать каменные орудия автор не умел, употребляя нелепейшие термины, ... и был склонен к фантазиям» (Формозов, 2001. С. 228). В связи с этим целью данной работы является попытка систематизации и интерпретации имеющихся материалов стоянки Коломцы.

В.С. Передольский отмечал, что изделия из кости представлены целыми орудиями, заготовками и осколками орудий. Поделки тщательно оточенные, заостренные, на некоторых имеются просверленные дырочки или бороздки (Передольский, 1893. С. 58). Изделия длинные, «остро-округленные и плоско-заостренные», очевидно, проколки, иглы, ложила (Зими́на, 1996. С. 195). Охотничий и рыболовецкий инвентарь: гарпуны, наконечники стрел, рыболовные крючки, «отколы и обрезки челюстей и лопаток, обработанные в виде колючек-растопырок... для ужения крупной рыбы» путем насаживания на «колючку» лягушки или мелкой рыбы в качестве приманки (Передольский, 1893. С. 60). Название этому предмету не дано и по сей день. Аналогии ему происходят со стоянки Репище в Новгородской области – зубчатые односторонние острия (Зими́на, 1996. С. 195), внешне похожие на гарпун, но имевшие, вероятно, функции рыболовного крючка.

Изделия из камня выполнены из мягких горных пород и кремня. Имеющиеся на стоянках по р. Мста аналоги показывают, что сланцевые плитки служили для растирания чего-либо или же в качестве точильного камня (Зими́на, 1981. С. 30–42). «Землисто-железистые трубочки-домики болотного червя», собранные в «жилом перегное» и около шеи выявленного костяка (Передольский, 1893. С. 65) – пронизки (?). Аналогии им – янтарные украшения из погребений в ур. Репище (Зими́на, 1996. С. 194). Кремневые орудия В.С. Передольский выделил следующие: клинья (колуны), молоты (отбойники), рубила (топоры), струги (скобели), резак (резцы, скребки, ножи), разверстки и буравы (долота, сверла), и проч., носящие привычные названия: ножи, проколки, наконечники стрел и копий, преимущественно листовидные (Передольский, 1893. С. 74–79). Способ обработки – оббивка, на ближайших аналогах отмечены также ретушь и шлифование (Зими́на, 1981. С. 30–42). Как и на всех неолитических стоянках среднего течения р. Мсты, на стоянке Коломцы встречаются привески и пуговицы из красного янтаря (Передольский, 1893. С. 115).

Керамика лепная, с растительной примесью или с примесью дресвы – «лепили горшки от руки на болванках крупной травы или на валунах, хорошо округленных». Чаще всего встречаются: а) невысокие широкие плоскодонные сосуды; б) яйцевидные сосуды с выпуклым дном. Цвет – черный, белый, розоватый, красновато-кирпичный. Керамика орнаментирована, в основном ногтевыми и ямочными вдавлениями, «ячейчатый» узором, напоминающим соты, имеется отпечаток «плетёнку или первобытную ткань» (Передольский, 1893. С. 90–98). Она соответствует керамике мстинского I и III типа, по М.П. Зиминой (Зими́на, 1981. С. 19–28).

Прямыми аналогами материалов стоянки Коломцы являются находки со стоянок бассейна р. Мста: Репище, Усть-Валдайка II, Кончанское I; Приладожья: Усть-Рыбежна I, Узмень; Карелии: Кемь I, Челмушинская I; Валдая: Стан I, Троица. В связи с этим можно согласиться с выводом К.В. Воронина о том, что стоянка Коломцы может быть отнесена к мстинской археологической культуре, простирающейся от Южного Приладожья до истоков р. Мста, и датирована III тыс. до н.э. (Воронин, 1900. С. 39).

Воронин К.В., 1900. Новые находки на стоянке Коломцы // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород: Изд. РИО Упрполиграфиздат, С. 37–39.

Зими́на М.П., 1981. Неолит бассейна р. Мсты (публикация материалов). М.: Наука, 210 с.

Зими́на М.П., 1996. Мстинская культура // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. (Сер. Археология). М.: Наука. С. 193–198.

Иностранцев А.А., 1905. Отчет о поездках в местность «Коломцы» близ Новгорода // Изв. ИАК. Вып. 17. СПб. С. 127–132.

Передольский В.С., 1893. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского державства и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб.: Тип. А.С. Суворина. 339 с.

Ражева Е.А., 2017. В.С. Передольский – первооткрыватель древностей каменного века в Новгородской губернии // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых». Вып. 9 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 163–165.

В.А. Смагин

*Самарский государственный социально-педагогический университет
smagin.valera14@gmail.com*

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МИКРОЛИТОВ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Нижнее Поволжье включает в себя Северный Прикаспий и степное Поволжье. Геометрические микролиты присущи всем неолитическим памятникам на этой территории. Они представлены сегментами, трапециями, треугольниками, параллелограммами. Для стоянок Нижнего Поволжья получены радиоуглеродные даты. К раннему неолиту относят стоянки Кугат IV и Кулагайси (7680–7380 ВР), Каиршак III (7230–7100 ВР), Каиршак I (7100–7000 ВР) (Выборнов и др., 2016а. С. 58), Байбек (7000–6900 ВР) (Выборнов, 2017. С. 226). Поздняя группа в Северном Прикаспии представлена памятниками Тентексор I (6540 ВР) и Жеколган I (6566 ВР) (Выборнов и др., 2016а. С. 61). В степном Поволжье исследователи выделяют орловскую культуру. Опорным памятником для нее является Варфоломеевская стоянка, на которой выявлено несколько слоев: нижний (7200–7100 ВР), 2Б (7000–6800 ВР), 2А (6650–6540 ВР) и верхний (5800 ВР) (Выборнов и др., 2016б. С. 64). К данной культуре относят и новую неолитическую стоянку Алгай. Судя по серии полученных для нее дат, нижний уровень культурного слоя формировался в период 6800–6500 ВР (Выборнов и др., 2016б. С. 64). Находки в верхней части культурного слоя имеют дату 5720 ВР. Жизнь на указанных памятниках происходила примерно в одно время, благодаря чему появляется возможность проследить контакты населения и развитие традиции изготовления геометрических микролитов в неолите на рассматриваемых территориях.

На стоянке Кугат IV обнаружено 18 сегментов, 9 параллелограммов и 1 трапеция, на Кулагайси – 2 сегмента, 3 параллелограмма и одна трапеция. Оба памятника можно отнести к началу неолита, так как параллелограммы присущи мезолитическим комплексам Северного Прикаспия. К более позднему времени принадлежат стоянки Каиршак III, Байбек и Каиршак I. В коллекции первой из них представлено 50 сегментов, из которых 43 – с гелуанской ретушью, и 6 трапеций. На стоянке Каиршак I найдено 23 сегмента, из которых 21 – с гелуанской ретушью, и 4 трапеции. На Байбеке определено около 80 сегментов, а также 1 трапеция. К этому же периоду можно отнести материалы первого слоя Варфоломеевской стоянки, на которой обнаружены сегменты и трапеции, и артефакты нижнего слоя стоянки Алгай. На Алгае имеются трапеции со струганной спинкой (21 экз.), сегменты с односторонней (7 экз.) и гелуанской (7 экз.) ретушью. В самом низу отмечается преобладание сегментов, а количество трапеций увеличивается к верхнему горизонту.

Со следующим этапом в Северном Прикаспии связаны стоянки Тентексор I, где обнаружены 4 трапеции со струганной спинкой, и Жеколган I, где 12 трапеций: все, кроме одной, со струганной спинкой. В степном Поволжье к этому периоду относится слой 2Б Варфоломеевской стоянки и верхняя часть нижнего слоя памятника Алгай. В слое 2Б Варфоломеевки представлены сегменты и трапеции, причем все трапеции, в отличие от происходящих с нижележащего уровня, со струганной спинкой. Они обладают высокими пропорциями, а все сегменты – низкими. Ретушировались они как двусторонним, так и односторонним способом. На стоянке Алгай в верхнем горизонте нижнего культурного слоя значительно увеличивается количество трапеций со струганной спинкой. Отмечается их преобладание над сегментами (Юдин и др., 2016).

¹ Работа выполнена в рамках гранта: №33.1907.2017/ПЧ.

К завершающему этапу относятся слой 2А на Варфоломеевской стоянке и верхний слой Алгай. В них представлены сегменты и трапеции со струганной спинкой, последних больше. Например, в верхнем слое памятника Алгай обнаружено 25 трапеций и 20 сегментов, 10 из которых оформлены гелуанской ретушью.

На территории Нижнего Поволжья можно выделить несколько этапов развития традиции изготовления геометрических микролитов. На первом в Северном Прикаспии бытуют комплексы, включающие сегменты, трапеции и параллелограммы – реминисценции мезолита (Васильев и др., 1988. С. 28). В степном Поволжье такие памятники отсутствуют. Для второго этапа характерны комплексы с большим количеством сегментов как односторонних, так и двусторонне обработанных, а также небольшое количество трапеций, среди которых иногда встречаются экземпляры со струганной спинкой. В это время появляются памятники в степном Поволжье. На третьем этапе на стоянках отмечается преобладание трапеций со струганной спинкой. Сегменты присутствуют, но уже в меньшем количестве. На четвертом этапе существуют стоянки степного Поволжья, на которых наблюдается та же картина, что и в предшествующий период – преобладание трапеций над сегментами, причем все трапеции со струганной спинкой. Также стоит отметить, что для памятников степного Поволжья характерно присутствие трапеций со струганной спинкой и сегментов в одном слое, в то время как для Северного Прикаспия это редкость.

Таким образом, на территории Нижнего Поволжья можно выделить четыре этапа развития традиции изготовления геометрических микролитов, которые представляют собой эволюцию гомогенных комплексов. Традиция зародилась в Северном Прикаспии, а затем плавно продвинулась в степное Поволжье и продолжила свое развитие.

- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1988. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ. С. 3–42.
- Выборнов А.А., 2017. Хронология культурных процессов в неолите Северного Прикаспия // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [электронный ресурс]: сборник научных трудов / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. С. 225–227.
- Выборнов А.А., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Поснерт Г., 2016а. Радиоуглеродные данные по неолиту Северного Прикаспия // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 48–62.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Поснерт Г., Филиппсен Б., 2016б. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 62–74.
- Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. № 3 (16). С. 61–69.

А.В. Сомов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
somov.anatoly@gmail.com*

К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

На сегодняшний день известно около 40 памятников, содержащих керамику средневожской неолитической культуры. В данной работе керамике уделяется ключевое внимание ввиду того, что именно она является наиболее выразительным элементом при определении археологической культуры (Гурина, 1973).

Прежде чем переходить к непосредственному выделению ареала средневожского населения, необходимо охарактеризовать керамическую традицию. Сосуды прямостен-

¹ Работа выполнена в рамках проекта 33.1907.2019/ПЧ Государственного задания Министерства образования и науки РФ.

ные, внешняя и внутренняя поверхность в основном заглажена. Днища конические или плоские. Срез венчика преимущественно плоский, зачастую орнаментированный. Орнамент накольчатый и, в меньшей степени, прочерченный. Одной из характерных черт культуры является наличие ямочно-жемчужных вдавлений. Пластическое сырье близко елшанскому (илистые глины без естественной примеси раковины). В то же время у этой группы населения прослеживается традиция использования ила для изготовления сосудов (Васильева, 2018. С. 18). Аналогичная по технологии производства, но украшенная зубчатыми оттисками и ногтевидными насечками посуда представляет следующую фазу развития средневолжской культуры и является типично лесостепной традицией. Керамика из илов с добавлением преимущественно шамота, орнаментированная длинным гребенчатым штампом, отражает проникновение камской традиции в период бытования накольчато-зубчатых комплексов и является завершающей фазой развития средневолжской культуры (Сомов, Андреев, 2017. С. 185–187).

Указанные признаки хорошо выражены на памятниках самарского (Виловатое и Ивановка) и сокского (Ильинка и Лебяжинка IV) бассейнов Заволжья (Выборнов, 2008. С. 64–66, 72–84), что позволяет выделить их в ранний и поздний этапы средневолжской культуры. Несмотря на то, что накольчатые комплексы самарского бассейна имеют аналогии в нижневолжском материале (Сомов, Андреев, 2017. С. 186), их включение в ареал орловского населения не представляется возможным.

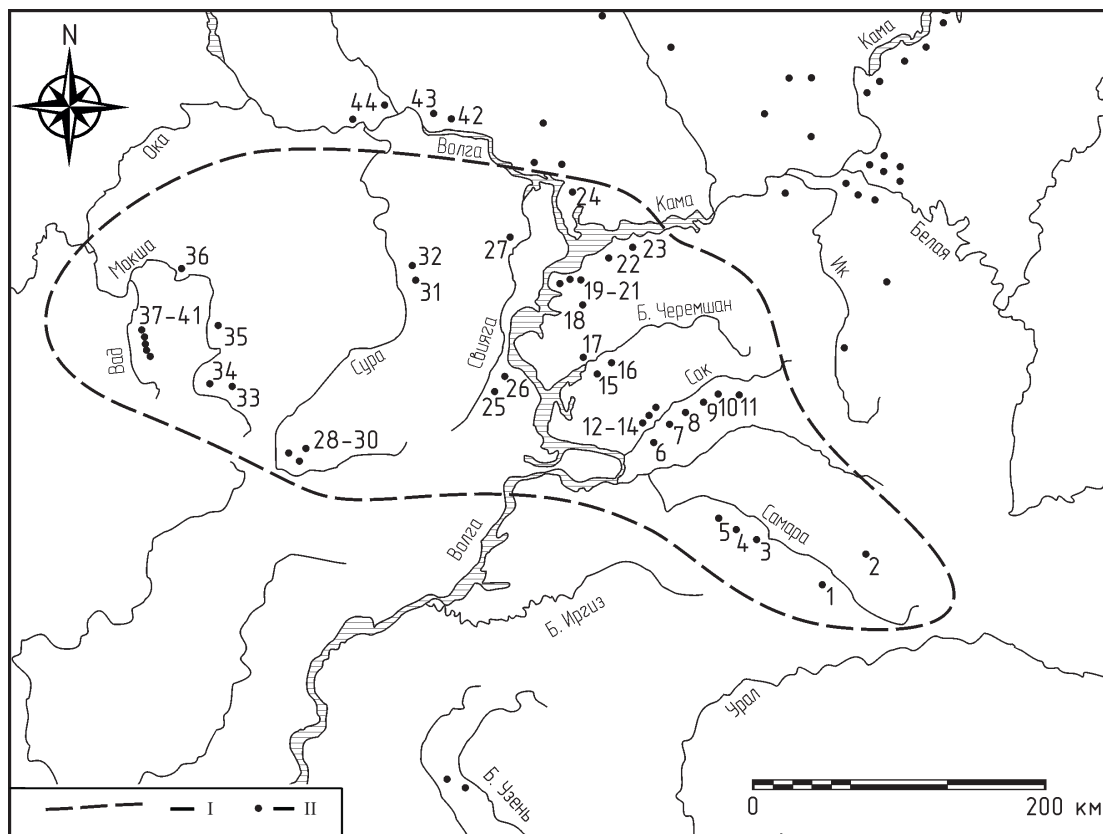

Рис.1. Распространение неолитических памятников Среднего Поволжья.

I – ареал средневолжской культуры; II – неолитические памятники.

1 – Ивановская; 2 – II Старо-Елшанская; 3 – Виловатовская; 4 – М. Шихан; 5 – Максимовская; 6 – Красный Яр VII; 7 – Лебяжинка I; 8 – Лебяжинка IV; 9 – Ильинская; 10 – Нижняя Орлянка II; 11 – Чекалино IV; 12 – Красный Городок; 13 – Калмыковка I; 14 – Большая Раковка II; 15 – Лебяжье I; 16 – Лебяжье II; 17 – Мелекес III; 18 – Лесное-Никольское III; 19 – IV Тетюшская; 20 – Ага-Базарская; 21 – II Щербетьская; 22 – II Лебединская; 23 – IV Мурзихинская; 24 – IV Матюшинская; 25 – Усть-Ташелка; 26 – Луговое III; 27 – Кабы-Копрынская; 28–30 – Подлесное III, IV, VII; 31 – Молебное озеро; 32 – Утюж I; 33 – Погодеевское; 34 – Озименки II; 35 – Ковылляй I; 36 – Широмасово III; 37–41 – Имерка Ia, II, III, IV, VII; 42 – VI Отарское; 43 – Дубовские III, VIII, IX; 44 – Сутырская V.

На правобережье р. Волги в сурско-мокшанском регионе исследован ряд памятников с аналогичными древностями. В.В. Ставицкий отмечает, что местное население подвергалось определенному воздействию со стороны лесостепных племен, что отразилось как в накольчатых (Имерки), так и в гребенчатых (Ковыляй) комплексах (Ставицкий, 1999. С. 185). Несмотря на территориальную близость данного региона среднедонскому и наличие общих для лесостепного неолитического населения тенденций (Сомов, 2018. С. 88–91), правомерно считать присурские памятники с накольчатой керамикой одной из локальных групп средневожской культуры.

Севернее бассейна р. Сок на левобережье Ульяновской области обнаружены неолитические памятники (Лебяжье I и II, Мелекес III, Лесное Никольское III), входившие в орбиту средневожской культуры на раннем и среднем этапах (Выборнов, 2008. С. 122). Это подтверждают и материалы правобережья Ульяновской области (Елшанка XI). При непосредственной работе с коллекциями данного региона отмечено почти полное совпадение типологической характеристики с посудой самаро-сокского бассейна, ввиду чего правомерно включать данную территорию в ареал средневожской культуры.

На стыке лесостепной и лесной зон расположены IV Тетюшская, II Щербетская и Ага-Базарская стоянки, которые также можно отнести к ранней (догребенчатой) фазе средневожской культуры. Помимо этого средневожские черты прослеживаются и на юге лесной полосы Среднего Поволжья. Так, на IV Матюшинской стоянке помимо типичной накольчатой посуды обнаружена керамика, украшенная коротким изогнутым зубчатым штампом и насечками (Выборнов, 2008. С. 124, 125).

Анализ марийских (дубовско-отарских) памятников показал, что доминирующая орнаментальная традиция (треугольный накол, выполненный в простых композициях) находит аналогии среди сокских материалов. Вопрос о культурно-хронологической интерпретации марийских комплексов, однако, для нас остается открытым и является темой будущего исследования.

Следует отметить, что в силу обширности территории развитие типологических групп имело некоторую специфику в отдельном регионе, но не выходящую за рамки культурного единства. Таким образом, ареалом средневожской культуры можно считать обширную территорию Среднего Поволжья (рис. 1). Весьма своеобразный материал выявлен в самаро-сокском и сурско-мокшайском бассейнах. Продвижение отдельных групп средневожского населения, которое осуществлялось не только через левобережье, но и через правый берег Волги, доходило до юга лесной полосы Среднего Поволжья.

Васильева И.Н., 2018. Гончарные традиции населения средневожской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: СГСПУ. С. 17–19.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.

Гурина Н.Н., 1973. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. № 172. Л. С. 7–21.

Сомов А.В., 2018. Развитие неолитических культур лесостепного Поволжья и Подонья и их абсолютная хронология // Верхнедонской археологический сборник: материалы второй Всероссийской археолого-этнографической научной конференции с международным участием «Археология в исследованиях молодых». Вып. 10 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 88–90.

Сомов А.В., Андреев К.М., 2017. Культурно-хронологические группы неолитической керамики среднего Поволжья (на основе анализа комплекса поселения Калмыковка-I) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Т. I. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 185–187.

Ставицкий В.В., 1999. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза. 196 с.

К ВОПРОСУ ВЫЯВЛЕНИЯ МЕСТ ОБЖИГА КЕРАМИКИ НА ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ НЕОЛИТА БАССЕЙНА р. СОЖ (ВОСТОЧНАЯ БЕЛАРУСЬ)¹

Обжиг изделий из глиняного сырья представляет собой процесс их термической обработки с целью придания им прочности и водонепроницаемости (Цетлин, 2012. С. 116–124; 2017. С. 144; и др.). Во время обжига происходит дегидратация керамических масс, выгорание органических примесей, фазовые превращения и другие физико-химические процессы. Благодаря этим необратимым изменениям после обжига предмет из глины становится керамикой. Выбор точной температуры и метода обжига для конкретного изделия зависит от множества факторов и определяется опытным путем. Реконструкция данного этапа керамического производства, оказывающего непосредственное влияние на качественные характеристики получаемых изделий, для древних сообществ сопряжена со многими трудностями. В особенности сложна идентификация устройства для обжига глиняных изделий на неолитических памятниках лесной зоны.

На сегодняшний день для территории Беларуси подобные объекты известны на археологических поселениях в бассейне р. Сож. Основной исследователь эпохи неолита данного региона Е.Г. Калечиц зафиксировала их на двух памятниках – Струмень 6 и Дубовый Лог 8 (Калечиц, 1987. С. 92, 96; 1990. С. 98).

Струмень 6 – поселение неолита – бронзового века – расположено в 700 м на запад от деревни в ур. Лоша (Лошиная Грива). Урочище представляет собой систему песчаных возвышенностей (высота до 3.86 м) на левом берегу р. Сож. Общая площадь памятника составляет около 7000 кв. м, из которых Е.Г. Калечиц в 1975–1978, 1980 и 1983 гг. исследовала 2952 кв. м (Калечиц, 1987. С. 61–77).

В публикациях исследовательница лишь сообщает о наличии на памятнике «производственных центров по обжигу керамики» (Калечиц, 1990. С. 98), не конкретизируя, какие именно объекты к ним относятся. Изучение полевой документации и керамического материала, к сожалению, не позволяет точно идентифицировать данные объекты.

Дубовый Лог 8 – поселение каменного и бронзового веков, расположено на невысокой возвышенности (0.6 м) возле старицы правого берега р. Ипуть (левый приток Сожа), в урочище Подлужье. Размер возвышенности – 100 × 15 м. В 1979 и 1981 гг. на памятнике исследовано 192 кв. м (Калечиц, 1987. С. 91–95).

В своей работе Е.Г. Калечиц достаточно конкретно описывает «место, на котором производился обжиг сосудов». Объект представлял собой вытянутую вдоль возвышенности, занимаемой поселением, яму шириной более 2 м и глубиной 0.5 м от древней поверхности. Форма ее не совсем ясна из-за размытости контуров. Основным критерием определения объекта как места обжига посуды является мощный слой черной сажи и большое количество фрагментов керамики, зафиксированных в нем (Калечиц, 1987. С. 92). Исходя из описания, можно предположить, что речь, скорее всего, идет об очажном устройстве для обжига керамики. Подобные устройства представляют собой «однокамерные сооружения в виде ровных площадок, имеющих по периметру ограничительные стенки» (Цетлин, 2017. С. 171). В случае с объектом на памятнике Дубовый Лог 8 стоит говорить об углубленном в землю очаге. В литературе встречаются упоминания о возможности использования временных перекрытий над обжигаемыми сосудами для концентрации тепла в устройствах. В роли таких перекрытий могли выступать крупные фрагменты сосудов (Цетлин, 2017. С. 172; Бобринский, 1991, С. 94). Размеры и специфическая форма рассматриваемого очажного устройства позволяют предположить, что оно было специально изготовлено для обжига сосудов.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта БРФФИ Г18М–063 «Изучение технологий производства орудий труда и керамики в эпоху неолита на территории Беларуси».

Многочисленность керамических коллекций памятников Струмень 6 (более 20 тыс. фрагментов) и Дубовый Лог 8 (более 4 тыс. фрагментов) также позволяет говорить о наличии на поселениях устройств для обжига глиняной посуды, так как в данном регионе в неолите существовало местное производство керамики.

Если обратиться к характеристике фрагментов сосудов изучаемых памятников, следует отметить, что в коллекции не наблюдается полностью прокаленных черепков. Это может косвенно свидетельствовать об отсутствии традиции длительного обжига изделий при температуре каления глины (Цетлин, 2017. С. 185). Пятнистый цвет также позволяет говорить об обжиге сосудов на открытом огне. Однако определить по черепкам, какой тип устройства (костровое или очажное) для обжига керамики использовался, не представляется возможным.

Таким образом, на данный момент вопрос определения мест обжига керамики на неолитических памятниках Белорусского Посожья является открытым. Недостаток информации по объектам с памятника Струмень 6, идентифицированным ранее как места обжига сосудов, не позволяет ни согласиться с этим утверждением, ни опровергнуть его. Более явно связан с керамическим производством объект на памятнике Дубовый Лог 8. Пролить свет на проблему идентификации объектов для обжига керамики на неолитических поселениях Восточной Беларуси позволят дальнейшие исследования.

Бобринский А.А., 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). М.: Наука. 215 с.

Калечиц Е.Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск: Наука и техника. 156 с.

Калечиц Е.Г., 1990. Об изучении жилищ каменного века в Посожье // Полевая археология мезолита – неолита / Отв. ред. Н.Н. Гурина, В.И. Тимофеев. Л.: ЛОИА АН СССР. С. 93–101.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 284 с.

Цетлин Ю.Б., 2017. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 2017. 346 с.

Д.С. Толстых

*Государственный археологический музей-заповедник «Костенки»,
Воронежский государственный университет
tolstyh1796@mail.ru*

ГРАВИРОВКА НА ИЗДЕЛИЯХ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 11: ТРАСОЛОГИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Анализируемые в данной работе предметы происходят из верхнего (Ia) культурного слоя третьего костно-земляного комплекса стоянки Костенки 11 (Аносовка 2) из раскопок 2016 г. (Дудин, 2017). Серия некалиброванных дат была получена Дж.Ф. Хоффекером в университете Колорадо (США): 20670±160 (CURL–21040), 20360±150 (CURL–21043), 20620±150 (CURL–22804).

Костяная индустрия насчитывает 65 предметов. В настоящий момент в коллекции представлены два изделия из бивня мамонта с гравировкой¹ (Ахметгалеева, Дудин, 2017. С. 26).

Задачей настоящего исследования является уточнение техники гравировки, используемой обитателями стоянки. Для этого проведены эксперименты², результаты кото-

¹ Автор выражает благодарность главному хранителю Государственного археологического музея-заповедника «Костенки» А.Е. Дудину за предоставленную возможность работать с материалами.

² Автор выражает признательность к.и.н., зав. отделом Курчатовского государственного краеведческого музея Н.Б. Ахметгалеевой и к.и.н., с.н.с. Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН Е.Ю. Гире за оказанную неоценимую помощь в работе.

рых сопоставлены с описаниями анализируемых находок (Ахметгалева, Дудин, 2017. С. 28–30). При сравнении полученных эталонов с археологическим материалом использовался микроскоп МБС-9, а также макрообъектив фотоаппарата Nikon для фиксации следов.

При трасологическом анализе выявлены следы скобления на поверхности бивневой мотыги с волнообразным рисунком (МЗК 412/2) (Ахметгалева, Дудин, 2017. С. 29). Таким же образом нами были обработаны экспериментальные образцы.

Пластина из бивня мамонта в «сухом» состоянии (по: Хлопачев, Гирия, 2010. С. 19) была выскоблена двухгранным срединным резцом из черного мелового кремня размерами 7.9×3 см (рис. 1: 1). Процесс скобления занял шесть минут. При работе стружка была короткая, больше похожая на крошку или пыль. Обработанный участок приобрел более светлый цвет и линейные следы (рис. 1: 2). Вторая пластина из бивня мамонта была предварительно размочена («естественно-влажная при положительных температурах») (по: Хлопачев, Гирия, 2010. С. 19)). Она выскабливалась аналогичным орудием размером 7.6×2.6 см (рис. 1: 3). Скобление происходило эффективнее, чем в первом случае. Процесс занял три минуты, при работе появилась длинная сворачивающаяся стружка. Поверхность также приобрела линейные микроследы (рис. 1: 4). В результате было подтверждено положение о пластичности и мягкости влажного бивневого сырья, доказанное ранее (Хлопачев, Гирия, 2010).

По выскобленной поверхности обоих образцов производилась гравировка различными орудиями из черного мелового кремня (рис. 1: 5, 6, 7). Пластины для удобства закреплялись в рукоять, резцы обматывались замшевым шнурком (табл. 1).

Были выработаны критерии для определения орудия, которым наносилась гравировка.

Начало и конец линии. При работе всеми типами резцов начало и конец прорезанных линий получались тупыми (рис. 1: 8.1, 8.2, 8.3, 9.1, 9.2, 9.3, 9.7). Похожий кончик оставляла пластина с косоусеченным ретушью краем (рис. 1: 8.4). Все пластины и пластинчатый отщеп вне зависимости от положения дают заостренное, как кончик запятой, начало (рис. 1: 8.7, 8.8, 9.5, 9.6, 9.7).

Вид изгиба в изображении волнистой линии. При работе резцами изгиб получается плавным, его ширина не изменяется (рис. 1: 8.1, 8.3, 9.1, 9.3). При проведении изгиба косоретушным резцом и пластиной в горизонтальном положении по твердому материалу на месте изгиба наблюдается утончение паза (рис. 1: 8.2, 8.7, 8.8, 9.2). Работа пластиной в горизонтальном положении по мягкому бивню невозможна без повреждения поверхности материала во время поворота орудия, а паз расширяется (рис. 1: 9.7, 9.8).

Форма сечения паза. При работе всеми типами резца сечение углубленных линий имеет П-образную форму, а пластиной и пластинчатым отщепом – V-образную. Сложнее

Табл. 1. Орудия, которыми наносились соответствующие линии гравировки

№ линии	Тип орудия и его положение	Размеры орудия, см	Толщина рабочего лезвия, см
1	Резец двухгранный срединный	7.9×3	0.25
2	Резец косоретушный	7.4×2.5	0.25
3	Резец боковой	5.2×1.6	0.4
4	Пластина с косоусеченным ретушью краем	5.3×1	0.15
5	Пластина под углом 45°	6.8×1.7	0.1
6	Пластинка под углом 60°	3.6×1.3	0.05
7	Пластина в горизонтальном положении	7×1.7	0.1
8	Пластинчатый отщеп в горизонтальном положении	3.5×1.8	0.1

отличать косоретушный резец от пластины и пластину с косоусеченным ретушью краем от резца (рис. 1: 8.2, 8.4, 9.2).

Следы, полученные нами при работе резцами (рис. 1: 8.2, 9.1), были обнаружены на мотыге из бивня мамонта (МЗК 412/2) (рис. 1: 10). О том, что волнообразный рисунок создавался резковой кромкой, свидетельствует П-образное сечение бороздок и «тупые» начало и конец линий. Подобная плавность линий проще достигается на бивне во влажном состоянии, что позволяет сделать вывод о том, что мастер использовал размягченное сырье. Рисунок «вульвы» с того же предмета (рис. 1: 11) наносился разными каменными орудиями: контур выполнен кромкой резца (рис. 1: 8.2, 9.1), а заполняющие его линии наносились боковой кромкой пластины или пластиной с косоусеченным ретушью краем (рис. 1: 8.7, 8.8, 8.4, 9.4).

Мотыга из бивня мамонта с геометрическим рисунком (МЗК 412/1) сохранилась несколько хуже. Тем не менее, по V-образной форме сечения линий и их неровности, как

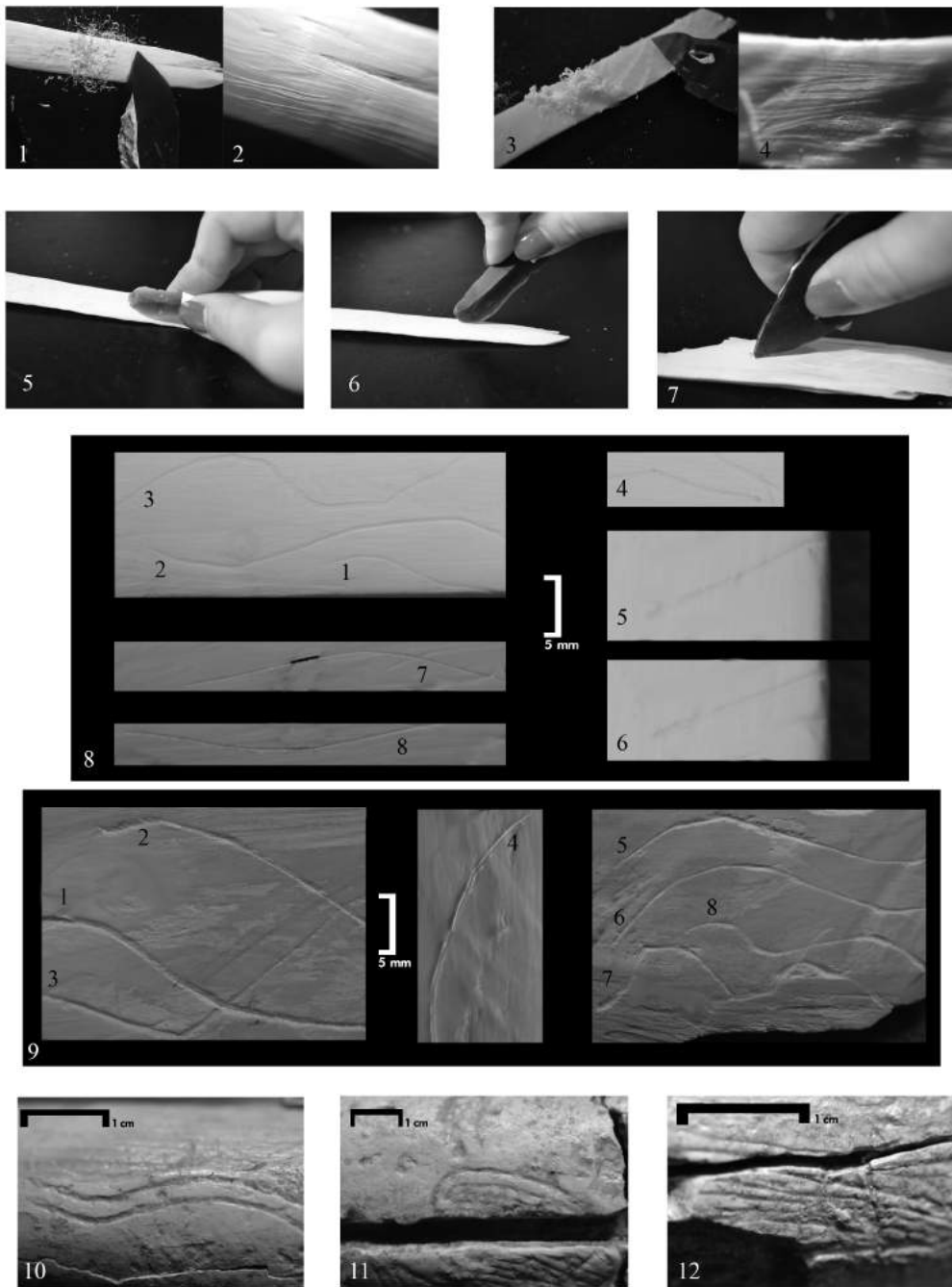

Рис. 1. Результаты экспериментов и гравировка на бивневых мотыгах. Фото автора.

и на опытном образце (рис 1: 9.7, 9.8), можно утверждать, что гравировка наносилась боковым лезвием пластины.

Таким образом, сравнение полученных нами эталонов с археологическим материалом подтвердило предположения Н.Б. Ахметгалеевой, сделанные при трасологическом исследовании (Ахметгалеева, Дудин, 2017. С. 28–30). Вероятно, древний мастер использовал пластичное сырье во влажном состоянии. Можно заключить, что обитатели стоянки заранее прогнозировали результат своей работы и меняли орудия и угол их наклона в зависимости от поставленной задачи.

Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е., 2017. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костёнки 11, 1А культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Каменный век и эпоха раннего металла. Технологии изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии (Археология евразийских степей. Вып. 2) / Отв. ред. М.Ш. Шалимова. Казань: ЗАО Издательский дом «Казанская недрожимость». С. 26–45.

Дудин А.Е., 2017. Отчет о раскопках многослойной палеолитической стоянки Костенки 11 (Аносовка 2) в Хохольском районе Воронежской области в 2016 г. // Архив ГАМЗ «Костенки». 128 с.

Хлопачев Г.А., Гирия Е.Ю., 2010. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука. 144 с.

И.Ю. Хрусталева

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург,

Тартуский университет

irinakhrustaleva@yandex.ru

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА РИЙГИКЮЛА I (ЭСТОНИЯ) – ПОСТПОЛЕВОЙ СЕЗОН 1951–1953 гг.

Поселение каменного века Рийгикюла I (Нарва 1 или Нарва-Рийгикюла) открыто Ниной Николаевной Гуриной в 1951 г. во время работ Нарвской археологической экспедиции в зоне планируемого затопления при строительстве Нарвской гидроэлектростанции (Гурина, 1951). Поселение находится на современном берегу р. Нарвы, в 7 км к северо-западу от г. Нарва (Эстония).

Раскопки здесь проводились на протяжении трех лет (Гурина, 1951; 1952; 1953). В результате исследована практически вся площадь поселения, 388 кв. м, значительная часть которого разрушена фундаментами современной деревни, а также земляными сооружениями времен Второй мировой войны и воронками от бомб. Тем не менее, на сохранившихся участках памятника найдены остатки двух углубленных построек, очаги, погребения и разрозненные человеческие кости, большое количество (почти 13 тыс.) находок из глины (в основном фрагменты сосудов), камня (кремь, кварц, кварцит и др.), кости и рога (как обработанных, так и не обработанных).

Результаты этих работ легли в основу книги (Гурина, 1967), где Н.Н. Гурина интерпретировала памятник как долговременное поселение, на котором можно проследить постепенное изменение традиций от нарвской археологической культуры до культуры «поздней гребенчатой керамики». В соответствии с последними полученными радиоуглеродными датами, это период от 5200 до 1800 cal BC (даты см.: Kriiska et al., 2017a. P. 76; 2017b). Все объекты и находки рассматривались единым массивом, все вместе они были нанесены на итоговый план, при отсутствии промежуточных.

Остатки построек прослежены только на уровне материкового светло-желтого песка, в который они были вкопаны в среднем на 40 см. Сооружения интерпретировались как долговременные углубленные жилища овальной в плане формы с приподнятыми над полом очагами (Гурина, 1967. С. 22–30). В каждом жилище, примерно на одной высоте с очагами, найдено по одному человеческому захоронению. По предположению

Н.Н. Гуриной, они были сделаны либо на позднем этапе существования поселения, либо в более поздний (но, тем не менее, неолитический) период (Гурина, 1967. С. 29). К заполнению жилищ отнесены линзы ракушняка и большое скопление находок.

В последующий период к этим материалам практически никто не возвращался, но постепенно появлялись новые данные и предположения. Так, скопление находок вокруг отдельного очага в северной части поселения дало возможность предположить наличие третьей (возможно, наземной) постройки (Kriiska, 2002. P. 237), а даты, полученные по двум человеческим скелетам, найденным в двух углубленных постройках, показали их принадлежность к бронзовому, а не каменному веку (Tõrv, 2014; Tõrv, Meadows, 2015). В настоящее время очевидно, что культурный слой памятника мощностью в среднем около 80 см сформировался не в результате существования здесь одного и того же поселения на протяжении нескольких тысячелетий. Это место посещалось людьми в разные периоды каменного и бронзового веков с разными целями. Нельзя интерпретировать объекты с разницей залегания по высоте «всего» в 20 см как единовременные (Гурина, 1967. С. 166).

Задачами настоящего исследования являются анализ особенностей конструкции построек, выделение объектов и находок, непосредственно относящихся к ним; проверка гипотезы о существовании третьей, не выявленной в ходе раскопок постройки, а также определение уровня древней дневной поверхности, на которой были построены эти жилища.

Для решения перечисленных вопросов необходимо пересмотреть полевую документацию и материалы памятника, выявить особенности пространственного распределения объектов и находок на его площади и выделить разновременные горизонты. Главная сложность при этом заключается в отсутствии высотных отметок на всех чертежах и обрывочности информации о глубине залегания тех или иных предметов. Тем не менее, трехмерное моделирование распределения объектов, основанное на сведении воедино всех стратиграфических разрезов, планов и фотографий раскопа, позволяет сделать некоторые предварительные заключения:

- вероятнее всего, жилища имели подпрямоугольную в плане форму, ступенчатый пол и столбовую конструкцию;
- нет оснований связывать очаги, расположенные на 20 и 60 см выше пола, с жилищами;
- линзы ракушняка сформировались после того, как жилища разрушились, и не связаны с периодом их функционирования.

Гурина Н.Н., 1951. Отчет о работе Нарвской археологической экспедиции и карельского отряда торфяниковой экспедиции за 1951 г. // Архив ИА РАН.

Гурина Н.Н., 1952. Отчет о работе Нарвской экспедиции 1952 г. // Архив ИА РАН.

Гурина Н.Н., 1953. Отчет о полевых археологических работах в 1953 г. в Карело-Финской ССР, Ленинградской области и Эстонской ССР // Архив ИА РАН.

Гурина Н.Н., 1967. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции). МИА. 144. Л. 212 с.

Kriiska A., 2002. Dwelling remains from Stone Age occupation sites in Estonia // Huts and houses. Stone Age and Early Metal buildings in Finland // Ed. by H. Ranta. Helsinki: National Board of Antiquities. P. 235–239.

Kriiska A., Mäesalu A., Selart A., Põltsam-Jürjo I., Piirimäe P., Seppel M., Andresen A., Pajur A., Tannberg T., 2017a. Eesti ajalugu. Tallinn: Avita. 350 lk.

Kriiska A., Oras E., Lõugas L., Meadows J., Lucquin A., Craig O.E., 2017b. Late Mesolithic Narva stage in Estonia: pottery, settlement types and chronology // Estonian Journal of Archaeology. 21 (1). P. 52–86.

Tõrv M., 2014. Negative results and their contribution to the study of Estonian Prehistory // Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie. Jahresbericht. P. 58–59.

Tõrv M., Meadows J., 2015. Radiocarbon dates and stable isotope data from the Early Bronze Age burials in Riigiküla I and Kivisaare settlement sites, Estonia // Radiocarbon. 57 (4). P. 645–656. DOI: 10.2458/azu_rc.57.18459.

АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

О.В. Андреева (Ересько)*, Н.С. Батуева**

*Самарский государственный социально-педагогический университет
olgayer@mail.ru

**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
nadiabat@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ЭПОХ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ¹

В представленной статье в рамках историко-культурного подхода к изучению гончарства проанализированы керамические комплексы эпох энеолита и бронзы с территории Прикамья.

Для изучения энеолитических гончарных традиций рассмотрена керамика гаринской и борской культур. Для гаринской посуды характерны прямостенные сосуды с плоскими, часто утолщенными и орнаментированными венчиками и округло-коническими днищами. Орнамент наносился гребенчатым и гладким штампом. Для борской культуры показательны сосуды с широко открытым горлом, в том числе небольшие котловидные. Орнамент гребенчатый в сочетании с ямочным, покрывает большую часть изделий (Наговицын, 1990. С. 82–96).

На территории Прикамья не известны памятники, которые можно было бы отнести к раннему бронзовому веку т.к. в это время продолжают существовать энеолитические культуры. Нами проанализированы керамические комплексы, относящиеся к эпохе средней и поздней бронзы (ерзовская культура). Для средней бронзы характерны горшковидные сосуды с плоским дном или с цилиндрическим горлом и округлым дном. Посуда чаще украшалась отпечатками гребенчатого штампа, составляющими композиции из длинных поясков по стенкам в сочетании с наклонными отпечатками. Встречаются резные орнаменты и выполненные гладким штампом, образующие сложные композиции. На памятниках ерзовской культуры фиксируются горшковидные сосуды с округлым или уплощенным дном, на верхней части изделия зачастую присутствует налест – «воротничок». Украшалась такая посуда геометрическим орнаментом с помощью отпечатков гребенчатого штампа, ямок, прочерченных линий (Денисов и др., 2011).

Исследование технологии производства посуды проводилось по методике, разработанной А.А. Бобринским и развитой Ю.Б. Цетлиным, И.Н. Васильевой, Н.П. Салугиной (Бобринский, 1978; Цетлин, 2012; Васильева, Салугина, 1999).

Гаринская культура.

Проанализированы 182 фрагмента сосудов с 11 памятников: Чашкинское Озеро Ша (4), Бор I (34), Заборное Озеро (9), Боровое Озеро III (39), Боровое Озеро II (42), Непряха IV (2), Бойцово II (11), Ларевская I (11), Гагарская I (19), Заюрчим (5).

При изучении способов отбора исходного пластичного сырья (ИПС) установлено, что в основном использовали илестые глины (ИГ) (64%). Предпочтение отдавалось незапесоченному сырью (79%). Глина (Г) и илестая глина применялась в состоянии естественной влажности (99%), лишь на памятнике Заборное Озеро обнаружены два сосуда, сделанные из предварительно высушенного и дробленного сырья.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект «Ранние гончарные традиции населения Среднего Предуралья», и в рамках реализации Государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1907.2017ПЧ.

При подготовке формовочной массы (ФМ) употреблялись шамот (Ш), органический раствор (ОР), дробленая раковина (ДР). Носители гаринской культурной традиции использовали следующие рецепты: ИГ/Г+ДР (10 сосудов – 5%), ИГ/Г+ОР +ДР (82 сосуда – 46%), ИГ/Г+Ш+ДР (16 сосудов – 9%) и ИГ/Г+ОР+Ш+ДР (74 сосуда – 40 %).

Борская культура.

Изучены 56 фрагментов от разных сосудов со следующих памятников: Бор III (7), Бор V (6), Бор IV (14), Боровое Озеро IV (17), Боровое Озеро VI (3), Заюрчим (9).

Зафиксировано, что на ступени отбора и подготовки ИПС гончары отдавали предпочтение ИГ (71%), в 98% случаев их использовали в состоянии естественной влажности. Лишь на памятнике Боровое Озеро VI один сосуд был изготовлен из предварительно высушенного и раздробленного сырья. Традиция использования незапесоченных глин сохранилась (80%).

При подготовке ФМ использовали рецепты со смешанным многокомпонентным составом: Г/ИГ+Ш+ДР (2 сосуда – 3%), Г/ИГ+ОР+ДР (29 сосудов – 52%), и Г/ИГ+ОР+ДР+ Ш (25 сосудов – 45 %).

Обобщая полученные данные, отмечаем: в энеолите гончары Прикамья использовали в качестве сырья для изготовления посуды в основном илистую глину, предпочтение отдавалось незапесоченному сырью в состоянии естественной влажности. Преобладающими рецептами для носителей обеих культур являются: Г/ИГ+ОР+ДР и Г/ИГ+ОР+ДР+Ш, в общей сложности они зафиксированы в 88% изученных сосудов.

Средняя бронза.

Технико-технологическому анализу подвергнуты фрагменты сосудов с поселения Заосиново VII (12).

Изучение ступени отбора и подготовки ИПС показало, что гончарами в рассматриваемый период использовались незапесоченные Г (58%) и ИГ (42%) в состоянии естественной влажности.

При составлении ФМ древними гончарами использовались следующие рецепты: Г/ИГ+ДР (2 сосуда – 17%) и Г/ИГ+ОР+ДР (10 сосудов – 83%).

Таким образом, к гончарным традициям средней бронзы относится использование незапесоченного сырья (Г/ИГ) в состоянии естественной влажности с добавлением искусственных примесей ОР и ДР.

Ерзовская культура.

Технико-технологическому анализу подвергнуты фрагменты сосудов с поселений: Бойцово II (8) и Ерзовка (20), Васюково II (16) и Еловская (15).

На ступени отбора и подготовки ИПС отмечено использование ИГ (49%) и Г (51%). В 24% случаев зафиксировано запесоченное сырье. Из дробленого сырья изготовлены 7 сосудов (12%) с памятников Еловская и Ерзовка. В керамических комплексах остальных памятников дробление не выявлено.

Изучение ФМ выявило следующие рецепты: Г/ИГ+ОР (5 сосудов – 8,5%) (кроме поселений Ерзовка и Еловская), Г/ИГ+ДР (7 сосудов – 11,5%) (Бойцово II, Ерзовка, Еловская), ИГ/Г+ОР+ДР (37 сосудов – 63%), Г/ИГ+Ш+ОР (5 сосудов – 8,5%) (Ерзовка), ИГ+ОР+ дресва (5 сосудов – 8,5%) (Васюково II).

Таким образом, для эпохи бронзы характерно использование незапесоченных Г/ИГ в состоянии естественной влажности с добавлением ОР и ДР.

В заключение хотелось бы отметить, что как в энеолите, так и в бронзовом веке основой для изготовления посуды являлось использование незапесоченных илистых глин или глин в состоянии естественной влажности в качестве ИПС. Искусственными примесями в ФМ служили Ш, ОР и ДР. Скорее всего, данные наблюдения говорят о преемственности гончарных традиций местного населения.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1999. Экспериментальный метод в области изучения древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием

физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СПГУ. С. 181–198.

Денисов В.П., 2011. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские Чтения / Ред. В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук, А.Е. Митряков. Екатеринбург. С. 107–117.

Наговицын Л.А., 1990. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск. С. 82–96.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М: ИА РАН. 430 с.

Н.В. Басова

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
bass15@yandex.ru*

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ТУРИСТ-2 В НОВОСИБИРСКЕ

Поселение Турист-2 расположено на возвышении надпойменной террасы правого берега р. Обь, в 200 м на север от нижней изголови о. Высокий, в 1,3 км севернее устья р. Иня. Археологическое изучение памятника началось в 1990 г. Тогда были обнаружены фрагменты керамики эпох ранней и поздней бронзы, кости животных, отщепы (Молодин и др., 1993. С. 6, 7). В 2005 г. экспедицией Научно-производственного центра по Новосибирской области установлено, что памятник имеет значительную площадь – более 4500 кв. м, богатый культурный слой, вмещающий археологический материал эпох неолита (IV–III тыс. до н.э.), ранней и поздней бронзы (XVII–VIII вв. до н.э.) и раннего железного века (III в. до н.э. – III в. н.э.): каменные топоры, дротики, наконечники стрел, отщепы, фрагменты керамических сосудов (Басова и др., 2017. С. 509).

В 2017 г. отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством Н.В. Басовой на поселении Турист-2 проведены масштабные охранно-спасательные исследования. В ходе работ выяснилось, что местами археологический материал и культурный слой выходят за установленные границы памятника, поэтому раскопанная площадь оказалась значительно больше, чем определенная ранее территория поселения. Единым раскопом изучены 6 040 кв. м культурных напластований, получена представительная коллекция материала, включающая 10 394 предмета. Зафиксированы различные виды археологических объектов: поселенческие (жилище ирменской культуры, скопление хозяйственных ям, неолитический комплекс) и погребальные (могильник раннего бронзового века и одно средневековое погребение по обряду кремации).

Стратиграфические исследования, проведенные нами совместно с д.г.-м.н. И.Д. Зольниковым, показали, что в геологических образованиях на территории памятника наблюдается катастрофическая вставка, обусловленная проявлением флювиальных и оплывневых процессов. Отложения, расположенные в юго-западной части изученной площади, содержащие предметы из поселенческого культурного слоя ирменского времени и могильника эпохи ранней бронзы, оказались смыты на 1,5 м вниз по высоте до места выхода коренных пород, на запад, ближе к р. Обь. Это событие, как предполагается, связано с мощным землетрясением. Прибрежные участки захлестывало несколькими волнами-цунами высотой до 5 м, которые поднялись из реки после сильного подземного толчка. На юго-западной периферии памятника были заложены дополнительные раскопы глубиной более 2 м (рис. 1: 1), которые позволили зафиксировать следы вышеописанной катастрофы и многочисленные археологические артефакты: фрагменты керамики (рис. 1: 2), предметы из бронзы (рис. 1: 3, 4) и камня, антропологический материал.

В стратиграфической колонке указанное сейсмическое событие запечатлено следующим образом. Верхние отложения представлены тремя слоями почв. Иллювиальный горизонт нижней палеопочвы с угловым несогласием залегает поверх цунамитов – отложений водных и грязевых потоков (стремительно нахлынувших на берег Оби после

первого мощного подземного толчка), в которых зафиксированы текстуры захвата подстилающих стратифицированных отложений. Представляется, что землетрясение было достаточно сильным и вызвало несколько афтершоков, которые также сопровождалось волнами-цунами и, соответственно, формированием отложений-цунамитов, которые включают в себя глыбы размерами более 1 м в поперечнике. Нижний стратиграфический горизонт (археологически стерильный слой) – это аллювий (промытый песок).

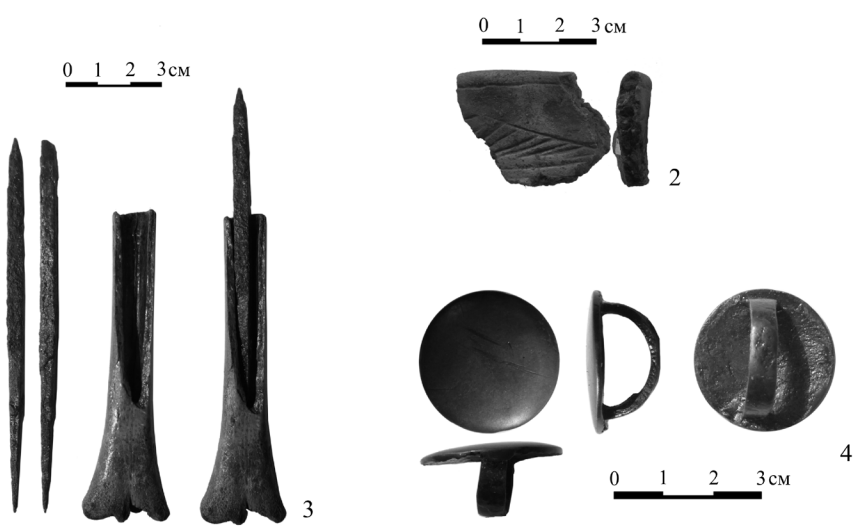

Рис. 1. Стратиграфическая ситуация и находки из культурного слоя поселения Турист-2.
 1 – юго-западная часть поселения Турист-2; 2 – фрагмент керамики ирменской культуры;
 3 – шило в оправе (бронза, кость); 4 – пуговица (бронза).

Представляется, что при обратном ходе воды от волны-цунами в Обь сначала схлынул водно-каменный сель, затем грязекаменный сель, смывающий все на своем пути. Артефакты, которые удалось найти в отложениях-цунамитах на глубине 2 м и ниже, локализованы в основном рядом с большими гранитными глыбами; они задержались здесь и не были снесены потоком в реку.

Таким образом, совместные работы археологов и геологов позволили выявить уникальное катастрофическое событие эпохи бронзы, произошедшее в Новосибирском Приобье.

Басова Н.В., Постнов А.В., Нестеркина А.Л., Ахметов В.В., Морозов А.А., 2017. Результаты охранно-спасательных раскопок на Поселении Турист-2 в городе Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. С. 509–512.

Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В., 1993. Археологические памятники города Новосибирска. Материалы «Свода памятников истории и культуры России». Вып. 1. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма. 33 с.

Е.А. Булакова

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
bulakovaekaterina@gmail.com*

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОГРЕБЕНИЙ КАК МАРКЕР ПОЛОВОЗРАСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНДИВИДА

В ходе реализации проекта по изучению образа жизни населения Южного Зауралья во II тыс. до н.э. проведены междисциплинарные исследования археологического материала (Корякова и др., 2018. С. 116, 117). Ниже представлены некоторые результаты изучения керамической коллекции из кургана 1 могильника Неплюевский, расположенного в Карталинском районе Челябинской области. Радиоуглеродная дата памятника – XX–XVIII вв. до н.э. (Карапетян и др., в печати). Морфологический анализ керамики позволяет отнести ее к срубно-алакульскому типу.

Использование биоархеологического подхода помогло получить данные о половозрастном составе погребенных (Шарапова и др., 2018. С. 96, 97), ставшие основой для выявления характерных особенностей керамики, сопровождавшей индивидов.

Общее количество погребений в кургане – 34. Преобладают захоронения детей (23), 10 могил содержали останки взрослых индивидов, еще 1 (погребение 8) – останки двух индивидов «переходного» возраста (18–20 и 17–19 лет) (Шарапова, 2017). Для того, чтобы выявить зависимость количества сосудов от возраста умершего, все объекты были разделены на могилы «невзрослых» и «взрослых» (погребение 8 отнесено в группу «взрослых»)/

Установлено, что для погребений с останками детей характерно следующее количество сосудов: 1 (4 случая), 2 (15 случаев), 3 (2 случая), 4 (1 случай) и без сосудов (1 случай). В погребениях взрослых инвентарь включает 1 (6 случаев) или 2 (4 случая) сосуда. Исключение составляет захоронение молодой женщины и подростка (погребение 8), в которое было поставлено 5 сосудов (табл. 1).

Проведено также соотнесение пола погребенного с количеством сосудов в комплексе. Оказалось, что в захоронениях мужчин расчищено по одному сосуду (в целом состоянии или в виде фрагментов). В захоронениях женщин зафиксированы один (2 случая) или два (1 случай) сосуда. В двух погребениях «невзрослых», для которых пол умерших определен как женский, зафиксировано по два сосуда. В тех случаях, когда в могиле находились индивиды и мужского, и женского пола, в ней были один (2 случая) или два (2 случая) сосуда (табл. 2).

Для выделения размерных групп керамики использовалась общая высота, поскольку этот линейный параметр относится к числу определяющих объем сосуда. Выделены три

Табл. 1. Соотношение возрастной группы индивидов и количества сосудов

Возрастная группа	Количество сосудов в погребении					
	0	1	2	3	4	5
«невзрослые»	1 случай	4 случая	15 случаев	2 случая	1 случай	–
«взрослые»	–	6 случаев	4 случая	–	–	1 случай

Табл. 2. Соотношение пола индивидов и количества сосудов

Пол погребенных	Количество сосудов в погребении					
	0	1	2	3	4	5
М	-	-	2 случая	-	-	-
Ж	-	2 случая	3 случая	-	-	1 случай
М+Ж	-	2 случая	2 случая	-	-	-

Табл. 3. Возрастные группы индивидов и размеры емкостей

Возрастная группа	Размеры сосудов		
	миниатюрные	средние	крупные
«невзрослые»	13 сосудов	18 сосудов	5 сосудов
«взрослые»	1 сосуд	7 сосудов	7 сосудов

размерные группы: емкости высотой 5–9 см (миниатюрные) – 14 экз., 10–14 см (средние) – 25 экз. и 15–18 см (крупные) – 11 экз. Установлено, что в погребениях всех возрастных групп преобладает посуда среднего размера. Оказалось также, что в могилах «взрослых» средние и крупные сосуды представлены почти в равной пропорции (табл. 3). Миниатюрный экземпляр вне «детских» комплексов обнаружен только в погребении 8, которое, как уже было отмечено, отличалось нестандартным количеством сосудов.

Приведенные данные показывают, что факторами, определяющими количество сосудов в сопроводительном инвентаре, были возраст и пол умерших. Наиболее распространенный набор включал два сосуда для погребений «невзрослых» и один – для «взрослых» индивидов. Миниатюрные сосуды помещались только в могилы детей и подростков. Кроме того, отличительной чертой посуды из «детских» погребений являются нарушения в орнаментации и наличие «пиктограмм» (Булакова, 2018. С. 98).

Можно предположить, что у населения, оставившего курган 1 могильника Неплюевский, существовали достаточно устойчивые представления о количестве, размерах и орнаментации сосудов, помещавшихся в захоронения индивидов разного пола и возраста. Общей чертой, индифферентной к половозрастным характеристикам умерших, является доминирование посуды средних размеров. Интерес вызывает погребение индивидов «переходного» возраста, в котором фиксируется атипичное количество и все размерные группы керамических емкостей, а также пиктограммы на них.

Перспективы использования полученных данных лежат, прежде всего, на пути дальнейшего расширения источниковой базы и сравнения материалов кургана 1 могильника Неплюевский с другими синхронными погребальными памятниками Южного Зауралья.

Булакова Е.А., 2018. Сосуд со знаками из срубно-алакульского погребения курганного могильника Неплюевский // XXI Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ. С. 98, 99.

Карапетян М.К., Шарапова С.В., Якимов А.С., в печати. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // Уральский исторический вестник. №1 (62).

Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Карапетян М.К., Булакова Е.А., Молчанов И.В., Столярчик Э., Рассадников А.Ю., Солдаткин Н.В., Анкушев М.В., Косинцев П.А., Киселева Д.А., Якимов А.С., 2018. Новые междисциплинарные исследования памятников эпохи бронзы в верховьях р. Карагайлы-Аят в Южном Зауралье // XXI Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ. С. 116–118.

- Шарапова С.В., 2017. Отчет о раскопках могильника Неплюевский в Карталинском районе Челябинской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Шарапова С.В., Карапетян М.К., Булакова Е.А., 2018. Биоархеология и возможности изучения гендерных аспектов (по материалам могильника эпохи бронзы Неплюевский) // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 94–100.

Г.А. Даниелян

*Национальная академия наук Республики Армения, Ереван
henrikh.danielyan@gmail.com*

ФЕНОМЕН «ЦИКЛОПИЧЕСКИХ» СООРУЖЕНИЙ В АРМЕНИИ

Возникновение и развитие оборонительных систем в древнейшей Армении относится ко второй половине II – первой половине I тыс. до н.э. Этот феномен следует рассматривать в контексте развития городской цивилизации и таких социальных процессов, как формирование военной элиты (Дьяконов, 1968. С. 75) и регулярных частей армии, сложной иерархической системы общества (Масон, 1997. С. 126), с учетом возникновения новых социально-экономических (Արեշյան, Ղաֆադարյան, 1996. Էջ 71; Джафарзаде, 1956. С. 28; Расулоглы, 1993. С. 4) и политических реалий, военных столкновений (Кушнарева, 1997. С. 28) и др. В результате взаимодействия всех этих факторов рядом с поселениями возникают «циклопические» наблюдательные крепости/форпосты и крепости-поселения/города (Дьяконов, 1968. С. 13).

«Циклопические» крепости как основной вид поселений появляются в переходный период от эпохи средней к поздней бронзе (около 1500 г. до н.э.), но большинство их относится к раннему железному веку (Ալեհոյսյան, 2014. Էջ 55). Наиболее активно они сооружались в XIII–VII вв. до н.э. (Shanshashvili, Narimanishvili, 2014. P. 179).

Как правило, «циклопические» крепости возводились на возвышенностях, вокруг жизненно важных участков (в том числе рудников), на плоских вершинах холмов с крутыми и труднодоступными склонами (Аджян и др., 1932. С. 62; Пиотровский, 1949. С. 57; Есян, 1976. С. 16), плато, горных мысах, вблизи горных рек и источников воды (Пиотровский, 1949, С. 45; Բարխուդարյան, 1935. Էջ 20; Սարգսյան, 1979. Էջ 72). В целом они образовывали групповую систему защиты: крепости и/или сторожевые башни располагались на небольшом (1–2 км, в зависимости от рельефа) расстоянии друг от друга.

Планировка крепостей часто была обусловлена топографическими особенностями местности (Джафарзаде, 1938. С. 19; Кафадарян, 1967. С. 238). Они могли иметь квадратную, прямоугольную, трапециевидную, круглую, овальную, многоугольную или треугольную форму (Sanatyan, 2002. P. 327; Արեշյան, Ղաֆադարյան, 1996. Էջ 80–86).

Ограждения возводились из крупных камней (базальта или других видов (Халпахчян, 1972. С. 148)), сухой кладкой, чаще всего без земляного основания; толщина стен – 3–6 м. Кладка выполнялась из 1–3 рядов камней, была однолицевой или двухлицевой. Известны случаи использования строительной техники «мидис».

Со стратегической точки зрения, «циклопические» сооружения не потеряли своего значения вплоть до античности и средневековья (Արեշյան Ղաֆադարյան, 1996. Էջ 86), хотя и подверглись некоторым изменениям.

- Аджян А.А., Гюзальян Л.Т., Пиотровский Б.Б., 1932. Циклопические крепости Закавказья (Отчет о командировке в Армению летом 1930 г.) // Сообщения ГАИМК. № 1–2. Л. С. 61–64.
- Джафарзаде И.М., 1938. Циклопические сооружения Азербайджана // Труды Азербайджанского филиала АН СССР. Т. 55. Баку: Изд-во Азербайджанского филиала АН СССР. 54 с.
- Джафарзаде И.М., 1956. Древнейший период истории Азербайджана // Очерки по древней истории Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР. С. 7–55.
- Дьяконов И.М., 1968. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хетты, лувийцы, протоармяне. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР. 264 с.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.59-60

- Есаян С.А., 1976. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении: III–I тыс. до н.э. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР. 268 с.
- Кафадарян К., 1967. Новые данные по архитектуре Урарту (по материалам Аргиштихинили) // СА. № 4. С. 237–247.
- Кушнарева К.Х., 1997. Ранние комплексные общества южного Кавказа // Древние общества Кавказа в эпоху палеометала (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Археологические изыскания. Вып. 46. СПб. С. 11–43.
- Массон В.М., 1997. Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометала (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Археологические изыскания. Вып. 46. СПб. С. 124–133.
- Питровский Б.Б., 1949. Археология Закавказья с древнейших времен до I тыс. до н.э. Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ. 158 с.
- Расулоглы Т., 1993. Циклопические сооружения на территории Азербайджана. Баку. 145 с.
- Халпахчян О.Х., 1972. Первый исследователь строительной техники древней Армении // Историко-филологический журнал. № 4. Ереван. С. 146–158.
- Արեշյան Գ. Ղաֆադարյան Կ. 1996, Հայկական լեռնաշխարհի ճարտարապետությունը վաղ դասակարգային հասարակության և պետական առաջին կազմավորումների ժամանակաշրջանում, Հայկական ճարտարապետության պատմություն, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, Երևան 68–86 էջ:
- Ավետիսյան Պ., 2014., Հայկական լեռնաշխարհը մ.թ.ա XXIV-IX դարերում (Սոցիալ-մշակութային ճանաչողական հիմնարկների դիմադրական ըստ հնագիտական տվյալների) Ե. 00.03 «Հնագիտություն» մասնագիտությամբ պատմական գիտությունների դոկտորի գիտական աստիճանի հայցման Գիտական զեկուցում, Երևան, 92 էջ:
- Բարխուդարյան Ս., 1935, Խորհրդային Հայաստանի նյութական կուլտուրայի հուշարձանները, Յերևան, Պետական հրատարակչություն 93, XXII էջ:
- Սարգսյան, Յ. Գ. 1979, Հայաստանի բրոնզեդարյան շինարարական կառույցների մասին. Պատմա-բանասիրական հանդես, № 4. 72–83 էջ:
- Sanamyan H., 2002. Architectural Structure, defensive system and building technique of the fortifications // The North-Eastern frontier Uartians and Non-Uartians in the Sevan Lake Basin: The southern shores. Bk. 7. Rome. P. 325–350.
- Shanshashvili N., Narimanishvili G., 2014. Late Bronze / Early Iron Age Sites in Trialeti – External relations and cultural contacts // Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 22, Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit. P. 175–194.

Д.А. Демаков

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
demakov-denis@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАСЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ И СРЕДНЕЙ КАМЫ¹

Верхняя и Средняя Кама в настоящем исследовании представлены в следующих границах: Верхняя Кама – бассейн Камы от западной границы Пермского края до г. Усолье; Средняя Кама – от г. Усолье до устья р. Сива (Овеснов, 2009. С. 20). К рассматриваемым территориям относятся также бассейны Вишеры, Колвы, Чусовой и Сылвы в пределах Пермского края.

Энеолит в регионе охватывает эпоху голоцена примерно с середины атлантического до середины суббореального периода. После 5–4.5 тыс. 14С лет назад глобальное потепление сменилось похолоданием, которое наиболее отчетливо проявилось в средних и высоких широтах Земли, вызвав изменения в составе и распространении растительных сообществ и активизацию горного оледенения (Борисова, 2014. С. 11).

Отмечается сокращение пыльцы вяза, изреживание ели, но возрастает численность берез и сосен, в большом количестве появляются хвощи. В среднесуббореальное время

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-46-590037 р_а, «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене».

наблюдается потепление, которое в конце периода сменяется похолоданием. Результатом этого похолодания явилось интенсивное расширение темнохвойной еловой тайги в южном направлении (Копытов, 2016. С. 83).

Резкое уменьшение количества осадков определяет средний суббореальный период голоцена как ксеротермический. В Прикамье в этот период выпадало всего около 50 мм осадков в год. На многих реках Русской равнины снизилась водность, уменьшилась кривизна излучин, началось меандрирование разветвленных русел, поймы перестали затопливаться и превратились в первые террасы (Копытов, 2016. С. 84). В результате энеолитическое население начало осваивать низкие береговые террасы и пойму, участки, которые ранее были недоступны.

На настоящий момент в бассейне Верхней и Средней Камы известно более 90 энеолитических памятников (Памятники истории..., 1996). Они относятся к трем археологическим культурам: новоильинской, гаринской и борской. Более половины из них пострадали при строительстве Камского и Воткинского водохранилищ: из-за расположения в пойме и на низких террасах часть оказалась подтоплена, а часть полностью затоплена.

Памятники приурочены к водным объектам различного характера и размера: 63 локализируются на крупных реках (Кама, Чусовая, Колва), 17 – на малых реках, 14 – на озерах, как старичных, так и имеющих ледниковое происхождение (Чусовское озеро).

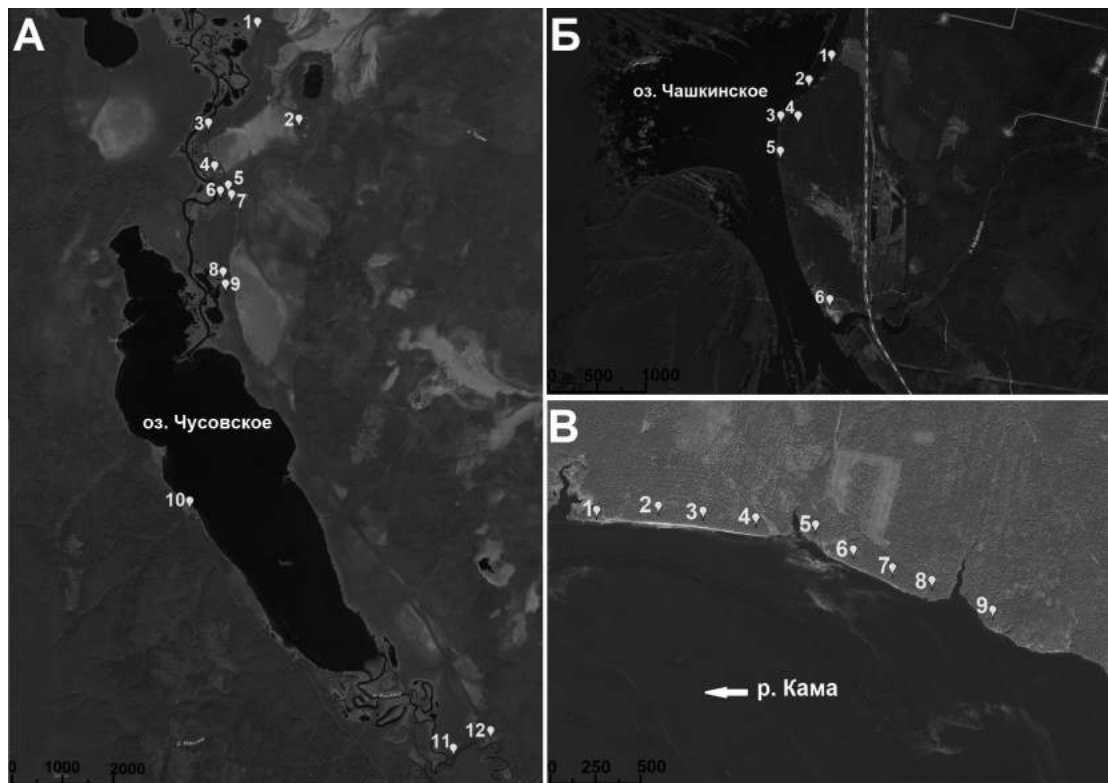

Рис. 1. Районы концентрации энеолитических памятников в бассейне Верхней и Средней Камы.

А: 1 – Долгое озеро I, поселение; 2 – Чашевое веретье I, поселение; 3 – Долгое озеро II, поселение; 4 – Поселение «Васюковское-II»; 5 – Чирва II, поселение; 6 – Чирва I, поселение; 7 – Чирва III, поселение; 8 – Поздеевское Озеро I, стоянка; 9 – Поздеевское Озеро II, стоянка; 10 – Бани I, стоянка; 11 – Ларевка II, поселение; 12 – Ларевка I, стоянка-селище.

Б: 1 – Чашкинское озеро I, стоянка; 2 – Чашкинское озеро IX, стоянка; 3 – Чашкинское озеро III, стоянка; 4 – Чашкинское озеро IIIа, стоянка; 5 – Чашкинское озеро II, стоянка; 6 – Хуторская энеолитическая стоянка.

В: 1 – Камо-Жулановка I, поселение; 2 – Камо-Жулановка II, поселение; 3 – Камо-Жулановка III, поселение; 4 – Камо-Жулановка IV, поселение; 5 – Ольховка, поселение; 6 – Ольховка-Первомайка, поселение; 7 – Первомайка I, поселение; 8 – Первомайка II, поселение; 9 – Первомайка III, поселение.

Больше половины известных памятников (50) располагались на берегах основной водной артерии региона – р. Кама. На Чусовой (второй по значимости реке района исследований) учтено 11 объектов, находившихся в основном в ее нижнем течении, где до затопления сохранялись пойменные участки и низкие береговые террасы. Выше же по течению, ближе к Уральским горам, где Чусовая становится рекой горного типа, подобные участки отсутствовали. Большое количество выявленных на Каме и Чусовой памятников можно связать в том числе с активными археологическими исследованиями, связанными с проектами строительства водохранилищ.

По приуроченности к берегам рек рассматриваемые объекты разделились неравномерно: 52 расположены на правых берегах, 40 – на левых. Одним из объяснений данного факта может служить то, что правые берега являются коренными (высокими) и меньше пострадали при создании водохранилищ, в то время как низкие левые были затоплены, и открытие на них новых памятников маловероятно.

В результате анализа расположения энеолитических памятников удалось выделить пять районов наибольшей их концентрации.

1. Чусовское озеро и р. Березовая (12 памятников) (рис. 1: А).
2. Чашкинское старичное образование (6 памятников) (рис. 1: Б).
3. Устье р. Чусовая (14 памятников, все затоплены).
4. Камо-Жулановский участок (9 памятников, все подтоплены, частично разрушены) (рис. 1: В).
5. Бойцовский участок (12 памятников, все затоплены).

Наиболее перспективным районом для исследований, в том числе комплексных, археологических и естественнонаучных, является Чусовское озеро и р. Березовая. Здесь сконцентрировано большое количество памятников всех эпох, от мезолита до средневековья.

Подведем итоги. Основная масса энеолитических памятников изучаемого региона локализуется вдоль русла Камы. Больше половины их расположены на правых берегах водных объектов. Берега рек требуют дополнительного археологического обследования. Выделены районы наибольшей концентрации энеолитических памятников. Перспективным для изучения является регион Чусовского озера и р. Березовой. Задача дальнейших исследований – выявление особенностей расположения энеолитических памятников в связи с их культурной принадлежностью.

Борисова О.К., 2014. Ландшафтно-климатические изменения в голоцене // Известия РАН. Серия географическая. № 2. С. 5–20.

Копытов С.В., 2016. Пространственно-временная изменчивость геосистем долины Верхней Камы. Дисс. ... канд. геогр. наук. Пермь. 178 с.

Овеснов С.А., 2009. Местная флора. Флора Пермского края и ее анализ: учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. гос. ун-т. 171 с.

Памятники истории и культуры Пермской области, 1996. Т. I. Ч. I. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: Арабеск. 300 с.

М.П. Завершинская

*РООО «Донское археологическое общество», Ростов-на-Дону
marialarenok@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БОЛЬШОГО ДОНБАССА

В начале осени 2018 г. нами была проведена разведка в Каменском и Красносулинском районах Ростовской области¹. Территория, по которой проходил маршрут, относится к вытянутому в широтном направлении водоразделу рек Лихая и Северский Донец и занимает восточную часть Донецкого кряжа. Это всхолмленная, изрезанная оврагами и балками водораздельная возвышенность. Местами на поверхность выходят коренные

¹ Разведка проводилась под строительство ветропарка, проект «Каменско-Красносулинская ВЭС».

горные породы, наиболее древние из которых имеют каменноугольный возраст. Ландшафт на участке обследования степной.

Археологические памятники региона представлены в основном курганами. Нами обследовано 24 курганных могильника, 12 из которых являются вновь выявленными. С помощью прибора RTK Trimble R8s проведена топосъемка, составлены планы памятников. Уточненные данные нанесены на карту¹.

Большинство курганных могильников приурочены к наивысшим точкам водораздела между Северским Донцом и Лихой. Истоки балок и притоков этих рек разделяют его на отдельные возвышенные площадки, на которых и располагаются курганы. Меньшая часть курганов занимает возвышенные участки и мысовые выступы третьей террасы.

Курганы на генеральном водоразделе между Северским Донцом и Лихой – это особая группа памятников. Высокая степь использовалась для совершения погребальных обрядов, связанных преимущественно с элитой древних обществ. Места захоронений здесь чередуются со святилищами и поминальными комплексами. Часть курганных групп сооружена на местах естественных скальных выходов. Такие территории либо никогда не распаивались, либо после неудачных попыток возделывания земли превратились в залежные участки со степной растительностью. На целинных и залежных участках визуальнo прослеживаются поминальные комплексы в межкурганных пространствах в виде ровиков и блюдцеобразных котлованов. Наиболее яркий пример такого рода могильников – группы «Большой Шляховый» I–III в Каменском районе. Они расположены на высшей точке водораздела, на плато, частично сложенном выходами горных пород Донецкого кряжа.

Первые курганы на рассматриваемой территории появляются в энеолите – раннем бронзовом веке. Их сооружение продолжается в эпоху средней бронзы (катакомбная культура). Часть захоронений этого времени впущена в уже существовавшие надмогильные холмы, которые после совершения новых погребений досыпались.

В конце первой половины II тыс. до н.э., с появлением носителей бабинской культуры, вновь появляются кромлехи, сложные перекрытия могильных ям, где наряду с камнем широко используются дерево и тростник. Часть погребений совершается в седловине между насыпями близко расположенных курганов. После перекрытия таких захоронений земляной досыпкой в курганных могильниках возникают многовершинные насыпи – курганы-«верблюды». Ярким примером может служить курган 2 из группы «Лавров II».

В позднем бронзовом веке появляются «длинные» курганы, для которых характерно широкое использование камня: облицовки стен могильной ямы (каменные ящики), многоярусные надмогильные заклады и сложные ограды из рваных плит песчаника.

Кочевники раннего железного века и средневековья также либо впускали могильные ямы в более древние насыпи, либо сооружали курганы с каменными конструкциями над могилами. Для этого времени характерны небольшие насыпи над индивидуальными захоронениями. Зачастую такие небольшие по размерам курганы образуют отдельные группы, расположенные не на генеральном водоразделе, а на его склонах или на возвышениях между балками (например, обследованные нами группы «Малый Шляховый III», «Фадеев I и II», «Фурсов», «Топкий II»).

В эпоху железа широкое распространение получают поминальные сооружения в виде ровиков, специальных углублений-котлованов, особых насыпей, возводимых в межкурганном пространстве могильников (Беспалый и др., 1989). Среди обследованных нами объектов археологического наследия визуальные следы подобных комплексов зафиксированы на таких памятниках, как «Постовой III», «Малый Шляховый II», «Большой Шляховый II», «Верхнерепный I», «Репный IX», «Лавров II и IV», «Топкий II».

Особую группу памятников составляют половецкие святилища XI–XIII вв. с каменными изваяниями («бабами»), которые возводились на вершинах наиболее крупных курганных насыпей, сооруженных в древности. Отметим один из таких комплексов, откры-

¹ Работа с картой выполнена при помощи программного обеспечения QGIS.

тых в кургане 7 группы «Репный I». Здесь для изваяния на вершине холма был сооружен своеобразный храм, кладка стен которого была выполнена на глиняном растворе, а сами стены оштукатурены (Глебов, 2004).

Как места захоронений и отправления культов курганы использовали кочевники-калмыки, появившиеся в донских степях в XVII в. С заселением в XVIII в. южных пределов Российской империи оседлым населением курганы стали объектом грабительских раскопок.

Беспалый Е.И., Головкова Н.Н., Ларенок П.А., 1989. Поминальные памятники IV в. до н.э. – III в. н.э. Доно-Кагальницкого водораздела // СА. № 3. С. 154–163.

Глебов В.П., 2004. Исследование курганных могильников Репный 1, Раскатный 1, Калинов II // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. 1. Ростов-на-Дону. С. 57–186.

О.П. Ларенок

*Ассоциация «Южархеология», Ростов-на-Дону
ksanalare@mail.ru*

АНАЛИЗ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА БУРГУСТА 1

Археологические исследования на курганном могильнике Бургуста 1 проходили летом 2017 г. по проекту реконструкции ГРС г. Гуково Красносулинского района Ростовской области. Основная гряда насыпей, протянувшихся с запада на восток, состояла из четырех курганов (3–6). Курган 5 состоял из нескольких насыпей. В нем зафиксировано восемь погребений. Основная насыпь, сооруженная над погребением 11, относится ко времени бабинской культуры.

Погребение 11 – женское, с уникальным инвентарем, включавшим сохранившееся детали расшивки головного убора и костюма: пастовый бисер и бронзовые дисковидные нашивки, двурожковые пронизи из фаянса, бусы из сердолика, бронзовые трубочки-пронизи, браслет из клыков собаки, створки раковин, а также две биспиралевидные (или очковидные) подвески разных размеров, связанные кожаным ремешком и расположенные в районе поясицы погребенной (Ларенок, 2017. С. 74–79).

Хронологический диапазон существования очковидных подвесок охватывает период от ранней бронзы до раннего средневековья. Аналогичные изделия найдены в различных районах Кавказа, а также смежных областях Украины (Ларенок В., Ларенок О., 2018. С. 219–221). С целью определить происхождение обнаруженных в погребении 11 подвесок они были проанализированы на микрофлуоресцентном рентгеновском спектрометре M4 Tornado (Bruker) в Международном исследовательском центре «Интеллектуальные материалы» Южного федерального университета¹. Особенность применяемого в исследовании метода – в исключении из спектра первых 11 элементов периодической системы (углерода, азота, кислорода и т.п.).

Аналізу подверглись большая биспиралевидная подвеска, бронзовый нашивной диск и трубочка-пронизь. Установлено, что все предметы содержат различное количество мышьяка: бронзовый нашивной диск – 0.81%, трубочка-пронизь – 7.6%, очковидная подвеска – 3.6%.

Ближайшие к рассматриваемому памятнику месторождения мышьяковых руд известны на Северном Кавказе, являвшемся в древности центром распространения по всему югу Восточной Европы медно-мышьяковой металлургии. При этом мышьяк добавлялся в небольших долях и, как правило, совместно с другими легирующими элементами. Выбор древним населением мышьяковистого сплава оправдан – по своим

¹ Анализ провел М.И. Мазурицкий под руководством А.В. Солдатова в рамках совместного инициативного проекта с кафедрой археологии и истории Древнего мира ЮФУ (координатор – Е.В. Вдовченков).

физико-механическим свойствам он не уступал другим бронзам (Селимханов, 1970. С. 44–53). В числе прочих изделий из мышьяковистых бронз выплавляли довольно массивные предметы – такие, как исследованная биспиралевидная подвеска из могильника Бугуста 1. На территории Нижнего Подонья в эпоху средней бронзы подобные находки довольно редки, а потому информативны.

Ларенок О.П., 2017. Уникальный женский комплекс бронзового века из раскопок курганного могильника «Бугуста 1». Ростов-на-Дону // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока: Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ. С. 74–78.

Ларенок В.А., Ларенок О.П., 2018. Биспиралевидные подвески из кургана № 5 курганного могильника «Бугуста 1» Красносулинского района // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. Карачаевск: Изд-во КЧГУ. С. 219, 220.

Селимханов И.Р., 1970. Разгаданные секреты древней бронзы. М.: Наука. 80 с.

А.А. Ларочкин

*Новосибирский государственный педагогический университет
koshara-mac-dak@yandex.ru*

ПРОЯВЛЕНИЕ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ОДИНОВСКАЯ КУЛЬТУРА)

Проблема интерпретации памятников с оружием сейминско-турбинского типа вызывает серьезные дискуссии, продолжающиеся с момента их открытия и по настоящее время. Объектом наибольших споров стали вопросы их культурной принадлежности, датировки и длительности существования. К концу 80-х годов XX в. возобладала точка зрения Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, предложивших считать этот феномен возникшим в результате миграции некой группы населения с территории Сибири на запад (Черных, Кузьминых, 1989. С. 251, 252). Исследователями подчеркивались кратковременность данного события и стремительность продвижения носителей сейминско-турбинских традиций (Черных, Кузьминых, 1989. С. 260).

Находки целой серии классических сейминско-турбинских бронз (копья, кельты) в закрытых комплексах культур Сибири эпохи ранней – развитой бронзы (одиновской, кротовской) могут пролить свет на эту проблему.

Одиновская культура выделена В.И. Молодиным в 2008 г. (Молодин, 2008). Она датируется первой половиной III тыс. до н.э. на основании как радиоуглеродного анализа (Молодин и др., 2010), так и стратиграфических наблюдений (Молодин, 2012. С. 190, 191). Изделия сейминско-турбинского типа фиксируются на четырех памятниках одиновской культуры: могильниках Преображенка-6, Тартас-1, Сопка-2 и поселении Серебрянка-1.

На территории могильника Преображенка-6 найдено четыре изделия: два наконечника копья и два кельта. Первый наконечник (рис. 1: а) происходит из погребения 24, расположенного в центральной части памятника (Молодин, 2013. С. 310). Зафиксирован у южной стенки могильной ямы. Имеет классическую для сейминско-турбинских предметов форму, его длина составляет 38.5 см, максимальная ширина втулки – 4.6 см (Молодин, 2013. С. 313). По типологии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, изделие следует отнести к разряду КД–8 (Черных, Кузьминых, 1989. С. 65. Рис. 28).

Второй наконечник копья (рис. 1: в) найден в пашне (Молодин, 2013. С. 314, 315). Его длина – 12 см, ширина втулки колеблется от 2.9 до 3.4 см. Имеет короткую втулку и округлый стержень пера и относится к разряду КД–42 (Черных, Кузьминых, 1989. С. 89. Рис. 49: 1–3).

Также на распаханной части могильника встречены два кельта сейминско-турбинского типа. Более всего они напоминают изделия разряда К–4 (Черных, Кузьминых,

1989. С. 39. Рис. 3: 3–7). Высота и ширина насада первого (рис. 1: г) и второго (рис. 1: д) составляют 7 и 4 см и 6.7 и 4.8 см, соответственно (Молодин, 2013. С. 315, 316).

В могильнике Тартас-1 изделие сейминско-турбинского типа найдено в захоронении 487. Погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами. Справа от его правой ноги обнаружен бронзовый кельт разряда К-4 (рис. 1: б). Его высота и ширина насада составляют 6.4 и 3.2 см, соответственно.

В могильнике Сопка-2/4А в погребении 518 зафиксирован кинжал (рис. 1: е) (Молодин, 2012. С. 93. Рис. 137: 3). Он располагался возле левой берцовой кости погребенного пожилого мужчины. Длина кинжала – 13.2 см. Лезвие обоюдоострое, ромбовидное в сечении, с продольным ребром по всей длине. В.И. Молодин относит данное изделие к кинжалам сейминско-турбинского типа, разряда НК-10 (Молодин, 2012. С. 154).

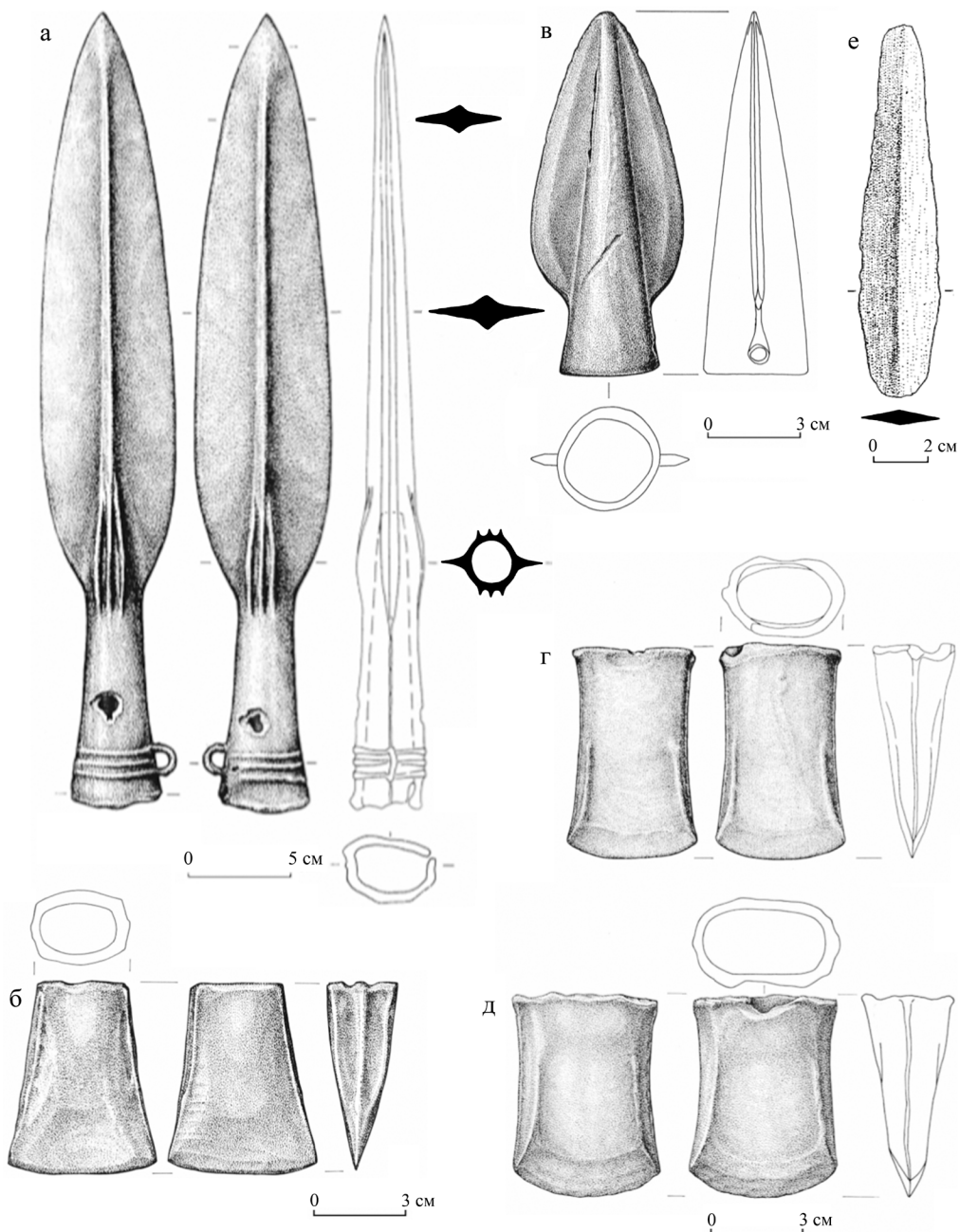

Рис. 1. Бронзовые изделия сейминско-турбинского типа.

а, в, г, д – Преображенка-б; б – Тартас-1; е – Сопка-2/4А (Молодин, 2012. Рис. 220: 2; 2013. Рис. 3; 5; 7: 1, 2; 13: 3).

На поселении Серебрянка–1 в нижнем Приишимье встречена литейная форма для изготовления миниатюрного кинжала категории НК–16 (Матвеев и др., 1995. С. 159. Рис. 25: 14). Данный факт может свидетельствовать о местном производстве предметов сейминско-турбинского круга.

Таким образом, на памятниках одиновской культуры среднего Прииртышья и центральной Барабы выявлены все основные категории предметов вооружения сейминско-турбинского типа: копья, кельты, кинжалы. На сегодняшний день это самые ранние подобные находки. Время возникновения рассматриваемого комплекса следует отнести к периоду существования одиновской культуры, т.е. к первой половине III тыс. до н.э. Учитывая присутствие изделий сейминско-турбинского облика в материалах кротовской культуры, сменившей одиновскую в середине III тыс. до н.э., можно предположить, что бытование исследуемого набора вещей продолжалось минимум до начала II тыс. до н.э. Видимо, процесс формирования и распространения предметов сейминско-турбинского круга занял значительный промежуток времени и был связан с существованием нескольких культур эпохи бронзы Сибири.

- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А., 1995. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск: Наука. 240 с.
- Молодин В.И., 2008. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. С. 9–13.
- Молодин В.И., 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 220 с.
- Молодин В.И., 2013. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 309–325.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А., 2010. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 240–246.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.

А.Ю. Лобода*, **Е.Ю. Терещенко****, **В.М. Ретивов*****, **Н.И. Шишлина******

**НИЦ «Курчатовский институт», Москва
lobodaau@mail.ru*

***ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, Москва*

****НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Москва*

*****Государственный исторический музей, Москва*

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СЕРПОВ ИЗ КЛАДА У с. СОСНОВАЯ МАЗА

Клад у с. Сосновая Маза (Хвалынский район Саратовской области) был найден в 1901 г.; состоит из 68 предметов из бронзы. В коллекции ГИМ хранится 42 бронзовых серпа. Все они относятся к одной разновидности изделий, известных в литературе как «косари-серпы сосново-мазинского типа». Это широкое однолезвийное орудие с изогнутым обушком с бортиком и прямым лезвием. Пятка четырехугольной формы, как правило, не выделена, в центре ее – округлое отверстие (рис. 1).

Целями настоящего исследования были систематизация серпов, выявление особенностей процесса их производства и обработки и общий анализ характера клада. В задачи работы входило проведение метрического и трасологического изучения предметов и сопоставление полученных результатов.

Метрический анализ веса, длины и ширины позволил выдвинуть гипотезу о существовании нескольких размерных групп серпов. В результате трасологического анализа по наличию литейных дефектов были выделены две основные группы изделий: 1 – имеющие незначительные дефекты (мелкие наросты, слабая пористость, небольшие каверны и утяжки); 2 – имеющие значительные литейные дефекты (непроливы, крупные наросты). На некоторых предметах выявлены идентичные по форме и размерам литейные дефекты, чаще всего наросты.

Следы постлитейной обработки (проковка облоя и других выступающих дефектов литья, проковка полотна серпов, а также шлифовка с применением абразивного материала) идентифицированы на поверхности девяти изделий. На этих девяти экземплярах и еще одном, без следов проковки, обнаружены зарубки на лезвиях, которые мы рассматриваем как следы вероятного использования серпов в качестве рубящих орудий. Кроме зарубок к следам использования также отнесены трещины, зафиксированные на двух образцах у края лезвия, и параллельные борозды на предмете № 34, расположенные поперек полотна. Характер этих следов, а также наличие в составе клада большого количества фрагментов серпов позволяют предположить, что рассматриваемые борозды появились в результате незаконченного разрубания неудачно отлитого изделия с намерением его переплавки.

Прослеживается корреляция качества отливки орудий, их последующей обработки и вероятного использования. Проковывались и затачивались качественные заготовки с незначительными литейными дефектами, не оказывающими сильного влияния на конструктивную крепость серпа. При наличии крупных наростов и непроливов изделие не подвергалось дальнейшей обработке и, возможно, шло на переплавку.

Близкие по размерным характеристикам группы серпов изучались на предмет наличия сходных литейных дефектов, совпадения особенностей формы и отверстия

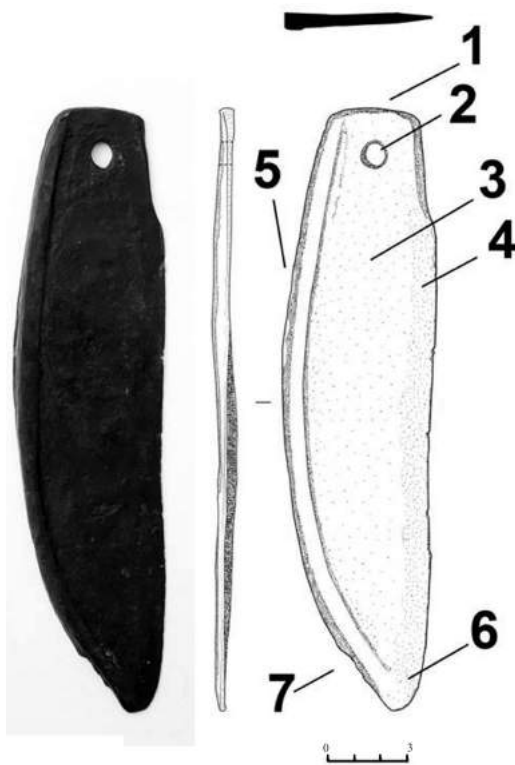

Рис. 1. Клад у с. Сосновая Маза.

Серп № 1. 1 – обух; 2 – отверстие; 3 – полотно; 4 – лезвие; 5 – обушок; 6 – острие; 7 – место обнаружения остатков литниковой системы (литник).

на полотне. Помимо этого, отдельно анализировались образцы, не входящие в метрические размерные группы, но обладающие сходными литейными дефектами, выявленными в ходе трасологического анализа. Сопоставление полученных данных позволило выделить семь подгрупп изделий, каждая из которых, предположительно, была отлита в одной форме. Подгруппа 1: экземпляры № 12, 13, 16, 28, 40; подгруппа 2: № 2, 3, 5, 6, 36; подгруппа 3: № 7, 33, 37; подгруппа 4: № 17, 19, 43; подгруппа 5: № 20, 22, 24, 32, 41; подгруппа 6: № 27, 29, 42; подгруппа 7: № 21, 25. Несколько серпов уникальны по своим размерным параметрам, литейным дефектам и конструктивным особенностям и не имеют аналогий: № 8, 9, 11, 14, 15, 18, 31, 34, 35. Ряд орудий не был распределен по подгруппам из-за деформаций и крупных, искажающих форму, литейных дефектов.

Таким образом, метрический и трасологический анализ материала позволил сделать некоторые выводы о технологическом процессе серийного производства серпов из медных спла-

вов. Они отливались в двусторонних формах, оставивших на изделиях характерный для такого метода дефект – облой по границе разъема двух створок формы. Предположительно, для изготовления всех серпов, обнаруженных в кладе, могло быть использовано более пятнадцати литейных форм, различавшихся по размерам (длина и ширина) и объему затрачиваемого металла. Максимальное зафиксированное количество предметов, относящихся к одной подгруппе, а значит, отлитых, предположительно, в одной форме – пять (подгруппы 1, 2 и 5).

Важно, что постлитейной обработке подвергались заготовки, не имеющие значительных литейных дефектов, а из десяти серпов со следами вероятного использования постлитейную обработку не прошел только один. Проковка и шлифовка полотна значительно повышает механические свойства орудия, и тот факт, что в употреблении находились именно подготовленные серпы, демонстрирует понимание и сознательное использование древними мастерами свойств медных сплавов для улучшения качества изделий. Также по результатам трасологического анализа установлено, что в состав клада входили бывшие в употреблении орудия, качественные заготовки для них и неудачные заготовки серпов с литейным браком, как минимум часть которых была предназначена для переплавки. Все это указывает на то, что комплекс предметов из медных сплавов, обнаруженный у с. Сосновая Маза, является производственным кладом, принадлежавшим, вероятно, мастеру или мастерской.

А.В. Мосунова

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
mosunova.anna.urfu@yandex.ru*

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНО-ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ В IV–II тыс. до н.э.¹

Погребальная обрядность – универсальная адаптация человека, вынужденного мириться с прекращением жизни родственников и близких людей и принимать смерть как явление в целом. Ее растянутый характер направлен на прощание с умершим членом коллектива, установление его нового посмертного статуса, о чем сообщают свидетельства практик предпохоронного, похоронного и послепохоронного циклов. На этапе своего становления она не имеет четких канонов и является, по сути, интуитивным стремлением позаботиться о близком человеке, которое получает развитие в структурированных действиях. В горно-лесном Зауралье первые грунтовые захоронения относятся к IV–III тыс. до н.э. Это время заметных перемен, складывания Зауральско-Североказахстанской культурной общности (Чаиркина, 2005. С. 290). В Зауралье данная эпоха представлена памятниками липчинского, шувакишского, шапкульского, аятского типов.

Всего к анализу были привлечены материалы 17 компактно расположенных в горно-лесной части Зауралья могильников и отдельных погребений, относящихся к энеолиту и эпохе бронзы (72 погребения).

Энеолитические погребения (24 объекта) приурочены к культовым площадкам или поселениям, совершались обычно в неглубоких ямах, ориентированных чаще в меридиональном направлении, иногда присыпаны охрой. Судя по сохранившимся останкам, практиковались кремация и ингумация вытянуто на спине. Погребальный инвентарь представлен костяными и каменными подвесками каплевидной и округлой формы, наконечниками стрел, в том числе шлифованными с желобком, листовидной и «рыбковидной» формы, кельтеминарского типа, фрагментами керамики, изделиями из камня. Могильники для этого времени неизвестны, что может являться маркером невысокой плотности населения: связь между демографическим подъемом и появлением могильников прослеживается в таежных зонах Сибири, где погребальные памятники известны, начиная с мезолита, и в Тюменском Притоболье. Сложность выделения инвариантного

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40011 Древности.

ядра и вариативность обряда – свидетельство становления погребальной традиции, поиска своего рода культурного кода (Корочкова, Мосунова, 2018. С. 13).

Погребений бронзового века известно также немного: 19 захоронений коптыковской и 29 – черкаскульской культур. В это время происходят значительные трансформации в социальной структуре общества, связанные с включением рассматриваемой территории в систему связей Западноазиатской металлургической провинции, адаптациями к новым стратегиям жизнеобеспечения, типам хозяйственной деятельности. Для обрядности коптыковской культуры характерны кремации, ингумации вытянуто на спине или скорченно, специальный погребальный инвентарь, а также заметны параллели со степными традициями.

Погребальный обряд черкаскульской культуры свидетельствует о весомом влиянии федоровских традиций: надмогильные сооружения, каменные оградки, индивидуальные захоронения, кремации, сосуды в могиле.

Очевиден тот факт, что для большей части населения практиковались иные формы погребений, однако ни одна из них не сопоставима по трудозатратам с грунтовой. В этом ракурсе намеренное захоронение в земле само по себе свидетельствует о неординарном статусе умершего, а «богатство» сопроводительного инвентаря, возможно, указывает на особое социальное положение индивида в коллективе, связанное с его личными качествами, умениями, навыками или принадлежностью к общине, роду. Увеличение значимости культовых мест для населения иллюстрирует необходимость подкреплять изменения и новые связи ритуальными практиками.

Корочкова О.Н., Мосунова А.В., 2018. Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (40). С. 5–15.

Чаиркина Н.М., 2005. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН. 314 с.

О.П. Петрова

*Самарский государственный социально-педагогический университет
petrova_olga.borskoe@mail.ru*

О РАЗМЕЩЕНИИ ТЕСЕЛ В ПОГРЕБЕНИЯХ МОГИЛЬНИКА ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС (ПО МАТЕРИАЛАМ 2013–2016 г.)

В 2018 г. завершились раскопки уникального могильника Екатериновский мыс. Памятник был открыт в 2013 г. на мысу, образованном впадением р. Безенчук в Волгу в Безенчукском районе Самарской области сотрудниками СОИМК им. П.В. Алабина А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенковым (Кочкина, 2015). Изучение его продолжается в настоящее время (Королев и др., 2015; 2017а; 2017б; Кочкина, 2017). Доминирующее положение костяков – вытянутое на спине, в связи с чем могильник Екатериновский мыс отнесен к памятникам мариупольского типа (Королев и др., 2015. С. 514). Также выделилась группа погребений, для которых характерно положение скелетов скорченное на спине с согнутыми в коленях ногами и в полусидячей позе (Королев и др., 2018а. С. 58–67).

Сопроводительный инвентарь представлен изделиями из камня, рога и кости, раковин, клыков и зубов животных. Наиболее распространенной его категорией являются каменные тесла. Анализ их размещения в погребениях – задача данного исследования.

Тесла изготовлены из различного сырья: светло-серого кремня, окремнелого известняка, мелкозернистого камня зеленого цвета. В погребениях они представлены целыми шлифованными орудиями без следов сработанности на лезвии; целыми шлифованными орудиями с незаточенным лезвием; шлифованными орудиями со сколами от работы на лезвии; экземплярами, обработанными сколами и ретушью, у которых завершено формообразование, но отсутствуют следы шлифовки; теслами, расколотыми на 2–3 части; орудиями с разбитым лезвием; крупными обломками; мелкими осколками. Размеры варьируются от миниатюрных (5–6 см) до крупных (14–19 см). 13 погребений содержали 1 тесло, 7 погребений – 2 тесла, 7 погребений – 3 тесла, 1 погребение – 4 тесла. Всего за

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.70-72

2013–2016 гг. обнаружено 48¹ изделий, из них 28 сломаны и представлены отдельными фрагментами, что объясняется применением к ним обряда порчи вещей.

Перейдем к анализу размещения тесел. В *погребении 4* оно располагалось около правой руки умершего. *Погребение 7* содержало три тесла: первое находилось около затылочной части черепа и было положено на костяную пластину, второе – на месте плечевой правой кости, третье – ниже второго, под углом к нему. Интересно *погребение 8*, в котором найдены четыре тесла. Одно из них располагалось под нижней челюстью погребенного, другое было сломано, а его фрагменты помещены на правую руку. Третье лежало у левого предплечья, а четвертое, расколотое на крупные фрагменты, было найдено на правой плечевой кости и под челюстью умершего. В *погребении 10* тесло зафиксировано в районе левого бедра, а в *погребении 65* – с внутренней стороны правого бедра. Три тесла найдены в *погребении 13*: первое – на правом плече, второе – на левом, третье – в области груди. *Погребение 27* содержало два тесла, одно находилось около черепа, другое – на тазовых костях. Около левого локтя костяка из *погребения 39* выявлено два тесла, а в *погребении 53* – одно, в районе правого локтя. В *погребении 40* в области груди умершего выявлены пять фрагментов расколотого тесла. Экземпляр из *погребения 45* был расколот на две части и лежал на груди погребенного (Королев и др., 2018б. С. 294). В *погребении 70* одно из тесел располагалось под левой плечевой костью ближе к локтю, еще два лежали под костями черепа у лицевой части и около челюсти. В *погребении 77* у правого локтя костяка обнаружено большое тесло, под углом к нему находилось второе. Третье зафиксировано в центре области живота.

По результатам анализа можно выделить следующие области размещения тесел: череп/около черепа (захоронения 7, 11, 27, 70); под нижней челюстью (8, 73); область груди (13, 40, 41, 45, 67, 72, 76); плечи (4, 7, 8, 13, 41, 56, 70); предплечья (8); локти (39, 53, 77); область живота (77); область таза (27, 30, 73); бедра (9, 10, 31, 65). В пяти погребениях в связи с плохой сохранностью костей конкретное местоположение тесел определить не удалось.

Чаще всего тесла располагались в области груди и на плечах. Изделия, встречающиеся в погребениях поодиночке, как правило, клали на правое или левое плечо, либо в область груди, либо в районе бедер. Дважды повторяется сочетание расположения тесел в области черепа и плеча (погребения 7, 70), а также в области груди и плеч (13, 41). В двух случаях выявлено расположение одного тесла под углом к другому (7, 77).

Необходимо отметить особое значение находок из погребений 7 и 45. В первом случае тесло лежало на костяной пластине в области затылка умершего, во втором – на груди среди наверхий скипетров (символов власти). Безусловно, это говорит о важной роли данной категории инвентаря в ритуально-обрядовой практике.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2015. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3 (2). Самара. С. 514–517.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2017а. Грунтовый могильник Екатериновский мыс эпохи энеолита в Самарском Поволжье: итоги работ 2013–2016 гг. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: АлтГУ. С. 527–528. <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3896>

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2017б. Могильник Екатериновский мыс в Среднем Поволжье – новый памятник изучения искусства эпохи энеолита // Университетская археология: прошлое и настоящее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 207–212.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., 2018а. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. № 3 (25). С. 58–67.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В., 2018б. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // *Stratum plus*. № 2. С. 285–302.

¹ Автор выражает искреннюю признательность А.Ф. Кочкиной, Д.А. Сташенкову и А.И. Королеву за возможность использовать неопубликованные материалы из раскопок могильника.

- Кочкина А.Ф., 2015. Разведочные работы в Самарской области // АО 2010–2013 гг. М.: ИА РАН. С. 495, 496.
- Кочкина А.Ф., 2017. Исследования на грунтовом могильнике Екатериновский мыс // Археологические открытия в Самарской области 2016 года. Самара: Изд-во СНЦ. С. 8, 9.

В.С. Пономарев

*Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
vitalponomarevcrimea@gmail.com*

ОФОРМЛЕНИЕ ДНИЩ ЛОЩЕНЫХ СОСУДОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ КРЫМА КРУГАМИ-ВДАВЛЕНИЯМИ: АНАЛОГИ И ТЕХНОЛОГИИ

Определение времени появления гончарного круга – актуальная проблема археологии эпохи бронзы Евразийских степей и Кавказа. Носители культур раннего бронзового века, отличающихся крупными сосудами хорошей выделки, были близки к применению упрощенного круга или его прототипа. На памятниках майкопско-новосвободненской общности обнаружена глиняная посуда, на днищах которой имеются углубленные оттиски круглой формы. Дискуссия об их назначении ведется с 60-х годов прошлого века (Бобринский, Мунчаев, 1966. С. 14). При раскопках крымского поселения Глейки II в 2018 г. обнаружены донья сосудов с кругами-углублениями, весьма похожими на аналогичные майкопско-новосвободненские. Определенный горизонт отложений Глеек II также можно отнести к майкопскому времени. Сравнение находок помогает уточнить некоторые особенности технологий производства керамики.

Поселение Глейки II расположено на крайнем востоке Керченского полуострова. Рядом находится поселение Глейки I каменной культуры Восточного Крыма, близкой культуре многоваликовой керамики, открытое В.В. Веселовым. Поселение Глейки II, впервые описанное А.Е. Кислым, является единственным памятником такого типа в Крыму (Кислый, Игнатенко, 2017. С. 18).

Керамический комплекс Глеек II отличается от керамики каменного типа и известных памятников эпох энеолита и бронзы Крыма. Примеси в тесте здесь могут быть аналогичны фиксируемому для каменной посуды, однако глейковская – более тонкостенная, хрупкая, с большим количеством морского песка. Необходимость формовки крупных сосудов определяет требования к глиняной массе, которая должна быть тщательно подготовлена, отощена, обладать хорошим внутренним армированием, что достигается за счет добавления значительного количества раковин. При этом среди глейковской керамики есть и плотная, отмученная, более однородная с небольшой примесью ракушки или вовсе без заметных примесей. Часть такой посуды напоминает кемиобинскую. Майкопская же керамика отличается от первой и второй более однородным обжигом и тщательной обработкой поверхности.

Глейковская посуда лепная, обжиг неравномерный. Снаружи сосуд может быть черного цвета с серыми или красными пятнами, внутри – черный, красно-желтый. Большая часть керамики обработана значительно лучше, чем изделия степных культур эпох энеолита и бронзы. Внешняя и внутренняя поверхности всех форм сосудов, как правило, тщательно, до блеска, обработаны, заглажены. Орнамент встречается крайне редко и выглядит как нечеткие каннелюры при переходе от шейки к тулову горшка. В этом же месте иногда располагается малозаметный оттянутый валик. Еще более редки фрагменты с прочерченными линиями или отпечатками перевитой тесьмы. Формы разнообразны. Особенность рассматриваемого набора в сравнении с собственно степными культурами составляет керамика с шаровидным туловом, плоским или закругленным дном, кубкообразные изделия; редко встречаются сосуды с высоким цилиндрическим горлом, вертикальными широкими ручками или ручками-выступами на тулове, горшки с закраинкой у дна. Отметим блюда и жаровни, наличие которых связано с рыболовством, обильным использованием в пищу морепродуктов.

Рис. 1. Круглое углубление на дне сосуда с поселения Глейки II.

Составляющие предмет настоящего исследования вдавления неправильно-округлой формы с выпуклостью в средней части расположены в центре дна, имеют размер 4.7×4.4 см и т.п., заглублены в тело сосуда на 1–4 и 1–3 мм (рис. 1). Варианты их интерпретации следующие: 1) эстетическая особенность формы; 2) метка производителя; 3) функциональный элемент, имеющий практическое назначение; 4) результат особой технологии производства.

По итогам дискуссии о назначении кругов-оттисков исследователи (А.А. Бобринский, Р.М. Мунчаев, С.Н. Корневский, А.С. Кизиллов) в целом склонились к версии «технологического следа». Считается, что они образованы в результате вращения сосуда на подставке вокруг неподвижного центрального стержня, выступающего наружу. Об этом, якобы, свидетельствует сохранившийся у всех майкопских оттисков повышенный бортик по краю, который может возникнуть только в вышеописанном случае. При простом контакте (насаживание – снятие) формируется совершенно иной бортик, пониженный, с «рваными» очертаниями. Эти наблюдения подтверждены и нашими опытами, но с определенными уточнениями.

На фрагментах как майкопской, так и глейковской посуды следы от кругового вращения заметны в редких случаях. Предполагается, что они затирались. Выводы разных исследователей-археологов, наши эксперименты, заключения гончаров-профессионалов, занимавшихся археологическими реконструкциями (Л.В. Корсун), подводят к мысли, что керамику «можно было изготовить разными способами от руки и не только ленточным методом» (Корневский, Кизиллов, 2015. С. 205). Иными словами, в использовании гончарного круга для носителей исследуемых культур не было необходимости.

Тщательное заглаживание углублений на днищах глейковской керамики, формирование вышеозначенного бортика при помощи стека, а не в результате вращения круга, асимметричность оттисков и оставление углублений на майкопской керамике при обработке всей поверхности говорит о том, что эти элементы имели и функциональное, практическое назначение. Интерпретировать их можно по-разному, но прежде всего отметим, что углубление помогало придавать устойчивость сосудам с нешироким дном или даже круглодонным на плохо выровненной поверхности, на которую устанавливали сосуд – скажем, на неровном камне, доске и т.п.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. С. 14–23.

Кислый А.Е., Игнатенко О.В., 2017. Традиции археологии первобытных и ранних традиционных обществ Крыма // История и археология Крыма. Вып. VI / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: ИП Бровка. С. 8–24.

Корневский С.Н., Кизиллов А.С., 2015. Об изготовлении керамики майкопско-новосвободенской общности и моделировании следов поворотного устройства // КСИА. Вып. 239. С. 195–210.

Асм.Г. Симонян, Аст.Г. Симонян, М.В. Геворгян
Министерство культуры Республики Армения,
«Служба по охране исторической
среды и историко-культурных музеев-заповедников» ГНО, Ереван
hassimonyan89@gmail.com
asts955@gmail.com
gevorgyan.menua@gmail.com

**ПРОБЛЕМА ПОВТОРНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ:
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КАМЕРАХ КУРГАНОВ МЕЦАМОРСКОГО НЕКРОПОЛЯ**

Археологический памятник Мецамор находится в северо-западной части Араратской долины, на левом берегу р. Мецамор, в 35 км к западу от г. Ереван. Он состоит из циклопической крепости, окруженной городскими кварталами, и отдельно расположенного некрополя, и относится преимущественно к позднему бронзовому веку (XV–XIII вв. до н.э.) и первым двум периодам раннего железного века (XI–IX вв. до н.э.), хотя самая ранняя фаза его использования может быть датирована IV тыс. до н.э., а самая поздняя – XVII в. н.э.

Памятник предоставляет богатую и зачастую уникальную информацию об истории региона, а также о контактах между Армянским нагорьем и Ближним Востоком. Некоторые артефакты, обнаруженные в погребениях Мецамора, не имеют параллелей по всему региону. Таковы, например, сардониковая лягушковидная гиря-подвеска, цилиндрическая печать Вавилонского правителя Куригалзу, золотые подвески, многочисленные оловянные бусы и др. (Золото Древней Армении, 2007; Пилипосян, Арутюнян, 2015). Результаты многолетних работ представлены в нескольких полевых отчетах, двух монографиях и более чем в десятке статей (Ханзадян и др., 1973; Piliposyan et al., 2014; Пилипосян и др., 2015).

Некрополь расположен к востоку от цитадели и занимает площадь около 200 га. Некоторые курганы и погребения были полностью разрушены во время строительства Мецаморской АЭС, другие пострадали в 1980-е годы в результате сооружения дренажной системы. Однако именно в ходе этих работ обнаружено большинство известных погребений (Ханзадян, 1995. С. 39–56).

Некрополь сформировался в эпоху средней бронзы (XVIII–XVI вв. до н.э.), но самое раннее погребение, датируемое периодом ранней бронзы, раскопано на большом холме под полом жилища (Золото древней Армении, 2007. С. 72, 73). Курганы сооружались только в эпохи поздней бронзы и раннего железа и, в основном, повторно использовались в более позднее время. При этом новые погребения сопровождалось разграблением богатых захоронений предыдущих периодов.

На территории Мецаморского некрополя раскопано 120 рядовых погребений и 19 курганов: 17 из них исследованы Э.В. Ханзадян между 1960 и 1990 гг., курганы же XVIII и XIX раскопаны в 2016–2017 гг. армяно-польской экспедицией (Jakubiak et al., 2016; Jakubiak et al., 2017). Погребальные камеры курганов были выложены из крупных туфовых и базальтовых камней. Их ширина составляет 2–5 м, длина – 5–8 м, глубина – 1–1,7 м. Конструкции перекрывались деревянными бревнами (курганы 8, 11) или большими удлиненными плитами (курган 19). Камеры были окружены каменными кромлехами диаметром от 5 до 12 м. Насыпи в основном разрушены в результате хозяйственной деятельности. Они, очевидно, сооружались из земли, глины и гальки, так как разграбленные курганные камеры с вторичными захоронениями были заполнены именно этими материалами.

Благодаря всестороннему изучению обнаруженных артефактов, которые хранятся и экспонируются в историко-археологическом музее-заповеднике «Мецамор», а также неопубликованному архиву Э.В. Ханзадян, можно реконструировать погребальную традицию памятника в эпохи бронзы и раннего железа.

Рядовые погребения этих периодов, как правило, индивидуальные, иногда – парные. Умерших хоронили в скорченном положении, размещая в центре камер вместе с сопроводительным инвентарем: глиняными мисками, бусами, орудиями труда и оружием, украшениями.

В погребальных камерах курганов, судя по данным антропологических исследований, захоронения, напротив, были групповыми. Сопроводительный инвентарь в них представлен оловянными, бронзовыми, серебряными, сурьмяными и золотыми частями украшений, бронзовым оружием (кинжалы, наконечники стрел), элементами конской упряжи, небольшим количеством орудий труда, фрагментами дерева, костями крупного и мелкого рогатого скота, птицы. Материал, однако, находился в основном в переотложенном состоянии, так как курганы были разграблены либо разрушены в результате повторных захоронений. В связи с этим судить об обряде основного погребения и составе погребенных в нем индивидов не представляется возможным.

Анализ инвентаря и деталей повторных захоронений, а также дифференцированная датировка находок из нижних и верхних слоев позволили проследить стратиграфию и планиграфию погребений. В частности, установлено, что разграблению подвергалась центральная часть камер, а материал, располагавшийся вдоль стен (главным образом, многочисленные бусы) сохранился *in situ*. Так, в каждой из камер курганов XVIII и XIX обнаружены более 1000 бус из олова, сердолика, а также золота, пасты, агата и др. Они были сосредоточены в нескольких скоплениях именно вдоль стен камер или близ их углов.

Повторные захоронения обнаружены во всех курганных комплексах Мецамора. При их совершении первичная земляная курганная насыпь из-за смещения балок перекрытия осыпалась в камеру, в результате чего погребальный инвентарь, а также палеозоологические и антропологические материалы повреждались и перемещались. Новые захоронения располагались на поверхности этого мешаного слоя, содержавшего переотложенные материальные остатки более раннего времени.

Иногда, однако, новые погребения не разрушали первичные, как это было зафиксировано в кургане XVIII. Здесь под стенкой комплекса позднего бронзового века находилось захоронение эпохи средней бронзы, сопровождавшееся немногочисленной керамикой. Можно предположить, что причиной возникновения такой ситуации стало представление о «священной территории», в то время как повторное использование погребальных камер может свидетельствовать о нехватке места для новых захоронений.

В целом анализ результатов исследований курганов XVIII и XIX, раскопанных в 2016–2017 гг., позволяет предположить, что как основные, так и вторичные погребения в них принадлежали представителям элиты. На это указывают большие размеры кромлехов (диаметр 10–11 м), разнообразный и богатый инвентарь (золотые подвески, большое количество бус из олова, бронзы, сердолика, гагата, агата, браслеты, пуговицы, фрагменты многочисленных керамических сосудов), сохранившийся, несмотря на ограбление и разрушение курганов. В отличие от рядовых погребений, повторные захоронения зафиксированы только в курганных камерах.

Результаты проведенных исследований позволяют реконструировать последовательность сооружения и использования раскопанных в 2016–2017 гг. погребальных комплексов. Курган XVIII был насыпан в конце эпохи поздней бронзы (XIV–XIII вв. до н.э.) над неразрушенным погребением среднего бронзового века (XVII–XVI вв. до н.э.). Следующее захоронение в нем совершено уже в эпоху раннего железа (XI–IX вв. до н.э.). Курган XIX сооружен также в период поздней бронзы, а два повторных захоронения – в эпоху раннего железа и в урартское время (VIII–VII вв. до н.э.).

Золото древней Армении, 2007 / Под ред. А. Калантарян. Ереван: Изд-во «Гитутюн». 418 с. (на армян. яз.).

Пилипосян А., Арутюнян Э., 2015. Каталог археологических материалов: Мецамор: историко-археологический музей-заповедник. Ереван. 21 карточка.

Пилипосян А., Геворгян Л., Абгарян А., Закян А., 2015. Мецамор (Историко-археологический очерк). Ереван: Изд-во «Лусабац». 73 с. (на армян. яз.).

- Ханзадян Э.В., Мкртчян К.А., Парсамян Э.С., 1973. Мецамор: Исследования по данным раскопок 1965–1966 гг. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР. 260 с. (на армян. яз.).
- Jakubiak K., Piliposyan A., Iskra M., Zaqyan A., appendix: Mkrтчyan R., Simonyan H., 2016. Metsamor (Armenia). Preliminary report on the excavations in 2013, 2014 and 2015 // Polish Archaeology in Mediterranean. 25. P. 553–572.
- Jakubiak K., Piliposyan A., Iskra M., Zaqyan A., 2017. Preliminary report on the 2016 season in Metsamor (Armenia) // Polish Archaeology in Mediterranean. 26. P. 557–569.
- Khazadian E.V., 1995. Metsamor 2. La Necropole (Les Tombes du Bronze Moyen et Recent). Neuchâtel-Paris. 145 p.
- Piliposyan A., Zaqyan A., Gevorgyan L., Pogosyan D., 2014. The gold of Metsamor (A Guide to the Special Fund of the “Metsamor” Historical-Archaeological Museum-Reserve). Yerevan: Legal plus. 20 p.

Н.В. Солдаткин

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
niksoldatkin@yandex.ru*

СРАВНЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛИЩ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКИХ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ¹

В обширной историографии по теме синташтинско-петровской архитектуры основной интерес направлен на необычные фортификационные сооружения, размеры, формы, планировки поселений. В большинстве работ, касающихся темы жилищ, представлен только обобщенный образ усредненного стандарта жилой архитектуры. Это массив сблокированных каркасно-столбовых построек, имеющих общие продольные стены, а задними примыкающих к обводной стене поселения. Общие стены сооружались из грунта, для которого деревянный каркас со сторон двух соседних жилищ служил основой несъемной опалубки. Каркас в целом состоял из четырех рядов деревянных столбов, равномерно расположенных в границах котлована и ориентированных по продольной оси жилища. Постройки имели неглубокие котлованы, унифицированные размеры (100–180 кв. м), форму (удлиненная трапеция или прямоугольник) и планировку. Они обладали одним основным входом – посередине передней стены, и состояли из двух-трех частей: «жилой», разделенной коридором на две стороны с несколькими небольшими помещениями на каждой; «хозяйственной», содержащей один или несколько колодцев, очагов и печей; и иногда выделяемой «сакральной» зоны у задней стены. Также у ряда построек перед входом имелся небольшой «дворик».

Этот образ стал устойчивым отличительным атрибутом синташтинско-петровских поселений. Однако даже в пределах Аркаима и Синташты, послуживших основой для его формирования, очевидно, ему соответствуют не все жилища. Еще заметнее отклонения и отличия от описанного стандарта на всех остальных исследованных синташтинско-петровских памятниках. Количество несоответствий растет по мере появления результатов новых полевых исследований. Это, вместе с большим количеством полностью и частично раскопанных к настоящему времени жилищ (Солдаткин, 2018. С. 211–215), ставит задачу обобщающего сравнительного исследования.

Для ее решения проанализированы данные об архитектуре жилищ по наиболее значимым характеризующим их параметрам – в соответствии с источником и с учетом опыта аналогичных работ. Значения параметров занесены в таблицы, составляющие базу данных в программе Microsoft Access. В основе ее структуры лежит схема описания построек, разработанная Е.М. Черных (Черных, 2008. С. 23–38): 1) конструкция (основание, перекрытие, стены, вход); 2) объемно-планировочные элементы (камеры, отсеки); 3) объекты интерьера (колодцы, очаги, хозяйственные ямы); 4) строительные детали (деревянные, грунтовые элементы, камни). Сравнительный анализ собранной информации с применением статистических методов позволяет представить некоторые выводы.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 16-18-10332, «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)», руководитель – Л.Н. Корякова.

Рассматриваемые поселения – многослойные археологические памятники, на них выделяется два основных последовательных этапа заселения: синташтинско-петровский и срубно-алакульский. На североказахстанских памятниках Новоникольское I и Петровка II исследованы также постройки третьего, позднего этапа – саргаринско-алексеевского. Всего к настоящему времени раскопано 167 построек, из них 71 – полностью. Из последних 52 относятся к синташтинско-петровскому этапу, 8 – к срубно-алакульскому и 11 – к саргаринско-алексеевскому.

Для жилищ раннего, синташтинско-петровского этапа строгий, неизменный архитектурный стандарт не выявлен. Все основные количественные параметры имеют большие значения вариации – размаха, дисперсии, среднеквадратического отклонения, отсутствует нормальное распределение по гистограмме частот. По-разному представлены и сочетания качественных признаков. Все это говорит о неоднородности исследуемой выборки, однако можно выделить общую модель, на воспроизведение которой население ориентировалось на раннем этапе. Наиболее четко она просматривается на немногочисленных одноактных жилищах, с минимальными следами ремонтов и перестроек. Это большая каркасно-столбовая постройка в форме вытянутого прямоугольника (или трапеции), с характерной планировкой и интерьером, в основном схожая с представленным в историографической части работы обобщающим образом.

Существенно отличающиеся от общей модели жилища можно разделить на несколько групп. Первая – сооружения значительно уменьшенных и, наоборот, увеличенных размеров, зачастую с аморфными, неотчетливыми границами котлованов, нефункционально большим количеством и хаотичным расположением столбовых и хозяйственных ям, колодцев, очагов. Перечисленные признаки – результат ремонтных работ и поздних перестроек. Вторая – небольшие по размерам постройки с подквадратным котлованом и коридорообразным угловым входом, без или с минимальным количеством столбовых ям и колодцев. Скорее всего, они относятся уже к следующему, срубно-алакульскому этапу. Третья – также небольшие по размерам постройки с нестандартной формой котлованов, отличающиеся от общей конфигурации и занимающие крайнее положение в рамках своего сектора. Их особенности могут объясняться спецификой расположения и стремлением древних архитекторов вписать их в общую линию укреплений.

Наибольшая близость наблюдается у двух-трех расположенных по соседству в одном ряду жилищ, затем сходство постепенно уменьшается – в рамках отдельного сектора остроей, отдельного поселения и, наконец, всех изученных поселений.

Постройки срубно-алакульского этапа демонстрируют, с одной стороны, преемственность с сооружениями предыдущего периода, воспроизводя ранние архитектурные параметры, а с другой, значительные трансформации традиций. Саргаринско-алексеевские же жилища существенно отличаются от предшествующих по большинству учтенных признаков.

Солдаткин Н.В., 2018. Жилая архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа: обзор источников // Научный диалог. № 1. С. 209–220.

Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: УдмГУ. 271 с.

А.Г. Трофимов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
mistergreen03678@gmail.com*

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ САМАРСКО-ХВАЛЫНСКИХ МАТЕРИАЛОВ НА РЕКЕ СОК

Для изучения процессов, происходящих в лесостепном Поволжье в период раннего – среднего энеолита, необходимо обратить внимание на возможность культурного взаимодействия носителей традиций воротничкового оформления венчиков и хвалынской культуры. Большой интерес в этом отношении представляет коллекция воротничковой

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.77-79

керамики стоянки Лебяжинка IV, расположенной на левом берегу р. Сок. Исследование памятника проводилось в 1990-х годах (Овчинникова, 1993), но данная керамика практически не введена в научный оборот. Настоящая работа посвящена ее культурной интерпретации.

На основе исследования 140 фрагментов венчиков выделено около 100 сосудов. Днища не обнаружены. Посуда изготовлена с примесью толченой раковины. Толщина стенок колеблется от 0.5 до 1.2 см, в среднем – 0.7 см. Подавляющая часть венчиков имеет воротничковое оформление, девять экземпляров – без воротничков. Они отнесены к рассматриваемой группе на основе сходства в примеси, обработке поверхности и орнаменте. Воротнички в сечении имеют различную форму: подтреугольные, подпрямоугольные, овальные или округлые с округлым или уплощенным внешним краем. Овальные и округлые венчики близки по форме керамике хвалынской культуры. Встречаются крупные валикообразные воротнички. Большинство сосудов орнаментировано по внешней стороне и срезу венчика.

Орнамент наносился преимущественно оттисками гребенчатого и веревочного штампа, присутствуют также насечки и вдавления треугольных и овальных форм под венчиком. На воротничках отпечатки штампа наносились в большинстве случаев под углом к поверхности сосуда; у трех экземпляров они были нанесены перпендикулярно.

Тулово украшено в основном близко поставленными горизонтальными оттисками гребенчатого и веревочного штампа, аналогично декору керамики хвалынской культуры. Орнамент в виде треугольников встречен на одном сосуде. Имеются два неорнаментированных экземпляра, по форме венчика напоминающие изделия хвалынской культуры. Четыре сосуда украшены по тулову «шагающей гребенкой», еще один – горизонтальной. Такая орнаментация сближает их с материалами второго этапа самарской культуры.

Выделяются два сосуда, близкие по облику материалам Съезжинского могильника. Первый сохранился в виде развала, венчик имеет в сечении подтреугольную форму воротничка, тулово под ним украшено двойным прочерченным зигзагом и оттисками веревочки. Второй сосуд имеет воротничок вытянутой подтреугольной в сечении формы.

Схожие материалы обнаружены на расположенной вблизи стоянке Лебяжинка I. Авторами раскопок керамика памятника интерпретирована как хвалынская, с некоторой лесостепной спецификой (Барынкин, Козин, 1995. С. 147; Барынкин, 2010. С. 138). Стоянки Лебяжинка I и IV сближают: воротничковая форма венчиков сосудов, использование преимущественно оттисков зубчатого штампа и аммонита, близость орнаментальных композиций, особенно «шагающей гребенки». Однако если на Лебяжинке IV валиковые формы воротничка встречаются редко, то на Лебяжинке I они более распространены.

Керамика Лебяжинки IV и Лебяжинки I находит аналогии среди материалов Ивановской стоянки (Моргунова, 1989. С. 120) и Турганикского поселения, исследованных Н.Л. Моргуновой в Оренбургской области (Моргунова, 2011. С. 67). Посуду этих памятников сближают формы сосудов, мотивы орнамента и формы венчиков. На Турганикском поселении воротничковая керамика по степени близости с хвалынской разделена на два комплекса: ивановский и ивановско-хвалынский (Моргунова и др., 2017. С. 49).

По воротничковой керамике хвалынского типа получены радиоуглеродные даты Ki-15427 5920±90 BP (Моргунова и др., 2010. С. 23) и Ki-16292 5980±90 BP (Королев, Шалапинин, 2010. С. 268), ивановского типа – Ki-15426 6100±90 BP (Моргунова и др., 2010. С. 23) и Ki-16293 6160±90 BP (Королев, Шалапинин, 2010. С. 267). Более ранние даты – у посуды ивановского типа, но по керамике хвалынской культуры из Гундоровского поселения получена более поздняя дата, которая подтверждает сосуществование ивановских и хвалынских материалов: Ki-14524 5790±80 BP (Моргунова и др., 2010. С. 23).

Таким образом, керамика со стоянки Лебяжинка IV обладает хвалынскими чертами, что позволяет интерпретировать ее как ивановско-хвалынскую.

Барынкин П.П., 2010. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье». С. 133–139.

- Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения неолитических культур в степном и лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 136–164.
- Королев А.И., Шалапинин А.А., 2014. К вопросу о хронологии и периодизации энеолита степного и лесостепного Поволжья // Известия Самарского НЦ РАН. Т. 16. № 3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 266–275.
- Моргунова Н.Л., 1989. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 118–135.
- Моргунова Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 220 с.
- Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С., 2017. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: Изд. центр ОГАУ. 300 с.
- Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2010. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. № 4. С. 18–27.
- Овчинникова Н.В., 1993. Отчет о раскопках поселения Лебяжинка IV в Красноярском районе Самарской области в 1990 году по открытому листу № 645 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 17577.

А.А. Швецова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород
Asendriy@mail.ru*

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО У ПЛЕМЕН ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Изготовление керамических сосудов в первобытных обществах происходило в соответствии с местными гончарными традициями, которые передавались от одного поколения к другому (Бобринский, 1999. С. 52). Изучение традиций гончарного производства возможно в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978), включающего серию специальных методик, направленных на извлечение из фрагментов древних сосудов информации технологического характера. В рамках данного исследования представлены предварительные результаты технико-технологического анализа фрагментов керамики поздняковской культуры позднего бронзового века (вторая половина II тыс. до н.э.).

В структуре гончарного производства выделяется три последовательных стадии: подготовительная, созидательная и закрепительная (Бобринский, 1999. С. 8–14). Первая объединяет действия гончара по приготовлению формовочной массы. Она включает отбор и добычу исходного сырья, его обработку и при необходимости добавление в его состав минеральных и органических компонентов. Во вторую стадию объединены действия гончара, направленные на создание сосуда, в третью – действия, предпринимаемые для придания сосудам прочности и влагонепроницаемости. Имеющийся в распоряжении керамический материал поздняковской культуры позволяет в полной мере получить информацию о навыках труда на первой стадии гончарного производства.

Для технико-технологического анализа были привлечены материалы керамических комплексов четырех поселений поздняковской культуры, локализованных на территории Волго-Окского Правобережья: Шава-1, Безводное-1, Наумовка и Новая Деревня-1. В общей сложности проанализировано 232 образца посудной керамики от условно разных сосудов.

В результате проведенных исследований удалось установить, что гончары поздняковской культуры были знакомы с двумя качественно различными видами исходного пластичного сырья (ИПС) – илистыми глинами (ИГ) (12%) и глинами (Г) (88%) (табл. 1), отдавая предпочтение одному из них (на поселениях Шава-1, Безводное-1 и Наумовка – Г, на поселении Новая Деревня-1 – ИГ). Среди Г отбирались ожелезненные,

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.79-81

Табл. 1. Исходное пластичное сырье

Поселения	ИГ				ОГ				
	ИГ-1	ИГ-2	ИГ-3	Всего:	ОГ-1	ОГ-2	ОГ-3	ОГ-4	Всего:
Новая Деревня-1	11	4	4	19	2	2	6	1	11
Наумовка	-	1	1	2	12	24	21	13	70
Безводное-1	3	2	1	6	5	10	28	21	64
Шава-1	-	-	-	-	17	23	20	-	60
Всего:	14/ 52%	7/ 26%	6/ 22%	27/ 100%	36/ 18%	59/ 29%	75/ 37%	35/ 17%	205/ 100%
Итого: 232/ 100%	27/12%				205/88%				

ИГ – илестая глина; ИГ-1 – незапесоченная ИГ; ИГ-2 – слабозапесоченная ИГ; ИГ-3 – среднезапесоченная ИГ; ОГ – ожелезненная глина; ОГ-1 – незапесоченная ОГ; ОГ-2 – слабозапесоченная ОГ; ОГ-3 – среднезапесоченная ОГ; ОГ-4 – запесоченная ОГ.

Табл. 2. Формовочные массы

Поселения	ИГ							
	Б/д	Д	Ш	ОР	Д+ОР	Ш+ОР	Ш+Д+ОР	Проч.
Новая Деревня-1	6	-	-	5	-	8	-	-
Наумовка	-	-	-	1	-	1	-	-
Безводное-1	1	1	-	-	2	2	-	-
Шава-1	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего: 27/100%	7/ 26%	1/ 4%	-	6/ 22%	2/ 7%	11/ 41%	-	-
	ОГ							
Новая Деревня-1	-	1	-	-	-	10	-	-
Наумовка	1	-	-	-	7	57	3	2
Безводное-1	-	1	-	1	39	14	9	
Шава-1	-	2	2	4	48	-	2	2
Всего: 205/100%	1/ 0.5%	4/ 2%	2/ 1%	5/ 2.5%	94/ 46%	81/40%	14/ 6%	4/2%

ИГ – илестая глина; ОГ – ожелезненная глина; Б/д – без искусственных добавок; Д – дресва; Ш – шамот; ОР – органический раствор; Проч. – прочие.

преимущественно слабо- и среднезапесоченные (условно среднепластичные), а среди ИГ предпочтение отдавалось незапесоченным (условно пластичным). Все виды ИПС использовались в состоянии естественной влажности, следов дробления сухого сырья не зафиксировано.

Для составления формовочных масс (ФМ) использовались два различных минеральных компонента – дресва (Д) и шамот (Ш). В составе образцов керамики всех поселений встречены включения обоих компонентов, но всегда значительно доминировал один из них (табл. 2). Для поселений Безводное-1 и Шава-1 – это Д (61% и 80%, соответственно), а для поселений Наумовка и Новая Деревня – Ш (81% и 91%). Совместное использование Ш и Д встречается в единичных случаях. Концентрация Д составляет в большинстве

случаев 1:4–1:5, Ш – 1:6. Помимо минеральных примесей широко применялись и органические, которые одинаково часто использовались совместно и с Д, и с Ш. Они представлены органическими растворами (ОР), в большинстве случаев идентифицируемыми как выжимка из навоза жвачных животных, о чем, в первую очередь, свидетельствуют включения мелких растительных волокон в малой концентрации. ИГ зачастую использовались без добавления искусственных компонентов, а среди минеральных примесей преимущественно употреблялся Ш.

Доминирующие рецепты составления ФМ (сочетают в себе вид и подвид ИС с добавленными в него минеральными и органическими компонентами) оказались различными для керамических комплексов рассмотренных памятников. На поселении Новая Деревня-1 – это ИГ+Ш+ОР (27%) и ОГ+Ш+ОР (33%), на поселении Наумовка – ОГ+Ш+ОР (63%), на поселении Безводное-1 – ОГ+Д+ОР (56%) и ОГ+Ш+ОР (19%) и на поселении Шава – ОГ+Д+ОР (80%).

Анализ керамических комплексов из поселений поздняяковской культуры, расположенных на территории Волго-Окского Правобережья, показал существование в среде поздняяковских племен нескольких гончарных традиций. Их удается проследить уже на подготовительной стадии гончарного производства. Во-первых, это применение для изготовления сосудов двух различных видов ИПС (наиболее яркое выражение данная традиция получила на поселении Новая Деревня-1). Во-вторых, использование для составления ФМ минеральных компонентов двух видов: Ш и Д. В-третьих, подготовка ФМ на каждом из рассмотренных поселений осуществлялась по различным доминирующим рецептам. Характерно, что смешения традиций практически не происходило, о чем свидетельствует очень малое число случаев применения смешанных рецептов, сочетающих в себе примеси и Ш и Д (6%).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неоднородности населения, составлявшего поздняяковскую культуру. Причиной этого могло стать проникновение в поздняяковскую среду новых коллективов в последней трети II тыс. до н.э. Поселения Новая Деревня-1 и Наумовка относятся к раннему периоду существования культуры. Для подготовительной стадии гончарного производства этих памятников характерно использование ИГ в качестве ИПС и ФМ с примесью Ш. Поселения Безводное-1 и Шава-1 существовали позднее – в XIV–X вв. до н.э. В их керамических комплексах фиксируется смена распространенных ранее традиций. На поселении Безводное-1 наряду с использованием для составления ФМ примеси Ш появляется и занимает ведущее положение традиция добавления Д, которая на поселении Шава-1 становится доминирующей.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

T.G. Butsuradze

*Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
tatiabutsuradze@gmail.com*

RECONSTRUCTION OF SOCIAL AND PUBLIC RELATIONS ACCORDING TO THE ARCHAEOLOGICAL FINDS IN THE LATE BRONZE – EARLY IRON AGE (CONTEMPORARY ASPECTS)

From the second half of the 2nd mill BC in Transcaucasia and generally in Caucasus the character of the culture has been totally changed. Changing of agriculture, promotion of bronze metallurgy, raising the general level of an economy totally changed the living conditions and development level. From this period in the written sources from ancient Near East, notices about Kartvelian tribes appear for the first time (Japaridze, 2003. P. 193).

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.81-82

It is very difficult to define the social attribution for that period, it is problematic to reconstruct social and public relations. At first, when we talk about the society, we have to foresee that each different society needs different kinds of questions and the techniques of investigation, which will need to vary radically with the nature of the evidence. At first we must address the size or scale of the society. If the scale of the society is a natural first question, the next is certainly its internal organization. What kind of society was it? Were the people forming it on a more-or-less equal social footing? Or were there instead prominent differences in status, rank and prestige within the society-perhaps different social classes?

These questions, however, may all be seen as "top down", looking at the society from above and investigating its organization. But increasingly an alternative perspective is being followed, looking first at the individual and at the way the identity of the individual in the society in question is defined a "bottom-up" perspective (Renfrew, Bahn, 2012. P. 169).

In this work we will define social stratification of Grakliani Hill and Narekvavi. Grakliani Hill, which is one of the important sites in Georgia, there was excavated as settlement and necropolis. Late Bronze – Early Iron Age is very well attested. This period starts from the 13th cent. BC and lasted to 900 BC and is represented both on the settlement and on the necropolis as well. Materials dating from this period have been frequently found even at the surface level in the eroded soil.

Grakliani Hill findings give clear picture of innovations and high level of development of Kartli society during the 2nd – 1st mill BC. On Grakliani Hill dwellings, cult structures and burial grounds were unearthed, constructed on the terraces. In all so called "Khovle type" constructions ovens are arranged at north-west (or north-east) corners and are followed by platforms for offerings. There are local and imported artefacts in each cultural layers and graves of different period, like Mesopotamian seals (4th – 3rd mill BC). The existence of these seals indicates the fact that they were used for affirmation of the documents (Licheli, 2014. P. 24, 25).

The latest discoveries from Grakliani Hill indicate that the Late Bronze – Early Iron Ages society was intellectually highly developed. In this period, the economic system of Kartli is also important. For understanding this system, on Grakliani Hill unique artefacts were found - weights, which were used in 11th–9th cent. BC. All these materials indicate that trading system and economic development of the society was on high level (Licheli, 2017).

In Narekvavi a necropolis on the settlement has also been excavated. On this site the activity is recorded from the Middle Bronze Age till the Early Iron Age. Here as on Grakliani Hill and on the other sites in Georgia dated to Late Bronze – Early Iron Age, dwellings were found, in which interior ovens and altars were arranged as well. The fact that in above mentioned period there was active life is indicated by very strong cultural layers and ceramic assemblages attested in these layers. The capacity of the settlement and necropolis on Narekvavi shows up demographic explosion (Davlianidze, Sadradze, 1993. P. 5, 99).

The main aim of this work is to realize, understand what kind of events, which took place in the Late Bronze – Early Iron Age, why was it necessary to start social stratification and diversity in Georgia. Was this phenomenon caused from inside the society or other outer forces caused it.

- Davlianidze R., Sadradze V., 1993. Settlement and necropolis of Narekvavi. Metsniereba; Tbilisi. 120 p. (დავლიანიძე რ., სადრადე ვ., 1993. ნარეკვავის სამოსახლარი და სამაროვანი. მეცნიერება; თბილისი. 120 გვ.)
- Japaridze V., 2003. At the beginnings of the history of Georgia. Tbilisi: Tbilisi State University. 417 p. (ჯაფარიძე ვ., 2003. საქართველოს ისტორიის სათავეებთან. თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი. 417 გვ.)
- Licheli V., 2014. Grakliani Culture. Tbilisi. 36 p. (ლიჩელი ვ., 2014. გრაკლიანის კულტურა. თბილისი. 36 გვ.)
- Licheli V., 2017. Intellectual innovations in Georgia (11th – 9th cc. BC) // Contact zones of Europe from the 3rd mill. BC to the 1st mill. AD. Preliminary publications of conference proceedings. International Scientific Conference. Moscow, 29 September – 2 October, 2017. P. 83–88.
- Renfrew C., Bahn P., 2012. Archaeology, Theories, Methods and Practice. 6th edition. London: Thames & Hudson Ltd. 656 p.

T. Chilingarashvili*, T. Chogovadze**

**Ilia State University, Tbilisi
tornike2210@mail.ru*

***Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
tatuchovadze@gmail.com*

FINAL STAGE OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN ATSKURI AND CULTURAL INTERPRETATIONS

The entire topic is about the materials which come from the archeological site situated in Atskuri. More concretely it will analyze the artefacts which were discovered at Atskuri in the middle Bronze Age barrows, which date back to the XVII–XVI cent. BC.

Atskuri archeological sites are located in Southern Georgia – in one of the historical regions called Samtskhe at an altitude of 950–965 m from a sea level. Middle Bronze Age barrows are situated on the left bank of the river Mtkvari.

In this issue it is given a description of middle Bronze Age barrows constructions, burial rituals and also artefacts which were found at the barrows. There were revealed 62 skeletons of persons of different age and sex in one of the barrows. Moreover, burial inventory contains pottery and items made from bronze, gold, obsidian, flint, stone and other materials. Among them we will essentially review ware and jewelery. One of the most significant things from the jewelery are discs made from gold and bronze. Ornamental motifs of those jewelery are nearly the same. In addition, the burial contains bronze pins with disc, mushroom, twisted heads and so on (Licheli, Rusishvili, 2008).

The second barrow is nearly the same type. The ware that comes from the burial is certainly unique. As it is known there is some special pottery which does not have any analogue in Transcaucasia. From the pottery of the second barrow we must distinguish Crater which is very significant with its shape and artistic design.

More over the pottery which comes from Atskuri burials for the greater part is similar to other wares which were excavated the same period as the kurgans of Samtskhe – Javakheti. Above mentioned kurgans belong to a local Meskhetian variant of Trialeti culture (Japharidze et al., 1981. P. 169). The main difference between Atskuri barrows and other kurgans is that Atskuri burials are collective. It interesting that burials in Shida Kartli, more concretely from Nuli and Kvasatali are also collective and for this reason they are different from other Middle Bronze Age burials of this region and are more similar to Atskuri barrows. Actually it is seen that there is much more resemblance between some bronze jewelery which were found in Atskuri, Nuli and Kvasatali collective burials. Due to these facts in our topic we will pay more attention to a similarity of those burials. In addition to this, it is interesting that jewelery from Nuli and Kvasatali finds their analogues in Northern Caucasus. So in O. Japharidzes's opinion in these burials there were buried people who migrated from Northern Caucasus (Japharidze, 2009. P. 111). Due to the fact, that the same type of jewelery was also found in Atskuri and there is a resemblance between Atskuri, Nuli and Kvasatali burials, arises a question: Do we have a same situation in Atskuri, as in Nuli and Kvasatali?

Japharidze O., 2009. Shida Kartlis udzvelesi tsarsulidan. Tbilisi: Univesitetis gamomcemloba. 279 p. (на груз. яз.)

Japharidze O., Kikvidze I., Avalishvili G., Tsereteli A. 1981. Meskhet – Javakhetis Arqeologiuri ekspeditsiis Shedegebi (1970–1977 Ts.Ts.). Tbilisi: “Metsniereba”. 177 p. (на груз. яз.)

Licheli V., Rusishvili R., 2008. A middle Bronze Age burial at Atskuri // Ancient Near Eastern studies; Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia / Ed. by A. Sagona and M. Abramishvili (s.) MA. Vol. 19. Peters; Leuven; Paris; Dudley; P. 205–229.

ЕВРАЗИЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ: ЗОНА КОНТАКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Д.З. Авидзба

*Абхазский институт гуманитарных исследований, Сухум
akolkhida@mail.ru*

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ДРЕВНЕАБХАЗСКИХ ПЛЕМЕН (VIII–I вв. до н.э.)

Как известно, важным объектом колхидского экспорта было полотно; из него изготавливались даже боевые доспехи, бывшие в ходу у ряда племен Причерноморья.

Из письменных источников следует, что местные племена использовали льняные панцири и пафлагонские шлемы. Щиты были круглой формы, с выпуклой серединой, иногда имевшей шишку или острие. К внутренней стороне щита крепили одну, иногда две ременные рукоятки так, чтобы воин мог продеть в них левую руку до плеча, а свободной рукой держать поводья лошади или оружие. Щиты изготавливали из твердой древесины, а также из ивовой плетенки, обтянутой кожей животных, преимущественно сырой бычьей кожей. В дальнейшем они производились с использованием металла: бронзы или железа.

Среди памятников Абхазии раннего железного века известны лишь две находки, отнесение которых к щитам вполне правомерно. Из Красномаяцкого могильника происходит бронзовое изделие в виде орла с распростертыми крыльями, распущенным хвостом, повернутой влево головой и с отставленной левой лапой. Крылья сделаны отдельно от туловища и соединены с ним бронзовыми заклепками. Остатки второго щита выявлены в погребении III в. до н.э., исследованном в верховьях Алексеевского ущелья. Это фрагменты бронзовой пластинчатой рельефно орнаментированной окантовки шириной до 8,6 см. Вероятно, данный предмет является частью круглого щита диаметром не менее 80 см, по форме восходящего к аттическим и близким к ним греческим щитам VII–V вв. до н.э.

Шлемы изготавливались из прочных пород дерева: дуба, каштана, самшита, шелковицы и др., иногда они обтягивались снаружи шкурами животных. Геродот, описывая одежду и вооружение народов Западного Закавказья, отмечает: «У колхов же на головах были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья и, кроме того, еще кинжалы» (VII, 79). Восстановить точную форму первоначальных абхазских шлемов невозможно, так как археологических остатков их мы пока не имеем. Однако по некоторым косвенным данным можно полагать, что они имели плоскую округлую форму, наподобие войлочной шапки. Шлемы эти закрывали затылок и шею, оставляя открытым только лицо. С распространением металла шлемы приобретают конусообразную форму, а затылок, шея и уши закрываются отдельными металлическими пластинками. Если вспомнить скифские доспехи из кожи, в частности, наголовья в виде остроконечной шапки, можно заметить сходство такой шапки-шлема с абхазским видом башлыка, который имеет удлиненную заднюю часть.

Фрагменты трех аттических шлемов IV в. до н.э. найдены в районе устья р. Келасур. Еще два шлема разной сохранности происходят с территории Эшерского городища и из разрушенного погребения к северу от него. Таким образом, мы видим, что гениохийские племена могли использовать импортные элементы защитного вооружения.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.84

АНАЛИЗ ФОРМ КЕРАМИКИ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПОКРОВКА I, II, VIII В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В 1992–1993 гг. Илекской археологической экспедицией Института археологии РАН проводились раскопки погребальных комплексов раннего железного века у с. Покровка в Соль-Илецком районе Оренбургской области. Найденные предметы хранятся в Оренбургском губернаторском историко-краеведческом музее². Цель настоящей работы: анализ форм сосудов указанных памятников по методике А.А. Бобринского с учетом изменений, внесенных Ю.Б. Цетлиным (Бобринский, 2018; Цетлин, 2018). Для изучения отобраны 30 сосудов из курганных могильников Покровка I, II, VIII савроматского и раннесарматского времени (Моргунова и др., 1992; 1994; Курганы левобережного Илека, 1993–1996). В это число также вошла посуда, визуально определяемая как импорт.

Исследование включает анализ: 1) общей пропорциональности (ОПП) форм, 2) их естественной структуры и 3) степени сформированности функциональных частей (Цетлин, 2018. С. 128).

Учет *общей пропорциональности* форм сосудов (табл. 1) показал, что наибольшее количество образцов относится к ступеням 36 – 8 экз. (27%), 37 – 7 экз. (23%) и 38 – 6 экз. (20%), меньшее – к ступеням 35 – 4 экз. (13%) и 39 – 2 экз. (7%). Ступени 33, 34 и 41 включают по 1 сосуду (по 3%). Таким образом, 29 изделий из 30 (около 97%) относятся к V состоянию качества («горшковидные» или сосуды средних пропорций) и 1 (Покровка I, 3/2) – к VI состоянию (средние/высокие пропорции, условно – «горшки-кувшины»).

По изученным материалам выделены 10 видов *естественной структуры* форм сосудов: 1) Г(губа)+ПП(предплечье)+Т(тулово)+ОТ(основание тулова) – 2 экз.; 2) Г+Щ(шея)+ПП+Т+ОТ – 6 экз.; 3) Г+Ш+П/ПП(плечо/предплечье)+ Т+ОТ – 6 экз.; 4) Г+Щ/Ш(щека/шея)+П/ПП+Т+ОТ – 3 экз.; 5) Г+Щ/Ш+ПП+Т(ОТ) – 2 экз.; 6) Г+Щ+Ш+П/ПП+Т(ОТ) – 4 экз.; 7) Г+Щ+Ш+ПП+Т(ОТ) – 4 экз.; 8) Г+Щ/Ш+Ш+П/ПП+Т(ОТ) – 1 экз.; 9) Г+Ш+П+П/ПП+Т+ОТ – 1 экз.; 10) Г+Щ/Ш+ПП+П/ПП+Т(ОТ) – 1 экз.

Исследуемые сосуды разнообразны не только по естественной структуре, но и по *степени сформированности* функциональных частей (табл. 1).

Покровка I. 10 сосудов. Относятся к 1–8 видам естественной структуры. По ОПП принадлежат к ступеням 33 – 1 экз., 36 – 3, 37 – 2, 38 – 3, 41 – 1. Губа: Н/СФ – у 2 сосудов, Ч/СФ – у 8. Щека имеется у 3 сосудов: Н/СФ – 2, Ч/СФ – 1. Щека/шея (3 сосуда): Н/СФ – 1, Ч/СФ – 2. Шея (присутствует у 7 сосудов): Н/СФ – 2, Ч/СФ – 4, П/СФ – 1. Плечо/предплечье имеется у 5 сосудов, во всех случаях в Ч/СФ состоянии. Предплечье выделено у 4 сосудов, у всех в Ч/СФ состоянии. Тулово: Ч/СФ – 7 сосудов и П/СФ – 3 сосуда. Основание тулова: Н/СФ – 2 и Ч/СФ (невыделенная горизонтальная опора) – 8 сосудов.

Покровка II. 11 сосудов. Относятся к 2–7 и 9 видам естественной структуры. По ОПП принадлежат к ступеням 34 – 1 экз., 35 – 3, 36 – 2, 37 – 2, 38 – 2, 39 – 1. Губа: Н/СФ – 2 и Ч/СФ – 9 сосудов. Щека Н/СФ отмечена у 2 сосудов. Щека/шея Ч/СФ имеется у 2 сосудов. Шея: Н/СФ – у 7 и Ч/СФ – у 2 сосудов. Плечо Ч/СФ у 1 сосуда. Плечо/предплечье Ч/СФ у 6 сосудов. Предплечье Ч/СФ у 5 сосудов. Тулово: Ч/СФ – 8 и П/СФ – 3 сосуда. Основание тулова: Н/СФ и Ч/СФ – по 5 сосудов. Основание тулова одного предположительно импортного сосуда находится в супер-сформированном состоянии (23/17, с. 1).

Покровка VIII. 9 сосудов относятся к 1–4, 6–7 и 10 видам естественной структуры форм. По ОПП принадлежат к ступеням 35 – 1 сосуд, 36 – 3, 37 – 3, 38 – 1, 39 – 1. Губа:

¹ Работа выполнена при поддержке проекта Министерства образования и науки РФ 33.1389.2017/ПЧ.

² Выражаю благодарность сотрудникам ГБУК «Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей» и лично хранителю фондов О. Хмелевской за возможность работы с коллекциями.

Табл. 1. Общая пропорциональность и степень сформированности функциональных частей сосудов из могильников Покровка I, II, VIII

	Конструкции	Покровка I	Покровка II	Покровка VIII	Всего
		1–8	2–7, 9	1–4, 6–7, 10	
ОПП	33	1			1
	34		1		1
	35		3	1	4
	36	3	2	3	8
	37	2	2	3	7
	38	3	2	1	6
	39		1	1	2
Г	41	1			1
	Н/СФ	2	2	1	5
Щ	Ч/СФ	8	9	8	25
	Н/СФ	2	2	2	6
Щ/Ш	Ч/СФ	1		1	2
	Ч/СФ	1		1	2
Ш	Н/СФ	2	7	3	12
	Ч/СФ	4	2	3	9
П	П/СФ	1			1
	Ч/СФ		1		1
П/ПП	Ч/СФ	5	6	5	16
ПП	Ч/СФ	4	5	5	14
Т	Ч/СФ	7	8	6	21
	П/СФ	3	3	3	9
ОТ	Н/СФ	2	5		7
	Ч/СФ	8	5	9	22
	П/СФ		1		1

П/СФ – полностью сформированное состояние функциональной части

Ч/СФ – частично сформированное состояние функциональной части

Н/СФ – несформированное состояние функциональной части

у одного сосуда – «технологическая», у 8 – Ч/СФ. Щека имеется у 3 сосудов: Н/СФ – 2 и Ч/СФ – 1. Щека/шея выделена у двух сосудов – Н/СФ и Ч/СФ. Шея: Н/СФ – у 3 и Ч/СФ – также у 3 сосудов. Плечо/предплечье Ч/СФ имеется у 5 сосудов. Предплечье Ч/СФ также у 5 сосудов. Тулово: Ч/СФ – у 6 и П/СФ – у 3 сосудов. Основание тулова Ч/СФ у 9 сосудов, в том числе у 8 – невыделенная горизонтальная опора и у 1 – условно выделенная горизонтальная опора (Покровка VIII, 1/3).

Таким образом, можно выделить сходные черты покровских памятников (табл. 1; рис.1):

- большая часть изученных сосудов – горшковидные изделия средних пропорций, у которых общая высота близка максимальному диаметру;

- преобладают конструкции с частично-сформированными и несформированными функциональными частями, а по составу частей – сосуды с шей (73%), предплечьем (47%) и плечом/предплечьем (53%);

- основание тулова, слитное с самим туловом, представляет собой устойчивую традицию, нарушающуюся крайне редко.

Для сосудов всех трех курганных могильников наиболее характерными являются частично-сформированные губа, плечо/предплечье, предплечье, тулово и основание тулова. Различия в естественной структуре форм сосудов разных могильников проявляются в том, что для Покровка I характерно частично-сформированное, для Покровка II – несформированное, а для Покровка VIII – в равной степени и то, и другое состояние шеи. Кроме того, у сосудов Покровка II одинаково представлены как несформированное, так и частично-сформированное состояния основания тулова. Плечо зафиксировано только у одного сосуда (Покровка II).

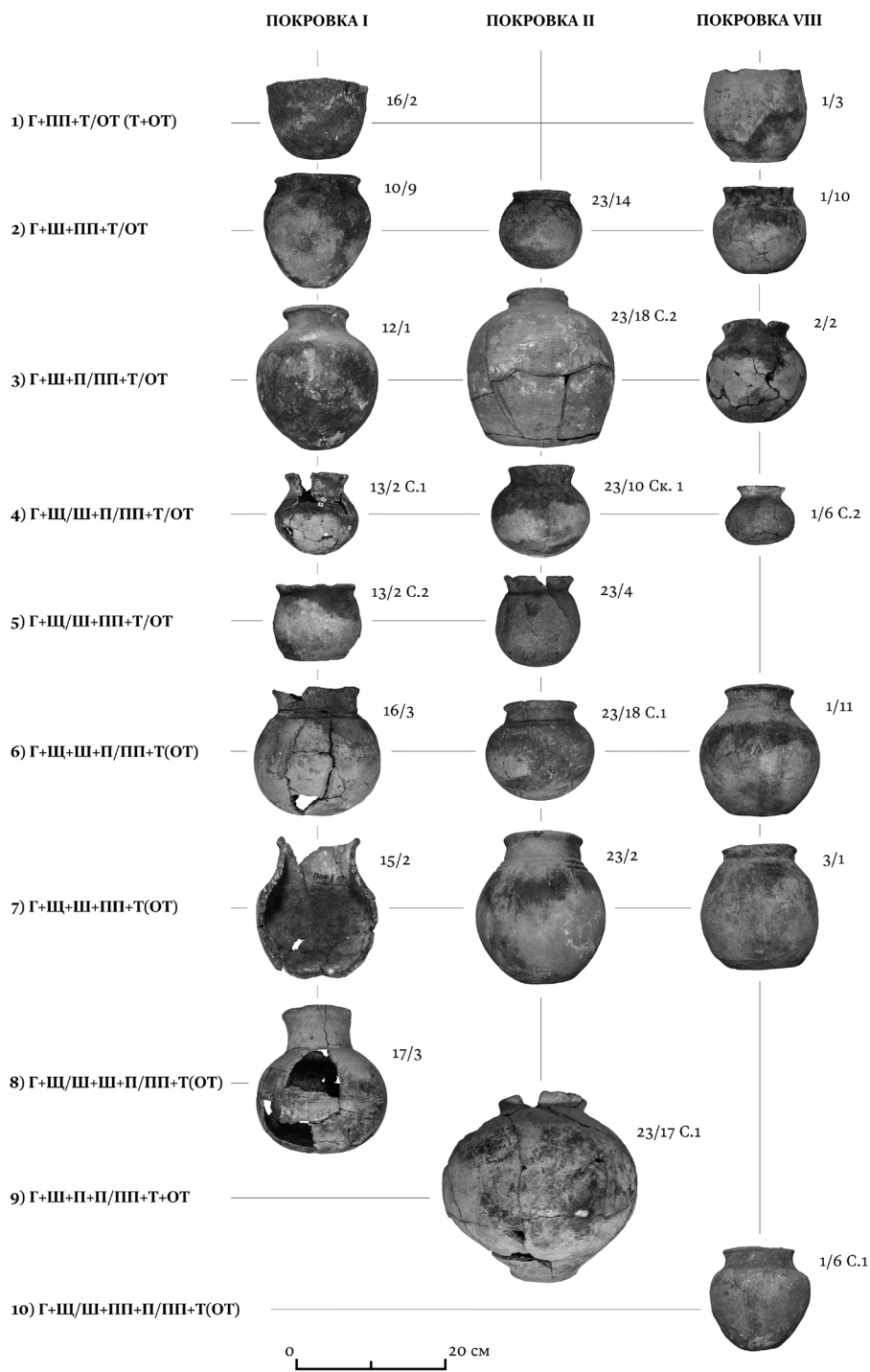

Рис. 1. Распределение сосудов из могильников Покровка I, II и VIII по видам естественной структуры.

Предположительно импортный сосуд (Покровка II 23/18 с. 2) отнесен к 3 виду естественной структуры. Единственный сосуд вида 9 (Покровка II 23/17 с. 1), вероятно, является подражанием инокультурным традициям. Дальнейший поиск аналогий импортных изделий и исследование их форм могут помочь в определении традиционного набора форм местных гончаров раннего железного века.

- Бобринский А.А., 2018. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // *Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход* / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 11–25.
- Курганы левобережного Илека, 1993–1996. Вып. 1–4. М.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.К., Яблонский Л.Т., 1992. Отчет о полевых работах Илекской археологической экспедиции в 1992 году (КМ Покровка II, КМ Покровка VIII, КМ Покровка I) // *Архив археологической лаборатории ОГПУ. II-71/1992.*
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.К., Яблонский Л.Т., 1994. Отчет о раскопках КМ в Соль-Илецком районе Оренбургской области в 1993 году (КМ Покровка I–II) // *Архив археологической лаборатории ОГПУ. II-87/1994.*
- Цетлин Ю.Б., 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // *Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход* / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 124–179.

А.Н. Берлизов

*Институт археологии РАН, Москва
berlizov-aleksandr@mail.ru*

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НЕКОТОРЫХ НЕКРОПОЛЕЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА В VI–IV вв. до н.э. (КЕПЫ, ВОЛНА 1, АРТЮЩЕНКО 2)

Среди активно исследуемых археологических памятников Таманского полуострова некрополи Волна 1, Артющенко 2 и Кепы занимают важное место. На разных участках некрополя Волна 1 открыто свыше двух тысяч могил, что превосходит по количеству большинство аналогичных памятников Северного Причерноморья. Артющенко 2, исследуемый уже более 10 лет, территориально наиболее близок к Волне 1. Значительная часть захоронений обоих некрополей относится к VI–IV вв. до н.э., что свидетельствует об их длительном сосуществовании. Исследователи неоднократно отмечали сходство этих памятников (Мимоход и др., 2017; Кашаев, 2009). Многие характеристики, например такие, как четко прослеживаемая варваризация, сближают их и с некрополем Кеп.

Близость погребальных традиций древних социумов, оставивших рассматриваемые памятники, подталкивает к проведению их комплексного сравнения, что и стало задачей настоящей работы.

Сравнительный анализ потребовал обработки крупного массива данных, поэтому наряду с традиционными методами археологических исследований применялись методы многомерного анализа. Они позволили справиться с проблемой обработки материала в условиях отсутствия гомогенности погребальных традиций в рамках даже одного некрополя, а также помогли репрезентативно соотнести многочисленные хронологические и социальные факторы. В погребальном обряде отражение этих факторов накладывается одно на другое, что в значительной степени затрудняет интерпретацию. Анализ проведен в программе SPSS с использованием методов фактор-анализа¹ и кластер-анализа². Кроме того, работа опиралась на результаты антропологического изучения населения, захороненного в некрополях.

Полученные данные позволяют предположить, что обрядовые традиции рассматриваемых памятников, несмотря на наличие у них интересных особенностей, демонстрируют общую схему хронологических изменений. Наибольшая близость выявлена между

¹ Использован метод главных компонент.

² Использованы методы Варда и межгрупповых связей.

некрополями Волна 1 и Артющенко 2. Установлено, что развитие погребальных традиций не было линейным процессом: на разных этапах функционирования могильников некоторые погребальные обряды сосуществовали.

Кластер-анализ с большей точностью позволил выявить три периода в развитии некрополя Волна 1: 1) конец VI – вторая четверть V в. до н.э.; 2) последняя четверть V – вторая четверть IV в. до н.э.; 3) третья четверть IV в. до н.э. – рубеж IV – III вв. до н.э.

Наиболее яркие изменения в обрядовых традициях некрополя Волна 1 зафиксированы для III периода: третья четверть IV в. до н.э. – рубеж IV – III вв. до н.э. В этот период значительное распространение получают коллективные захоронения, содержащие останки более чем трех индивидов. Появляются новые погребальные сооружения, представленные грунтовыми склепами и подбоями. Существенные изменения происходят в общем положении умерших, меняется характер керамического набора в одиночных погребениях: сосуды либо отсутствуют, либо их не больше двух.

Хронологические изменения в обрядности некрополя Артющенко 2 в VI–IV вв. до н.э. те же, что и на Волне 1, но происходили на четверть века раньше. Для этого памятника пока четко выделяются только два основных периода, поскольку выборка комплексов второй половины IV в. до н.э. ничтожно мала. Особенно примечательно наличие захоронений по обряду кремации. Хронологические изменения в погребальной обрядности могильника Артющенко 2 во второй четверти V в. до н.э. проявились в появлении сырцовых склепов, увеличении числа коллективных захоронений и количества погребенных в них индивидов до трех и более, резком возрастании процента захоронений с оружием.

Некрополи Волна 1 и Кепы объединяет наличие оригинальных погребальных сооружений и комплексов с наступательным вооружением на самом раннем этапе. Следует отметить расчлененный детский скелет, обнаруженный в одном из погребений Кеп.

Каждый из рассмотренных памятников обладает некоторыми специфическими особенностями, однако в целом можно утверждать, что существуют четко прослеживаемые общие закономерности их развития, проявляющиеся в динамике хронологических изменений обрядности. Это выражается в характере смены конструкций погребальных сооружений, в наборе и количестве сопроводительного керамического инвентаря, в наличии большого количества погребений с оружием, в сосуществовании нескольких обрядовых практик. Представляется, что проведенный анализ позволяет скорректировать устоявшиеся представления о хронологических границах обрядовых традиций исследуемых памятников, определив время их изменения с точностью до 25 лет, а также описать признаки, маркирующие эти границы.

Кашаев С.В., 2009. Некрополь Артющенко-2 // Боспорские исследования. Т. XXII. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 188–267.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С., 2017. «Волна 1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов (Чтения по итогам 5 лет работ) / Отв. ред. Н.В. Волкодав. Краснодар. С. 4–32.

Б.Б. Бесетаев

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы
besetaev86@mail.ru*

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

По истории изучения конского снаряжения Восточного Казахстана написано немало работ. В ряде публикаций затрагиваются отдельные аспекты хронологии и классификации некоторых элементов скифо-сакского снаряжения верхового коня (Грязнов, 1947. С. 9, 10; Кадырбаев, 1968. С. 21–36; Вишневская, 1973; Боковенко, 1986. С. 4–9; Членова,

1993; Итина, Яблонский, 1997; Марсадолов, 1998. С. 5, 6; Горбунова, 2001. С. 180–183; Тишкин, 2003. С. 164–166; Шульга, 2008. С. 72–74; 2015. С. 9, 10).

На территории Казахстана, по мнению К.А. Акишева, появление первых прототипов удила и псалиев связано с началом приручения лошади (Акишев, 1973. С. 53). Находки деталей конского снаряжения IX–III вв. до н.э. свидетельствуют о поиске наилучших способов управления верховым конем и его соответствующей функциональной оптимизации. Интересные материалы из исследований последних лет дают нам возможность проследить эволюционное развитие конского снаряжения в IX–III вв. до н.э., выделив отдельные особенности этого процесса.

Первый этап (IX–VIII вв. до н.э.), как и в сопредельных регионах, пока представлен так называемыми «мягкими удилами» из скрученных ремней или удилами с малыми однокольчатыми окончаниями и роговыми трехдырчатыми псалиями. Размещение и форма отверстий существенно не менялись. Возможно, перед захоронением коня бронзовые удила заменяли куском ремня. Несмотря на относительно большой диаметр отверстий некоторых окончаний удила, псалии в них не вставлялись. Вариации форм (в пределах свойств материала) и самого материала (рог, кость, клык и дерево) свидетельствуют о том, что традиции в производстве псалиев еще не сложились. Появились первые подпружные пряжки. Материалы данного этапа встречаются на памятниках аржано-майемерского времени (Курту-2, Зевакино, Малая Красноярка).

Второй этап (VII–VI вв. до н.э.) характеризуется усложнением конского снаряжения. Появляются бронзовые удила со стремечковидными окончаниями двух типов (простые и с дополнительным отверстием), бронзовые псалии трех типов (дуговидные, имитирующие трехдырчатые роговые; У-образные; с овальным выступом или с боковым отверстием в центре), разнообразные бляхи и пряжки уздечного набора. Подпружные пряжки и блоки к финалу этого времени приобретают большие размеры. Происходит своеобразная локализация отдельных предметов конского снаряжения. Материалы рассматриваемого этапа представлены преимущественно на майемерских памятниках (Майемер, Камышинка, Черновая-3, Измайловка, Кондратьевка-21).

Третий этап (конец VI–V вв. до н.э.) следует считать переходным. Детали конского снаряжения характеризуются своеобразием, хотя и включают компоненты предыдущей эпохи. Сохраняются и некоторые ранние черты в погребальном обряде, отражающие различные внутренние и внешние миграционные процессы. Появляется новый тип узды с двухдырчатыми псалиями, продетыми в большие внешние кольца удила, которые продолжают раннесакскую конструкцию конского снаряжения. Удила из бронзы имеют внешние окончания колец в виде небольших овалов или стремечковидные. Псалии двухдырчатые из бронзы или рога (кости), отверстия расположены ближе к центру, окончания стилизованы в виде голов грифона или заострены к верхнему концу. В качестве распределителей ремней и декора применялись клыки кабана. Однако на территории Восточного Казахстана памятники этого периода малоизвестны и практически не изучены. Детали конского снаряжения представлены случайными находками – со ст. Ушбиик (Уш-биик) и Каракабинским кладом.

Четвертый этап (IV–III вв. до н.э.) характеризуется существенными изменениями в конском снаряжении: стремечковидные удила сменились односкобчатыми, трехдырчатые псалии – двухдырчатыми; внедряется новый материал – железо; вводятся элементы декора. Во всех случаях псалии вставлялись во внешние кольца удила. Окончания псалиев смоделированы в виде голов различных животных, фантастических зверей, грифонов и т.д. Чаще всего они выполнены из дерева, обложенного листовым золотом. Продолжение ранних традиций фиксируется в использовании таких материалов, как рог, кость и бронза. Седельный комплекс представляет собой подушки, набитые шерстью или травой, покрытые тканью красного цвета, нередко украшенные аппликациями. По конструктивным особенностям седла исследуемой территории аналогичны пазырыкским классического типа: крепились с помощью нагрудных и подхвостных ремней и одной подпруги, которая застегивалась роговой пряжкой с крючком или крепилась простым узлом. Благодаря наличию конских погребений и хорошей сохранности органики в мерз-

лотных курганах пазырыкской культуры Восточного Казахстана снаряжение верхового коня изучено лучше, чем в других регионах. Этап представлен в основном материалами пазырыкских объектов (Катон, Курту-5, Кызыл-Ту, Усть-Буконь, Берел, Каракаба).

Важно отметить, что хронологически и территориально снаряжение верхового коня скифо-сакских племен представлено неравномерно. В центральных и южных регионах Казахстана встречается почти исключительно раннесакское конское снаряжение VII – начала VI в. до н.э. В отдельных случаях оно датируется V в. до н.э.

В заключение отметим, что детали конского снаряжения Восточного Казахстана эпохи ранних кочевников обладают определенной спецификой. Они в какой-то мере маркируют границы племен сакского круга, являвшихся частью населения скифо-сибирского культурного ареала.

- Акишев К.А., 1973. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР. С. 43–58.
- Боковенко Н.А., 1986. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л. 24 с.
- Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. Тр. ХАЭЭ. № 8 / Ред. С.П. Толстов. М.: Наука. 160 с.
- Горбунова Н.Г., 2001. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.: Восточная литература. С. 179–200.
- Грязнов М.П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. № 18. С. 9–17.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН. 187 с.
- Кадырбаев М.К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР. С. 21–36.
- Марсадолов Л.С., 1998. Основные тенденции в изменении форм удила, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: АлтГУ. С. 5–24.
- Тишкин А.А., 2003. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2. СПб.: ГЭ. С. 164–166.
- Членова Н.Л., 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. № 7. СПб.: Фарн. С. 49–75.
- Шульга П.И., 2008. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Раннескифское время. Ч. 1. Барнаул: Азбука. 276 с.
- Шульга П.И., 2015. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч 2 (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: НГУ. 322 с.

С.Л. Воробьева*, В.В. Куфтерин**

**Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа
sveta_legion@mail.ru*

***Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина, Москва
vladimirkufterin@mail.ru*

НОВО-САСЫКУЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ¹

С 1976 по 1980 г. экспедицией БашГУ (руководители С.М. Васюткин и В.К. Калинин) проводились раскопки Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры

¹ Работа выполнена на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)»).

эпохи раннего железа. Памятник расположен в Нижнем Прикамье, в правобережной пойме р. Ик, в Бакалинском районе Республики Башкортостан. Исследован полностью. На площади 3660 кв. м С.М. Васюткиным в 1976 г. вскрыто 61 погребение, раскопками остальных комплексов (всего 418 погребений) руководил В.К. Калинин. Материалы С.М. Васюткина сданы автором в научные фонды Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа, Музей археологии и этнографии). Находки, в том числе антропологический материал, из раскопок В.К. Калинина, до 2017 г. хранились у автора работ. В данный момент вся коллекция передана в фонды Национального музея Республики Башкортостан (г. Уфа). Археологическая ее часть включает 6571 предмет, антропологическая – останки 138 индивидов (в том числе 98 черепов удовлетворительной или хорошей сохранности).

Авторами раскопок 415 погребений отнесены к чегандинской (пьяноборской) культуре, а 3 – к кушнаренковскому типу, и связаны с поселением, существовавшим на месте могильника с VI в. н.э. (Васюткин, Калинин, 1986. С. 114). После публикации материалов в 1986 г. изучение памятника не проводилось.

С.М. Васюткин и В.К. Калинин определили время совершения захоронений из Ново-Сасыкульского могильника в диапазоне от I до III в. н.э. на основании датировки 14 фибул – «раннеримских шарнирных типа «Avcissa» и пружинных» (Васюткин, Калинин, 1976. С. 122). Б.Б. Агеев не согласился с этой точкой зрения, считая, что фибулы типа «Avcissa» на данной территории относятся ко II–III вв. н.э. (Агеев, 1993. С. 64). В.В. Ставицким погребения могильника также на основании хронологии фибул разделены на ранние (конец I – начало II в. н.э.) и поздние (середина II в. н.э.) (Ставицкий, 2015. С. 111).

«Вновь открытые» материалы Ново-Сасыкульского могильника позволили скорректировать представления об этнокультурной карте региона в эпоху раннего железа. Соотнесение датирующего инвентаря (фибулы, оружие, элементы убора) с планиграфией памятника позволяет согласиться с мнением В.В. Ставицкого о выделении двух периодов: конец I – начало II в. н.э. и начало II – рубеж II–III вв. н.э. Судя по относительной однородности инвентаря и четким хронологическим реперам, могильник функционировал не более 200 лет. С ранними погребениями в его юго-западной части связаны не только фибулы типа «Avcissa» (в могильнике найден наиболее ранний в Прикамье и Приуралье экземпляр данного типа застёжек с подобной надписью), но и железные трехлопастные наконечники стрел. В пьяноборской среде бронзовые наконечники сменяются железными повсеместно в середине – второй половине I в. н.э. (Зубов, Сатаров, 2018. С. 214). Все погребения с железными наконечниками стрел расположены рядом с комплексами, содержащими фибулы типа «Avcissa».

Кроме наконечников стрел и фибул стоит обратить внимание на погребальную посуду: плоскодонные маленькие сосуды с ручками. Б.Б. Агеев рассматривал их появление в материалах этого самого южного могильника пьяноборской культуры как свидетельство «внедрения в прикамскую среду инородного населения, связанного, возможно, с южными районами» (Агеев, 1992. С. 50). Г.И. Матвеева, в свою очередь, предположила юго-западное (Северное Причерноморье) происхождение плоскодонной керамики Ново-Сасыкульского могильника (Матвеева, 2002. С. 91). Д.Г. Бугров связывал «происхождение тойгузинской “шамотной” керамики с контактами (торговыми и/или матримонными) с южным (сарматским?) населением» (Бугров, 2006. С. 190). О «сарматском происхождении» рассматриваемых изделий говорит наличие маленьких плоскодонных сосудов в Дербеневском курганном могильнике позднесарматского времени (Пшеничнюк, 1992. Рис. 5; 6). По находкам фибул памятник датирован А.Х. Пшеничнюком II–III вв. н.э. (Пшеничнюк, 1992. С. 80). Сосуды из Ново-Сасыкуля соответствуют поздним захоронениям рубежа II–III вв. н.э. На сегодняшний день могильник является самым поздним погребальным памятником, расположенным на южной окраине распространения пьяноборской культуры.

Анализ импортных изделий и предметов вооружения, сравнение их с аналогичными изделиями из сарматских памятников позволяют утверждать, что указанные предметы появились в пьяноборской среде через влияние сарматов. Узкий временной отрезок функционирования памятника (не более 200 лет), наличие черепов с травмами говорят о том, что население, оставившее Ново-Сасыкульский могильник, оказавшееся в наибольшей близости к степному сарматскому населению, находилось в постоянных боевых столкновениях с последним. Погребение с элементами убранства женского костюма носителей кара-абызской культуры может свидетельствовать о брачных связях последних с пьяноборцами. Дальнейшее изучение материалов могильника раскроет новые «тайны» этнокультурной истории региона в эпоху раннего железа.

- Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН. 140 с.
- Агеев Б.Б., 1993. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: БФАН СССР. С. 62–70.
- Бугров Д.Г., 2006. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань. 350 с.
- Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР. С. 95–122.
- Зубов С.Э., Сатаров Р.Р., 2018. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ. С. 210–214.
- Матвеева Г.И., 1971. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Уфа: БФАН СССР. С. 129–134.
- Пшеничнюк А.Х., 1992. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского университета. С. 67–84.
- Ставицкий В.В., 2015. К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 111–116.

Н.Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
nikolai.golowchenko@yandex.ru*

МНОГОКОМПОНЕНТНОСТЬ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Изучение костюмных комплексов археологических культур Сибири и Центральной Азии представляет собой одну из наиболее интересных и насущных задач современной археологии. В распоряжении исследователей скопилась значительная источниковая база, сформировались основные методы и подходы к ее изучению. Особый интерес представляют вопросы культурно-исторической интерпретации.

Разделяя гипотезу и терминологическую систему, предложенную Д.Г. Савиновым и поддержанную А.П. Бородовским, мы считаем, что население Верхнего Приобья эпохи раннего железа было поликультурным (Савинов, 2002. С. 155; Бородовский, 2016а; 2016б; 2017). В предметном комплексе одежды это выражается в наличии нескольких групп находок:

1. Инокультурные предметы, имеющие прямые аналогии в погребальных комплексах другой культурной традиции из сопредельных регионов.
2. Вещи из транскультурного предметного комплекса, особенно металлические изделия, получившие широкое территориальное распространение.
3. Предметы, являющиеся заимствованиями и адаптированные под «местные реалии».

Все три выделенные группы находок встречаются в погребальных памятниках большереченской культурно-исторической общности, таких как курганные могильники Масляха-1, 2 (Крутихинский район, Алтайский край), исследованных в 1978–1982 гг. экспедицией Барнаульского педагогического института под руководством А.П. Уманского. В них обнаружены предметы транскультурного комплекса: глазчатые бусины, железные поясные пряжки и крючья, бронзовые заколки и костыльки-кочедыки, вещи, выполненные в скифо-сибирском стиле. Изделия, морфология которых связана с адаптацией привнесенных традиций: костяные костыльки-кочедыки, копирующие формы аналогичных бронзовых изделий, известных как в более южных памятниках большереченской культурно-исторической общности, так и в материалах тасмолинской культуры; саргатская орнаментация, отмеченная на сосудах местных форм. Явно инокультурные предметы: бронзовые пряслица и некоторые керамические сосуды, имеющие параллели в саргатских могильниках Барабинской степи (Могильников, Уманский, 1992). Саргатской чертой является северная и северо-западная ориентировка части погребений.

Феномен поликультурности предметного комплекса одежды большереченской общности сложился на местной позднеримской основе (Матвеев, 1993. С. 128–134, 155–180). На памятниках последнего этапа ирменской культуры выявлен типичный для большереченской традиции комплект украшений (бронзовые заколки с навершиями, серьги в виде несомкнутого кольца, браслеты и кольца), а также пряслица, трепала и волосогонки, свидетельствующие об интенсивном развитии ткачества, постепенной смене преобладающей сырьевой основы одежды (Матвеев, 1993. С. 30–54). Вместе с тем большереченский комплекс включает ряд вещей, свойственных кочевым сообществам степной полосы Евразии эпохи раннего железа. В этот набор входят полиметаллические гофрированные заколки, восьмерковидные серьги, аппликации из золотой фольги, статуэтки архаров, поясная фурнитура, выполненная в зверином стиле. По мнению ряда авторов, данный комплекс вещей свидетельствует о смене преобладающего населения в регионе в результате миграции с южных территорий (Уманский, 1980; Могильников, 1997. С. 108).

В то же время существует гипотеза об отражении в археологических материалах эпохи палеометалла на территории Верхнего Приобья семейно-брачных отношений, включая экзогамию. Впервые это предположение выдвинуто Т.Н. Троицкой еще в конце 60-х годов XX в. при анализе разнокультурного керамического комплекса переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железу (Завьялово-5) и раннего железа (Каменный Мыс-1) (Троицкая, Мжельская, 1994. С. 81). По материалам Каменного Мыса-1, мигрирующая группа носителей кулайской культуры с приоритетом промышленной деятельности бракуется с более многочисленным местным населением, хозяйство которого основано на скотоводстве. При этом две группы населения ориентировались на различные экологические ниши. Местные жители активно осваивали Обскую пойму и лесостепные водоразделы на ее берегах, а пришельцы – ленточные боры Верхнего Приобья. Со временем на стыке лесостепи и ленточных боров (Быстровский и Новотроицкий некрополи, могильники Масляха-1 и 2) могли складываться другие модели брачных отношений, которые в итоге нашли выражение в смешанном антропологическом типе населения (Багашев, 2017. С. 141–196). Вопрос об экзогамных связях населения эпохи раннего железа Верхнего Приобья имеет принципиальное значение, поскольку два дуально-экзогамных рода могут составлять зародыш новой социальной общности – племени (Першиц и др., 1982. С. 105). Не менее важно и то, что, по мнению К. Леви-Строса, устойчивые брачные отношения являются своеобразным языком межплеменных отношений. В этой связи следует подчеркнуть, что ярко выраженная поликультурность Быстровского, Новотроицкого и Масляхинского некрополей наряду с Каменным Мысом-1 могла быть археологическим отражением языкового многообразия населения Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (Бородовский, 2016б).

Багашев А.Н., 2017. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука. 408 с.

Бородовский А.П., 2016а. Золотые изображения горных козлов эпохи раннего железа Южной Сибири // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 231–239.

- Бородовский А.П., 2016б. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (13). С. 94–102.
- Бородовский А.П., 2017. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. № 23. С. 229–240.
- Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Источники. Проблемы периодизации и хронологии. Новосибирск: НГУ. 153 с.
- Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Наука. 195 с.
- Могильников В.А., Уманский А.П., 1992. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПИ. С. 69–93.
- Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П., 1982. История первобытного общества. М.: Наука. 223 с.
- Савинов Д.Г., 2002. Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ. 202 с.
- Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В., 1994. Проблемы демографии населения завьяловской культуры // Палеодемография и миграционные процессы западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: АлтГУ. С. 80–91.
- Уманский А.П., 1980. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет. Барнаул: АлтГУ. С. 51–53.

А.О. Гольшкин*, **А.А. Клюкойть****

**Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского*

***Государственная дирекция по охране культурного наследия
Липецкой области, Липецк
11.10.48@mail.ru*

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ САРМАТСКОГО МОГИЛЬНИКА В ЛИПЕЦКЕ¹

В 2016–2017 гг. в г. Липецк, по адресу Петровский проезд, 1, под руководством А.А. Клюкойты проводились спасательные археологические исследования (рис. 1: 1), в ходе которых ниже слоев XVIII–XIX вв. выявлены шесть погребений различной степени сохранности, относящихся к сарматской культуре (Гольшкин, Клюкойть, 2018. С. 207). В настоящей работе рассматривается расположенное в центре погребение 1, принадлежавшее представителю воинского сословия (рис. 1: 2). В нем захоронен индивид мужского пола 25–35 лет (Клюкойть, 2018. С. 108). Скелет плохой сохранности лежал на спине головой на север, слева от него выявлен железный обоюдоострый меч длиной 85 см, без металлического навершия и перекрестия. Штырь его рукояти плавно переходит в пята клинка (рис. 1: 5). На рукояти и частично на лезвии сохранились следы дерева. Такие мечи считаются длинными (Хазанов, 1971. С. 15; Скрипкин, 1990. С. 60) и относятся ко 2-му типу по классификации А.М. Хазанова (Хазанов, 1971. С. 17). Данный тип достаточно хорошо представлен в Подонье, где зафиксировано более 55 находок (Белоусов, 2010. С. 17), из них в могильниках Верхнего Дона (с учетом памятников на р. Воронеж) – 8 (Медведев, 1990. С. 85, 150, 151).

Мечи рассматриваемого типа в погребениях верхнедонских и воронежских могильников в большинстве случаев располагались с левой стороны от умершего (Медведев, 1990. С. 160), в то время как экземпляры других типов – с правой (Медведев, 1990. С. 100). Известно, что данная разновидность позднесарматских мечей является наиболее распространенной и входит в обращение со II в. н.э. (Хазанов, 1971. С. 17).

Характеризуя погребальный обряд, можно отметить, что с мечами 2-го типа в верховьях Дона – в Ново-Никольском и Вязовском могильниках – встречается по одному

¹ Выражаем благодарность нашему научному руководителю Александру Николаевичу Бессуднову за помощь, оказанную при подготовке текста.

наконечнику стрелы, положенному в ногах умершего (шесть из семи случаев) (Медведев, 2008. С. 94–95). В то же время на р. Воронеж стрелы в захоронениях фиксируются в остатках колчанов по 30–60 штук (Медведев, 1990. С. 86). В рассматриваемом комплексе могильника Петровский проезд наконечник стрелы лежал в ногах погребенного: он железный, черешковый, трехлопастной (рис. 1: 3) (Клюкойть, 2018. С. 109). Высота его головки – 1.5 см, полная длина – 2.5 см. К категории бронебойных он не относился, был рассчитан на поражение незащищенного тела врага, а жальца препятствовали извлечению его из раны (Нефёдкин, 2018. С. 202).

Хотелось бы отметить одну особенность, несвойственную верхнедонским сарматским древностям, а именно наличие бус в погребении с оружием. А.П. Медведев отме-

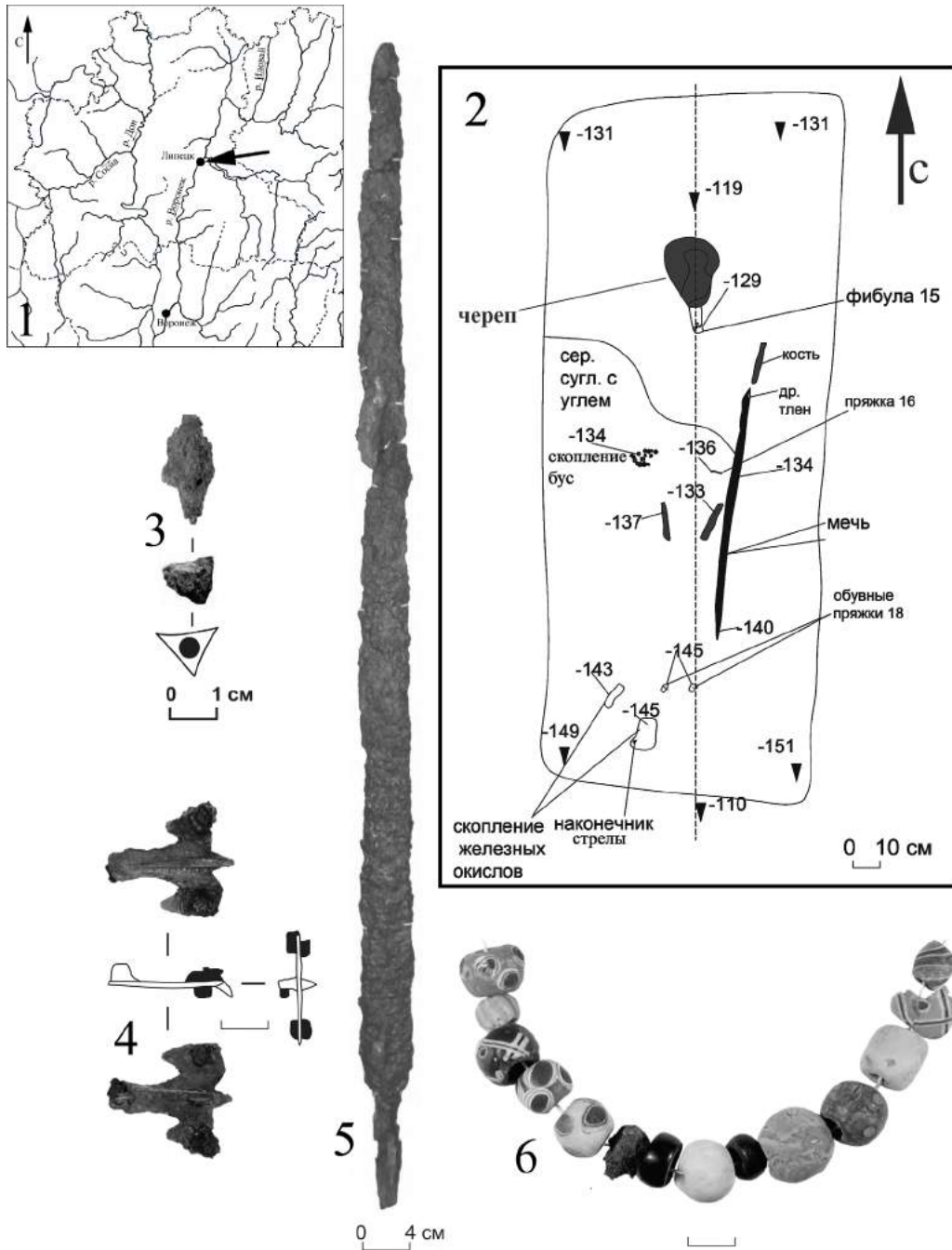

Рис. 1. Могильник Петровский проезд, погребение 1.

1 – место обнаружения могильника; 2 – общий план погребения 1; 3 – наконечник стрелы; 4 – фибула; 5 – меч; 6 – бусы.

чает, что в таких погребениях практически никогда не встречаются украшения и зеркала, хотя известны находки фибул (Медведев, 1990. С. 161). В данном же комплексе найдены фибула (рис. 1: 4) и тринадцать бус (рис. 1: 6) (Клюкойть, 2018. С. 108, 109). Во всех известных верхнедонских захоронениях бусы украшали либо колчан со стрелами, либо портупею, либо служили застежкой на одежде. В нашем случае они выступают в качестве браслета или четок на запястье правой руки (Клюкойть, 2018. С. 109).

Как показывает сравнительный анализ, проведенный В.В. Белоусовым, в своей основе вооружение верхнедонского населения позднесарматского времени тождественно нижнедонскому (Белоусов, 2010. С. 20, 21). Рассмотренное погребение могильника Петровский проезд вписывается в эту концепцию.

- Белоусов В.В., 2010. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I–IV вв. н.э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж. 22 с.
- Голышкин А.О., Клюкойть А.А., 2018. Новый сарматский могильник на Верхнем Дону (предварительное сообщение) // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / Отв. ред. С.Э. Зубов. Самара: Самарский университет. С. 207–211.
- Клюкойть А.А., 2018. Отчет об археологических раскопках на территории объекта археологического наследия «Культурный слой исторической части г. Липецк» по адресу: Петровский пр. 1 в 2016–2017 годах на основании открытого листа № 1826 от 23.09.2016 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 236 с.
- Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ. 220 с.
- Медведев А.П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. 252 с.
- Нефёдкин А.К., 2018. Сарматы. Первая тяжелая конница степей. М.: Яуза. 320 с.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 299 с.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 172 с.

С.С. Иванов

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек
sak@yandex.ru*

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТЯНЬШАНЯ В САКСКИЙ ПЕРИОД (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Долгое время считалось, что сакская культура Притяньшанья (Семиречья и Тянь-Шаня) носила характер кочевой, но по мере открытия в последние десятилетия достаточно многочисленных поселений эти представления начинают меняться.

Исследование поселений, в некоторых случаях имевших значительные размеры, в Семиречье и в Прииссыккулье показало, что во второй половине I тыс. до н.э. здесь активно практиковалось земледелие (Rosen et al., 2000; Chang, 2017. P. 39–76). В этом случае использование указанных поселений должно было быть не сезонным, а круглогодичным. Косвенным подтверждением такой гипотезы является достаточно высокий уровень развития ремесел в сакском обществе, особенно керамического производства. Оно предполагает наличие заметной прослойки ремесленников, для продуктивной деятельности которых необходим оседлый образ жизни¹.

В то же время поселения в Притяньшанье выполняли не только роль центров развития земледелия и ремесла, но и имели огромное значение в хозяйственной жизни скотоводческой части сакского общества, поскольку служили местами зимовок. Это позволяло сочетать перекочевки на высокогорные пастбища Тянь-Шаня в летнее время

¹ На развитие земледелия в сочетании с кочевым хозяйством в среде усуней обоснованно указывал К.А. Акишев (Акишев, 2013. С. 12–27). Учитывая, что поселения раннего железного века в Притяньшанье плавно «переходят» из сакского периода в усуньский, нет оснований предполагать, что хозяйственная специфика населения этих двух периодов в корне различалась.

с пребыванием в холодное время года на стационарных поселениях (Акишев, 2013. С. 25-26). Поэтому применительно к сакскому периоду в Притяньшанье уместнее говорить о господстве полукочевого хозяйства, а не чисто кочевого.

Именно то, что основная часть населения практиковала такой тип скотоводства при существовании заметной прослойки оседлых насельников, приводит, по крайней мере, в V – первой половине II в. до н.э., к существенному росту населения в Притяньшанье, достигающего достаточно высокой плотности. Наглядным свидетельством этого является расположение курганных могильников в среднем на расстоянии 7–15 км друг от друга даже в высокогорных районах Тянь-Шаня. Подобный демографический рост возможен только при эффективном сочетании различных форм хозяйственной деятельности. При этом доля в обществе оседлого, земледельческого и ремесленного, элемента была достаточно высокой.

В то же время необходимо учесть, что в состав сакского политического объединения Притяньшанья длительное время входили соседние земледельческие области, такие как Ферганская долина и Ташкентский оазис, где сложились и развивались эйлатано-актамская и бургулюкская культуры. Последние при определенном родстве с сакскими племенами Притяньшанья, фиксируемом на уровне значительного сходства погребальной обрядности и отчасти материальной культуры, все же обладали собственными яркими культурными особенностями.

Но, как можно предполагать, оседло-земледельческое население Ферганы и Ташкентского оазиса занимало подчиненное положение по отношению к кочевому сакскому. На это может указывать открытие в Кетмень-Тюбинской долине на Западном Тянь-Шане характерных для эйлатано-актамской культуры Ферганы так называемых «длинных» курганов (Ташбаева, 2011. С. 38), не свойственных местной сакской культуре. Оседлое земледельческое население из Ферганской долины, по-видимому, специально было перемещено местными сакскими правителями для производства керамической посуды, занятия ремеслами и, вероятно, для ведения земледельческого хозяйства.

Совершенно, однако, не ясны ни социальный статус, ни происхождение оседлого элемента на основной территории сакской культуры Притяньшанья. При доминировании полукочевого скотоводства высока вероятность того, что оседлое население могло также иметь более низкий социальный статус, но пока подтвердить данное предположение не удалось. поскольку погребальные памятники, которые можно было бы соотнести с оседлой частью сакского общества, выделить проблематично. Наоборот, создается впечатление, что сакские родо-племенные коллективы включали в себя население на локальном уровне, независимо от его хозяйственной деятельности, что, впрочем, не отменяет существование внутри этих коллективов достаточно жесткой кастовой стратификации. На развитие последней в сакском социуме может указывать постепенное выделение в V – первой половине II в. до н.э. дружинно-воинского сословия, определяемого по появлению курганов среднего размера (высотой от 1.3 до 3 м), часто отличающихся ярким воинским инвентарем. В рядовых погребениях оружие встречается крайне редко, что говорит не только о глубоком социальном размежевании в обществе, но и о его закреплении на сословном уровне.

Не ясно, связано ли местное оседлое население своим происхождением с остаточными популяциями финальной бронзы, которые фиксируются в Притяньшанье в ранне-сакский период. Они были, по-видимому, очень редкими и немногочисленными. Вполне возможно, что существенную роль в формировании оседлого населения Притяньшанья в сакский период сыграли мигранты из соседней южной части Синьцзяна, которые принесли сюда развитую керамическую традицию, в том числе традицию расписной посуды. Ими, в первую очередь, могли быть носители культуры чауху, существовавшей в ранне-сакский период к югу от Восточного Тянь-Шаня. Примечательно, что часть ее населения практиковала оседлый образ жизни (Шульга, 2010. С. 17).

Не исключена также постепенная инфильтрация некоторой части оседлого населения из Ташкентского оазиса. Привнесение на сакские поселения Притяньшанья гончар-

ного круга медленного вращения не могло произойти без культурного влияния соседних земледельческих областей Средней Азии.

Итак, на сегодняшний день можно наметить только два важнейших источника сложения оседло-земледельческих групп населения в Притяньшанье во второй половине I тыс. до н.э. В процессе слияния различных этнокультурных компонентов раннесакского периода происходит становление новой, самобытной сакской культуры Притяньшанья, в составе которой оседлый элемент играл существенную хозяйственную и культурную роль, а поселения, где он размещался, служили также резиденциями сакских родоплеменных вождей и правителей.

Акишев К.А., 2013. Древние и средневековые государства на территории Казахстана. Алматы. 192 с.

Ташбаева К.И., 2011. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим. 274 с.

Шульга П.И., 2010. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: АлтГУ. 240 с.

Chang C., 2017. Rethinking Prehistoric Central Asia: Shepherds, Farmers and Nomads. London; New York: Routledge. 150 p.

Rosen A.M., Chang C., Grigoriev F.P., 2000. Palaeoenvironments and economy of Iron Age Saka-Wusun agro-pastoralists in southeastern Kazakhstan // *Antiquity*. № 74. P. 611–623.

Д.О. Кабанов

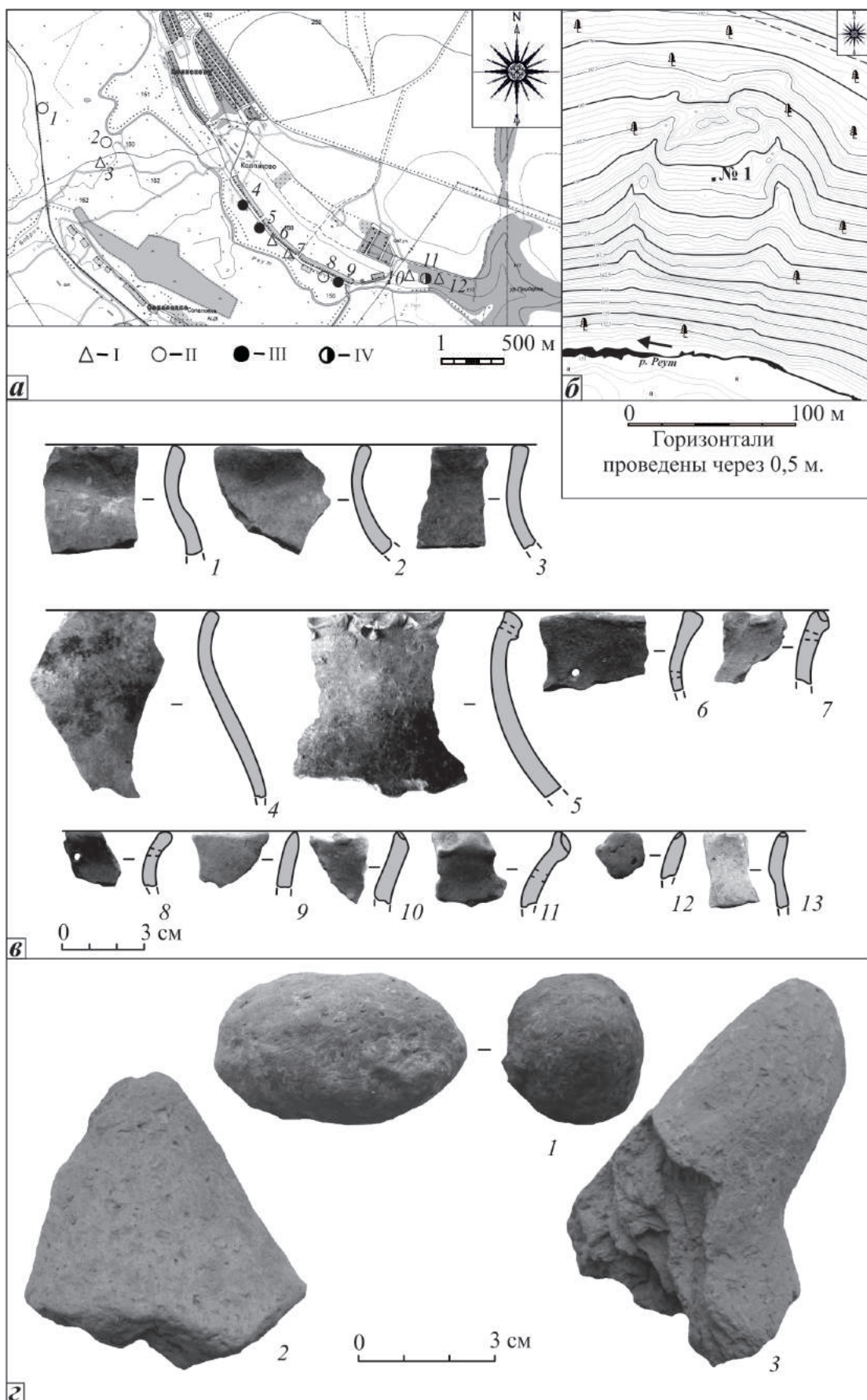
*НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета
Kabanov.dmitriy@list.ru*

ИТОГИ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДИЩА КОЛПАКОВА

Комплекс археологических памятников раннего железного века в районе пос. Колпаково (Курская область, Курчатовский район) включает в себя три скифоидных и одно юхновское городище. Три поселения не имеют конкретной атрибуции (рис. 1а). Задачей настоящего исследования является анализ культурных связей в пределах микрорегиона Колпаково. С этой целью проведены полевые работы на городище Колпаково и в его окрестностях. Памятник расположен на высоком коренном берегу р. Реут (левый приток р. Сейм, Днепровский бассейн) между двумя оврагами. Имеет подпрямоугольную форму, размеры: 3–В – 84 м, С–Ю – 74 м, высота площадки над уровнем воды в реке – 20–30 м. С напольной стороны городище укреплено подковообразным валом высотой 3 м и рвом глубиной 2 м (рис. 1б).

Для уточнения культурной принадлежности и выяснения стратиграфии на памятнике в 20 м к югу от насыпи вала заложен шурф размерам 2 × 2 м. Выявлен однородный культурный слой толщиной 0.5 м, представленный темно-серым грунтом с примесью мергеля. На уровне материковой поверхности читались контуры объекта, который выходил за пределы шурфа. Найдено свыше тысячи фрагментов лепной посуды (рис. 1в), десятки яйцевидных блоков (рис. 1г: 1) и фрагментов «рогатых кирпичей» (рис. 1г: 2, 3). Керамическая коллекция оказалась неоднородна: 96.4% ее составили фрагменты сосудов юхновской культуры, отличающихся тонкостенностью и гладкой поверхностью (рис. 1в: 1–4). В тесте в качестве примеси присутствовал песок. Орнаментировался в основном только срез венчика – защипами пальцев и насечками ногтя. Горшки такого вида в регионе датируются IV–III вв. до н.э. (Алихова, 1959. С. 20; Чубур, 2000. С. 39). Несколько фрагментов сосудов украшены сквозными проколами, которые характерны для керамики лесостепи (Каравайко, 2012. С. 95).

Помимо юхновских материалов встречены немногочисленные обломки посуды скифоидной культуры, которые составили 3.6% от общего количества фрагментов сосудов (рис. 1в: 5–8). Это керамика весьма типичного для памятников Курского Посеймья вида (Пузикова, 1997. С. 41). В ее тесте присутствовала большая примесь среднего размера

шамота, в результате чего поверхность сосуда имела грубоватую фактуру. Венчики орнаментированы пальцевыми защипами и сквозными проколами. Примечательно, что в тесте также имеется заметная примесь слюды, что присуще посуде юхновской культуры. По всем признакам она носила естественный характер. Таким образом, можно говорить о том, что для изготовления скифоидных и юхновских сосудов использовалась единая сырьевая база.

С фрагментов керамики сняты и идентифицированы слепки зерен. Выборку нельзя считать репрезентативной, однако результаты работы показали, что жители городища возделывали просо, пленчатый ячмень и пшеницу двузернянку. Изучена также коллекция костей. Всего в шурфе обнаружено 40 фрагментов костей млекопитающих, из которых до вида определены 20. Кости раздроблены и представляют собой типичные кухонные отходы. Их количество ограничено, поэтому полученные данные имеют предварительный характер. Кости принадлежали широко распространенным сельскохозяйственным животным: бык домашний, овца домашняя, коза домашняя, свинья домашняя, лошадь домашняя. Один зуб – это зуб косули.

Шурфами, заложенными к западу и востоку от городища, выявлены два селища финала эпохи бронзы, предположительно бондарихинской культуры. При изготовлении посуды носители бондарихинских традиций в качестве искусственной примеси добавляли в формовочную массу шамот и крупный окатанный песок (рис. 1в: 9–13). Также в глиняном тесте присутствует слюда, которая, судя по результатам анализа всей посуды микрорегиона, является местной особенностью сырьевой базы. Примечательно также, что помимо керамики в шурфах встречены яйцевидные глиняные блоки, которые характерны для юхновских памятников.

Проведенные изыскания позволяют сделать несколько предварительных выводов. Прежде всего, появлению юхновского городища предшествовали два селища, предположительно бондарихинской культуры, которые непосредственно примыкали к площадке будущего укрепленного поселка. Наличие в орнаментации юхновской посуды элемента, характерного для лесостепных памятников, и незначительного процента скифоидной керамики в слое городища указывает на хозяйственные связи юхновского населения с жителями соседних скифоидных селищ и на использование ими общей ресурсной зоны (рис. 1а). Этот факт может свидетельствовать о синхронном проживании носителей скифоидной и юхновской традиций, а не последовательной смене этих культур в микрорегионе. Керамика с городища Колпаково достаточно надежно датируется IV–III вв. до н.э.

Алихова А.Е., 1959. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья // КСИИМК. Вып. 77. М. С. 15–20.

Каравайко Д.В., 2012. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины. 276 с.

Пузикова А.И., 1997. Марицкое городище в Посеймье. М.: Наука. 122 с.

Чубур А.А., 2000. Курский край: эпоха раннего металла // Курский край. Т. 2. Курск: КГПУ. 252 с.

Рис. 1. Микрорегион Колпаково. Памятники эпохи поздней бронзы и скифского времени и некоторые сделанные на них находки.

а) I – памятники эпохи поздней бронзы; II – памятники раннего железного века без конкретной атрибуции; III – памятники скифоидной культуры; IV – памятники юхновской культуры.

1 – Колпаково, поселение 2; 2 – Колпаково, селище 1; 3 – Колпаково, поселение 1; 4 – Колпаково, селище 8; 5 – Колпаково, поселение 5; 6 – Колпаково, поселение 4; 7 – Колпаково, поселение 3; 8 – Колпаково, селище 6; 9 – Колпаково, селище 5; 10 – Колпаково, селище 10; 11 – Колпаково, городище; 12 – Колпаково, селище 10.

б) Городище Колпаково. План. Инструментальная съемка Г.О. Бобрышева, Д.О. Кабанова.

в) Лепная керамика. 1–4 – юхновская культура (Колпаково, городище); 5–8 – скифоидная культура (Колпаково, городище); 9–13 – эпоха бронзы (1–11 – Колпаково, селище 9; 12, 13 – Колпаково, селище 10).

г) Городище Колпаково. 1 – яйцевидный глиняный блок; 2, 3 – обломки «рогатых кирпичей».

ТЕРРАКОТОВАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СТАТУЭТКА ИЗ САМЕДАБАДА

В феврале 2018 г. в ходе строительных работ по расширению Южнокавказского трубопровода близ села Самедабад в Евлахском районе Азербайджана выявлено кувшинное погребение¹. Оно исследовано археологическим отрядом Института археологии и этнографии НАН Азербайджана в составе Д.А. Кириченко, А.М. Агаларзаде и С.Ф. Фарманлы.

К сожалению, часть погребения оказалась разрушена при работе техники. В частности, от погребального кувшина сохранилось лишь верхняя часть. Кувшин был уложен на бок, горловиной ориентирован на запад, а днищем, предположительно, на восток. Сохранились фрагменты человеческих костей. Они находились к юго-западу от венчика кувшина и внутри него. Длина погребения 2.1 м, ширина сохранившейся части 1.5 м, глубина 1.1 м, ориентировка – северо-запад – юго-восток. В южной части захоронения находились, предположительно, кости животного. Сопроводительный инвентарь составляли 25 керамических сосудов разной величины и предназначения, терракотовая антропоморфная (женская) статуэтка, 2 керамических продолговатых изделия, 3 бронзовых браслета, стеклянная бусина зеленого цвета. В восьми сосудах находились кости животных.

Погребение датируется III–I вв. до н.э. Обнаруженные в нем артефакты (керамика, браслеты, бусина, терракотовая статуэтка) находят аналогии в других памятниках Азербайджана эпохи античной Кавказской Албании.

Наибольший интерес представляет антропоморфная женская статуэтка (рис.1). Отчетливо видны голова, нос, глаза, брови, руки, бедра, ноги. На руках имеются дугообразные налепы, по четыре на каждой. На передней части фигурки налепами передана острая грудь справа и «сердце» с кругом посередине слева, на талии – пояс с округлыми пуговицами. Ниже пояса и на бедрах расположены округлые вдавления, образующие треугольник. Статуэтка стоит на дисковидной подставке, на которой также имеется шесть округлых вдавлений. Часть левой ноги отсутствует. Обратная сторона изделия плоская. Фигурка изготовлена вручную. Ее цвет – светло-розовый, в составе глиняного теста присутствует мелкий песок. Высота 17 см, ширина 13.5 см, толщина 2.2 см. Диаметр дисковидной подставки 8.5 см, толщина 0.9 см.

Впервые терракотовые антропоморфные статуэтки эпохи античности, передающие образ женщины, были обнаружены в ходе раскопок в Мингечауре. Происходили они как раз из кувшинных погребений (Казиев, 1960). Большинство находок, относящихся к албанскому времени, обнаружено на территории Исмаиллинского района Азербайджана. При археологических исследованиях в поселениях Моллаисаклы, Гаджыатамлы, Галагах, Ньюди и ряде других выявлено значительное количество небольших фигурок, несколько различающихся по технике изготовления и иконографическим особенностям (Алекперов, 1994. С. 45).

Ф.Л. Османов глиняные статуэтки, выявленные на территории Исмаиллинского района, разделяет на три группы. 1. Статуэтки, подчеркнуто изображающие женщину. Встречаются в большом количестве. У большинства отбиты руки, ноги и голова. В основном они серого, иногда красного цвета, покрыты беловатым ангобом, на шее изображены ожерелья. 2. Фигуры, имеющее форму бюста. 3. Статуэтки, изготовленные схематично (Османов, 1971. С. 61, 62).

¹ Авторы выражают признательность руководству компаний БП, Азфен-Текфен за возможность исследовать погребение, а также за помощь и поддержку при проведении археологических раскопок.

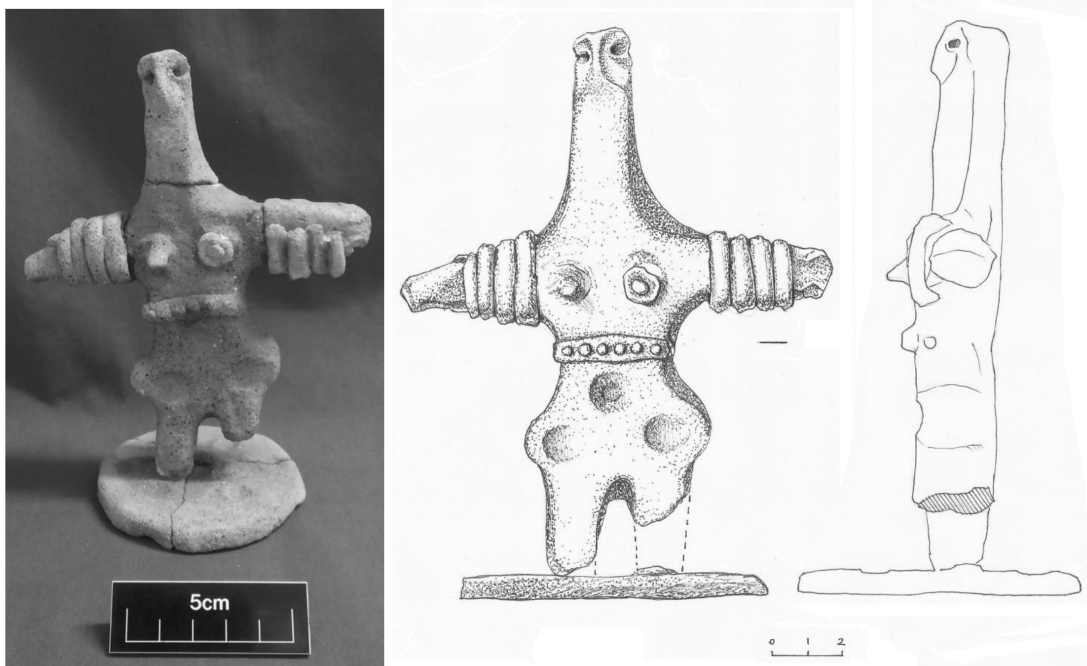

Рис. 1. Женская антропоморфная статуэтки из Самедабада.

Терракотовые статуэтки, изображающие женщин, обнаружены во время археологических исследований на территории Азербайджана, также в Габале, Шемахе, Геокчае, Кусарах (Алекперов, 1994; Османов, 2006).

Коропластика Албании во многом сохраняет архаичные формы и выполнена в характерном для восточного искусства стиле. На женских статуэтках специально подчеркнуты реалистически выполненные грудь и бедра, с изяществом – налепом и врезными черточками – переданы украшения на шее, браслеты на руках и ногах, элементы одеяния, и даже волосы, аккуратно сплетенные в косички. Обычно воспроизводится образ молодой стройной привлекательной женщины. Голова и черты лица изображены более схематично. Большинство фигурок стоит на слегка расставленных ногах. Значительно реже нижняя часть вообще отсутствует и состоит из сплошной керамической массы, а изображение вылеплено лишь выше талии. Наконец, сохранились статуэтки бюстообразной формы. У большинства находок характерные женские признаки переданы довольно схематично, хотя у некоторых они специально подчеркнуты (Османов, 2006. С. 149).

В южном Дагестане, входившем в изучаемый период в этнокультурное пространство Кавказской Албании, обнаружены четыре терракотовые антропоморфные статуэтки, изображающие женщин. Две из них происходят из погребения 15 Шаракунского могильника, еще две выявлены в Дербенте (Гаджиев, Бакушев, 2016).

Среди фигурок, известных на территории современной Армении, имеются образцы, по формовке отдельных деталей повторяющие находки из Мингечаура и Исмаиллинского района Азербайджана. То же можно сказать и о синхронных глиняных статуэтках, обнаруженных в Грузии (Алекперов, 1994. С. 53).

Статуэтка из Самедабада, вероятно, связана с культом богини любви, богини-матери, являющейся с древнейших времен символом плодородия, который был распространен на территории Азербайджана в эпоху античной Кавказской Албании. Она – единственная пока терракотовая антропоморфная статуэтка Южного Кавказа, размещенная на дисковидной подставке. Уникальной чертой является также налеп в виде «сердца» с левой стороны на груди фигурки.

Алекперов А.И., 1994. Терракоты древнего Азербайджана. Баку:Элм. 134 с.

Гаджиев М.С., Бакушев М.А., 2016. Терракотовые антропоморфные статуэтки Южного Дагестана албано-сарматского времени // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. № 1. С. 108–116.

- Казиев С.М., 1960. Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку: АН Азерб.ССР. 27 с.
- Османов Ф.Л., 1971. Об антропоморфных фигурах античного периода, найденных на территории Исмаиллинского района // Известия АН Азерб.ССР. № 1. С. 60–66.
- Османов Ф.Л., 2006. История и культура Кавказской Албании. Баку: Тахсил. 288 с.

В.И. Лясович

*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН
vsevolodlyasovich@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ р. БЕЛОЙ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ

В 2018 г. в Иглинском районе Республики Башкортостан проведено археологическое обследование безымянного оврага, расположенного на западной окраине с. Акбердино. Полученные результаты позволяют говорить о характере освоения данного участка в раннем железном веке.

Археологическое изучение территории Иглинского района началось в конце XIX в. Впервые его обследовали В.В. Гольмстен и Д.Н. Эдинг. В 1960-е годы ряд памятников открыл А.П. Шокуров. К 1976 г. в Иглинском районе было зафиксировано шесть археологических объектов (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 140–142). В последующий период наиболее крупные исследования провел А.Х. Пшеничнюк. В 90-е годы XX в. изучение района продолжено И.М. Акбулатовым, Г.Н. Гарустовичем, В.Н. Васильевым и В.В. Овсянниковым. К 2007 г. на территории оврага у с. Акбердино выявлено еще пять памятников (Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 8–12).

В процессе работ 2018 г. обнаружено 13 новых памятников, обследовано 3 ранее известных, зафиксировано одно местонахождение керамики (рис. 1). Все они относятся к раннему железному веку. Подъемный материал представлен артефактами: а) культуры курмантау (VII в. до н.э.); б) кара-абызской культуры (IV в. до н.э. – III в. н.э.); в) гафуринского типа керамики (IV–II вв. до н.э.); г) убаларско-имендяшевского типа керамики (II–IV вв. н.э.) (Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 8–12).

Обследованный овраг топографически привязан к первой надпойменной террасе правого берега р. Белая. К югу от с. Акбердино река имеет широкую долину, образует большое количество террас и пляжей. Ее правый берег ограничен высоким (до 100 м) холмисто-увалистым плато и обладает хорошо выраженными и удобно расположенными надпойменными террасами, покрыт луговой растительностью и липово-осиновыми лесами.

Центральный памятник рассматриваемой территории – Акбердино 5 городище (по нумерации 2007 г. – Акбердинское II городище). Оно находится на расстоянии 2 км от селища Акбердино-11 и 253 м от селища Акбердино-20. Датируется IV в. до н.э. – III в. н.э. (Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 8).

Вновь выявленные объекты расположены компактно на участке в 5,2 кв. км. Средняя площадь памятников – 1,5 га. Все они приурочены к мысам безымянного оврага на западной окраине с. Акбердино. С юга или севера они ограничены стекающими с берегов оврага ручьями с крутыми или пологими склонами различной высоты. Например, высота мыса, на котором расположено селище Акбердино IV (нумерация 2007 г.) достигает 55 м (Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 10). Ручьи впадают в оз. Псыкуль, расположенное в 360 м от основания оврага.

Подъемный материал встречен на 17 площадках-мысах. На селищах Акбердино-10, 11, 20 и 21 находки фиксируются по всей площади памятника. На остальных отмечены отдельные скопления («пятна») подъемного материала. В среднем на каждом памятнике собрано около 15–25 фрагментов керамики. Например, на селище Акбердино-11 зафиксированы два «пятна» концентрации находок. Их размеры 15 × 25 и 20 × 27 м.

Такое количество памятников на столь небольшой площади может быть обусловлено несколькими факторами: наличием рядом центрального Акбердинского 5 городища;

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.104-105

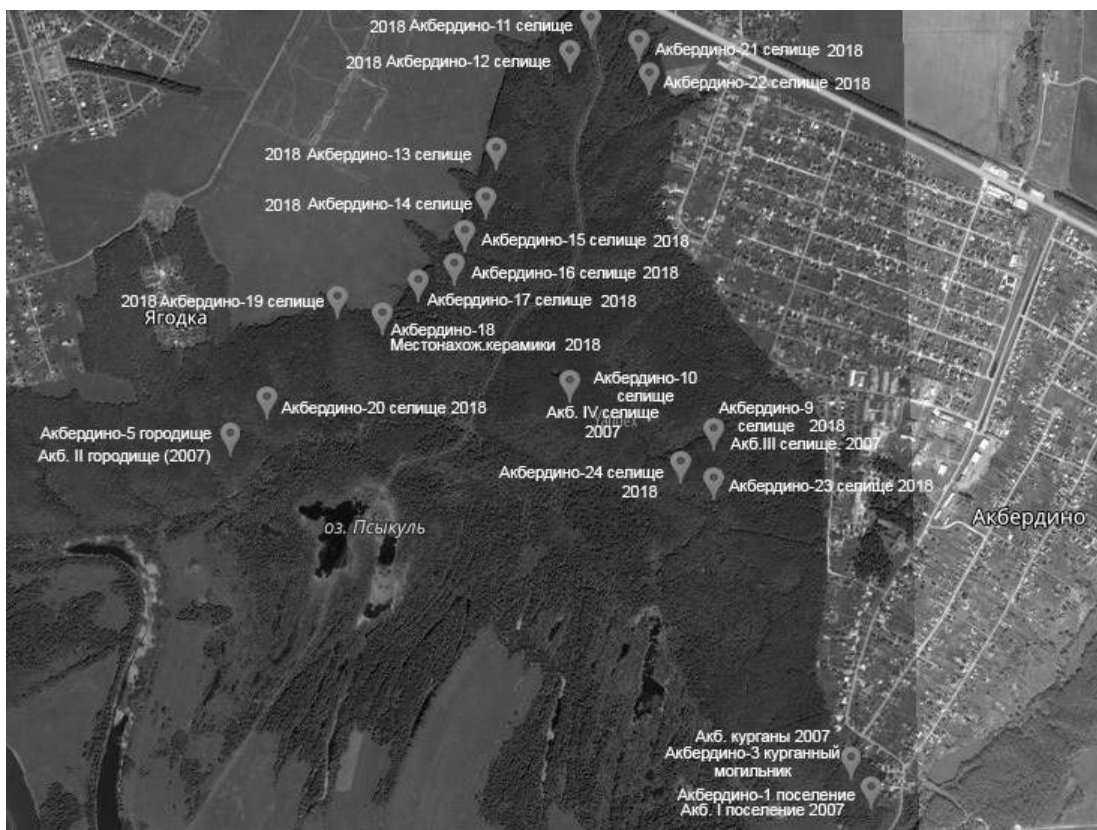

Рис. 1. Расположение памятников на территории безымянного оврага западнее с. Акбердино.

естественными барьерами в виде глубоких ложбин, разделяющих овраг на отдельные мысы; большим количеством ручьев, протекающих по расселинам оврага (Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 10).

По всей видимости, благоприятные географические условия правого берега р. Белая в эпоху раннего железа способствовали концентрации населения и позволяли успешно заниматься хозяйством. Ранний железный век – это время наиболее активного освоения обозначенной территории.

На основании представленных данных можно предположить, что выявленные объекты представляют собой кратковременные стоянки, места которых могли меняться каждый год или сезон. Наличие рядом опорного памятника, находки керамики позволяют высказать мысль, что описанные мысы оврагов использовались обитателями Акбердинского 5 городища только в хозяйственных целях (Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 10).

Археологическая карта Башкирии. 1976. М.: Наука, 264 с.

Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В., 2007. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: РУНМЦ МО РБ. 63 с.

Б.Н. Макоев

*Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик
beiaslan.makoev@mail.ru*

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПРЕДСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ПАМЯТНИКОВ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Уже в предскифскую эпоху стрелы были наиболее распространенным видом вооружения, употреблявшимся как на охоте, так и на войне. Довольно часто наконечники стрел обнаруживаются в памятниках кобанской культуры. Материал их изготовления

разнообразен: кость, металл (бронза или железо). Встречаются образцы как местных кавказских, так и скифских типов. Данный вид вооружения весьма важен при датировке археологических комплексов.

Среди местных типов наконечников стрел на территории Кабардино-Балкарии выявлены костяные – втульчатые, которые представлены VII типом 4-ым вариантом, по классификации В.И. Козенковой (Козенкова, 1995. С. 7). К этому варианту с удлинено-пирамидальной головкой и треугольным вырезом в основании относится экземпляр из разрушенных погребений близ Гунделена на Баксане, точной копией которого являются два наконечника из погребения Минераловодского могильника (рис. 1: 1, 2) (Козенкова, 1995. С. 7). Датируются такие изделия серединой I тыс. до н.э.

Также к местным по происхождению наконечникам отнесен I тип стрел модификации кавказских черешковых с подтреугольной головкой, оканчивающейся двумя острыми шипами, опущенными к черешку. К 1-му варианту I типа относится наконечник из Былымского клада (рис. 1: 3) (Археологические исследования, 1984. С. 146).

Таким образом, на территории Кабардино-Балкарии найдены два местных типа наконечников стрел: VII и I.

Кроме местных форм в Кабардино-Балкарии массово встречаются скифские наконечники. В потревоженном Бедыкском могильнике в ходе спасательных работ обнаружены трехлопастные и трехгранные наконечники стрел скифо-савроматского облика, 2-й подгруппы III типа, по классификации В.И. Козенковой. Они выполнены из железа и бронзы (рис. 1: 10–20) (Батчаев и др., 1985. С. 10.).

Также во время раскопок курганов в с. Нартан обнаружены бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел. Некоторые из них имеют рельефный зигзаг на лопасти и отверстие в начале втулки (рис. 1: 21–29) (Батчаев и др., 1985. С. 20).

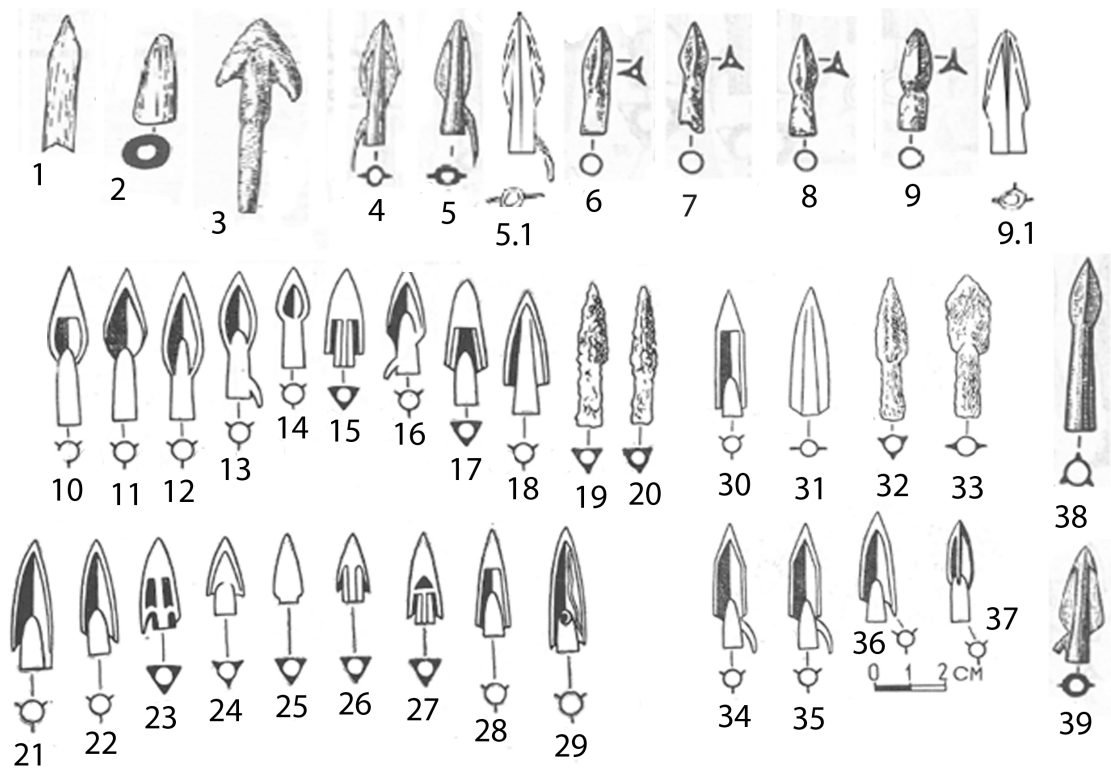

Рис. 1. Наконечники стрел.

1, 2 – находки близ Гунделена; 3 – Былымский клад; 10–20 – Бедыкский могильник; 4–9, 21–39 – находки из курганов с. Нартан.

Трехлопастные наконечники найдены и в кургане 5, однако этот комплекс обладает определенной спецификой. Из 40 обнаруженных здесь наконечников стрел четыре железные, все остальные бронзовые. Железные экземпляры представлены двумя типами: трехлопастные с длинной втулкой (рис. 1: 38) и образец с такой же втулкой, но двухлопастный, с широкой ромбической головкой (рис 1: 39).

Из бронзовых наиболее многочисленны трехлопастные наконечники стрел с шипом на короткой втулке (рис. 1: 4, 5). Это V тип, по классификации В.И. Козенковой. Два изделия оканчиваются шиповидным заострением на лопасти (рис. 1: 6) – это II тип, по В.И. Козенковой (Козенкова, 1995. С. 12). Остальные три типа (по 1 экз.) представлены трехлопастным наконечником с узкой овальной головкой, комбинированным трехгарно-трехлопастным с едва выступающей втулкой и двухлопастным с длинной внутренней втулкой (рис. 1: 7–9) (Батчаев и др., 1985. С. 24).

Такая же картина наблюдается и в остальных курганах Нарганского могильника. Они разделяются на две группы: раннюю (VI в. до н.э.) и позднюю (V в. до н.э.). К ранней группе относятся курганы 6, 9–23, в которых найдены разные типы бронзовых наконечников стрел. Позднюю группу составляют курганы 1–5, 7, 8, 24, где наряду с бронзовыми обнаружены и железные экземпляры (Батчаев и др., 1985. С. 52).

Таким образом, в Кабардино-Балкарии найдены три типа скифских наконечников стрел – II, III и V.

На памятниках западного варианта кобанской культуры бронзовые и железные черешковые наконечники редки (Козенкова, 1995. С. 24). Железные трехлопастные изделия чужеродны на данной территории. Такой наконечник был найден среди предметов разрушенных комплексов Гунделенского могильника. Он датируется временем не ранее рубежа VI–V вв. до н.э. (Виноградов, 1972. С. 97).

Подводя итоги, можно сказать, что вооружение являлось важным элементом материальной культуры народов Северного Кавказа в предскифское время и скифский период. Бронзовые наконечники стрел кавказских форм были характерны в основном для I – начала II этапа развития кобанской культуры (XII–X вв. до н.э.). Затем началось активное заимствование форм втульчатых наконечников сначала общевразийского облика, затем новочеркасского типа и позднее – скифо-савроматских образцов (Козенкова, 1989. С. 119).

В скифский период использовались богатейшие наборы степных наконечников стрел с преобладанием в них трехлопастных втульчатых, изготовленных из бронзы и железа. Для VII – середины VI в. до н.э. были характерны двулопастные наконечники стрел с шипом, трехлопастные с листовидной головкой. Во второй половине – конце VI в. до н.э. наборы форм кардинально изменяются. Преобладают базисные трехлопастные наконечники массивных пропорций.

Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг., 1984. Т. 1.

Нальчик: Эльбрус. 303 с.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. II. Нальчик: Эльбрус. С. 7–18.

Батчаев В.М., Барцева Т.Б., Кереев Б.М., 1985. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик: Эльбрус. 280 с.

Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.

Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура: Западный вариант. М: Наука. 196 с.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант. САИ. В2-5. Вып. 4. М. 166 с.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОПУЛЯЦИЙ АНТИЧНОГО ВИМИНАЦИУМА

Знаменитый римский город Виминациум расположен в местности Чаир в устье р. Млава (правого притока Дуная), недалеко от деревни Старый Костолац (Восточная Сербия). В археологическом отношении это многослойный памятник с долгой историей исследования. В его окрестностях обнаружены погребальные памятники различных эпох: последних веков I тыс. до н.э., римского времени и Средневековья. Наличие некрополей предполагает существование рядом синхронных им поселений. Однако долгое время обнаружить их не удавалось, несмотря на наличие очевидно подходящих для проживания условий.

Согласно результатам проведенных до настоящего времени археологических исследований, первыми жителями Виминациума были кельты, об этом говорят случайные находки в местности Чаир (Спасић, 1989–1990; Spasić, 1992). К сожалению, их поселение до сих пор не найдено. Кельтский некрополь, датируемый III в. до н.э., находится в районе Печине. Его размеры до сих пор точно не установлены. Изученная группа населения невелика и составляет всего 15 жителей, но палеодемографические показатели позволяют предположить, что изначально она была достаточно многочисленной.

Римский период длился в Виминациуме с I по IV в. Этим временем датируются более 14 000 погребений двух крупнейших некрополей – Печине и Више Гробалья. Треть всех захоронений – кремации. Первые палеодемографические характеристики для этой группы получил Е. Хошовский, исследовавший останки 4498 индивидов из 7839 доступных для изучения. Согласно его данным, численность населения Виминациума на протяжении 200–250 лет могла составлять 8200 жителей (Хошовски, 1990–1991), но это не окончательное число, так как некрополи исследуются по сей день.

Эпоха Великого переселения народов характеризуется сменой германских племен в регионе. К этому периоду в общей сложности в округе Виминациума относятся четыре некрополя: Бурдель, Ланци и Више Гробалья, делящийся на ранний и поздний могильники (Ivanišević et al., 2006). Они датируются V–VI вв. Виминациум населяли две группы германских народов: херулы (или лангобарды) и восточные готы. Они состояли из небольших сообществ, насчитывавших по несколько семей, по нашим данным, не превышавших 16–18 человек. Исследования этих погребальных памятников продолжаются, поэтому в будущем имеющиеся представление о численности населения могут существенно измениться.

К периоду развитого Средневековья, концу XII – XIII в., в регионе относятся три некрополя. Соответствующее им поселение археологически не исследовалось. Предполагается, что проживавшее здесь население было малочисленным. Однако есть и другое мнение. Средневековая группа с биологической точки зрения – это целостная выборка, археологические находки, маркирующие социальный статус погребенных, различны. Эти и другие факты заставляют говорить о возможности пересмотра численности хозяйств в сторону увеличения.

Позднее Средневековье представлено некрополем, датируемым, по устному сообщению Ч. Ёрдовича, руководителя раскопок, XIV–XV вв. На кладбище Над Лугом раскопано 112 скелетов, из которых антропологами изучено 103. Палеодемографические расчеты показали, что некрополь сформирован населением, состоящим из 6–9 хозяйств, насчитывавших в некоторые периоды до 17–20 жителей. Это первый случай, когда в Виминациуме достоверно зафиксирована одна гомогенная популяция, ее можно отнести к динарскому антропологическому типу.

В нашем исследовании применялся междисциплинарный подход – исторические данные, археологические, антропологические и палеодемографические методы позволили определить вероятные размеры популяций, населявших район Виминациума в разные хронологические периоды. Очевидно, что здесь имеются два типа поселений: городские и сельской округи. Сменяя друг друга, они существовали на этом месте непрерывно. В зависимости от эпохи они различались характером развития, продолжительностью функционирования, численностью населения, состав которого менялся с каждым периодом.

- Спасић Д., 1989–1990. Средњовековна некропола Код гробља у Старом Костолцу // Виминацијум. 4–5. Пожаревац. П. 157–175.
- Хошовски Е., 1990–1991. Први палеодемографски резултати о античком Виминацијуму // Саопштења. 12/13. Београд. П. 273–278.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les necropoles de Viminacium a l'epoque des Grandes Migrations / Collège de France – CNRS, Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies 22. Paris. 352 p.
- Spasić D., 1992. Slučajni nalazi keltskog porekla sa lokaliteta «Čair» u Starom Kostolcu // Viminacijum. 7. Požarevac: Narodni muzej. П. 5–21.

Н.Н. Преснова

*Институт археологии РАН, Москва
nadezhda_presnova@mail.ru*

ИССЛЕДОВАНИЯ НИЖНЕГО ГОРОДА ТАНАИСА В 2017–2018 гг.

В 2017 г. на территории Нижнего города городища Танаис был заложен раскоп XXXIV (Ильяшенко, 2017. С. 71–76)¹. Исследуемый участок располагается на первой надпойменной террасе р. Мертвый Донец, по ул. Ченцова, на расстоянии 150 м к юго-востоку от юго-восточного угла основного четырехугольника городища². Общая площадь раскопа 50 кв. м. Целью работ стало уточнение данных о Нижнем городе Танаиса, расположенном в приречной зоне в районе современной застройки х. Недвиговка. В ходе исследований изучен ряд объектов.

Постройка позднеантичного времени зафиксирована в западной части вскрытого участка. Ее контуры были отмечены крупными камнями, в границах которых прослеживался глинобитный пол. В юго-восточном углу постройки располагалась хозяйственная яма (глубина – 0.71 м). В ее заполнении обнаружены фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа D³, верхняя часть амфоры типа E без венчика с дипинто, бусины, бронзовый наконечник (Ильяшенко, 2017. С. 74). Выявлены также кости животных и рыб. Найденный материал позволяет датировать яму второй половиной IV – началом V в. н.э.

К востоку от постройки открыт жилой уровень (?). Его границы прослеживаются в северном и восточном профилях квадрата. Среди амфорного материала из этого горизонта преобладают фрагменты амфор типа D и типа Син IVб (по С.Ю. Внукову)⁴. В юго-западном углу жилого уровня (?) прослеживалось скопление золы (яма?). Среди находок необходимо отметить фрагмент нижней части стеклянного блюда из глухого полихромного стекла темно-зеленого цвета с бордовыми включениями (II–III вв. н.э.) и фрагмент краснолакового блюда на кольцевом поддоне, на внутренней поверхности которого размещена надпись «Alexandr» (восточная сигиллата В, по Д.В. Журавлеву)⁵. На основании

¹ Выражаем благодарность С.М. Ильяшенко за предоставление материалов по исследованиям Нижнего города Танаиса (раскоп XXXIV, 2017–2018 гг.).

² Руководство работами на участке и составление раздела отчета по итогам исследований на раскопе XXXIV (2017–2018 гг.) – Преснова Н.Н.

³ Определение узкогорлых светлоглиняных амфор производилось в соответствии с классификацией Д.Б. Шелова (Шелов, 1978).

⁴ Полевая опись находок 2018 г. (раскоп XXXIV), № 221–236.

⁵ Полевая опись находок 2018 г. (раскоп XXXIV), № 71, 72.

полученных данных можно отнести формирование открытого жилого уровня ко второй половине II – первой половине III вв. н.э. Дальнейшее изучение объекта будет проведено в следующем сезоне.

В результате работ 2017–2018 гг. на раскопе XXXIV можно сделать следующие выводы.

1. Подтвердилось наличие на исследуемом участке синхронного с основным четырехугольником городища культурного слоя. Открыто два жилых горизонта: второй половины IV – начала V в. н.э., второй половины II – первой половины III в. н.э.

2. Жилой горизонт второй половины IV – начала V в. н.э. располагается на слое первой половины III в. н.э. В результате нивелировки поверхности за пределами постройки сформировались скопления фрагментов керамики первой половины III в. н.э.

3. Горизонт позднеантичного времени перекрыт слоем с фрагментами светлоглиняных и красноглиняных амфор второй половины II – первой половины III в. н.э. (преобладают амфоры типа D). Возможно, это связано с расчисткой близлежащей территории в ходе более поздних строительных работ или со сползанием материала с верхних участков в результате воздействия природных процессов.

Внуков С.Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН. 235 с.

Журавлев Д.В., 2006. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э.: по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 737 с.

Ильяшенко С.М., 2017. Археологические раскопки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в хуторе Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области в 2017 г. Т. I // Научный архив АМЗТ.

Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156. С. 16–22.

М.Ю. Русаков

*Лаборатория археологии, отдел гуманитарных исследований,
Южный научный центр РАН,
Ростов-на-Дону
rusakov@ssc-ras.ru*

ПРЕДМЕТЫ В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ ИЗ РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ДОНА¹

Вопросам, связанным со скифским звериным стилем, посвящено большое количество работ. Это обусловлено, прежде всего, тем, что предметы искусства являются наиболее яркими культурными реперами. Не случайно в момент формирования «скифской триады» изделия, выполненные в зверином стиле, стали ее составной частью (Ольховский, 1997. С. 85).

Сегодня на Нижнем Дону известно около 80 раннескифских памятников и всего восемь предметов, выполненных в скифском зверином стиле: четыре зооморфных навершия лука, одна костяная пластина-накладка с изображением оленей и кошачьих хищников, одна булавка с зооморфной головкой, а также две крестовидные бляхи.

Зооморфные навершия лука обнаружены в комплексах Новоалександровка I 7/8, Высочино I 6/4, Дюнный погребение 22 и Донской 1/24. Первые три сходны и по конструктивным особенностям, и по декору. Они выполнены из кости в форме головы грифобарана, при этом навершие из Новоалександровки декорировано богаче. Нужно отметить, что новоалександровский комплекс по составу погребального инвентаря выделяется среди остальных раннескифских памятников Нижнего Дона. В частности, в нем обнаружена амфора второй половины VII в. до н.э. (Sezgin, 2012. С. 160). Навер-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г.

ших данного типа встречаются в степном Поднепровье (Нижние Серогозы), Прикубанье (Кореновский могильник), Крыму (Темир-гора) и на Кавказе (могильник Нартан).

Навершие из кургана Донской представляет собой крючковидный предмет, выполненный из длинной кости животного, и заканчивается с одной стороны головой барана, а с другой – изображением кошачьего хищника (Ильюков, Лукьяшко, 1994. С. 57–67). Погребальный обряд и инвентарный набор данного комплекса несут следы кавказского влияния, хотя прямые аналогии описанному навершию нам не известны.

Еще одним предметом, выполненным в скифском зверином стиле, является пластинка-накладка из погребения у г. Константиновск-на-Дону. Вся ее лицевая сторона покрыта резьбой, изображающей оленей и хищников из семейства кошачьих (Ильюков, 2017). Наличие солярных символов дало исследователям основание для предварительной датировки памятника рубежом VIII–VII вв. до н.э. Позже ее «омолодили» до первой половины VI в. до н.э. (Ильюков, 2017. С. 182). По нашему мнению, рассматриваемый комплекс был сооружен во второй половине VII в. до н.э.

В погребении 4 кургана 7 курганной группы Займо-Обрыв I находилась костяная булава, головка которой выполнена в виде стилизованной головы животного. Прямые аналогии этому изделию нам не известны.

Еще два предмета скифского звериного стиля представлены случайными находками крестовидных блях. Первая обнаружена в районе х. Дугино (Копылов, 1992. С. 84. Рис. 1: 5). Боковые и нижний ее выступы образованы головами хищных птиц (1 группа, 3-й тип, по Ю.Б. Полидовичу (Полидович, 2009. С. 477, 478, 480)), в центре изображен свернувшийся хищник, вписанный в круг. Бляха с аналогичным сюжетом, но с литейными дефектами найдена в дельте Дона и датирована Л.С. Ильюковым первой половиной VI в. до н.э. (Ильюков, 2016. С. 82). Как нам кажется, наиболее точно и узко хронология подобных изделий может быть определена по ионийской столовой амфоре из могильника Аксай-I. Однако исследователи сильно расходятся в ее датировке – от первой до второй половины VI в. до н.э. Мы считаем, что крестовидные бляхи из дельты Дона могут быть отнесены ко времени не позднее третьей четверти VI в. до н.э.

Таким образом, изделия, выполненные в зверином стиле и принадлежащие раннескифскому времени, на Нижнем Дону немногочисленны. Они в целом не выделяются на фоне прочих вещей этого круга и находят аналогии в архаических комплексах других регионов Скифии.

Ильюков Л.С., 2016. Крестовидные бляхи раннего железного века из степей Восточной Европы // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой / Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Куланда. М.: Институт востоковедения РАН. С. 80–84.

Ильюков Л.С., 2017. Константиновская пластинка с зооморфными изображениями // «И музеем его была наука»: Сборник памяти В.А. Коренько (1952–2016) / Отв. ред. и сост. С.В. Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 181–187.

Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И., 1994. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 2. Азов. С. 57–79.

Копылов В.П., 1992. Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н.э. // Донские древности. Вып. 1. Азов. С. 78–87.

Ольховский В.С., 1997. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР № 1. М.: ИА РАН. С. 85–96.

Полидович Ю.Б., 2009. Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История. С. 477–484.

Sezgin Y., 2012. Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar. İstanbul. 344 s.

КРАСНОФИГУРНЫЕ КРАТЕРЫ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

При раскопках скифских слоев Елизаветовского городища на Дону нередки находки частей греческих расписных сосудов. Среди них, например, фрагменты двух асков – один с изображением собаки, другой с орнаментальной композицией, обломки краснофигурных скифосов и др. Особое внимание привлекают обнаруженные на «акрополе» городища фрагменты трех кратеров – сосудов, нетипичных для скифских городищ ввиду отсутствия у скифов обычая разбавлять вино водой (Копылов, Марченко, 2017. С. 116).

Фрагменты двух кратеров происходят из слоя, который хорошо датируется двумя амфорными клеймами – гераклейским и фасосским – третьей четвертью IV в. до н.э. (Копылов В.П., Копылов А.В., 2008. С. 245). Фронтальная сцена одного из сосудов изображает дионисийскую процессию, от которой сохранились фигуры Диониса и менады, а также часть хитона и рука женщины с тимпаном, чье тело написано белой краской (рис. 1: 1). Возможно, это Ариадна; существует несколько сходных ее изображений (Beazley, 1963. Pl. 1431.3; CVA Japan, 1981. P. 15, 16. Pl. 13.1–3, 14.1–2; CVA Denmark, 1964. P. 272. Pl. (358, 359) 355.1a,1b,1c, 356.1). Близкие аналогии фрагменту сцены, однако, нам не известны.

На обратной стороне кратера сохранилось изображение стоящей фигуры в гиматии. Рисунок выполнен более вольно, чем фронтальная сцена. Такая композиция с изображением двух или трех задрاپированных юношей является типовой для оборотной стороны краснофигурных кратеров, начиная примерно со второй половины V в. до н.э. (Шедевры античного искусства, 2011. С. 193).

Рядом с описанной выше находкой обнаружен фрагмент другого краснофигурного кратера, на котором представлены сидящий Геракл и идущая к нему женщина (рис. 1: 2). Существует несколько сюжетов с сидящим Гераклом: греческие мастера изображали его в саду Гесперид в окружении одной-двух хозяек сада и Атласа или на пиру среди олимпийских богов. Небольшой фрагмент сцены не позволяет достоверно определить, какой именно сюжет она передавала.

В последние годы в заполнении строительного комплекса, также расположенного на акрополе, регулярно обнаруживаются фрагменты еще одного краснофигурного кратера. На них изображена крылатая женщина, управляющая квадригой (рис. 1: 3). В древнегреческой иконографии имеются два женских крылатых божества, управляющих колесницей: это Ника, богиня победы, и Эос, богиня зари. В Метрополитен-музее находится аттический краснофигурный кратер конца V в. до н.э. с композиционно очень близким елизаветовскому изображением Ники на квадриге. Сомнений в том, что это именно Ника, не возникает: имя богини написано над лошадьми (The Horses..., 1980. P. 5. No. 19). Учитывая данное обстоятельство, а также тот факт, что изображения Эос чаще связаны с водной стихией, откуда возносится ее колесница (такая связь может проявляться в схематическом изображении водной поверхности или в дельфине под копытами коней), предпочтительнее считать крылатую возницу Никой. Предложенная атрибуция подтверждается и наличием в композиции фрагмента столба или колонны, к которому движется колесница. Аналогии этому объекту можно усмотреть в двух кратерах – из музея Метрополитен и музея в Йорке (Beazley, 1963. Pl. 1450.1). На обоих представлены низкие колонны со стоящим на них алтарем-треножником, связь с которым Ники – персонификации победы – хорошо прослеживается в греческом искусстве. Широко распространены изображения Ники с треножником в руках либо около колонны с ним на предметах расписной греческой керамики. Треножник в качестве приза победителям спортивных состязаний упоминается, например, в Илиаде (XI, 695) или «Истории» Геродота (I, 144).

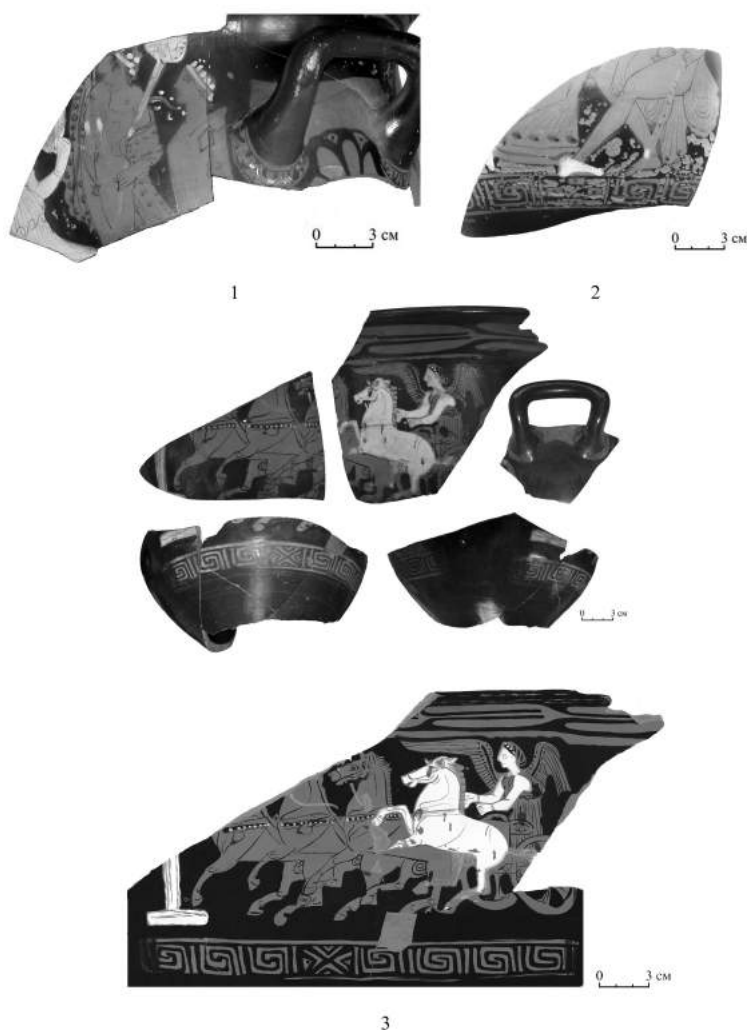

Рис. 1. Краснофигурные кратеры из Elizavetovskoye городища.

1 – фрагмент кратера с изображением Диониса; 2 – фрагмент кратера с изображением Геракла; 3 – фрагмент кратера с изображением Ники на квадриге.

Все три елизаветовских кратера, вероятно, имеют аттическое происхождение. Об этом свидетельствуют их художественные и композиционные особенности, а также набор сюжетов, которые находят многочисленные аналогии среди краснофигурных кратеров, произведенных в Аттике в IV в. до н.э. Присутствие фрагментов кратеров на «акрополе» скифского городища может быть объяснено использованием скифами данных сосудов в ритуальных целях (Копылов, Марченко, 2017. С. 116). Представляется, однако, вероятным и иное объяснение: раскопки последних лет свидетельствуют, что среди населения Elizavetovskoye городища уже к середине IV в. до н.э. было достаточное число греков, которым могли принадлежать эти и другие расписные сосуды. Высказанное предположение подтверждается и тем, что совсем рядом с местами обнаружения фрагментов кратеров располагался греческий культовый комплекс (Копылов, Коваленко, 2012).

Копылов В.П., Коваленко А.Н., 2012. Храмовый комплекс Elizavetovskoye городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Международная научная конференция. Тирасполь. С. 96–100.

Копылов В.П., Копылов А.В., 2008. Краснофигурный кратер южноиталийского производства из скифского слоя Elizavetovskoye городища на Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 году. Вып. 23. С. 242–249.

Копылов В.П., Марченко А.А., 2017. Греческие краснофигурные кратеры из Elizavetovskoye городища // АРХОИТ. Материалы международной научной конференции. Севастополь. С. 116–119.

- Шедевры античного искусства из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина, 2011. М. 478 с.
- Beazley J.D., 1963. Attic Red-Figure Vase-Painters. 2nd edition. Oxford. 2036 p.
- Corpus vasorum antiquorum. Danmark, 1964. Copenhagen: Mus'ee National. Fasc. 8. Copenhagen: E. Munksgaard. Pp. iv + 247–75. Pl. 313–59.
- Corpus vasorum antiquorum. Japan, 1981. Rotfigurige Vasen in japanischen Sammlungen. Tokyo. 77 p. 50 pl.
- The Horses of San Marco: The Metropolitan Museum of Art. February 1 – June 1. 1980. New York / presented by Olivetti. [14] p.

О.Ф. Хайруллина

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
olenbka93@bk.ru*

К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ МАЗУНИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ БОЯРСКОГО «АРАЙ» МОГИЛЬНИКА В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ)

Заключительный «аккорд» ананьинско-пьяноборской линии развития на территории Среднего и, отчасти, Нижнего Прикамья представлен памятниками мазунинской культуры III–V вв. н.э.¹ (далее – МК). Именно в этот период местный вектор развития начинает активно смещаться под действием иных, более сильных культурных традиций. Одним из результатов такого внешнего воздействия можно считать выпадение в закрытых мазунинских комплексах импортных изделий, имеющих первостепенное значение при создании схем относительной хронологии как отдельных могильников, так и культуры в целом.

Несмотря на то, что периодизация МК создана относительно недавно (Останина, 1997. С. 103–117. Рис. 51), некоторые ее положения нуждаются в корректировке с учетом новейших исследований ремесленных комплексов позднесарматской эпохи (Малашев, 2000. С. 194–232), отдельных категорий местных вещей (Сабилова, 2015), а также материалов Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2016а; 2017а; 2017б). В этой ситуации датировка небольших мазунинских некрополей, с их преимущественно местными категориями инвентаря, становится порой трудновыполнимой задачей.

К числу таких «сложных» для датирования погребальных памятников относится Боярский «Арай» могильник², полностью изученный в 2002–2009 гг. КВАЭ УдГУ под руководством Е.М. Черных. Немногочисленный погребальный инвентарь, обнаруженный всего у 116 индивидов (60.4%), представлен местными категориями вещей, из которых значимы для хронологии бабочковидные фибулы, поясные накладки, гривны, височные подвески мазунинского типа и др.

Методика исследования. Пригодными для использования при хронологических построениях в Боярском могильнике являются 30 погребений из 183, причем надежные даты можно предложить лишь для 10 женских захоронений. В этой ситуации проблема датировки комплексов и хронологии некрополя в целом решалась с применением различных методов: формально-типологического и корреляционного, метода горизонтов и метода аналогий, планиграфического анализа. К изучению привлекались материалы 107 закрытых комплексов из 12 могильников МК.

При работе с периодизациями, разработанными для МК в целом (Останина, 1997) и отдельно для Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2016а; 2017а; 2017б), удалось выявить схожие по составу инвентаря с боярскими женские комплексы, формирование которых, вероятнее всего, происходило в тот же промежуток времени. Их синхрониза-

¹ Часть исследователей рассматривают мазунинские памятники как этап (ранний или поздний) чегандинской (Р.Д. Голдина) или бахмутинской (Н.А. Мажитов, С.М. Васюткин, Ф.А. Сунгатов и др.) культур (Голдина, 2004; Мажитов, 1968; Васюткин, 1971; Сунгатов и др., 2004).

² Памятник назван по ближайшему населенному пункту Боярка в Каракулинском районе Удмуртской Республики. Подробнее: Черных, Хайруллина, 2018.

ция осуществлялась через различные варианты местных бабочковидных фибул. Поиск показательных с точки зрения хронологии наборов с данными украшениями проводился по каталогу Т.М. Сабировой (Сабирова, 2015. С. 283–328). Все находки (за исключением изделий, не несущих хронологической «нагрузки», к примеру, орудий труда (ножи, шилья), керамики, некоторых украшений (пронизки) и др.) были распределены по типам и учтены в корреляционной схеме. Полученная (на основании смены вариантов бабочковидных фибул) градация вещей выявила «ранний» и «поздний» горизонты женских погребений МК. Особое внимание уделялось комплексам с импортными предметами, которые могут датировать горизонты. После определения относительных датировок выполнялась привязка боярских захоронений к абсолютной (календарной) хронологии. Проведенный в завершение исследования планиграфический анализ позволил локализовать выделенные хронологические группы погребений на площади могильника.

Результаты. При работе с женскими комплексами МК удалось выделить два хронологических горизонта. «Ранний» датируется второй половиной III – первой половиной IV в. (?). Его нижняя хронологическая граница обоснована в работе Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (Голдина, Бернц, 2017б. С. 50–55. Рис. 2–4), в диссертации Т.М. Сабировой (Сабирова, 2015. С. 87–91. Рис. 47, 48). К данному горизонту отнесены погребения 102, 115, 132, 134 Боярского могильника. В него вошли и комплексы с фибулами типа Останина 1-2 (Останина, 1997. С. 43. Рис. 6: 2), состав инвентаря которых близок наборам второй половины III в. (Сабирова, 2015. С. 91, 92).

Верхняя временная граница «раннего» горизонта пока не установлена по причине отсутствия значимых для хронологии импортных изделий с фибулами типа Останина 1-2. «Поздний» горизонт маркируется началом использования бабочковидных застёжек типа Останина 1-5 (Останина, 1997. Рис. 51: 25) и датируется серединой – второй половиной IV в. (возможно, серединой IV – рубежом IV/V вв.). Некоторым обоснованием предложенного хронологического определения может служить радиоуглеродная дата погребения 176 Боярского могильника, в котором обнаружена фибула типа Останина 1-5: 341–414 AD (Черных, Хайруллина, 2018. Рис. 1: 3).

Импортных изделий (или местных вещей, копирующих инокультурные оригиналы) в комплексах «позднего» горизонта немного: щитковые пряжки с невысокими уступами (например, погребение 1028 Тарасово (Голдина, 2003. Табл. 423: 7–4)) или с выступами у оснований язычков (например, погребение 6, Югомаш (Беляевская, 2018. С. 90. Рис. 2: 9, 13)). Сходство с ними обнаруживают некоторые позднесарматские образцы: типы П8, П9, П10 по В.Ю. Малашеву, которые встречаются вместе в группе ШБ в период между 310–320-ми годами и серединой IV в. Пряжки типа П10 (группа IV) использовались и в раннем V в. (Малашев, 2000. С. 196, 202, 203–207. Рис. 2). Особенностью периода можно считать комбинацию железа и цветных металлов при создании местных категорий украшений, что также нашло отражение в хронологических выкладках Т.И. Останиной (Останина, 1997. Рис. 51: 7, 8, 23, 25), Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (Голдина, Бернц, 2017б. Рис. 7–9). Стилистически схожи с ними изделия из погребений 7, 42, 89, 141, 168 Боярского могильника.

Беляевская О.С., 2018. Ременная гарнитура и хронология погребений Югомашевского могильника // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (40). С. 86–100.

Васюткин С.М., 1971. К дискуссии о бахмутинской культуре // СА. № 3. С. 91–105.

Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия. 721 с.

Голдина Р.Д., 2004. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия. 422 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2016а. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. I // Поволжская археология. № 3 (17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2017а. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. II // Поволжская археология. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2017б. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. № 2 (20). С. 47–72.

Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука. 161 с.

- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып.1. Ростов-на-Дону: Terra. С. 194–232.
- Останина Т.И., 1997. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 326 с.
- Сабирова Т.М., 2015. Фибулы Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М., 2004. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат. 172 с.
- Черных Е.М., Хайруллина О.Ф., 2018. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи Великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. № 1. С. 87–107.

И.И. Шкрибляк

*Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский»,
Симферополь
vejde_v_l@mail.ru*

ОПЫТ ТРЕХМЕРНОЙ ФИКСАЦИИ КУРГАНА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ТУАК-ОБА В КРЫМУ

В 2017–2018 гг. археологическая экспедиция историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» проводила исследования крупного скифского кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму. Курган расположен в междуречье Биюк-Карасу и Бурульчи, между селами Луговое и Мироновка Белогорского района Республики Крым. На момент начала работ высота курганной насыпи составила 5 м, диаметр около 60 м. Насыпь грунтово-каменная, задернована, в центре отмечена воронка грабительской ямы со сложенным на ее бортах известняковым камнем из насыпи. В восточной части кургана зафиксирована глубокая (до 1.5 м) и удлиненная в плане просадка, позже соотнесенная с дромосом. Информация о данном объекте впервые была получена летом 2016 г. от жителя г. Белогорск, якобы охотившегося предыдущей осенью в окрестностях кургана и обратившего внимание на глубокую яму на вершине насыпи. На дне ямы им был обнаружен вход в подземную каменную гробницу с высоким потолком (по словам информатора, ему не хватило общей длины вытянутой руки и ружья, чтобы достать до верхней плиты) и каменной колонной на входе. Монументальность древнего сооружения произвела на первооткрывателя настолько сильное впечатление, что он решил законсервировать вскрытую грабителями яму разбросанным вокруг бутовым камнем.

Эта более чем интригующая информация послужила причиной первого разведочного выезда экспедиции на место расположения кургана (обозначенного на верстовой карте 1890 г. как «К. Туакъ-оба» с высотной отметкой 126,61 саженей), предпринятого осенью 2016 г. Все данные подтвердились: на вершине насыпи был обнаружен забитый известняковым камнем грабительский ход, ведущий в подземное погребальное сооружение – каменный склеп с уступчатым перекрытием, сооруженный из тщательно отесанных и подогнанных известняковых блоков без применения связующего раствора. Подобная конструкция подземной гробницы хорошо известна по материалам раскопок курганных некрополей Керченского полуострова. За последние 200 лет в окрестностях Пантикапея исследователями при различных обстоятельствах зафиксировано около 40 склепов с уступчатым перекрытием, создана их подробная классификация, ведется дискуссия в отношении генезиса и продолжительности существования. Обнаруженный в кургане Туак-Оба склеп относится к типу четырехугольной в плане камеры с перекрытием на четыре стороны. Количество уступов в перекрытии – 6. Наиболее поразительным открытием оказалась установленная во входном проеме известняковая колонна, хорошо подтесанная и подогнанная. Все опубликованные на настоящий момент данные показывают, что это первый для Северного Причерноморья случай применения в склепе с уступчатым перекрытием подобного архитектурного элемента.

Функциональное назначение колонны осталось невыясненным – все нагрузки (в том числе связанные с устройством входа) в склепе подобной конструкции идеально рассчитаны и не нуждаются в дополнительных точках опоры. Более того, для осуществления погребальной церемонии колонна была скорее помехой – пространство входа из-за нее оказалось разделенным надвое и сокращенным на треть, что, очевидно, создавало неудобства при транспортировке внутрь камеры тела умершего и погребального инвентаря.

Оценка уровня и научного значения открытого памятника привела к закономерному решению в 2018 г. произвести полное изучение курганной насыпи.

Сложность центрального погребального сооружения, величина насыпи и вероятность открытия других строительных конструкции обусловили необходимость применения современных цифровых методов фиксации этапов изучения кургана. Исследования велись с использованием лазерного трехмерного сканера Leica BLK 360 – специальной облегченной модели для архитектурного сканирования и работы в небольших и закрытых пространствах. Одной из главных задач была поэтапная трехмерная фиксация археологического объекта: от нетронутой грунтовой поверхности насыпи до центральной погребальной конструкции с дромосом. С целью дальнейшей привязки отдельных цифровых моделей друг к другу у подножия насыпи были установлены колья с табличками-метками. Место их расположения зафиксировано с помощью профессионального геодезического оборудования, обеспечивающего точность позиционирования в рамках известной системы координат до 3–5 см.

В 2018 г. с помощью лазерного сканирования последовательно получены цифровые модели кургана до начала работ, на этапе зачисток кольцевой каменной наброски и мундентальной крепиды, каменной забутовки в центре насыпи, центрального погребального сооружения – каменного склепа с дромосом. С помощью программного комплекса AutoCAD Recap и Civil 3D (либо любого другого специализированного ПО) для каждой модели стало возможно построение любого количества и конфигурации сечений, геометрические промеры между точками с миллиметровой точностью, создание 2D планов в нужном масштабе и соотнесение их с данными тахеометрической съемки, вычисление общей площади кургана и площади отдельных элементов насыпи, вычисление объема насыпи и объема отдельных ее элементов. Каждая конструктивная деталь кургана теперь может быть визуализирована. В совокупности все файлы сканирования являются базой для создания презентационных музейных видеофайлов.

Примененная методика фиксации позволила отказаться от ведения бумажной документации. Совмещение данных трехмерного сканирования и тахеометрической съемки дало высококачественную и информативную модель памятника, все необходимые для отчетности и публикации чертежи получены при ее компьютерной обработке.

Несмотря на оптимистичные планы, в 2018 г. не удалось завершить исследование всей курганной насыпи. Полностью исследован склеп и каменный коридор-дромос, открыт и зафиксирован большой сегмент кольцевой каменной крепиды. Над склепом изучена разгрузочная камера – четырехугольное помещение с выходом в восточной части, ограниченное сложенными на грязевом растворе кладками из необработанного известняка. На полу разгрузочной камеры обнаружен сохранившийся в целости инвентарь, связанный с первым из совершенных в каменном склепе захоронений. Среди находок – уникальная для Северного Причерноморья железная жаровня для жарки мяса, укомплектованная железными щипцами, ложкой и кочергой, несколько десятков железных наконечников и втоков копий и дротиков, синопская и кидская амфоры. Предварительный анализ набора предметов из разгрузочной камеры позволяет датировать сооружение каменного склепа и совершение первого захоронения в нем первой четвертью III в. до н.э.

Завершение исследований курганной насыпи запланировано на 2019 г. Полный анализ всех находок, в том числе комплекса тризны, позволит уточнить культурно-хронологическую принадлежность кургана Туак-Оба.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СОСУДОВ НА ДРЕВНЕЕГИПЕТСКУЮ КЕРАМИКУ VI–IV вв. до н.э.

Египет в эпоху Позднего периода (VI–IV вв. до н.э.) имел контакты как с Грецией, так и со странами Ближнего Востока. Об этом свидетельствуют различные письменные источники, архитектура и предметы материальной культуры, в том числе керамические сосуды. В ходе археологических исследований на территории Египта найдена глиняная посуда, имитирующая или полностью копирующая формы древнегреческих и ближневосточных (иногда ассирийских) сосудов. Такую керамику находят в том числе во время раскопок Центра египтологических исследований РАН (далее ЦЕИ РАН) в Мемфисе (Ком-Туман).

В массиве материала из Мемфиса выделяются несколько типов открытых (чаши, миски) и закрытых (горшки, амфоры, лекифы, арибаллы) сосудов, формы которых заимствованы из других культур (Defernez, Marchand, 2006). Самым известным примером являются имитации древнегреческих образцов из египетских глин, поэтому вопрос об их происхождении не вызывает сомнений. Гончары копировали как небольшие сосуды (например, лекифы, арибаллы, солонки и др.), так и амфоры (см. например, Малых, 2018).

Наименее изученной пока остается проблема влияния ближневосточной традиции на древнеегипетскую керамику. Удалось установить, что на формы некоторых сосудов (в частности, на чаши и горшки) оказали воздействие ближневосточные изделия (Defernez, 2011. P. 291–309; Grataloup, 2012. P. 181, 182). Морфологические признаки одного из типов горшков, найденных в Мемфисе (Ярмолович, 2017) и на других памятниках Египта (преимущественно на территории Дельты), демонстрируют сходство с элитными ассирийскими сосудами VIII–VII вв. до н.э. («дворцовой керамикой» – *Palace ware*) и ситулами, распространенными в Ахеменидской империи (Defernez, 2011. P. 291–309; Grataloup, 2012. P. 181, 182). Египетские образцы датированы более поздним временем: VI–I вв. до н.э., но пик их бытования пришелся на V–IV вв. до н.э. Интересно, что, по мнению исследователей, египетские гончары для наиболее точной передачи цвета (бежевый и зеленоватый) керамики из Ассирии и металлических сосудов выбирали местные глины (мергельные или смешанные), приобретающие после обжига светлые цвета (оттенки розового, бежевого, зеленого и др.) (Grataloup, 2012. P. 181).

Аналогичным образом обстоит ситуация с чашами. Их формы имитируют металлические или глиняные ассирийские чаши IX–VIII вв. до н.э. Подобные сосуды изображены на многочисленных рельефах правителей Ассирии, их не раз находили в ходе археологического изучения памятников Ассирийской державы (Lehmann, 1996. Taf. 17 (89c/1, 89c/2), 18 (94/3, 98/1, 98/2)). Чаши из Мемфиса датированы V–III вв. до н.э.¹

Судя по различным археологическим контекстам, функции вышеописанных сосудов были разнообразными. Их находят на городищах и некрополях, то есть, они использовались как в быту, так и в погребальных церемониях или в процессе бальзамирования (Ярмолович, 2017. С. 61, 62).

Стремление египетских гончаров подражать иноземным формам кажется вполне понятным, учитывая исторические события, происходившие в Поздний период. По письменным источникам известно, что в это время уже существовали колонии и города (Навкратис, Дафны), где жили греки и процветала античная культура, а Мемфис населяли представители разных народов. Исследователи считают, что персидская администрация располагалась именно в этом городе (Thompson, 2012. P. 2). Данные письменных источников подтверждаются археологическими находками: табличками с надписями на арамейском языке, фрагментами глиняных фигурок иноземцев (в том числе персов)

¹ Даты комплексов, откуда происходят чаши, определены доктором С. Лэммель (Sabine Laemmel) (Университет Кембриджа).

(Petrie, 1909. P. 15–17. Pl. XXXVI–XLIII; Белова, 2009. Илл. 5). Вполне вероятно, что египетские мастера могли имитировать инокультурные формы посуды, чтобы угодить вкусам чужестранцев, живших на территории Египта.

- Белова Г.А., 2009. Ком Туман (Мемфис) // Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и средневековье. Сборник статей памяти Т.Н. Савельевой / Отв. ред. Т.А. Шеркова. М.: ЦЕИ РАН. С. 54–103.
- Малых С.Е., 2018. Финикийские и греческие амфоры в Мемфисском регионе в Поздний период: зачем так много? // *Aegyptiaca Rossica* / Ред. М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 180–197.
- Ярмолович В.И., 2017. Об одном типе древнеегипетской тонкостенной керамики Позднего и Птолемеяевского периодов: морфология и проблема персидского влияния // *Восток (Oriens)*. № 5. С. 52–71.
- Defernez C., 2011. Four Bes vases from Tell el-Herr (North-Sinai): analytical description and correlation with the Goldsmith's art of Achaemenid tradition // *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday (OLA 204)* / D. Aston, B. Bader, C. Gallorini, P. Nicholson, S. Buckingham (eds.). Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters. P. 287–323.
- Defernez C., Marchand S., 2006. Imitations égyptiennes de conteneurs d'origine égéenne et levantine (VI-e s. – II-e s. av. J.-C.) // *L'apport de l'Égypte à l'histoire des techniques* / B. Mathieu, D. Meeks, M. Wissa (eds.). Le Caire. P. 63–99.
- Grataloup C., 2012. Céramiques calcaires d'époque perse et des dernières dynasties indigènes à Thônis-Héracléion // *Égypte nilotique et méditerranéenne*. № 5. P. 167–194.
- Lehmann G., 1996. Untersuchungen zur späten Eisenzeit in Syrien und Libanon. Stratigraphi und Keramikformen zwischen ca. 720 bis 300 v.Chr. Münster: Ugarit-Verlag. 547 S.
- Petrie W.M.F., 1909. *Memphis I*. London: School Archaeology in Egypt. 156 p.
- Thompson D.J., 2012. *Memphis under the Ptolemies*. Princeton: Princeton University Press. 342 p.

S.Z. Bugianishvili

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

bugi@mail.com

STANDARDS OF POTTERY PRODUCTION AT GRAKLIANI GORA

This topic is about the standards of ceramic production at Grakliani Gora in V–IV cent. BC. Grakliani Gora is located in Transcaucasia, Georgia, Shida Kartli region. In this case the emphasis is on the volume of the vessel.

Main goals of this research are to separate different volume groups, if it is possible; to determine, if there was any standard of ceramic production at Grakliani Gora for this period; to see, if there were any similarities with volume units used in neighboring regions.

For the research there was used the ceramic material obtained during the excavations on Grakliani Gora Necropolis in 2008–2009; in particular, the vessels, which more or less had been entirely preserved and it was possible to determine the volume. A total of 55 units were found to be suitable for an experiment. In order to avoid any damage to the material during the experiment, I used rice grains instead of water to determine the volume. The volume ratio between rice grains and water is 0.9 g/cm³. During the experiment, at first the mass of the empty vessel was determined, then it was filled up with rice grains to the level which was presumably filled with certain substances during the exploitation period. After measuring a mass of rice which the vessel could hold, the volume of the vessel was determined according to the predefined coefficient and the obtained data was included in the “Microsoft Excel” program.

According to the obtained results, it was possible to determine the regularities between the capacities of certain part of the vessel and it was also possible to identify some kind of “units” in the V–IV cent. BC. The results allow us to distinguish two different types of volume, which are somewhat made of the same vessels, but they cannot completely replace one another and that is why we have considered it appropriate to show them in two different tables (tab. 1; 2).

Tab. 1. The first group of vessels

Vessel Number	Capacity	Ratio
49	317	X
31	322	X
48	333	X
36	661	2X
47	667	2X
27	933	3X
12	1867	6X
1	1889	6X
9	2522	8X
14	3811	12X

Tab. 2. The second group of vessels

Vessel Number	Capacity	Ratio
49	317	$\frac{3}{4}X$
31	322	$\frac{3}{4}X$
48	333	$\frac{3}{4}X$
23	428	X
28	433	X
19	444	X
45	444	X
36	661	1,5X
47	667	1,5X
25	867	2X
8	1711	4X
7	3522	8X

In the table one can also see incomplete measures like $\frac{3}{4}$ or 1.5. Incomplete measures were widely used in ancient Near East. For example, there are Assyrian letters dated back to the 2nd millennium BC, which contain very detailed and precise description of materials. In these letters we can find numbers like $4\frac{3}{4}$, $6\frac{2}{3}$, $7\frac{1}{2}$, etc. According to the latest researches on Grakliani Gora, there were defined weight units in the XI–IX cent. BC (Licheli, 2017. P. 4, 5). There appear units that have weight multiplied by 1.5, 3.5, etc. Based on these analyses we can suggest that incomplete measures were also known for people who lived in Grakliani Gora.

The most widespread unit of weight in the ancient Near East and the bordering regions was “mina”, which was also used for measuring the volume. One “mina” of water volume was taken as a standard. “Mina” in its numerical meaning was different for different periods and states. For example: Mesopotamian “mina” – 504 g, double 1008 g “heavy mina”, Assyrian mina – 495 g, Near Eastern “light mina” – 470 g, Achaemenid “mina” – 600 g, Anatolian mina – 448 g, etc. (Hosch, 2011. P. 262).

The “units” of the first group are quite close to the Babylonian Mina, whose weight is approximately 640 gr. The average deviation is 2.27% and the maximum deviation – 4.3%.

The “units” of the second group are close to the Greek, Attic Mina, which was equal to 100 Drachma (4.31 g), approximately 431 g. In this case, the average deviation is 1.78% and maximum deviation – 3.1%. Also it is close to the Anatolian Mina which was equal to 448 g. In this case, the average deviation is 2.67% and maximum deviation – 5.7%.

With this results and also with the help of some other metric characteristics we can make some interesting conclusions. There were some defined standards of ceramic production in Grakliani Gora for the V–IV cent. BC. Population of Grakliani Gora had economic and cultural relationship with leading states of the world for that period. But we can definitely say that the obtained results are not enough to get final conclusion and it is an object for future researches.

Hosch W.L., 2011. The Britannica Guide to Numbers and Measurement. 1st ed. New York: Britannica Educational Publishing.

Licheli V., 2017. Intellectual innovations in Georgia (11th – 9th cc. BC) // Contact zones of Europe from the 3rd mill. BC to the 1st mill. AD. Preliminary publications of conference proceedings. International Scientific Conference. Moscow. P. 83–88.

THE RESEARCH OF SHIDA KARTLI TRANSIT PERIOD CERAMICS

Late Bronze – Early Iron Age archeological findings discovered on the territory of Georgia is distinguished with special innovations, which include the period from the second half of the 2nd millennium BC to the first half of the 1st millennium BC.

In the Late Bronze – Early Iron Age periods in separate regions of eastern Georgia there is quite peculiar reveal of material culture and its individual elements. These processes are revealed not only at the synchronized level, but also in the longer term. There is a local peculiarity, the impulses coming from various centers, which in some cases may be associated with the merger of different ethno-cultural traditions (Pitskelauri, 1984. P. 8–16). According to the existing considerations, the basis for these processes may be migration waves. According to Javakhishvili, these processes ended in the VII cent. BC.

In this period the new stage of ceramic production was being developed, which widely used the wheel. Shape and the ornamentation of the pottery are very diverse (Gavasheli, Nikolaishvili, 2007. P. 28–100).

Technical progress is most visible in metal production. The Bronze Age is characterized by gradual cutting of arsenic and antimony bronze production. Instead, it started producing bronze varieties that are made of potassium alloys.

Innovation is also an extensive use of iron, supposedly spreading from the XII cent. BC (Abramishvili, 1961).

As a result of this diversified and multicultural processes in the archaeological materials there are some varieties of artefacts that need right historical interpretation and specific research of discovering them on the territory of Georgia. On the other hand, researching transit period of the Late Bronze and Early Iron Age is problematic not only in Georgia, also in Caucasus and Near East. Against this backdrop, the genesis of intellectual innovations established by archaeological materials of recent times is inexplicable.

One of the most sensitive materials of archaeological research is ceramic production, which is always clearly reflected by the influence of cultures. Therefore, the main way of solving the problem is to study the genesis of ceramic products from 1100 to 900 years BC, in other words transit period materials.

As a result, Georgian archeology is going to obtain a fundamental research of ceramic products of the transit period, which will help us in the future to study and understand similar material. The genesis of ceramic products of one of the problematic periods of Georgian archeology will be well studied. Based on the information obtained from the research, it will be presumed to be more or less explanatory of genetics of intellectual innovations established by the archaeological materials of recent times.

Abramishvili R., 1961. Domestication of Iron in territory of eastern Georgia // Moambe of S. Janashia Georgian State Museum. Vol. 22. Tbilisi. P. 307, 308.

აბრამიშვილი რ., 1961. რკინის ათვისების საკითხისათვის აღმოსავლეთ საქართველოში. “ს. ჯანაშიას სახელობის საქართველოს ეროვნული მუზეუმის მოამბე“ ტ. 22. გვ. 307, 308.

Gavasheli E., Nikolaishvili V., 2007. Archeological sites of Narekvavi. Georgian state museum Ot. Lortkipanidze archaeological center. G. Nioradze Mtskheta archaeological institute. Tbilisi: T. Eristavi. 335 p.

გავაშელი ე. ნიკოლაიშვილი ვ., 2007. ნარეკვავის არქეოლოგიური ძეგლები. საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის ოთ. ლორთქიფანიძის სახელობის არქეოლოგიური ცენტრი. მცხეთის გ. ნიორაძის სახ. არქეოლოგიური ინსტიტუტი. თბილისი, თ. ერისთავი. გვ. 335

Pitskelauri K., 1984. The main directions of socio-economic development of Late bronze – Early iron age Society of Caucasus. Tbilisi^ Metsnereba. 300 p.

ფიცხელაური კ., 1984. კავკასიის ბრინჯაო-რკინის ხანის საზოგადოების სოციალურ-ეკონომიკური განვითარების ძირითადი მიმართულებები. თბილისი, მეცნიერება. გვ. 300

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.121

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ЦЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

А.К. Абиев

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН
abiev-ak@yandex.ru*

СЕРЬГИ С ПОДВЕСКАМИ ИЗ НАХОДОК ГОЦАТЛИНСКОГО 3-го СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Гоцатлинский 3-й могильник находится в урочище Ортоколо, в 3 км к югу от с. Большой Гоцатль Хунзахского района Республики Дагестан, на левом берегу р. Аварское Койсу. Некрополь расположен на восточном склоне горы, спускается до высокой горизонтальной террасы, на которой расположено Гоцатлинское 1-е (Ортоколинское) поселение, к которому он относился.

В 2012–2013 гг. на 3-м Гоцатлинском (Ортоколинском) могильнике произведены охранно-спасательные работы экспедицией ИА РАН под руководством В.Ю. Малашева. В ходе работ исследовано 61 погребение в каменных гробницах, содержащих коллективные захоронения (до 12 индивидуумов) (Малашев, 2013. С. 1–75).

Гробницы сооружены на дне грунтовых прямоугольных ям. Стены сложены из частично отесанных камней, сверху гробницы перекрыты крупными каменными плитами. Особенностью погребального обряда является многократное использование погребальных сооружений: в заполнении ям над ними, в основном, на перекрытиях, изредка внутри гробниц, находились кости скелетов, сложенные аккуратными кучками и относящиеся к более ранним захоронениям, а также предметы погребального инвентаря. Исключение составляли детские захоронения (Абиев, Фризен, 2014, С. 302–306).

Погребальный инвентарь Гоцатлинского 3-го могильника разнообразен. Значительная часть находок – женские украшения: серьги, браслеты, кольца и перстни, головные булавки, разнообразные бусы и подвески, раковины каури, пронизи.

Серьги – самый многочисленный вид женских украшений – 31 экз. в 18 погребениях и 2 скоплениях костей. В 10 погребениях они обнаружены внутри гробниц рядом с черепом. В скоплениях костей серьги также лежали около черепов погребенных (скопления 3 и 4). В семи случаях они находились среди переотложенных костей на перекрытии гробниц. В одном разрушенном погребении две серьги обнаружены в заполнении.

Все серьги бронзовые, кольцевидной формы. Их можно разделить на два отдела: I – серьги с подвеской (6 экз.); II – серьги без подвески. Все серьги отдела II делятся на два типа: 1) кольцевидные литые с незамкнутыми концами и бронзовой бусиной или литым утолщением на одном из концов (11 экз.); 2) простые кольцевидные (14 экз.).

Серьги с подвеской (рис. 1) попарно входят в состав инвентаря женских¹ захоронений в гробницах 37, 50 и 55. Во всех трех погребениях они обнаружены внутри гробницы по бокам от черепа или под ним. Три серьги найдены во фрагментированном состоянии. Все шесть экземпляров схожи по конструкции и декору.

Серьги с подвеской представляют собой составную конструкцию из незамкнутого кольца (диаметром 2.5–3 см) к которому прикреплен тонкий штифт (длиной 4.5–5 см) с нанизанными бронзовыми бусинами (от 3 до 5), образующими колонку. К кольцу по бокам в середине и у одного из концов припаяны бронзовые декоративные элементы с каплевидными и круглыми гнездами для инкрустации. Площадка для инкрустации, расположенная в серединной части кольца напоминает классический бант.

Серьга из погребения 37 (рис. 1: 1) изготовлена из круглого в сечении прута. Разъем расположен сбоку и прикрыт шестью фигурными напаянными деталями: одна из них

¹ Палеоантропологические исследования выполнил С.Ю. Фризен.

украшена ячеистым орнаментом, остальные – гнездами под вставки. С противоположной от разъема стороны серьга декорирована согнутой вдвое фигурной пластиной (напоминающей «бант»), покрытой ложной зернью и оформленной с каждой стороны гнездами под вставки. Еще три гнезда расположены с внешней стороны серьги, прикрывая место сгиба пластины. Бусины полые, заполнены органической массой, снаружи амальгированы золотом. Наружная поверхность декорирована напаянным декором в виде двух поясов рельефной «веревочки», между которыми напаяны неглубокие округлые и овальные гнезда под вставки.

На кольцах серег из погребений 50 и 55 было по 9 гнезд для инкрустации (по 3 по бокам «банта», по одному спереди и на одном из концов серьги). Вставки обрамлены шнуровой гравировкой. Одна из серег из погребения 37 имеет 16 гнезд для инкрустации (по 3 по бокам «банта», 3 спереди «банта», 2 на нижнем краю кольца-основания, и 5 на концах). Сама инкрустация произведена вставками из глухого стекла синего, зеленого, темно-красного цветов и сохранилась частично.

Из шести экземпляров сережек на трех частично сохранилась проволочная конструкция крепления подвески. Она подвижная и представляет собой тонкий стержень, на который надето от 3 (погребение 37) до 5 (погребение 55) бронзовых бусин цилиндрической

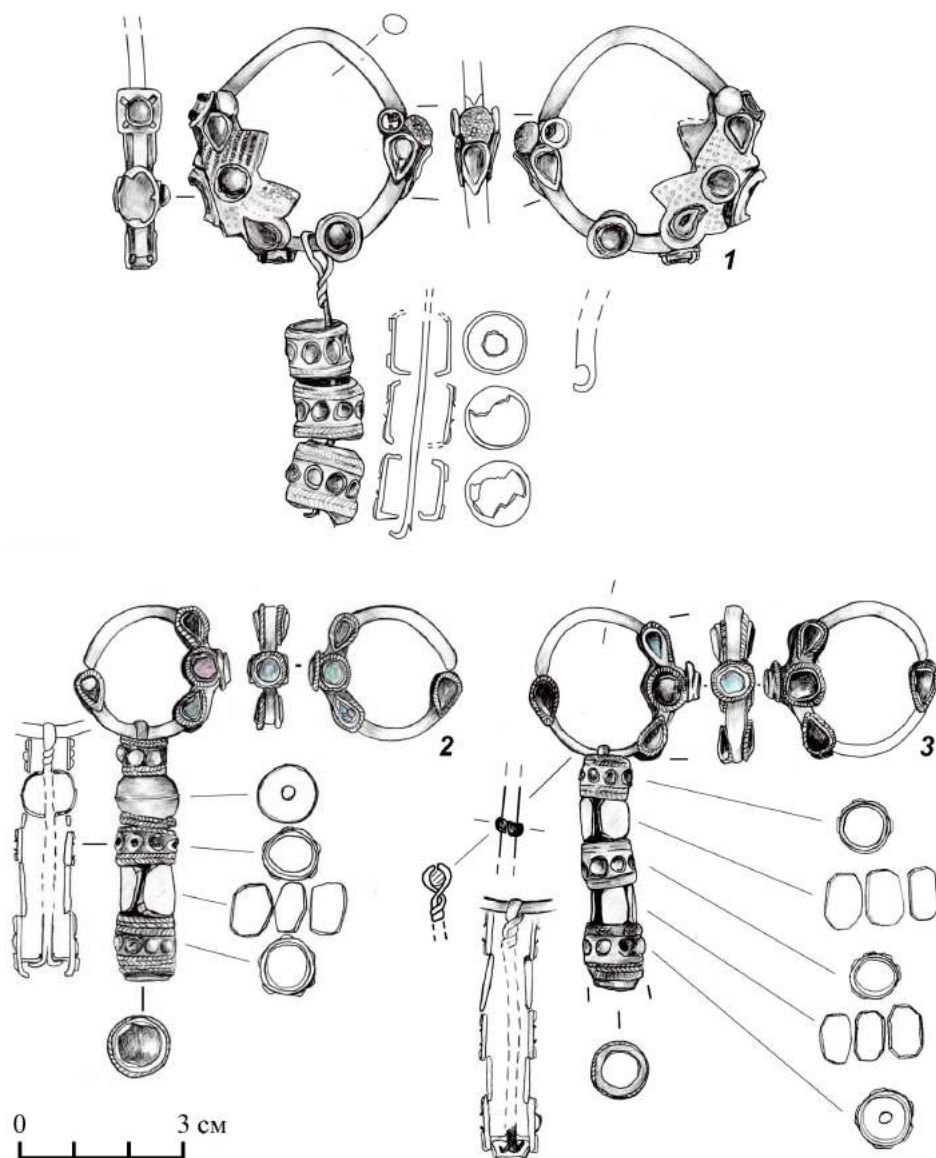

Рис. 1. Серьги с подвесками из Гогатлинского 3-го средневекового могильника. 1 – погребение 37; 2–3 – погребение 55.

формы. Боковая поверхность бусин украшена по краям двумя рядами шнуровой гравировки и инкрустирована круглыми стеклянными вставками (от 5 до 8 на каждой бусине). В привесках пары сережек из погребения 55 (рис. 1: 2, 3) инкрустированные бусины чередуются с вставками из белого известнякового материала, по-видимому, служившего заполнением для бусин другого типа.

Наиболее близкие к вышеописанным типы серег в виде проволочного кольца с «бабочковидными утолщениями», к которому подвешены полые цилиндры для вставок, обнаружены в горном Дагестане (случайные находки у с. Хунзах и Баитль). Серьги похожей конструкции в виде колечка со штифтом, на который нанизаны разнообразные бусы из стекла, бронзы, оникса и т.д., из центральной части горного Дагестана (Галлинский, Шодродинский, Урадинский, Узунталинский могильники) датируются VIII–X вв. н.э. (Атаев, 1963. С. 101, 102). Помимо указанных выше памятников подобные серьги известны в склепе 2 Агачкалинского могильника IX–XI вв. (Смирнов, 1951. С. 116, 117), Кулинского могильника XIII–XV вв. (Мунчаев, 1958. С. 50, 51). Характерной общедагестанской особенностью этих серег, как и гоцатлинских, является то, что бусинные подвески подвижные.

Серьги из Гоцатлинского 3-го средневекового могильника можно датировать X–XI вв.

Абиев А.К., Фризен С.Ю., 2014. Исследования на Гоцатлинском 3-м (Ортоколинском) могильнике в горном Дагестане в 2012–2013 гг. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М.: ИА РАН. С. 302–305.

Атаев Д.М., 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала. 255 с.

Малашев В.Ю., 2013. Отчет об охранно-спасательных исследованиях на Гоцатлинском 3-м (Ортоколинском) могильнике в Хунзахском районе Республики Дагестан в 2012–2013 гг. / Архив ИА РАН. Р-1.

Мунчаев Р.М., 1958. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. С. 41–52.

Смирнов К.Ф., 1951. Агачкалинский могильник – памятник Хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 113–120.

Ф.Ш. Аминов

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

fruzaminov@gmail.com

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДОМАШНЕМ РЕМЕСЛЕ ПРЕДМОНГОЛЬСКОГО ПЕНДЖИКЕНТА

Исследования, направленные на изучение Пенджикента домонгольского периода, начаты Пенджикентской археологической экспедицией в 2015 г. и продолжаются по сей день. За это время был локализован предмонгольский Пенджикент, собрано большое количество предметов материальной культуры IX – начала XIII в.: поливная и неполовная керамическая посуда, стеклянные и металлические изделия, монеты. В данной статье речь пойдет об одной категории находок – лепных расписных сосудах.

Работы по изучению материальной культуры домонгольского Пенджикента в целом, в том числе расписной керамики, ранее не проводились.

В XX в. изготовление расписных глиняных сосудов являлось домашним ремеслом женщин Таджикистана, передававших свое мастерство по женской линии. Это занятие в основном было характерно для женщин горных сел. Притом не все женщины занимались гончарством, и не во всех местах существовало производство керамики. Готовую продукцию развозили по окрестным селам и меняли на разные продукты (зерно, тутовые ягоды, орехи и т.д.). Женскому гончарному делу посвящено отдельное этнографическое исследование (Пещерева, 1959). Возможно, эта традиция являлась продолжением средневековой.

Средневековая расписная керамика также была найдена в Самарканде (впервые обнаружена В.Л. Вяткиным (1974. С. 37–40), назвавшим ее «псевдотрипольской» из-за отдаленного внешнего сходства с керамикой трипольской культуры), в Ферганской долине и Кашкадарьинском оазисе.

В Пенджикенте расписная керамика найдена в большом количестве. Практически вся она лепная. Расписные сосуды, изготовленные на гончарном круге, представлены несколькими котлами. В первый сезон работы по исследованию домонгольского Пенджикента на колхозном стадионе города, расположенном в 800 м к северо-востоку от городища древнего Пенджикента, заложено два шурфа. Здесь найдено множество фрагментов поливной керамики, датированных X – началом XI в., а также фельс караханида Мансура б. Али хана, чеканенный в Самарканде в 410 г.х. (1009/10 г.). Расписной керамики здесь не обнаружено (Аминов, 2016). Последующие раскопки домонгольских слоев Пенджикента продолжались в километре восточнее стадиона. На этих объектах зафиксированы слои IX – начала XIII в., датированные в основном поливной керамикой и иногда монетами (Аминов, 2017; 2018). В слоях конца XI – начала XIII в. расписная керамика встречалась в большом количестве. Таким образом время появления расписной керамики в Пенджикенте мы датируем концом XI в. А развитие расписной керамики следует отнести к XII в., так как именно в этих слоях она встречается очень часто.

Расписная керамика Самарканда и Кашкадарьинского оазиса датируется X–XII вв. (Вяткин, 1974. С. 37–40; Лунина, 1987. С. 98–110), Ферганской долины – XI–XII вв. (Заднепровский, 1969. С. 39–45; Усманова, 1984. С. 214–220; Брыкина, 1974. С. 50–53).

Основная масса расписной керамики Пенджикента – сосуды закрытого типа, а также многочисленные крышки.

Расписную керамику Пенджикента по форме можно разделить на кувшины с шарообразным туловом без поддона, с невысоким горлом и ручкой (круглая, овальная, фасолевидная и подпрямоугольная в сечении); кувшинчики с шарообразным туловом без поддона, высоким горлом и ручкой; носики чайников; крышки; редко встречаются гончарные расписные котлы. Основная часть расписной керамики Пенджикента по функциональному назначению является кухонной, так как практически вся она имеет следы нагара и копоти. Изредка встречаются сосуды другого назначения, например, для хранения воды в комнате для омовения – тахаратхона. В 2018 г. во время раскопок домонгольского Пенджикента нами раскопано помещение с фахверковыми стенами, пол которого был выложен жженным кирпичом. Пол датирован XII в. В помещении имелась восьмиугольная яма, выложенная жженным кирпичом. Вблизи нее найден большой расписной сосуд (высота – 50 см, диаметр венчика – 22 см, диаметр тулова – 43 см, диаметр дна – 20 см), наполовину вкопанный в пол. Предположительно, помещение являлось тахаратхоной, а сосуд использовался для хранения воды.

Для изготовления расписных сосудов применялись такие примеси как шамот, песок, галечка, сланец. На поверхность сосуда наносился слой слабого розового или светло-кремового ангоба, затем сверху наносилась роспись. Роспись представлена растительными и геометрическими мотивами, выполнена коричневым, темно-коричневым, черным и красным ангобом. Иногда геометрический и растительный орнаменты переплетаются. Из растительных элементов использованы завитки, веточки, цветочки. К геометрическим элементам относятся треугольники, треугольники с сеточным заполнением, спирали, кружки с сеточным заполнением, волнообразные и зигзагообразные линии, фестоны, ленты из соединенных треугольников, ленты из двух параллельных тонких линий с заполнением из диагональных полос, ленты с точечным заполнением, ромбовидные фигуры. Ручки сосудов обычно украшались диагональными линиями, сетчатым орнаментом, а иногда расписной орнамент сочетался с резным или процарапанным.

Для полноты представления о сосудах и их орнаментации подробно рассмотрим некоторые из них.

1. Целый кувшин с круглым туловом без поддона, круглой ручкой (Аминов, 2017. Илл. 157: 1). Высота кувшина 26 см, диаметр горла 8 см, диаметр дна 10 см, диаметр

тулова 18 см, высота горловины 11 см. Поверхность покрыта слабым розовым ангобом, поверх него нанесена роспись темно-коричневым ангобом. По горлу расположены параллельные вертикальные полосы с отходящими от них диагональными линиями, что напоминает ветки деревьев. Горло и тулово разделены горизонтальной линией, от которой вниз свисает треугольник из двух тонких линий, а между ними – треугольник с кружком в углу. От этой фигуры отходит горизонтально расположенная ветка.

2. Целый сосуд (найден в помещении тахаратхона в 2018 г). Поверхность покрыта светло-кремовым ангобом. Поверх него темно-коричневым ангобом нанесена роспись. По горлу проходит зигзагообразная парная линия, зафиксированная горизонтальной линией. На месте соединения горла и тулова видна волнистая лента, образованная несколькими тонкими линиями. По тулову нанесен широкий зигзагообразный орнамент, состоящий из двух прямых, и окружающих их с двух сторон волнистых линий. Пустые пространства зигзагообразной широкой тесьмы заполнены круглыми спиралями.

По сравнению с поливной керамикой, которая является массовым материалом в рассматриваемый период, количество расписной керамики не так огромно. Но все же она играла свою роль в хозяйстве. Основная масса поливной керамики – столовая посуда. Поливная, использовавшаяся на кухне, встречается очень редко, то есть расписная керамика на кухне использовалась чаще поливной. Являясь продуктом домашнего ремесла, в отличие от поливной керамики, она имела меньшее распространение, а также локальность и своеобразие. Однако некоторые элементы росписи совпадают с расписной керамикой Самарканда. Более подробное изучение расписной керамики Пенджикента, несомненно, даст новые данные по истории данного региона.

Аминов Ф.Ш., 2016. Отчет о раскопках на объекте Стадион в 2015 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. XIX. СПб.: ГЭ. С. 22–26.

Аминов Ф.Ш., 2017. Отчет об исследованиях домонгольских слоев в Куктоше в 2016 году // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. XXI. СПб.: ГЭ. С. 31–38.

Аминов Ф.Ш., 2018. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2017 году // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. XXII. СПб.: ГЭ. С. 32–36.

Брыкина Г.А., 1974. Карабулак. М.: Наука. 128 с.

Вяткин В.Л., 1974. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Ташкент. 65 с.

Заднепровский Ю.А., 1969. Средневековая расписная керамика Ферганы // КСИА. Вып. 120. С. 39–45.

Лунина С.Б., 1987. Расписная керамика X–XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) // СА. № 3. С. 98–110.

Пещерева Е.М., 1959. Гончарное производство Средней Азии. Труды института этнографии. Т. XLII. М.; Л. 397 с.

Усманова З.И., 1984. Расписная керамика из Ахсикета // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 19. Ташкент: Фан. С. 214–220.

А.Н. Артамкин

Институт археологии РАН, Москва

sanyawolf@gmail.com

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК 2010–2018 ГОДОВ В СТАРОЙ РЯЗАНИ

В данной работе публикуются предметы вооружения и воинского снаряжения, обнаруженные в последние годы в Старой Рязани. Более ранние находки рассмотрены в обзорной статье К.В. Трубицына (2012). До выхода работы К.В. Трубицына специальных исследований, посвященных предметам вооружения из Старой Рязани, не было, хотя отдельные вещи публиковались (Медведев, 1966. С. 12, 29, 36, 39–65; Кирпичников, 1966. С. 12, 37; Монгайт, 1955. С. 127; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 238, 251, 297, 328, 332). До 2010 г. коллекцию составляли около 160 наконечников стрел, 6 наконечников

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.126-130

копий, 6 топоров, 4 гирьки кистеней и по 2 навершия булав и деталей мечей/сабель (Трубицын, 2012. С. 57).

В 2010–2018 гг. предметы вооружения найдены в пяти раскопах. Кроме того, на Северном городище при закладке разведочного шурфа обнаружен набор железных изделий, куда входил топор. На Южном городище возле фундамента Спасского собора в подъемном материале встречено навершие булавы.

Самый массовый материал – *наконечники стрел*. В 2010–2018 гг. их найдено более 100. По ним в настоящий момент ведется отдельное исследование, поэтому в данной работе они рассматриваться не будут.

Детали колчанов и налучий – 8 экз. (в дальнейшем изложении именуются как «петли» и «накладка»).

Петля (рис. 1: 1). Находка 2011 г., из слоя XI в. Имеет форму, близкую к трапеции, со скругленными на малом основании углами. Оборудована тремя отверстиями для продевания элементов крепления: овальным (по центру) и двумя круглыми (по обеим сторонам от центрального). Украшена продольным линейным орнаментом. Предмет сохранился полностью.

Фрагмент петли (рис. 1: 2). Находка 2012 г., слой XI в. Имела форму, близкую к вытянутому треугольнику или пятиугольнику. Обладала несколькими отверстиями (скорее всего, семь – трапециевидное по центру и по три круглых по сторонам от него) для крепления. Два края украшены циркульным орнаментом и линией. Сохранилась примерно половина предмета.

Петли (рис. 1: 3, 4). Две находки 2013 г. Обнаружены вместе в слое XI в. Предметы очень похожи: оба имеют форму пятиугольника с вытянутым отверстием для крепления в центральной части. По краям петель нанесен поперечный линейный орнамент.

Фрагмент петли (рис. 1: 5). Находка 2013 г. из слоя XI в. Петля имеет сложную многоугольную форму. Одна грань прямая, на противоположную нанесен орнамент в виде косых насечек. Обладала несколькими отверстиями (сохранились два круглых).

Фрагмент петли (рис. 1: 6). Находка 2014 г. из ямы первой половины XII в. Предмет сильно обломан, форму определить невозможно. В петле было несколько округлых отверстий (сохранилось три круглых). Орнамент отсутствует.

Почти целая петля (рис. 1: 7). Находка 2014 г. из ямы XII в. Имеет вытянутую многоугольную форму, одно ребро прямое. Оборудована пятью отверстиями (одно вытянутое по центру и четыре круглых – вдоль прямого ребра). Орнамент отсутствует.

Накладка (рис. 1: 8). Находка 2015 г. в слое рубежа XI–XII вв. Представляет собой длинную изогнутую тонкую костяную пластину со следами крепления по центру. Украшена циркульным орнаментом (ряд вырезанных окружностей по всей длине) и парными косыми насечками в верхней части.

Топоры – 3 экз.

Находка 2010 г. (рис. 1: 9), слой начала XIII в. Относится к типу VI по классификации А.Н. Кирпичникова – бородавчатый «универсальный» (Кирпичников, 1966. С. 48, 49). Имел две пары боковых щековиц (нижние сохранились лучше), опущенное вниз лезвие (сохранилась примерно половина), верхняя грань с выемкой. А.Н. Кирпичников указывает, что топоры-бородочки к XIII в. упрощаются – у них исчезают щековицы; поскольку в данном случае они сохраняются, топор может быть отнесен к XI–XII вв.

Находка 2016 г. (рис. 1: 10) из комплекса железных предметов, найденных в разведочном шурфе. Комплекс датировать не удалось. Топор аналогичен находке 2010 г., также относится к типу VI по А.Н. Кирпичникову. Отличается более хорошей сохранностью (щековицы сохранились очень хорошо, лезвие – почти полностью).

Находка 2018 г. (рис. 1: 11), слой XIII в. Аналогична двум предыдущим изделиям и относится к типу VI по А.Н. Кирпичникову. Боковые щековицы и нижняя часть лезвия обломаны, однако само наличие щековиц позволяет датировать топор XI–XII вв.

Несоответствие датировки слоев, из которых происходят находки 2010 и 2018 гг., морфологическим особенностям предметов (наличие боковых щековиц) может иметь

два объяснения: либо топоры найдены переотпложенными, либо в Рязани эта форма существовала и в XIII в.

Наконечники копий – 3 экз. Один из них, судя по размерам пера (80 × 25 мм) и способу крепления к древку (черешок), относится к метательным копьям (сулица).

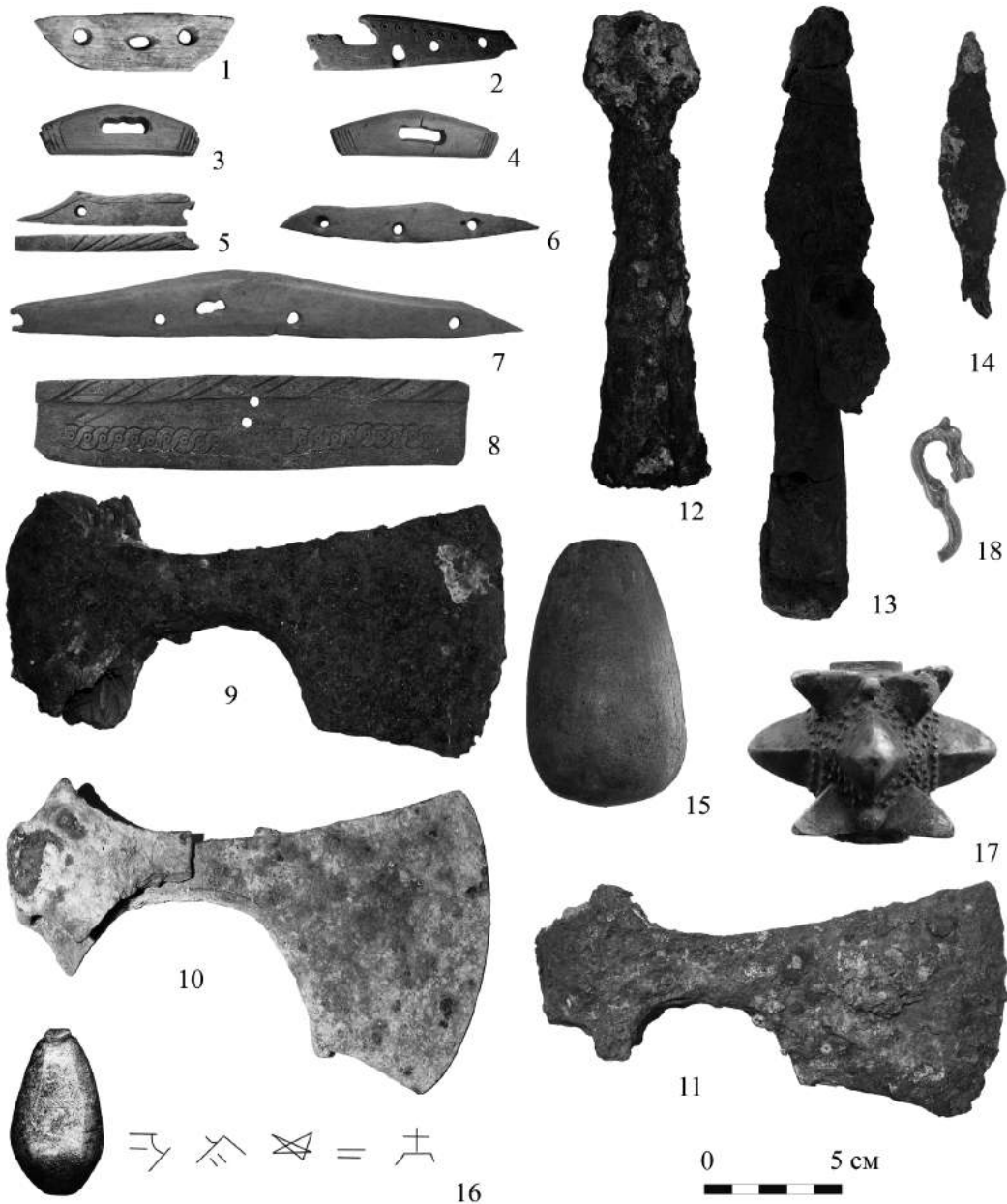

Рис. 1. Детали колчанов и налучий из кости (1–8), топоры (9–11), наконечники копий (12, 13) и сулицы (14) из черного металла, роговые гирьки кистеней (15, 16), навершие булавы (17) и поясной крюк (18) из медного сплава. (Номера даны по полевой описи.)

1 – р. 40, 2011 г., уч. 3. кв. 42, пл. 5, № 163; 2 – р. 45, 2012 г., кв. 21, пл. 10, № 154; 3 – р. 40, 2013 г., уч. 5, кв. 95, пл. 5, № 336; 4 – р. 40, 2013 г., уч. 5, кв. 95, пл. 5, № 336; 5 – р. 40, 2013 г., уч. 5, кв. 98, пл. 5, № 405; 6 – р. 40, 2014 г., уч. 6, кв. 113, я. В, № 422; 7 – р. 40, 2014 г., уч. 5, кв. 97, пл. 9, я. 95, № 738; 8 – р. 40, 2015 г., уч. 7, кв. 143, пл. 7, № 462; 9 – р. 40, 2010 г., уч. 1, кв. 9, пл. 4, № 39; 10 – шурф на Северном городище, 2016 г.; 11 – р. 47, 2018 г., уч. А2, кв. 41, пл. 4, № 1053; 12 – р. 42, 2010 г., кв. 12, пл. 7, я. 2, № 216; 13 – р. 46, 2015 г., кв. 20, пл. 10, № 287; 14 – р. 40, 2015 г., уч. 7, кв. 145, пл. 3, № 295; 15 – р. 42, 2010 г., кв. 1, пл. 5, № 295; 16 – р. 40, 2017 г., уч. 9, пл. 5, отвал, № 216 (с изображением символов, вырезанных на гранях); 17 – подъемный материал на Южном городище, 2016 г.; 18 – р. 40, 2018 г., уч. 4а, кв. 10, пл. 10, я. 41, № 660.

Находка 2010 г. (рис. 1: 12), яма XII в. Относится к типу III по классификации А.Н. Кирпичникова – с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы. Втулка массивная, расширяется книзу. Четко выделяется грань на лезвии ромбовидного сечения. Датируется XI–XII вв. (Кирпичников, 1966. С. 12–14). Лезвие сильно обломано, но втулка сохранилась полностью.

Находка 2015 г. (рис. 1: 13), слой XI в. Относится к типу IIIA. Имеет относительно широкое перо, плечики опущены, сильно скошены, втулка массивна, расширяется к низу, по длине примерно равна или несколько превышает размер пера. Сечение подовальное, грань не выражена. Датируется X–XI вв. (Кирпичников, 1966. С. 12–14). Много окислов, но наконечник сохранился полностью.

Наконечник сулицы (рис. 1: 14) – еще одна находка 2015 г., происходит из слоя XIII в. Схож с типом IV по классификации А.Н. Кирпичникова. Перо листовидной формы, ромбическое в сечении, имеет выраженную грань. Плечики сильно скруглены. Датируется XII–XIII вв. (Кирпичников, 1966. С. 15).

Рассмотренные наконечники копий принадлежат к весьма распространенным на древнерусских памятниках. Их датировки, определенные по стратиграфическому контексту, в отличие от топоров, соответствуют предложенным А.Н. Кирпичниковым.

Кистени – 2 гирьки из рога.

Находка 2010 г. (рис. 1: 15), яма XII в. Относится к типу I по классификации А.Н. Кирпичникова – яйцевидной формы с продольным сквозным отверстием. В отверстие вставлялся металлический штырь с ушком для крепления к жгуту. Поверхность гладкая. Предмет довольно крупный – высотой 95 мм при максимальном диаметре 55 мм. Подобные кистени бытуют до XIII в. (Кирпичников, 1966. С. 59).

Находка 2017 г. (рис. 1: 16), слой конца XII – начала XIII в. Разновидность описанного выше типа I. В верхней части имеются остатки ушка для крепления к жгуту. Изделие граненое, на грани нанесены символы – процветший крест, пятиконечная звезда и несколько тамгообразных знаков. Размеры небольшие – 55 × 30 мм. Датируется временем до XIII в. (Кирпичников, 1966. С. 59).

Навершие булавы (рис. 1: 17). Найдено в 2016 г. в слое начала XIII в. Скорее всего, предмет попал в слой во время штурма города войсками Батыя в 1237 г. (Артакин, Стрикалов, 2016. С. 64–69). Представляет собой ударное оружие с четырьмя большими центральными и восемью малыми крайними шипами (четыре сверху, четыре снизу). Пространство между шипами украшено двумя рядами ложной зерни и литыми шариками.

Высота навершия 55 мм, ширина (без учета шипов) 38 мм. Шипы пирамидальной формы с основанием в виде ромба (у центральных) и равностороннего треугольника (у крайних). Относится к типу IV по классификации А.Н. Кирпичникова. Датируется XII – первой половиной XIII в. (Кирпичников, 1966. С. 52).

Поясной крюк (рис. 1: 18). Находка 2018 г. раскоп 40, яма конца XI – XII в. Изделие S-образной формы, окончания – в виде голов дракона. Несохранившаяся часть замыкалась в петлю. Схожий крюк найден в Старой Рязани в 1971 г. (Даркевич, 1971. Л. 26 об).

В заключение отметим следующее. Находки предметов вооружения в городских слоях редки, но все же при исследованиях крупными площадями они встречаются. В городе эти вещи могут быть переотложенными, но большая выборка позволяет уточнять их хронологию. Ситуацию улучшают также надежно датированные комплексы, например яма XII в. (2010 г.), откуда происходит копье. В исключительных случаях мы можем точно определить дату, как в случае с булавой, выпадение которой связывается с взятием Рязани Батыем в 1237 г. (Артакин, Стрикалов, 2016. С. 69).

В последнее время появляются данные, свидетельствующие, что Старая Рязань была основана как княжеская крепость. Хотя дружинных погребений здесь нет, а предметы дружинной культуры единичны, находки вооружения могут указывать на военнополитическую, а не только административно-хозяйственную роль города.

- Аргамкин А.Н., Стрикалов И.Ю., 2016. Булава из Старой Рязани // КСИА. Вып. 245. Ч. II. М. С. 64–69.
- Даркевич В.П., 1971. Отчет о раскопках на Старой Рязани в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4586а.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Круг. 448 с.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 181 с.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострелы). М.: Наука. 128 с.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 225 с.
- Трубицын К.В., 2012. Предметы вооружения Старой Рязани // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. М.: ИА РАН. С. 56–72.

М.И. Бажин

*Санкт-Петербургский государственный университет
maxim.bazhin@bk.ru*

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ДНЕПРОВСКИМИ ФИБУЛАМИ В МОГИЛЬНИКАХ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА – ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Одним из направлений культурных связей населения Среднего Поднепровья в раннем Средневековье является юго-запад Крымского полуострова. Материалы крымских погребений приводятся в качестве аналогий и оснований датировки в большинстве работ, посвященных днепровским раннесредневековымкладам (Гавритухин, 1996; Родинкова, 2006; и др.). Используются они и при создании реконструкций традиционного женского убора населения Поднепровья VII в. (Щеглова, 1999; Родинкова, 2007. Рис. 5).

В настоящей работе рассмотрены категории инвентаря женских погребений крымских могильников с днепровскими пальчатыми фибулами и сопоставлены с категориями вещей в «антских» кладах. Кроме того, предложена интерпретация характера культурных связей населения Поднепровья и Крымского полуострова, по поводу которой в литературе нет единого мнения.

Аналізу подвергнуты материалы 6-и опубликованных захоронений из Суук-Су, 18-и из могильника у с. Лучистое, по одному из могильников Эски-Кермен и Баклинский овраг. Предметы «антского» круга известны и на других памятниках региона (Артек, Чуфут-Кале, Скалистое, Алмалык-дере), однако происходят или из грабительских раскопок (Репников, 1906. С. 36; Jakubczyk, 2016. Р. 179. Taf. 386; 387), или из комплексов, ограбленных в древности (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 37, 95, 115; Кропоткин, 1965. С. 112), иначе говоря, не имеют надежного контекста.

В Крыму преимущественно встречаются предметы, характерные для кладов I группы, по О.А. Щегловой (Щеглова, 1990). Исключение составляет фибула «пастырского» типа из подбойной могилы 11 могильника Баклинский овраг (Айбабин, Юрочкин, 1995. Рис. 22; Родинкова, 2006. С. 55), относящаяся к кругу вещей кладов II, более поздней, группы. Тем не менее, датировка всех комплексов с днепровскими вещами достаточно надежно укладывается в рамки VII в. (Гавритухин, 1996. С. 63; Айбабин, Хайрединова, 2008. Рис. 35; 2014. Рис. 12; Айбабин, Юрочкин, 1995, С. 131, 132).

Пальчатые и антропо-зооморфные фибулы – самый яркий элемент вещевого комплекса днепровских кладов. Строго говоря, именно их наличие позволяет сопоставлять ряд захоронений крымских могильников с кладами (рис. 1: 1–3, 13–15). В Крыму днепровские фибулы встречаются исключительно друг с другом, ни в одном случае они не сочетаются в одном погребении с застежками других групп (двупластинчатыми, подвязными и т.д.).

Наряду с фибулами «антского» круга в Крыму известны: квадратные (рис. 1: 12), круглые (рис. 1: 10), умбовидные (рис. 1: 9), двуспиральные (рис. 1: 11) и трапециевид-

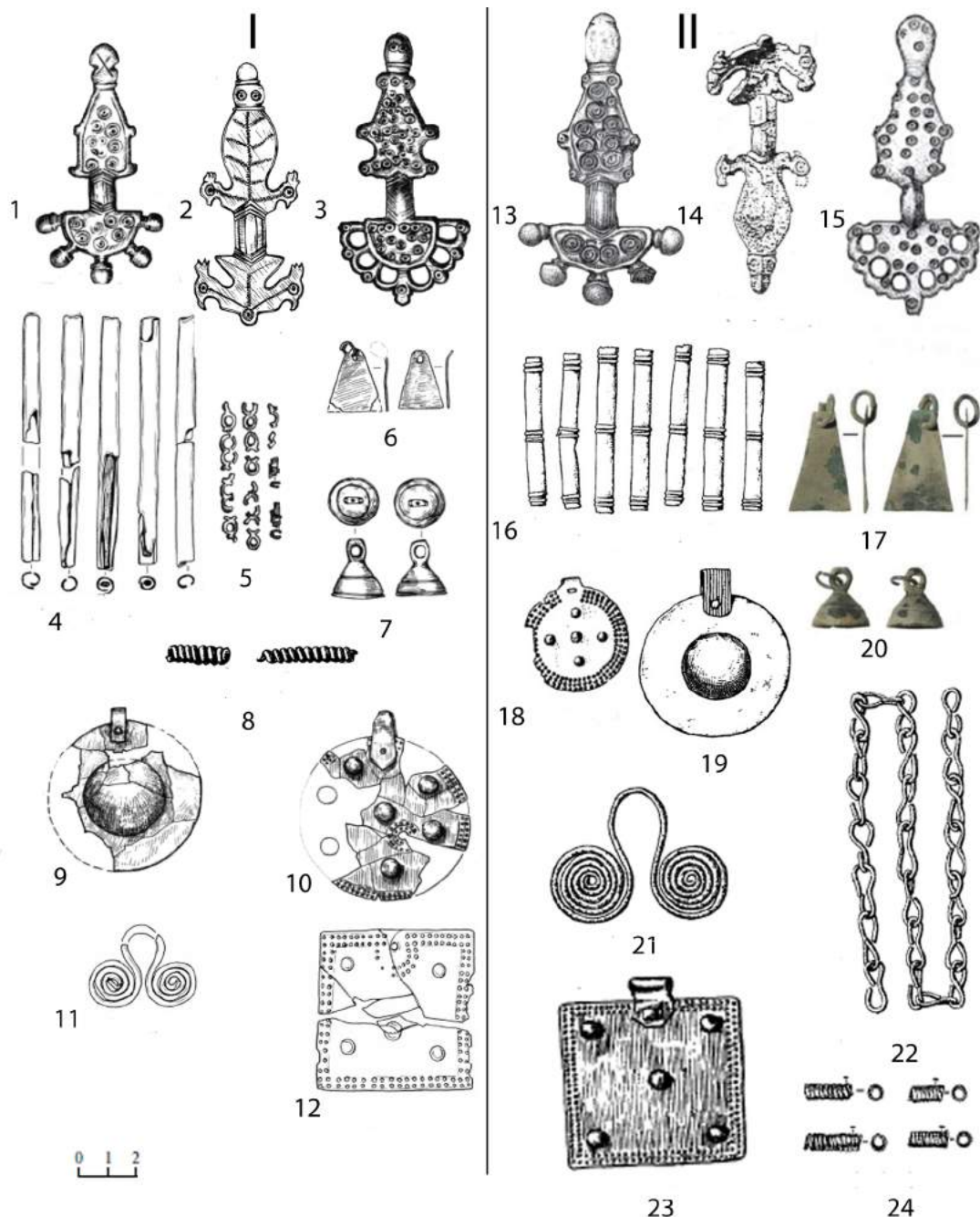

Рис. 1. Некоторые украшения и предметы убора из днепровских раннесредневековых кладов I группы и могильников Юго-Западного Крыма.

I – могильник у с. Лучистое. 1, 3, 5–7, 9, 10 – склеп 38, погребение 9; 2 – склеп 38, погребение 8; 4 – склеп 54, погребение 20; 8 – склеп 35, погребение 5; 11, 12 – склеп 54, погребение 16 (по: Айбабин, Хайрединова, 2008; 2014). II – днепровские клады I группы. 13, 15, 17, 20 – Суджа-Замостье (по: Родинкова и др., 2018); 14 – Волошское (по: Родинкова, 2006); 16, 19 – Суджа; 18 – Пастырское; 21 – Козиевка; 22 – Харивка; 23 – Новая Одесса (по: Корзухина, 1996); 24 – Куриловка (по: Родинкова, 2010).

ные (рис.1: 6) подвески, гладкие трубчатые (рис.1: 4) и спиральные (рис.1: 8) пронизи, в большом количестве представленные и в кладах (рис. 1: 13–24). Все перечисленные вещи относятся к нагрудному комплексу украшений. В захоронениях без днепровских фибул они встречаются редко.

Родство вещевого комплекса кладов Поднепровья и ряда крымских погребений несомненно. Однако между ними существуют и весьма важные различия. Так, в Крыму совер-

шенно отсутствуют некоторые категории предметов, характерные для кладов, налобные венчики, гривны и височные кольца. В то же время у 15 из 26 учтенных погребений представлены типичные для Юго-Западного Крыма варианты серег, которые, в свою очередь, не известны в днепровских кладах. Таким образом, нагрудный комплекс традиционного женского убора, происходящий из двух типов памятников, в значительной степени схож, в то время как способы украшения головы и шеи (без учета бус) не пересекаются.

Интерпретируя приведенные данные, можно высказать два предположения. Первое состоит в том, что мода на пальчатые фибулы возникает в Крыму (или приходит в него из Подунавья) и распространяется в Поднепровье, накладываясь на местный традиционный костюм. Второе – вещи круга «древностей антов» попадают на полуостров с более северных территорий в виде сложившегося комплекса.

Серьезным аргументом в пользу второй точки зрения служит наличие в крымских захоронениях наряду с днепровскими фибулами прочих украшений (подвесок и пронизей), характерных для культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Близкие аналогии этим вещам появляются уже среди древностей круга восточно-европейских выемчатых эмалей позднеримского времени (Родинкова, 2015. С. 105). Наличие же в крымских погребениях нехарактерных для Поднепровья изделий, в первую очередь золотых серег, может объясняться деформацией традиционного женского убора, связанной с более тесными контактами со средиземноморским миром.

- Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1 / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 3–86.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов // Боспорские исследования. Supplementum 4. Симферополь; Керчь. 336 с.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2014. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. // Боспорские исследования. Supplementum 12. Симферополь; Керчь. 400 с.
- Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю., 1995. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия. С. 125–135.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 201 с.
- Гавритухин И.О., 1996. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. Вып. 3. М. С. 63–95.
- Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. 5 / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 352–425, 526–705.
- Кропоткин В.В., 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. Вып. 100. С. 108–115.
- Репников Н.И., 1906. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. 1 // ИАК. 19. С. 1–80.
- Родинкова В.Е., 2006. К вопросу о типологическом развитии антропологических фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА. № 4. С. 50–63.
- Родинкова В.Е., 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 358–388.
- Родинкова В.Е., 2015. К проблеме выделения балтских элементов в женском уборе «мартыновского» типа // КСИА. Вып. 240. С. 91–111.
- Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А., 2018. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы // РА. № 2. С. 130–147.
- Щеглова О.А., 1990. О двух группах древностей антов в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. С. 162–204.
- Щеглова О.А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. № 5. С. 287–312.
- Jakubczyk I., 2016. Katalog // Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., u. a. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 115. Mainz. P. 95–182.

К ИЗУЧЕНИЮ ЭЛИТНОГО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УФЫ¹

На территории г. Уфы зафиксировано не менее 20 одиночных погребений и крупных некрополей, значительная доля которых расположена в южной части города, на высоких мысах правого берега р. Белой (Ахмеров, 1970). Особый интерес вызывает комплекс погребений V–VII вв., уникальный для Предуралья и сопоставимый с «центрами власти», выделяемыми для Восточной Европы.

Находки из уфимских погребений, в том числе элитные, неоднократно публиковались (Коишевский, 1948; Ахмеров, 1970; Мажитов, 1977; Сунгатов и др., 2018; и др.), но некоторые комплексы и вещи так и не получили должного освещения. Например, в работах Б.А. Коишевского и Р.Б. Ахмерова описание захоронений не соотнесено с иллюстрациями (Коишевский, 1948. С. 167–169; Ахмеров, 1970. С. 161–168), в связи с чем возникает риск путаницы при работе с материалом. В коллективной монографии под редакцией Ф.А. Сунгатова представлен неполный список находок из погребения 2, обнаруженного в кургане во дворе Башкирского мединститута в 1936 г. Предметы ременной гарнитуры оказались разделены здесь по разным комплексам (Сунгатов и др., 2018. С. 319–322. Рис. 162; 163; 164: 20, 21). Вместе с тем их принадлежность одному захоронению следует из сведений, содержащихся в коллекционных описях из фондов Национального музея Республики Башкортостан (НМ РБ)². Этим изделиям (рис. 1) и посвящена настоящая работа.

Данные о комплексе «Курган, обнаруженный во дворе Башмединститута (ул. Ленина, д. 3); погребение 2» приведены Р.Б. Ахмеровым (Ахмеров, 1970. С. 163, 164). Помимо рассматриваемой гарнитуры в погребении обнаружено большое количество золотых колтов, медальонов, подвесок и поясных наконечников, богато декорированных зернью и вставками из камней, серебряные браслет, ложка с длиной ручкой, фрагменты кожи и ткани (шелк?) (Сунгатов и др., 2018. Рис. 162; 163).

Описание гарнитуры³. *Пряжки* (рис. 1: 1, 4; ОФ НМ РБ № 307/6)⁴. Обе цельнолитые, прямоугольнорамчатые с ложем для язычка, щитки «геральдической» формы с полукруглыми выемками по бокам. Форма язычков неопределима. Изделия полые. Крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов с шляпками и плоской пластинки прямоугольной формы для более надежной фиксации. Размеры – 2,1 × 2,5 см.

Накладки 1 и 2 (рис. 1: 2, 5; ОФ НМ РБ № 307/9). Состоят из двух симметричных частей, соединенных при помощи прямоугольной площадки в центре. Изделия полые. Одна накладка имеет орнамент в виде трех округлых и двух месяцевидных прорезей (рис. 1: 5), у второй только три круглых прорези и намечен контур для полукруглых месяцевидных отверстий (рис. 1: 2). Крепление к ремню происходило при помощи двух штифтов. Размеры – 1,3 × 2,7 см.

Накладки 3 и 4 (рис. 1: 3, 6; ОФ НМ РБ № 307/5). Состоят из трех соединенных прямыми сторонами щитков «геральдической» формы. Имеют три круглые прорези и орнамент в виде прочерченных линий и фигуры треугольника. Изделия полые. Крепление к ремню происходило при помощи трех штифтов. Размеры – 2,7 × 2,7 см.

¹ За ряд консультаций я благодарю Игоря Олеговича Гавритухина.

² Благодарю Светлану Леонидовну Воробьеву за возможность ознакомления с коллекционными описями НМ РБ и помощь в работе с вещами.

³ Все изделия – из цветных металлов (анализ не производился), кроме железного язычка пряжки на рис. 1: 4.

⁴ Здесь и далее инвентарные номера приводятся в соответствии с коллекционными описями НМ РБ.

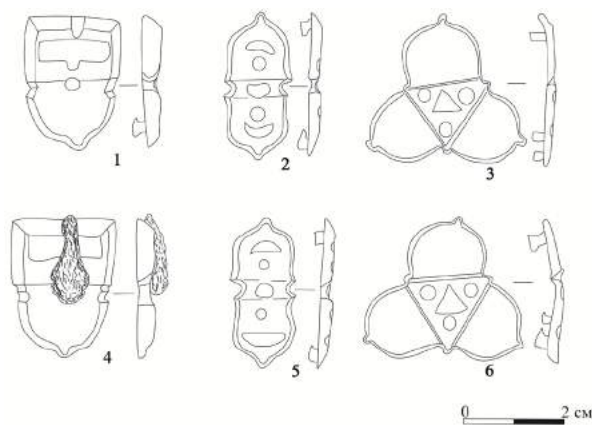

Рис. 1. Ременная гарнитура из погребения, обнаруженного в 1936 г. во дворе Башкирского мединститута (г. Уфа).

Э.А. Хайрединовой – от второй половины VI до первой половины VII в. И.О. Гавритухиным пряжки рассматриваемого типа длиной 25–26 мм (как уфимские) отмечены в комплексах, датированных четвертой четвертью VI – первой половиной VII в. (Айбабин, 1990. С. 49; Хайрединова, 2003. С. 141. Рис. 1: 22, 28; Gavritukhin, 2018. Р. 62, 63).

Трехщитковые накладки многочисленны в Крыму (Хайрединова, 2003. С. 130); схожие изделия в Башкирии обнаружены в погребении 2 кургана 10 и погребении 2 кургана 13 Ново-Турбаслинского могильника (Мажитов, 1977. С. 191. Табл. 1: 54). А.И. Айбабиным подобные накладки варианта 1 (крупные, как рассматриваемые из Уфы) датированы второй четвертью VII в. (Айбабин, 1990. С. 54, 55), Э.А. Хайрединовой изделия, наиболее близкие уфимским, отнесены к вариантам 4 и 5, датированным второй половиной VI – четвертой четвертью VII в. (Хайрединова, 2003. С. 130). И.О. Гавритухиным накладки, аналогичные рассматриваемым по всем основным признакам, отнесены к серии Нижний Джулат, характерной для центральной части Северного Кавказа, где она датируется концом VI – серединой VII в. (Gavritukhin, 2018. Р. 87).

Ближайшие аналогии горизонтальносимметричным (по И.О. Гавритухину) или двухщитковым (по А.И. Айбабину) накладкам с интересующей нас композицией прорезного орнамента, отнесенные И.О. Гавритухиным к серии Клинь-Яр – Нижний Джулат, зафиксированы в центральной части Северного Кавказа и в Северной Сирии, где датированы в рамках конца VI – середины VII в. (Гавритухин, Обломский и др., 1996. Рис. 40: 27, 28; Gavritukhin, 2018. Р. 88, 89. Fig. 96: 27). Морфологически близкие изделия обнаружены в комплексах Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Поднепровья, а на территории Башкирии схожие накладки, но иного стилистического ряда, зафиксированы в погребении 2 Кушнаренковского, погребении 2 кургана 10 Ново-Турбаслинского могильника, в Сынтыш-Тамакском могильнике, в Ново-Бикинском и Булгарском курганах (Мажитов, 1977. С. 191. Табл. I: 53, 82; Хайрединова, 2003. С. 142. Рис. 2). А.И. Айбабиным накладки датированы первой четвертью VII в. (Айбабин, 1990. С. 64), Э.А. Хайрединовой – второй половиной VI в. (Хайрединова, 2003. С. 129. Рис. 2: 8).

Основываясь на реконструкции обувных наборов, происходящих из захоронений могильника Лучистое (Хайрединова, 2003. С. 151–157), можно сделать вывод, что рассмотренные пряжки и накладки являлись обувными. Предложенное заключение подтверждается данными по другим памятникам или не противоречит им (Gavritukhin, 2018. Р. 59–66). Это является существенной характеристикой интересующего нас элитного комплекса, который по представленным результатам анализа гарнитуры датируется в рамках конца VI – середины VII в. В целом же рассмотренные находки являются одним из показателей устойчивых связей населения бассейна р. Белой с Северным Кавказом во второй половине I тыс. (многие примеры см.: Амброс, 1980; Гавритухин, Обломский и др., 1996).

Аналогии, датировка, функция. Прямоугольнорамчатые пряжки 7-го варианта (по А.И. Айбабину) имеют многочисленные аналогии в Крыму и на Кавказе, встречаются также в Поднепровье и некоторых других регионах, в том числе на территории Башкирии в погребении 17 Кушнаренковского и 181 – Бирского могильников (Генинг, 1977. С. 100; Амброс, 1980. С. 15, 16; Айбабин, 1990. С. 49, 225; Хайрединова, 2003. С. 141. Рис. 1; Gavritukhin, 2018. Р. 63. Fig. 22). Данный вариант датирован А.И. Айбабиным концом VI – первой половиной VII в.,

- Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1 / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 3–86, 174–241.
- Амброс А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 3–56.
- Ахмеров Р.Б., 1970. Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М.: Наука. С. 161–193.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. С. 28–86.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. Вып. 3. М. 296 с.
- Генинг В.Ф., 1977. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: АН СССР, БФ ИИЯЛ. С. 90–135.
- Коишевский Б.А., 1948. Итоги археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник. М.: ИКМР. С. 161–170.
- Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука. 189 с.
- Сунгатов Ф.А., Султанова Н.А., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В., 2018. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья / Сост. и науч. ред. Ф.А. Сунгатов. Уфа: Самрау. 335 с.
- Хайрединова Э.А., 2003. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. 10 / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 125–160.
- Gavritukhin I.O., 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag. P. 49–96, etc.

В.И. Близнюкова

Санкт-Петербургский государственный университет

Veronika_nika97@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТЕКЛЯННЫХ БУС БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА XIV–XV ВЕКОВ (РАСКОП № 192 2016 ГОДА)

Особое место среди золотоордынских городов занимает Болгар, после татаро-монгольского нашествия ставший «золотым тронном» ханов Золотой Орды. Важной темой в изучении города является стеклоделие. Интерес к нему определяется особыми возможностями, предоставляемыми археологическим материалом для рассмотрения целого комплекса проблем, связанных с возникновением, развитием и особенностями стеклоделия в городах, многие из которых были построены руками подневольных ремесленников (Бусятская, 1976. С. 38).

Изучение стекла позволяет определить направления связей, культурные приоритеты, развитие технологий производства, и чем богаче коллекция, тем надежнее выводы исследования.

В 40-е годы XIV в. в Болгаре возникает собственное производство бус и перстней. Открытие стеклодельной мастерской, хотя и работавшей на привозных полуфабрикатах, позволило выделить стеклоделие Болгара как новую школу в системе средневекового ремесла. Она сохраняла черты среднеазиатской традиции изготовления (Полубояринова, 2006. С. 152–158). Новый центр золотоордынского стеклоделия в рамках среднеазиатской школы наряду с мастерской Селитренного городища занимался массовым производством (Полубояринова, 1988. С. 214; 2006. С. 152–158; Бусятская, 1976. С. 65–66; Валиулина, 2016. С. 344).

Большие площади раскопов и особое внимание к изучению изделий из стекла, данные химического анализа, интерпретированные С.И. Валиулиной, помогли ответить на ряд важных вопросов. Проанализирован самый представительный химический тип – натриевое золистое стекло. Дополнены исторические интерпретации предыду-

ших авторов, приведен широкий круг аналогий, что позволило подтвердить предположение М.Д. Полубояриновой о неполном цикле производства из готовых полуфабрикатов. Широкий спектр региональных и хронологических композиционных вариантов в рамках преобладающего химического типа стекла указывает на Селитренное городище как центр изготовления полуфабрикатов (Валиулина, 2016. С. 337–353).

Благодаря четко датируемой стратиграфической шкале Болгара появилась возможность использовать статистически-стратиграфические методы (распределение данных статистики по слоям) и проанализировать материал на разных этапах становления городской культуры X–XV в. Выделено два основных массива материала: домонгольские и золотоордынские бусы. Удалось установить номенклатуру, приоритеты продукции мастерской и объемы производства.

Исследовано 3655 экз. бус. В ордынский период доминируют зонные со спиральным узором, битрапецидные, кольцевидные и зонные. Прочие типы представлены гораздо меньшим в процентном отношении количеством. Кратко рассмотрим основные составляющие болгарскую коллекцию разновидностей этих изделий.

Самым многочисленным типом являются зонные бусы – 757 экз. (21% от общего количества). Они происходят из поздних золотоордынских слоев и объектов.

Следующий представительный тип – кольцевидные бусы в количестве 466 экз. (13%), они также происходят из золотоордынских слоев и ям. Из нарушенных перекопами домонгольских объектов известны лишь немногочисленные находки.

Еще один доминирующий тип бус – зонные со спиральной нитью – 446 экз. (12%). Спираль имеет зигзагообразную, реже волнистую форму; она наносилась тонкой нитью и не расплывалась по периметру бусины.

Благодаря внушительному количеству некоторых типов бус, описанных М.Д. Полубояриновой, мы выделили в отдельный подтип зонные бусы с одной тонкой спиралью. Особенностью типа является спиральная нить, образующая рельефный зигзагообразный орнамент на тулове бусины с ярко выраженным «хвостиком», уходящим в ее канал. Большое количество учтенных экземпляров – 74 (2%) – указывает на преднамеренный характер выполнения декора, а не на производственный брак.

Битрапецидные бусы – 427 экз. (12%) – были широко распространены в Золотой Орде. Тип является одним из основных в болгарской коллекции.

Предварительный статистический анализ позволил хронологически распределить материал согласно стратиграфии Болгара. Данные статистики подтверждают, что на долю золотоордынских слоев приходится основная часть стеклянных бус. Редкие находки раннего материала объясняются значительными нарушениями домонгольского слоя, незначительного по мощности.

Стеклоделательное ремесло появляется вместе с возникновением золотоордынских городов. Находки стеклянных бус характерны для всей территории Золотой Орды, но только в Болгаре они встречаются в таком значительном количестве (Бусятская, 1976. С. 42).

Новая мастерская, созданная среднеазиатскими мастерами, занималась изготовлением бус и перстней из привозного сырья. Мы можем предположить, что их масштабное производство ориентировалось на экспорт продукции из Болгара в соседние земли. Решение данного вопроса станет возможным после сравнения изделий массовых типов из Болгара с другими находками на территории Восточной Европы.

Бусятская Н.Н., 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука. С. 38–72.

Валиулина С.И., 2016. Химический состав стекла Болгара и Суvara // *Stratum plus*. № 6. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 337–353.

Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. М.: Наука. С. 151–219.

Полубояринова М.Д., 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // *РА*. № 4. С. 152–158.

КЛАДБИЩЕ ПРИ ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В РОЩЕ

Здание Рождественской церкви в Боровске (Калужская область, Боровский район, г. Боровск, ул. Шмидта, д. 35), обнесенное каменной оградой, возведено в 1708 г. Ранее здесь стояла деревянная церковь с погостом вокруг нее. В настоящий момент и церковь, и кладбище продолжают функционировать.

В октябре 2018 г. производился визуальный осмотр наземной части кладбища. Зафиксировано 43 надгробных памятника XVIII–XIX вв.¹ Часть их, вероятно, расположена *in situ*. В отдельных случаях установлено наличие оснований под памятниками, хотя большинство из них глубоко «ушло» в землю. Некоторые надгробия перемещены со своих первоначальных мест при устройстве новых захоронений. Одно из наиболее ранних надгробий – указана дата смерти 1776 г. – использовано в качестве строительного материала для южного крыльца церкви (вероятно, при ремонте). Несколько памятников, по всей видимости, использованы повторно: обнаружено обнесенное общей оградой семейное захоронение с памятниками XIX в. на трех могилах, в дополнение к ним установлены кресты с датами совершения захоронений – 1917 и 1934 гг.

Надгробия, зафиксированные, по всей видимости, *in situ*, расположены преимущественно к северу и северо-востоку от здания храма. Несколько памятников расположено с южной стороны от входа в церковь. Кладбище имеет рядную систему, обособленных участков древнего и современного кладбища не выявлено, все надгробия располагаются рядом друг с другом, нередко даже имеют единую ограду.

Большинство памятников являются имитациями саркофагов. Встречено также несколько памятников-тумб с отсутствующей верхней доминантой, самыми редкими памятниками являются плиты. Надгробия преимущественно белокаменные, из известняка, однако встречены памятники, выполненные из гранита и мрамора².

Надгробия, имитирующие саркофаг, весьма разнообразны – встречены памятники, вовсе не несущие на себе декора или надписей, и памятники, украшенные рельефом. В отдельных случаях рельеф выполнен на крышках саркофагов – как правило, невысокий рельеф в виде Голгофского креста.

Торцы саркофагов украшены эпитафиями-молитвами, композицией основания Голгофы с черепом Адама и орудиями страстей, рельефными рамками, в отдельных случаях содержащими надписи, фигурами ангелов, растительным орнаментом.

Боковые стенки чаще всего в центральной части содержат многострочную надпись в рамке, по краям украшены клеймами. Одну сторону занимают сведения о покойном/покойной – имя, отчество, фамилия, даты рождения и смерти, возраст, в отдельных случаях – указания на социальный статус или род занятий, то есть имеют стандартную структуру текста (Беляев, 1996. С. 264, 265). На второй стороне также в рамке, обрамленной клеймами, расположены одна или несколько эпитафий.

В отдельных случаях сохранилась окраска надгробия – один памятник целиком выкрашен в зеленый цвет, у второго зеленым выделен Голгофский крест на крышке, на боковых стенках еще одного памятника видны следы голубой краски фона, при этом рамки и клейма не закрашены. Выбитая надпись, судя по остаткам краски, была оформлена черным цветом. Это подтверждает тезис о том, что надгробия рассматриваемого

¹ В 2008 г. по результатам натурного обследования, проведенного В.И. Абакуловым и В.В. Бубликовым, зафиксировано 56 памятников. Некоторые надгробия, упомянутые исследователями, к 2018 г. с территории кладбища исчезли, а некоторые, обнаруженные нами в 2018 г., не указаны в Синодике погребенных, составленном по итогам изучения сохранившихся дореволюционных надгробий, выявленных на кладбищах бывшего Боровского уезда (Абакулов, 2011. Прил. 1).

² Определение выполнено посредством визуального осмотра.

времени были полихромными (Ковшарь, 2018. С. 72). Встречено еще несколько надгробий с сохранившейся черной краской на буквах надписей.

Зафиксировано одно надгробие, имитирующее саркофаг, крышка которого имеет очертания человеческой фигуры. В надписях, выполненных на его боковых стенках, обнаружены значительные утраты, что не позволяет выяснить точную дату захоронения.

Памятники-тумбы также имеют различный декор – встречены и киоты, обрамленные круглыми колонками, простые четырехгранные памятники с надписями по сторонам. К сожалению, доминанта во всех случаях отсутствует, однако, судя по сохранившимся аналогам и размерным характеристикам базы, наиболее вероятным представляется доминанта в виде креста.

Надгробия, надписи с которых удалось прочитать, принадлежат священникам, крестьянам, мещанам, купцам. Встречены группы семейных захоронений.

Абакулов В.И., 2011. Историческая топография и локализация кладбищ Боровского района Калужской области // http://www.borovskold.ru/content.php?page=qdbneujl_rus&id=12

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 572 с.

Ковшарь И.Г., 2018. Тульский некрополь: белокаменная резьба XVIII века // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции. М. С. 71–73.

В.К. Ганцев

*Таврическая академия
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, Симферополь
valentin.gancev@mail.ru*

ВИНОДЕЛЬЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ОКРУГИ СЮРЕНЬСКОЙ КРЕПОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Виноградарство и виноделие играли важную роль в экономике античного и средневекового Крыма. Об уровне развития винодельческой культуры в античный период истории полуострова известно многое благодаря исследованиям Н.И. Винокурова, обобщившего их в своей монографии (Винокуров, 2007). Менее известны материалы обследований винодельческих комплексов средневековой Таврики, сосредоточенных на территории ее юго-западной части.

На сегодняшний день имеется информация более чем о 200 скальных виноградо-давальнях, открытых в разное время в Юго-Западном Крыму и предварительно датированных эпохой Средневековья (Репников, 1939–1940. С. 26–31; Веймарн, 1960. С. 109–117; Якобсон, 1970. С. 2, 22, 28, 152, 154). Большая часть из них расположены в округе или непосредственно на территории хорошо известных «пещерных городов» Крыма – Баклы, Чуфут-Кале, Кыз-Кермена, Качи-Кальона, Сюреньской крепости, Мангуп-Кале, Эски-Кермена и др. К сожалению, в публикациях, как правило, отсутствует подробное описание данной категории археологических памятников, их точная топографическая привязка, планы и стратиграфические разрезы. В лучшем случае упоминается общее количество винодельческих комплексов на памятниках, дополненное некоторыми соображениями авторов публикаций в отношении их датировки. В связи с этим задачей современного этапа изучения средневекового виноделия в Таврике является полная ревизия имеющихся в археологической литературе сведений о виноградарстве. Источниковедческие штудии необходимо дополнить обязательными археологическими разведками местности с целью повторного обнаружения и выполнения графической фиксации археологических объектов. Только по завершении этих работ, которые позволят создать необходимую источниковую базу для будущих серьезных научных исследований, можно будет приступить к анализу и решению более общих исторических проблем, в том числе к изучению средневекового виноградарства и виноделия в Крыму.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.138-140

В 2018 г. автором данной публикации проводились археологические разведки в округе Сюреньской крепости на скалистом мысу Кулле-Бурун – одном из северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир в Юго-Западном Крыму. Они позволили уточнить топографическую ситуацию в округе памятника, картографировать и провести GPS-привязку известных здесь прежде средневековых винодельческих комплексов, сопроводив их расчисткой, фото- и графической фиксацией на современном уровне.

Горный массив Чердаклы-Баир ограничен с востока и запада Бельбекской и Каралезской долинами Крымских предгорий. С северо-востока массив прорезают две глубокие балки – «Кизильник» и Хор-Хор с выступающими здесь четырьмя мысами – Кулле-Бурун, Ай-Тодор, «Серый лоб» и Джениче-Бурун. Склоны мыса Джениче-Бурун понижаются к западу, в сторону тальвега балки, отделяющей мыс от соседнего горного массива Тапчан-Кая.

Первое упоминание о скальных виноградодавильнях в округе Сюреньской крепости принадлежит Г.Э. Караулову. Он зафиксировал пять винодельческих комплексов под северо-восточным обрывом мыса Кулле-Бурун (Караулов, 1870. С. 9–12). Н.И. Репников (1939–1940. С. 30), Е.В. Веймарн (Веймарн, Репников, 1933. С. 125; Веймарн, 1960. С. 113, 114) и А.Л. Якобсон (1970. С. 17) упоминают о 18 виноградодавильнях на северных отрогах горного массива Чердаклы-Баир.

В 1976 г. в ходе архитектурно-археологических обмеров монастыря Челтер-Коба, расположенного под западным склоном мыса Ай-Тодор, Ю.С. Воронин провел разведки округи монастыря и зафиксировал следы 30 виноградодавилен (Воронин, 1976. С. 32–33; 1979. С. 315). В.Н. Даниленко, участник той археологической экспедиции, в одной из своих публикаций сообщает о 36 винодельнях в округе Сюреньского укрепления (Даниленко, 1994. С. 133).

Во время разведок 2018 г. на северных отрогах массива Чердаклы-Баир выявлено 33 скальных виноградодавильни. Они распадаются на четыре топографические группы: пять виноделен находятся под северо-восточным обрывом мыса Кулле-Бурун, еще пять – под северо-западным обрывом того же мыса; 21 винодельческий комплекс выявлен под северо-восточным обрывом мыса Джениче-Бурун и еще два – под восточным склоном горного массива Тапчан-Кая.

Все обнаруженные виноградодавильни однотипны. Они принадлежат к числу стационарных производственных комплексов, вырубленных в скале; их давильные площадки (тарпаны) – бортовые, имеют суслоотводной канал и суслоприемник. Параметры виноделен различны, но в целом разница в их длине и ширине не превышает 30 см. Необходимо отметить отдельную группу из 19 виноградодавилен, в которых, несомненно, использовался рычажный пресс (тип А0 и А1 по: Brun, 1986. Fig. 28).

Вопрос о хронологии открытых в 2018 г. в округе Сюреньской крепости винодельческих комплексов остается открытым. К сожалению, новых материалов, позволяющих уточнить время их сооружения и функционирования, не обнаружено. Это делает необходимым продолжение археологического изучения памятников посредством раскопок. На сегодняшний день можно лишь констатировать принадлежность виноделен Сюрени, как впрочем, и многих других подобных скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма, периоду VIII–X вв. Конструктивно наиболее близки им винодельческие комплексы в балке Кая-Арасы (ограничивает с запада мыс, на котором находится городище Кыз-Кермен), датируемые IX – первой половиной X в. (Белый, 2016. С. 197). Однако не исключается и более ранняя датировка винодельческих комплексов на склонах Чердаклы-Баира, в пределах VIII–IX в., если подтвердится их синхронность поселению у подножия мыса Кулле-Бурун (Омелькова, 1979. С. 10). В любом случае только будущие археологические исследования интересующей нас группы памятников позволят приблизиться к решению этой серьезной научной проблемы.

Белый А.В., 2016. Винодельческий комплекс хазарского времени в районе Кыз-Кермена // Сугдейский сборник. Вып. VI. К. С. 185–198.

- Веймарн Е.В., 1960. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. Вып. 10. К. С. 109–117.
- Веймарн Е.В., Репников Н.И., 1933. Сюреньское укрепление // Изв. ГАИМК. Вып. 117. М.; Л. С. 115–125.
- Винокуров Н.И., 2007. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Боспорские исследования. Supplementum 3. Симферополь; Керчь. 456 с.
- Воронин Ю.С., 1976. Отчет о работах на городище Мангуп близ с. Залесное и в районе с. Малое Садовое Бахчисарайского района Крымской области в 1976 г. // Архив ИА НАН Украины. Ф. 8117. Д. 1976/113.
- Воронин Ю.С., Даниленко В.Н., 1979. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978. М.: Наука. С. 313–315.
- Даниленко В.Н., 1994. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия. С. 127–145.
- Караулов Г.Э., 1870. Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь за 1871 г. Отд. 4. Одесса. С. 2–24.
- Омелькова Л.А., 1979. Отчет о раскопках и разведках в Бельбекской долине в 1979 г. // Архив ИА НАН Украины. Ф. 9481. Д. 1979/127.
- Репников Н.И., 1939–1940. К вопросу о виноградарстве и виноделии в северном предгорье Юго-Западного Крыма в до-русское время // Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. 31 с.
- Якобсон А.Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. МИА. № 168. Л.: Наука. 180 с.
- Brun J.-P., 1986. L'oléiculture antique en Provence, les huileries du département du Var. Suppl. XV. Paris: Éd. du Centre national de la recherche scientifique.

Н.Н. Голда

*Ассоциация по представлению и защите общих интересов археологов «Южархеология», Ростов-на-Дону
golda.nadezh@yandex.ru*

К ВОПРОСУ О «КОЧЕВЬЕ БАЛКА КОТЕЛЬНИКОВА»

Во время проведения охранных археологических работ при строительстве ТЭЦ-2 в 1972–1973 гг. выявлен новый археологический памятник, определенный как «кочевье» и датированный VIII–IX вв. по подъемному материалу, в котором более 80% составляли фрагменты провинциально-византийских амфор. В справочник «Археологические памятники г. Ростова-на-Дону» он вошел под названием «Кочевье “Балка Котельникова”» (Археологические памятники, 1982. С. 83).

В дальнейшем при проведении археологических исследований на западной окраине Ростова-на-Дону выяснилось, что территория распространения подъемного материала гораздо шире и захватывает полосу курганных могильников Ливенцовский I, III, VII (Житников, Илюков, 1998), Ливенцовский VIII, Западный II (Байков) от балки Рябинина на востоке до балки Сухо-Чалтырской на западе. Эта огромная полоса обитания, судя по фрагментам амфор, сложилась в IV в. до н.э., существовала в I–III вв. н.э., наиболее обильный материал принадлежит хазарскому (VIII–IX вв.) и золотоордынскому периодам, причем для XIV в. кроме фрагментов амфор в сборах представлены обломки красноглиняных гончарных лощеных кувшинов (Цыбрий, 2006. С. 25–33).

В 2007 г. на территории будущей застройки жилого массива «Ливенцовский» ЗАО «ОКН–проект» проведены шурфовочные работы, по итогам которых наличие на земельном участке объектов, относящихся к кочевью «Балка Котельникова», не подтвердилось.

В феврале 2013 г. археологическая экспедиция НП «Южархеология» под руководством В.А. Ларенок провела спасательные исследования кургана I могильника Котельниковский II в Советском районе Ростова-на-Дону на земельном участке, отведенном под строительство 5 микрорайона жилого района «Ливенцовский». При вскрытии пахотного слоя всхолмления, обозначенного как курган «Котельниковский II», найдены

обломки керамики, относящиеся к провинциально-византийской таре VIII–IX вв. Курган на участке исследования не обнаружен, все выявленные предметы отнесены к археологическому объекту «кочевье Балка Котельникова».

В.А. Ларенок в своем отчете предлагает рассматривать памятник не просто как кочевье, а как сложный археологический комплекс, в который входят следующие объекты: сезонные стойбища (кочевья) по берегу р. Мертвый Донец; весенне-летние поселения VIII–IX и XIII–XIV вв.; поминальные тризны у курганных насыпей (Ларенок, 2013. С. 89).

В 2017 г. на конференции «II Уваровские чтения» В.А. Ларенок и П.А. Ларенок представили реконструкцию одного из водных путей вглубь степей и к предгорьям Северного Кавказа. По их мнению, нижнедонская часть этого пути выглядит следующим образом. На правом берегу дельты у устья реки – памятник «Мартиново», далее выше по течению Дона на старичном русле Аксая – городище «Золотые Горки», на старичном русле Сухого Донца – городище «Крымское». От Дона путь уходил в долину р. Маныч, а далее по р. Большой Егорлык. Поворотный пункт от Маныча в Большой Егорлык зафиксирован на территории современного города Пролетарска (бывшая станица Великокняжеская). Конечная часть этого пути – Ставропольская возвышенность. Анализируя находки скоплений тарной керамики, В.А. Ларенок и П.А. Ларенок интерпретируют их как места традиционного товарообмена, своеобразные разгрузочно-погрузочные площадки на дорогах, по которым вино в амфорах перемещалось от побережья в степь.

Ввиду вышеизложенного можно предположить, что рассматриваемый нами памятник связан с торговым путем.

Археологические памятники г. Ростова-на-Дону (в помощь ответственным секретарям районных отделений Ростовского городского отделения ВООПИиК и проектировщикам) / Сост. П.А. Ларенок, С.В. Мячин. Ростов-на-Дону. 168 с. 1982.

Житников В.Г., Илюков Л.С., 1998. Исследование курганов на окраинах г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов. С. 72–74.

Ларенок В.А. Отчет об охранных археологических раскопках курганного могильника «Заречный», расположенного в зоне расширения ПС 35/10 кВ «Куйбышево–1» (строительство двух ВЛ 10 кВ от ПС 35/10 кВ «Куйбышево–1» до границы участка (Таганрогская таможня)) в Куйбышевском районе Ростовской области, выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник Котельниковский II», расположенного на участке строительства в микрорайоне № 5 Советского района жилого района «Ливенцовский» в г. Ростове-на-Дону в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1.

Цыбрый В.В., 2006. Археологические исследования РРОО «Донское археологическое общество» в 2004 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Вып. 21. Азов. С. 25–33.

К.Г. Гюрджоян

*Тюменский государственный университет
gyurdzhoyankatya@mail.ru*

ОРНИТОМОРФНЫЕ ПОДВЕСКИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАЗОВСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

Изучение материальной культуры средневекового населения севера Западной Сибири представляет особый интерес, так как именно в этот период начинают формироваться коренные народы, проживающие в настоящее время на данной территории. Работа основана на анализе материалов археологических памятников Мамеевского археологического микрорайона (Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа), исследованных в 2013–2018 гг. под руководством А.А. Ткачева¹.

¹ Выражаю благодарность А.А. Ткачеву за разрешение использовать неопубликованные материалы и помощь в написании статьи; пользуюсь случаем, выражаю искреннюю признательность сотрудникам Отдела археологии БУ «Музей Природы и Человека» г. Ханты-Мансийска за возможность ознакомиться с археологическими коллекциями и разрешение использовать их в своей научной деятельности.

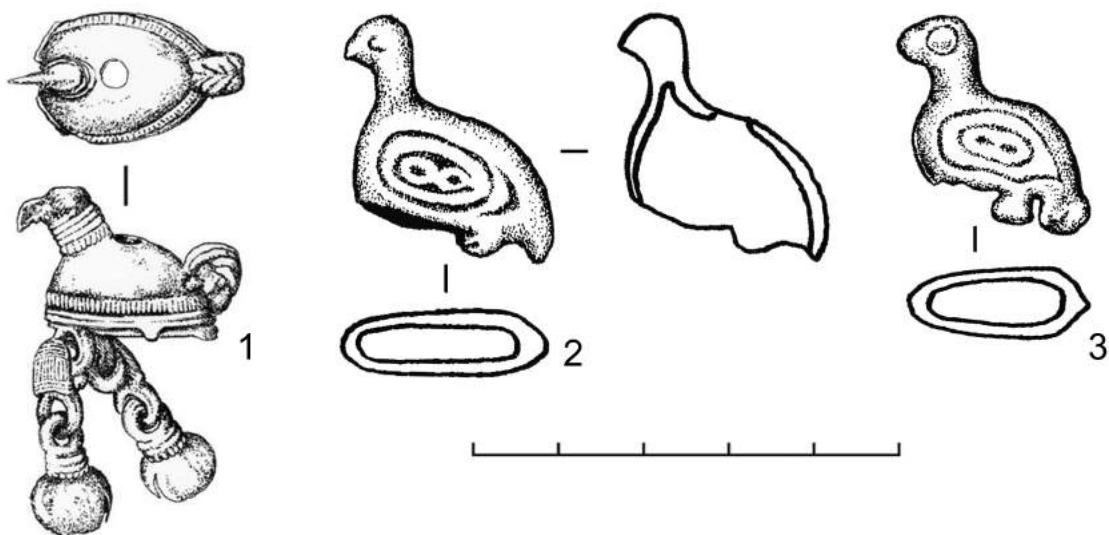

Рис. 1. Орнитоморфные подвески могильника Нум-хибья-сихэри I.

1 – шумящая в виде птицы с бубенчиками (погр. 3); 2 – полая в виде гагары (погр. 26); 3 – полая в виде утки (погр. 26).

На могильниках Нум-хибья-сихэри I и V, соотносимых с древностями кинтусовского типа (конец I – середина II тыс. н.э.) встречены биметаллические ножи с литыми рукоятками, железные ножи и наконечники стрел, бронзовые ложки с зооморфными сюжетами, обломки медных и железных котлов. Многочисленную группу сопровождающего инвентаря составляют украшения: пластинчатые браслеты с изображением медведя в «жертвенной» позе; разнообразные бронзовые и серебряные подвески (арочные, лапчатые, шумящие, подвески-амулеты, полые подвески в форме водоплавающих птиц), пронизки, бубенчики, серебряная позолоченная серьга, украшенная зернью и сканью, крестообразные накладки, отлитые из меди и высокооловянистой белой бронзы (Ткачев, 2014. С. 36; 2017. С. 16–23).

Особый интерес представляют зооморфные и орнитоморфные украшения и сюжеты, которые на них изображались, поскольку они имели не только декоративную функцию, но и подчеркивали социальный статус своего владельца и отражали мифологические представления средневекового населения. На сегодняшний день на территории Тюменского Заполярья памятники, оставленные носителями кинтусовских традиций, исследованы фрагментарно, что затрудняет анализ особенностей материальной и духовной культуры и позволяет дать им только предварительную характеристику.

Среди полученных на погребальных памятниках Мамеевского археологического микрорайона материалов значительную часть составляют подвески разных типов, связанных с образами водоплавающих птиц. На литых полых фигурках прослеживаются их характерные признаки – удлинённо-овальные крылья, специфическая форма головок и клюва, особенности которых позволяют соотнести их с гагарами и утками (рис. 1: 2, 3). Согласно мифологическим представлениям самодийских и угорских народов, гагара помогла создать землю, нырнув глубоко под воду и подняв со дна кусок земли, а утка являлась посредником между мирами, сопровождая душу умершего в другой мир. К одной из подвесок, отлитой в виде объемной фигурки птицы (рис. 1: 1), прикреплены небольшие полые бубенчики (Ткачев, 2014. С. 34, 35; Ткачев, Квашнин, 2014. С. 299). Рельефный узор на лапчатых подвесках, вероятно, имитировал перепонки конечностей водоплавающих птиц. Найденные в могильных ямах узелки свидетельствуют о том, что полые фигурки крепились с помощью кожаных ремешков.

Птицевидные подвески обычно входили в состав поясных или головных наборов, украшавших костюмы детей и женщин (Семенова, 2008. С. 152, 153). Размещение укра-

шений в погребальном пространстве отражало разделение человеческого тела на зоны в соответствии с представлениями средневекового населения о строении мира (верхняя часть тела – небо, средняя – земля, нижняя – подземный мир), поэтому птицевидные украшения редко располагаются в нижней части тела и только в детских захоронениях могут «опускаться» до уровня голеней. В соответствии с верованиями северных народов души людей отправляются на небо подобно птицам.

Можно предположить, что подвески с изображением птиц, известные у средневекового населения, обитавшего в лесных и заполярных зонах Сибири, связаны с верой в защитные силы орнитоморфных изображений, являвшихся одновременно символами небесных покровителей. Птицеобразные фигурки, являясь атрибутом женского костюма, служили оберегами функций деторождения и материнства. Звук металла, возникающий при взаимодействии разных украшений, отпугивал как злых духов, так и иных сверхъестественных существ (Григорьев, Григорьева, 2016. С. 11, 12).

Таким образом, распространение орнитоморфных украшений на территории Тюменского Заполярья связано с целой системой идеологических представлений, уходящих корнями в глубокую древность. Их дальнейшее изучение позволит расширить наши знания о материальном и духовном мире людей, живущих в северных районах Западной Сибири в эпоху средневековья.

Григорьев В.Ф., Григорьева Н.В., 2016. Художественная обработка металла. Пермский звериный стиль. Линейно-штриховое и оборонное гравирование. М.; Берлин: Директ-Медиа. 81 с.

Семенова В.И., 2008. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). Тюмень: ИПОС СО РАН. 213 с.

Ткачев А.А., 2014. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2014 году. // Архив ИПОС СО РАН. 225 с.

Ткачев А.А., 2017. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2016 году. // Архив ИПОС СО РАН. 241 с.

Ткачев А.А., Квашнин Ю.Н., 2014. Новые материалы к археологической карте Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Маргулановские чтения. Алматы; Павлодар. С. 295–303.

М.С. Демахина

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
marshinza@mail.ru*

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ЮНОСТЬ 3, 5, 6

Комплекс памятников на краю Обской террасы, близ железнодорожной станции Юность, открыл в 1973 г. Е.А. Сидоров. Разведка выявила два городища и четыре селища. Три памятника – городище Юность-6 и два селища Юность-3 и Юность-5 – исследовались небольшими траншеями, разбитыми над земляночными западинами. Памятники датированы на основе обнаруженных фрагментов керамики второй половиной I тыс. н.э. (Сидоров, 1973). В 1980 г. коллектив авторов опубликовал монографию, посвященную археологическим памятникам Новосибирской области. В книге приведены лишь краткие описания этих памятников (Троицкая и др., 1980. С. 91). Изданная в 1993 г. брошюра также содержала краткие описания памятников, а также их глазомерные планы (Молодин и др., 1993. С. 8). Данные о датировке и культурной принадлежности в обеих публикациях взяты из отчета 1973 г.

Вплоть до сегодняшнего дня поселения и найденные на них материалы не изучались. Данная публикация является результатом нового обращения к архивным и археологическим материалам с целью определения культурной и хронологической принадлежности памятников Юность 3, 5, 6.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.143-145

Селище Юность-3. Траншея размерами 5.0 × 0.5 м была разбита над земляночной западиной. Длинной осью она ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Толщина культурного слоя – 0.4 м. Стратиграфически под дерновым слоем расположен слой светлой супеси. Заполнение котлована жилища практически не отличалось от культурного слоя и также состояло из светлой супеси, лишь в центре фиксировались следы прокала – черная супесь с углями. Мощность прокала – 0.2 м. Глубина постройки от уровня материка составила 0.34 м, а стенки ее, вероятно, были отвесные. В траншее обнаружены кости животных и фрагмент горловины сосуда. Он декорирован по шейке рядом чередующихся вертикальных вдавлений гребенчатого штампа и округлых оттисков палочки. Венчик слегка отогнут, также украшен вдавлениями гребенчатого штампа. Морфология и орнаментация горловины сосуда позволили отнести его к тимирязевскому этапу верхнеобской культуры и датировать VII–VIII вв.

Селище Юность-5. Располагалась в непосредственной близости от городища Юность-6 (на расстоянии около 5 м). На памятнике первоначально была заложена разведочная траншея размерами 1 × 4 м, перерезавшая котлован постройки с северо-запада на юго-восток. После обнаружения уходящих в стенку предметов бронзолитейного производства она была расширена до раскопа. В результате исследованная площадь составила 18 кв. м. Культурный слой – темная супесь, подстилаемая прослойкой светлой супеси. В раскопе выявлены остатки котлована постройки. Судя по чертежу, она имела округлую форму, стенки ее были очень пологие. Глубина котлована достигала 0.3 м от уровня материка. Заполнение – темная супесь.

Среди находок в отчете упоминались кости животных, несколько фрагментов керамики, керамический шлак и шлак с металлическим блеском. Наличие такого рода находок в непосредственной близости друг от друга внутри котлована дало Е.А. Сидорову основание предположить, что все они являются частью производственного комплекса (Сидоров, 1973).

В результате пересмотра археологической коллекции обнаружены фрагменты шести сосудов. Их морфологические особенности и декор позволяют датировать памятник V–VI вв. и отнести его к одинцовскому этапу верхнеобской культуры. Кроме керамики найдены предметы, связанные с металлургическим производством: остатки плавильной печи, фрагменты тигля, обломок литейной формы, железные крицы и фрагменты шлака плавки бронзы. Судя по находкам, на памятнике существовало бронзолитейное производство (Демахина, 2014), что противоречит ранее высказанным предположениям (Троицкая, Новиков, 1998; Савин, 2006) об отсутствии на поселениях верхнеобской культуры следов бронзолитейного производства, а также находок печей и других сопровождающих процесс изделий.

Городище Юность-6. Располагалась в непосредственной близости от селища Юность-5 (на расстоянии около 5 м). Над северной западиной, возле рва, заложена траншея размерами 1 × 7 м, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Культурный слой – светлая супесь. Траншея перерезала часть стенки землянки с западной стороны. Судя по разрезу, стенки землянки слегка наклонные, глубина в материке – 0.1 м. С восточной стороны траншея перерезала часть ямы аморфной формы. Ее заполнение у дна состояло из черной супеси с золой и сажой, подстилавшей слой серой супеси с золой. Глубина ямы от уровня материка – 0.7 м. Судя по заполнению, можно предположить, что яма являлась частью очага. Находки – мелкие кости животных, фрагменты горловины сосуда с отогнутым утолщенным венчиком, украшенным оттисками гребенчатого штампа. По шейке сосуд украшен горизонтальными рядами ромбов, нанесенных гребенкой, первый ряд состоит из «жемчужин», выполненных поверх узора из ромбов. Судя по морфологии и декору, сосуд принадлежит одинцовскому этапу верхнеобской культуры. Можно предположить, что и постройка, и памятник в целом относятся к этому же этапу и датируются V–VI вв.

Таким образом, можно утверждать, что рассмотренные памятники относятся к верхнеобской культуре. Селище Юность-3 датируется VII–VIII вв. На основании керамиче-

ского материала, учитывая непосредственную близость памятников, а также идентичность культурного слоя, можно говорить, что селище Юность-5 и городище Юность-6 являются единым поселенческим комплексом, относящимся к верхнеобской культуре и датируемым V–VI вв. Аналогичные памятники с двумя площадками – защищенной частью меньшей площади и незащищенной большей – нередко встречаются в Приобье (Крохалевка 18, 21, Соколово-Колывань-3 и др.). Пересмотр археологических коллекций памятника Юность-5, где обнаружены предметы бронзолитейного производства и железные крицы, ставит под сомнение выводы Н.М. Зинякова об отделении в середине I тыс. н.э. кузнецов от бронзолитейщиков (Зиняков, 1987).

- Зиняков Н.М., 1987. Основные этапы освоения железа в Евразии // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово. С. 35–38.
- Демахина М.С., 2014. Комплекс памятников верхнеобской культуры Юность-5, 6 // Материалы 52-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2014: Археология. Новосибирск: НГУ. С. 48, 49.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В., 1993. Археологические памятники города Новосибирска. Новосибирск: Наука. 33 с.
- Савин А.Н., 2006. Цветная металлообработка верхнеобской культуры (по материалам Новосибирского Приобья). Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 290 с.
- Сидоров Е.А., 1973. Отчет о работах Новосибирского разведочного отряда // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5223.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука. 184 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск. 152 с.

И.А. Джоуа

*Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
АН Абхазии, Сухум
inJopua@gmail.com*

ИЗУЧЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э. В СУХУМЕ

Территория города Сухума тянется от моря до зоны холмистых предгорий. С районами современного города связана целая серия памятников бытового и культового характера. При описании памятников I тыс. н.э. в первую очередь необходимо упомянуть Сухумскую крепость, комплекс которой включает разновременные культурные слои. По свидетельству Флавия Арриана, город был окружен стенами и рвом. Археологические исследования, начавшиеся с 1950-х годов, подтвердили наличие здесь трех крепостей, относящихся к II–VI вв.

Со второй половины XX в. памятники позднеантичного и раннесредневекового времени фиксировались на территории городского парка и лесопарка. Особый интерес представляют массовые виды керамики и остатки жилых и общественных сооружений I–III вв. Первые исследования здесь были проведены В.И. Сизовым в 1886 г. (Сизов, 1889. С. 10–39). Если судьбе этих памятников ничто не угрожает и они могут быть сохранены для изучения будущими поколениями исследователей, то в зонах интенсивной застройки ситуация совсем иная, в связи с чем необходимо проведение безотлагательных охранных работ.

В зоне городских холмов в 1950-х годах обнаружены памятники I тыс. н.э., в том числе римская сторожевая башня конца II в. На основании находок последних лет, таких как многочисленные фрагменты краснолаковой посуды и амфор, керамические навершия двух колодцев, выявленных в результате охранных исследований 2011 г. и относящихся к позднеантичному и раннесредневековому времени, с уверенностью можно предполагать наличие культурного слоя на территории города.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым сужение зоны хозяйственной деятельности на территории города в прилегающих к выявленным объектам кварталах и определение границ распространения культурного слоя.

Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко. 183 с.

А.Ю. Загайнова

*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
zagainova.albina@yandex.ru*

ЭЛЕМЕНТЫ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА XLVII

Сарай ал-Джедид (Селитренное городище) – средневековый город, столица Золотой Орды, развалины которого находятся на территории с. Селитренного Харабалинского района Астраханской области.

Раскоп XLVII находился на северо-западном склоне «Больничного бугра», который расположен в центральной части городища. Корпус монетных находок датирует этот участок золотоордынской столицы 30-ми годами XIV – началом XV в.

Архитектурная керамика на раскопе XLVII по функциональному назначению включает в себя несколько категорий изделий: кашинные кирпичи и декоративные мозаичные изразцы, покрытые монохромной глазурью, полихромные майолики с надглазурной и подглазурной росписью и ганчевый декор. Архитектурный декор на раскопе представлен одновременными находками, относящимся к периоду расцвета города.

Поливная архитектурная керамика, как правило, изготавливалась из кашина и реже из красной глины. Кашинные кирпичи покрывались цветной глазурью, основными цветами были ультрамарин, голубой, зеленый, желтый, белый и красный. Боковые плоскости кирпичей были скошены и часто имели пазы для лучшего крепления с известковым раствором. Поливные кирпичи, как указывала Л.М. Носкова, применялись для оформления купольных поверхностей, внешней облицовки и пола (Носкова, 1972. С. 171, 172). Поливных кирпичей на кашине в раскопе XLVII найдено 4, все покрыты голубой поливой.

Мозаичные изразцы на кашине покрывали плоскости наружных поверхностей зданий, составляя большие орнаментированные панно. Основу мозаик образовывали вырезанные отдельные элементы из плиток, сформированных из кашина и покрытых непрозрачной поливой (Федоров-Давыдов, 1994. С. 147).

Мозаики в основном использовались для облицовки порталов, арок, боковых стен пилонов, внутренних сводов куполов, больших плоскостей стен. Изразцы и кирпичи крепились на алебастровую основу, которая после выпадения большинства деталей сохраняла контуры орнаментации панно. Общая численность изразцов на раскопе составляет 6066 экземпляров. Найденные алебастровые основы позволяют рассмотреть основные орнаментальные мотивы. Обломки мозаичных панно на раскопе XLVII по орнаментации можно разделить на следующие типы.

Цветочно-растительный орнамент обычно является частью большого панно. Представляет собой мозаики с изображениями цветов, чаще встречаются белые лилии с завитками на ультрамариновом фоне, которые переплетаются с бирюзовыми вставками с небольшими желтыми, реже красными, цветами (нарциссами или гвоздиками). Цветы украшались изображениями листьев и изогнутых спиралевидных побегов.

Геометрический орнамент, чаще всего служивший для обрамления края мозаичного панно, основные фигуры представлены прямоугольниками, ромбами и шестиконечными звездами. Геометрический орнамент можно разделить на несколько видов.

1. Простой узор, построенный по закону гириха, где центральное место занимает шестиконечная звезда, в каждый угол которой вставлены плитки неправильной четырехугольной формы, образующие большую шестиконечную звезду.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.146-147

2. Орнамент, где центральная горизонтальная линия состоит из ромбов, между которыми вписаны треугольники.

3. Центральная линия панно состоит из овалов и квадратов, ограниченных с двух сторон прямоугольниками, пространство между овалами и квадратами заполнены трапециями (Ельников, 2013. С. 367–371).

Полихромная майолика на кашине представляла собой прямоугольные плитки с нанесенной на них росписью, которые приставлялись одна к другой и образовывали большое орнаментированное панно (Федоров-Давыдов, 1994. С. 140). Роспись могла быть подглазурной и надглазурной, при этом первая применялась гораздо чаще второй. На раскопе XLVII данный вид архитектурной керамики представлен 77 образцами.

Майолики по технике нанесения рисунка имеют сходство с поливной бытовой керамикой. Сравнение этих видов керамических изделий (Воскресенский, 1967 С. 79, 84) показало, что основные типы бытовой кашинной керамики соответствуют основным видам архитектурных облицовок.

Для надглазурной и подглазурной полихромной майолики, так же как и для изразцовой мозаики, характерны растительный, геометрический и эпиграфический виды орнаментов. Кроме того, выделяется смешанный тип майолики на кашине, соединяющий в себе подглазурную и надглазурную роспись. Для него характерен, в большинстве случаев, растительный орнамент, иногда сочетающийся с геометрическим и эпиграфическим (Носкова, 1976. С. 20, 21).

Резной ганч представлен плиткой сероватого алебастра (1 находка). Чаще всего такие плитки имели резной и ажурный орнамент в виде кругов и криволинейных фигур. Также использовался мотив правильных геометрических решеток, широко распространенный в средневековом мусульманском мире. Ганчевыми плитками оформлялись внутренние стены зданий, реже наружные (Федоров-Давыдов, 1994. С. 152).

Многочисленные и разнообразные находки богатого архитектурного декора на раскопе XLVII позволяют нам предположить, что в золотоордынское время здесь находился крупный архитектурный жилой комплекс, возможно, дворец одного из столичных аристократов.

Воскресенский А.С., 1967. Полихромные майолики золотоордынского Поволжья // СА. № 2. С. 79–90

Ельников М.В., 2013. Строительная кашинная керамика городища Конские Воды // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдилов. Казань; Кишинев: «Stratum plus», «Высшая антропологическая школа». С. 363–380.

Носкова Л.М., 1972. Поливной архитектурный декор из Сарай-Бату (Селитренное городище) // СА. № 1. С. 171–184.

Носкова Л.М., 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. С. 7–37.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ. 232 с

Д.В. Иोजица

*Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
arhi-arhi@mail.ru*

НОВЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ХРАМА У ГОРЫ КИЛЬСА-КАЯ (СУДАК). ПРОПОРЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХРАМА

В 2016 г. на восточном склоне балки у западного подножия горы Килися-Кая выявлен христианский храм, датируемый серединой XIII – XVII в. В 2018 г. выполнена его графическая фиксация.

Археологически здание представлено трехнефным трехапсидным храмом с выступающими апсидами с востока и притвором с запада. Общие размеры храма с апсидами:

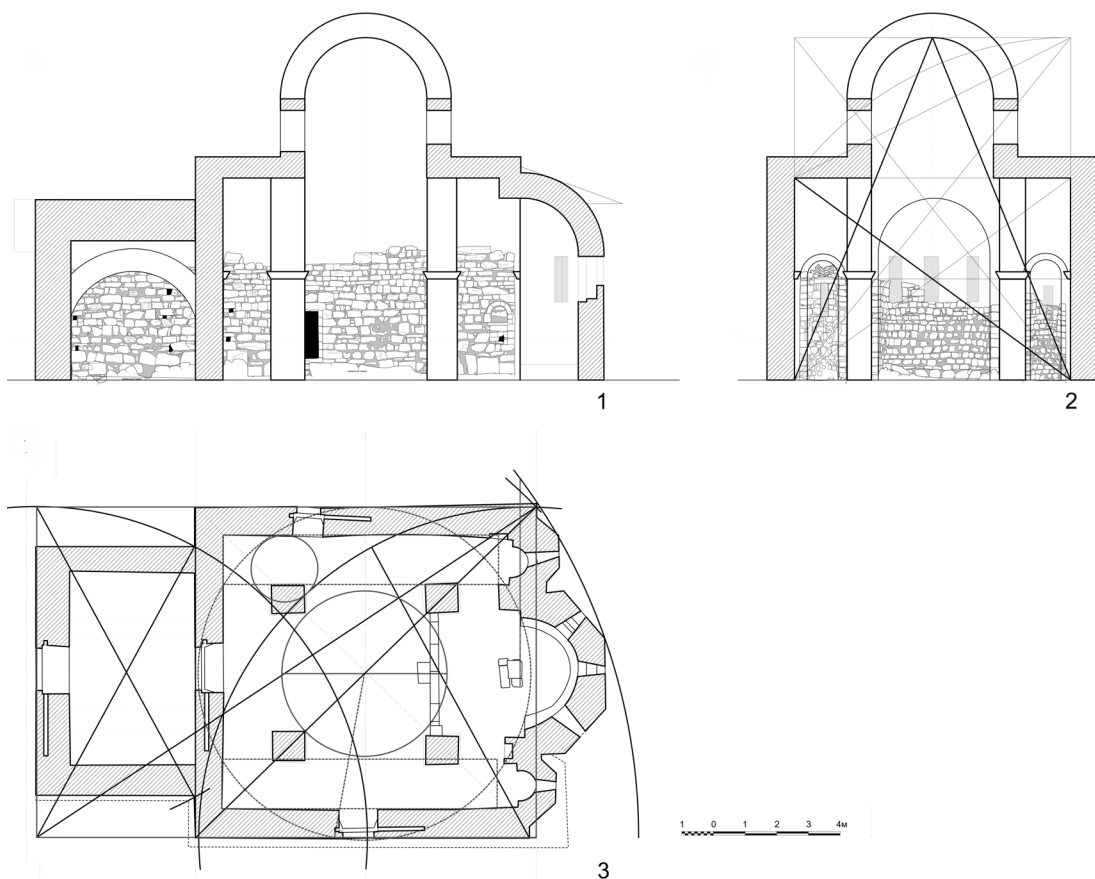

Рис. 1. Храм у горы Кильса-Кая (г. Судак). Пропорциональное построение.

1 – проекционное построение продольного сечения храма; 2 – схема построение пропорций по Н. Муцопулусу; 3 – ступоватая соподчиненность плана.

внешние – 17.95×11.19 м, внутренние – 8.60×10.5 м. Притвор: внешние – 7.80×5.00 м, внутренние – 6.12×3.95 м. Храм направлен по оси запад – восток, азимут 3° .

Кладка стен храма и притвора дупанцирная трехслойная с забутовкой из мелкого бута. Возводилось здание из местного камня трех видов: песчаника, ракушечника и вулканического туфа на известковом растворе с примесью мелкой (до 2 мм) гальки серого цвета. Порядовка кладки ярко выражена. Толщина кладки основного здания храма – 0.83–1.04 м, притвора 0.76–1.04 м.

Размеры нефов до алтарных пилястр следующие: северный и южный – 1.50×8.60 м, центральный – 3.60×8.60 м. Центральная апсида выступает на 1.50 м от фасадной линии боковых апсид. Размеры заплечиков 0.43 и 0.37 м. Храм имеет четыре столба размерами в пределах 1.02×0.92 м. Столбы сохранились на высоту до 3.10 м. В основании всех колонн имеется невысокий фундамент, выступающий по всему периметру в пределах 0.10 м.

В притворе были расположены две арки, от которых *in situ* сохранились пяты этих арочных конструкций. В культовом сооружении имелось четыре дверных проема, один из которых расположен в притворе. Два дверных проема расположены друг напротив друга по оси запад – восток, еще два – по оси север – юг, с небольшим смещением относительно друг друга.

Все дверные проемы имеют почти прямоугольное в плане сечение. Ширина центральных входов в пределах 1.35 м, боковых – 0.75–0.98 м. Толщина проемов 0.91–1.10 м. Ширина порога 0.20 м. Дверное полотно, вероятно, было двустворчатое, на что указывают треугольные в плане «стоперы», а также небольшие круглые углубления по бокам проема, вероятно, от вертикальных стоек, на которые крепились дверные полотна. В торцах всех проемов имеются прямоугольные углубления от конструкции затвора

двери, закрывавшегося слева направо. В центральных дверных проемах храма сохранились *in situ* impostы и пяты подпружной арки. Дверной проем, расположенный в северной стене, сохранился полностью. Ширина по внешней линии фасада составляет 0.75 м, по внутренней – 0.95 м, толщина – 0.93 м. Высота проема – 1.70 м. Над проемом имеется прямоугольная ниша размерами 0.58 × 0.37 м, высотой 0.38 м. Отличительная черта конструкции этого дверного проема – наличие внутреннего порога высотой около 0.55 м. Интересно отметить, что затвор закрывался справа налево.

Все оконные проемы, сохранившиеся только в апсидах, имеют трапециевидную в плане конфигурацию, расширяющуюся вовнутрь, и ступенчатый подоконник. Интересно отметить, что линии оснований окон варьируются в пределах 0.50 м.

Интерьер храма представлен одноступенчатым синтроном, основанием престола, алтарной преградой и солеей. Храм внутри был оштукатурен и расписан. *In situ* сохранились некоторые фрагменты в северной апсиде и возле дверного проема на северной стене храма. Пол выполнен из плит.

Наибольшая высота зафиксирована в северной стене – 4.60 м. Практически полностью сохранилась высота до внутренней линии свода конхи северной апсиды.

Единственная реконструкция архитектурного объема храма (Майко, Карнаушенко, 2018. С. 109–114) требует целого ряда уточнений. Крестово-купольная храмовая система в византийском зодчестве окончательно формируется к X в. и становится ведущим образом общей архитектурной концепции, на основе которой в дальнейшем развивались новые особенности архитектуры. Безусловно, зодчество византийских провинций в сильной степени зависело от столичной архитектуры, хотя в нем ясно проявлялись и локальные особенности. Несмотря на это, практически во всех сооружениях наблюдается упорядоченная система пропорций.

Известно, что соотношение пропорций исчислялось как применением модуля, так и геометрическим способом, кратным стофутовой мере¹. Для анализа планировочной структуры храма у горы Кильса-Кая применимы оба способа.

Первый способ. Чаще всего размеры храмов IX–XII вв. соотносятся со стофутовой мерой как 1/3, иногда 1/2 или 1/6 от 100 футов (Полевой, 1973. С. 163). Как правило, эти традиционные меры применяются для определения длины храма. Обмеры храма 2018 г. показали, что от притвора до северного заплечика по внешнему контуру храм вписывается в прямоугольник, длина которого равна 15 м, что соотносится со стофутовой мерой как 1/2. Его диагональ равна радиусу окружности, по касательной которой вписываются внешние углы апсид. Основное здание храма вписывается в квадрат, сторона которого радиально определяет расположение притвора, если радиус расположен на внешнем углу основного здания храма. Также в этот квадрат вписывается окружность диаметром 10.41 м, что в два раза больше диаметра подкупольного пространства (рис. 1: 3).

Второй способ основан на «Правиле Муцопулоса», которое гласит, что пропорции многих средневизантийских храмов определяются их планом и высотой опор (Mutschopoulos, 1962. S. 274–291). В основу построения высоты храма положен равнобедренный треугольник, построенный на ширине здания. Вершину треугольника отмечает замковый камень главного купола. При этом стороны треугольника проходят через точки пересечения основания купола и крестообразного свода (эти точки обозначают диаметр купола и высоту сводов). В поперечном разрезе храма образуется прямоугольник, ограниченный полом, боковыми стенами и вершинами сводов. Точка пересечения диагонали этого прямоугольника со стороной треугольника отмечает высоту сводов угловых помещений храма и позволяет отсчитать толщину подкупольных опор. Точка пересечения друг с другом диагоналей прямоугольника определяет высоту колонн, на которые опирается купол. Установлено, что высота апсиды и боковых нефов храма равнялись ширине среднего нефа, высота среднего нефа – ширине среднего и бокового нефов (рис. 1: 1, 2; Полевой, 1973. С. 26).

¹ В основе меры использовали греческий (0.31 м) и византийский (0.32 м) фут.

Таким образом, расчетная высота храма до замкового камня купола составляет 10.90 м. Барабан высотой около 2.00 м. Высота боковых нефов около 6.40 м. В подтверждение расчетов отметим, что в северной пилястре *in situ* сохранилась пята карниза, которая позволяет говорить о высоте столбов (3.18 м), что составляет 1/2 высоты общего объема храма.

Майко В.В., Карнаушенко Э.Н., 2018. Вариант реконструкции храма у подножия горы Килисакая близ города Судак // *ΧερσωνοσΘεματα: империя и полис*. Севастополь. С. 109–114.
Полевой В.М., 1973. *Искусство Греции. Средние века*. М.: Искусство. 352 с.
Mutsopoulos N., 1962. *Harmonische Bauschnitte in der Kirchen vom Typ kreuzförmigen Innenbaus im griechischen Kernland* // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 55. S. 274–291.

Д. Исмаилов

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
ismailov_dm@mail.ru

САБЛЯ БЕЗ ГАРДЫ ИЗ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНАТОРСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹

Вооружение и тактика кочевников Великой Степи изучаются в отечественной науке давно и плодотворно. Однако некоторые вопросы, связанные с особенностями конструкции и декоративного оформления клинкового оружия кочевников Казахстана, исследованы еще недостаточно. Так, актуальным для современных археологических и оружейно-ведческих исследований является введение в научный оборот вооружения населения российско-казахского пограничья эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, Исмаилов, 2016. С. 203–210; Бобров, Пронин, 2012. С. 572–581; Бобров, Шереметьев, 2013. С. 223–245; Исмаилов, 2018а. С. 75–77; 2018б. С. 214–217).

В фондах Оренбургского губернаторского музея хранится сабля (Мв 122 ОРОМ 3477/1,2), представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных военных историков, археологов и оружейников. Данный образец длинноклинкового оружия пока не становился объектом специального научного исследования. Цель настоящей работы – ввести информацию о сабле в научный оборот, уточнить ее датировку и атрибуцию².

По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к сильноизогнутым клинкам с остроугольным острием (рис. 1). Общая длина сабли – 855 мм. Клинок стальной, цельнокованый, патинированный, в сечении треугольный, его длина – 745 мм. Елмань, долы, орнамент, рисунки и надписи отсутствуют, на клинке фиксируются сколы и выбоины. Ширина клинка у основания рукояти, в центральной части и у острия – 33 мм, 27 мм, 21 мм соответственно. Толщина обуха у рукояти – 4 мм, в центральной части и у острия – 4 мм, 3 мм соответственно. Почти прямой клинок начинает сильно изгибаться в центральной части и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы.

Рукоять простая, ее длина – 11 мм, с небольшим загибом под мизинец, направленным в сторону лезвия, что придает всей рукояти характерную Г-образную форму, однако стоит отметить, что у рассматриваемого образца отсутствует стальной наконечник на вершине. «Щечки» рукояти выполнены из дерева (толщина – 12 мм). Они крепятся к хвостовику с помощью двух пар металлических заклепок, одна из которых расположена возле клинка, а вторая ближе к наконечнику. Толщина хвостовика варьируется от 5 мм до 7 мм.

Ножны состоят из двух деревянных пластин (плашек), обтянутых кожей темно-коричневого цвета, которая имеет повреждения. Общая длина – 745 мм. Толщина ножен

¹ Исследование проведено в рамках Государственного задания в сфере научной деятельности (проект №33.5677.2017/8.9).

² Пользуясь случаем, автор выражает благодарность заместителю директора ОрГИКМ по хранению и реставрации музейных предметов Меньшакову Сергею Ивановичу за возможность ознакомления с этим изделием.

Рис. 1. Сабля с ножнами – общий вид (без масштаба).

у устья – 24 мм, ширина у устья, в центральной части, у острия – 43 мм, 45 мм, 25 мм соответственно.

Прибор ножен состоит из двух металлических обоймиц, ширина которых – 18 мм. На поверхности поля ножен по всей длине фиксируются выпуклые линии, которые выполнены не тиснением по коже, а вырезаны на деревянных плашках. Поле ножен без рисунков и надписей. Наконечник не сохранился.

Сабля из ОрГИКМ по форме клинка традиционна для переднеазиатских «шамширов» XVIII–XIX вв., но отличается от эталонных образцов рядом важных деталей (Анисимова, 2013. С. 158; Холодное оружие, 2006. С. 206, 207, 210). В частности, отсутствует металлический наконечник на навершии рукояти, который характерен для классических образцов иранских «шамширов» (Бобров, Пронин, 2012. С. 575. Рис. 1: 12, 14, 17, 18). «Щечки» рукояти выполнены из дерева, а не из рога или кости (Холодное оружие, 2006. С. 206, 207, 210), что показательно для сабель среднеазиатского производства (Бобров, Пронин, 2012. С. 205. Рис. 1: а, б). Форма «щечек» позволяет предположить, что гарда была демонтирована еще до их крепления к хвостовику «шамшира». Не исключено, что сабля могла некоторое время эксплуатироваться без гарды.

На основании типологического анализа сабля Мв 122 ОРОМ 3477/1,2 из фонда ОрГИКМ может быть отнесена к одному из вариантов классических переднеазиатских «шамширов». Наиболее вероятно, что она была изготовлена иранскими или среднеазиатскими мастерами в XVIII–XIX вв. и неоднократно подвергалась переделке.

Анисимова М.А., 2013. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант. 527 с.

Бобров Л.А., Исмаилов Д.М., 2016. Сабли тюркских кочевников XVIII–XIX веков из фондов национального музея Республики Казахстан и Историко-краеведческого музея Атырауской области // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 15. Вып. 5: Археология и этнография. С. 203–210.

Бобров Л.А., Пронин А.О., 2012. Типология казахских сабель XVI – середины XIX в. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: Периферия. С. 572–581.

Бобров Л.А., Шереметьев Д.А., 2013. Сабли казахских воинов из фондов РЭМ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 223–245.

Исмаилов Д., 2018а. Две сабли «шамширного» типа из Национального музея Республики Казахстан // Археология: Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ. С. 75–77.

Исмаилов Д., 2018б. Сабля-шамшир из бокейординского историко-музейного комплекса // XIII Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ. С. 214–217.

Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея, 2006. СПб.: МАК. 248 с.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА КИРОВА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Задача нашей работы – получение информации об уровне археологической изученности г. Кирова и картографирование проведенных исследований. В начальный период своего существования город занимал территорию, ограниченную с юга и севера оврагами (Засорным и Раздерихинским), с востока – крутым берегом р. Вятки, с запада – болотом. Образуя замкнутый многоугольник, вплотную друг к другу стояли срубы, заменявшие городскую стену (Тинский, 1976. С. 9).

Археологическое изучение Хлыновского кремля. Первые археологические наблюдения на территории кремля проведены в 1935 г. М.П. Грязновым. В 1956–1958 гг. Л.П. Гуссаковский заложил здесь два раскопа и шесть шурфов. В 1981–1983 гг. Л.Д. Макаровым заложен ряд разведочных шурфов, прослежен разрез вала и слоя Хлыновского городища на протяжении 207 м (по ул. Московской), исследован раскоп к югу от бывших архиерейских палат. В течение последнего десятилетия на территории кремля проведен ряд спасательных археологических раскопок: в 2012 г. А.Л. Кряжевских на ул. Спасской, 9; в 2013 г. С.Е. Перовошиковым (Проект, 2014. С. 11–13); в 2015 г. Р.В. Матвеевым на краю склона к оврагу Засора обнаружены остатки Покровской башни кремля. Работы М.П. Грязнова, С.Е. Перовошикова и Р.В. Матвеева не были доведены до материка (рис. 1: 1).

Археологическое изучение посада. Городской торг был вынесен за пределы укреплений кремля, здесь возник и развивался торговый и общественный центр. Уличная застройка формировалась вдоль основных дорог (Тинский, 1976. С. 15). Во второй половине XVII в. посад получил новые границы, расширившись к западу до современной Театральной площади. Система укреплений города складывалась на протяжении длительного времени. Она представляла собой распространенный тип подковообразных укреплений мысовых поселений. Основу оборонительной системы составляли земляные валы, усиленные тарасами (Тинский, 1976. С. 35).

Археологическое изучение территории посада начинается в 1935 г. и затрагивает систему посадских укреплений, разделяющих посадскую часть и Владимирскую сло-

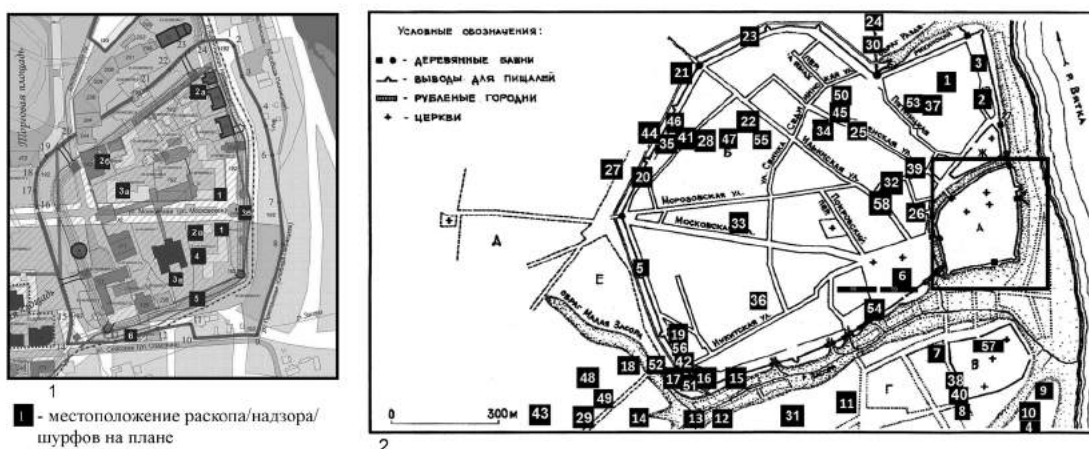

Рис. 1. Археологические работы в исторической части Кирова.

1 – территория Хлыновского кремля; 2 – план Хлынова 1676–1679 гг. (реконструкция А.Г. Тинского): А – кремль; Б – посад; В – Успенский монастырь; Г – Заоградная слободка; Д – Всевятская слободка; Е – Владимирская слободка; Ж – Преображенский монастырь.

Табл. 1. Археологические работы в исторической части Кирова

Хлыновский Кремль				
№	Год	Автор	Мощность культурного слоя (м)	Вид работ
1	1935	М.П. Грязнов	>3	Раскоп
2а	1956	Л.П. Гуссаковский	1.7	Шурфовка
2б	1957	Л.П. Гуссаковский	3	Раскоп
2в	1959	Л.П. Гуссаковский	3.5	Раскоп
3а	1981	Л.Д. Макаров	2	Шурфовка
3б	1983	Л.Д. Макаров	2.5	Раскоп
3в	1983	Л.Д. Макаров	6	Раскоп
4	2013	С.Е.Первошиков	>3	Раскоп
5	2015	Р.В. Матвеев	>2	Раскоп
6	2012	А.Л. Кряжевских	4.26	Раскоп
Историческая часть города				
№	Год	Адрес объекта	Мощность культурного слоя (м)	Вид работ
1	2012	Скульптура «Петр и Феврония Муромские»	1.64	Шурфовка
2	2010	Александровский сад	1.25	Наблюдения
3	1992	Александровский сад	2.55	Наблюдения
4	2000	Водопроводная, 21	1	Наблюдения
5	2012	Спасская, 36	2	Шурфовка
6	2011	Спасская, 15	>2.5	Наблюдения
7	2003	Урицкого, 3	2.6	Раскоп
8	2006	Урицкого, 19	2.1	Наблюдения
9	2016	Водопроводная, 4	0.6	Шурфовка
10	2015	Водопроводная, 17	1.9	Раскоп
11	1999	Ленина, 92	3.2	Наблюдения
12	2013	Угол Горбачева и Свободы	0.5	Шурфовка
13	2016	Володарского, 116б	0.5	Шурфовка
14	2001	Молодой гвардии, 41	2.2	Наблюдения
15	2003	Герцена, 22	2.7	Раскоп
16	2006	Герцена, 26	4.37	Раскоп
17	2005-06	Володарского, 108	5.2	Раскоп
18	1999	Герцена, 42а	2.45	Наблюдения
19	2012	Парк «Аполло»	2.59	Раскоп
20	2003	Володарского, 87	2.55	Раскоп
21	2003	Володарского, 4	2.15	Наблюдения
22	2006	Пятницкая, 27	1.2	Наблюдения
23	2007	Свободы, 47а	1.92	Раскоп
24	2006	Ленина, 52б	1.25	Наблюдения
25	1997	Пятницкая, 2	2.5	Наблюдения
26	1994	Московская, 3	4.44	Раскоп
27	1996	Преображенская, 40	2.75	Наблюдения
28	2015	Преображенская, 31	1.25	Шурфовка и наблюдения
29	2001	Молодой гвардии, 45	2.44	Наблюдения
30	1997	Ленина, 64	2.76	Наблюдения
31	2001	Молодой гвардии	2.25	Наблюдения
32	1994–95	Преображенская, 8	2.22	Наблюдения
33	1997	Московская, 23	3.77	Наблюдения
34	1997	Пятницкая, 7	2.5	Наблюдения
35	2000	Володарского, 84	2.25	Раскоп
36	1996	Угол Спасской и Свободы	2.4	Наблюдения
37	1999	Труда, 5	1.6	Наблюдения
38	1999	Урицкого, 11	1.4	Наблюдения
39	1999	Казанская, 59	1.92	Наблюдения
40	1999	Урицкого, 15	3.8	Наблюдения
41	1999	Преображенская, 33	2.4	Наблюдения
42	1998	Герцена, 21б	2.95	Наблюдения
43	1999	К. Либкнехта, 10б	2.24	Наблюдения
44	2002	Преображенская, 37	1.9	Раскоп
45	1992	Церковь Иоанна Предтечи	2.88	Шурфовка и наблюдения
46	1993	Преображенская, 34	2	Наблюдения
47	1997	Преображенская, 30а	2	Наблюдения
48	1994	К. Либкнехта, 93	1.2	Наблюдения
49	1994	К. Либкнехта, 102	1.44	Наблюдения
50	1994	Труда, 23	1.35	Наблюдения
51	2005	Герцена, 28	3.4	Раскоп

52	1995	Герцена, 33	2,55	Наблюдения
53	1995	Труда, 6	3	Наблюдения
54	1995	Спасская, 10а	2,7	Наблюдения
55	2000	Преображенская, 29	4,44	Наблюдения
56	2000	Герцена, 23/23а	1.36/1.72	Наблюдения
57	1990	Успенский монастырь	1,9	Шурфовка и наблюдения
58	1935	Центральная гостиница	>2	Наблюдения и раскоп
59	1986	Траншея по ул. Спасская	>2,5	Наблюдения
60	1989	Траншея по ул. Спасская	1,3	Наблюдения

Порядковые номера в таблице соответствуют номерам на рис. 1.
Даны современные названия улиц.

бодку, овраг Малая Засора, а также участки, прилегавшие к Преображенскому женскому монастырю, и приходские кладбища Покровской и Вознесенской церквей (рис. 1: 2). В 1990–2010-х годах регулярные исследования культурного слоя посада предпринимались Е.А. Кошелевой, Н.А. Ханом, Т.А. Медведевой, А.Л. Кряжевских. В 1992 г. проведены охранные работы в Александровском саду между мостом через Раздерихинский овраг и береговой ротондой, в ходе которых выявлены слои XV–XVIII вв. В начале 2000-х годов Е.А. Кошелева провела охранные исследования посадских укреплений, также исследована территория, прилегающая к Ильинской и Никитской проезжим башням.

В 1580 г. на южном берегу Засорного оврага, где располагалось одно из городских кладбищ и стояли две деревянные церковки, возникает Успенский мужской монастырь и активно застраивается Заоградная монастырская слободка. В 1989–1991 гг. в связи с реставрационными работами на территории монастыря проведены археологические исследования, прослежены следы пожарищ XVII в. и уточнены границы городского кладбища (Сенникова и др., 2018. С. 64). Ряд спасательных работ осуществлен в бывшей Заоградской слободе, что связано с активной хозяйственной деятельностью на ее территории (рис. 1: 2).

На данный момент неплохо изучены только территории вдоль высохшей реки Засоры, участки по линии земляных укреплений Большого города (посада) и внутри Малого города (кремля) (табл. 1). Археологическое изучение 2000–2010-х годов связано с новой застройкой города.

Всего в исторической части Кирова с 1935 по 2016 г. проведено 70 археологических исследований разного типа. Общая площадь раскопов (20) превышает 4500 кв. м. Практически везде обнаружены следы исторической городской застройки. Нами впервые предпринята попытка картографирования объектов и привязка вскрытых площадей к разновременным планам. В дальнейшем планируется провести анализ расположения отдельных археологических объектов относительно друг друга и их сочетания на разных хронологических этапах на всей территории города.

Проект границы территории выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации «Вятский (Хлыновский) кремль», 2014 // Фонды ОГАУК «НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской области». 20 с.

Сенникова Л.А., Кайсин А.О., Онуфриенко Ю.А., Жилина М.В., Борисова А.М., 2018. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря // Вестник гуманитарного образования. № 1. С. 64–75.

Тинский А.Г., 1976. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. 228 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОЙ АБХАЗСКОЙ СТЕНЫ В 2017–2018 ГОДАХ

Великая Абхазская (Келасурская) стена, расположенная в восточной части Республики Абхазия, является наиболее крупным по протяженности объектом историко-культурного наследия в стране.

Первые археологические раскопки на объектах Великой Абхазской стены провел А.А. Миллер 110 лет назад. У Приморской башни стены им была найдена поливная керамика (Миллер, 1908. С. 2). В.С. Орелкин в 1963 г. в составе экспедиции Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры по обследованию, инвентаризации и установлению охранных зон объектов Абхазской (Келасурской) стены заложил шурф в башне Багмаранского гарнизона, где обнаружил средневековую керамику. Ю.Н. Воронов и О.Х. Бгажба раскопали две башни (47, 53) на Мачаро-Пацхирском участке и получили позднесредневековые материалы (Бгажба, Воронов, 1980). В 2001 г. А.И. Джоуа исследовал башни 151–156, расположенные в пос. Аймара на правом берегу р. Дуаб (Джоуа, Ньюшков, 2014. С. 72–58). В 2014 г. в башне Тхубынского гарнизона экспедицией Государственного управления охраны памятников проведены охранно-изыскательские археологические исследования (научный руководитель О.Х. Бгажба, начальник экспедиции Г.А. Сангулия). Найденные материалы отнесены к средневековому периоду (Кайтан, 2014. С. 111).

В 2013–2015 гг. при поддержке РГНФ (проект № 13-06-00077) проводились обследования под руководством Г.В. Требелевой (определены GPS-координаты сохранившихся объектов – башен и стен, составлены планы, отобраны образцы для анализа связующего раствора). В те же годы разведками установлено, что укрепления Реч-абаа и Оджиху, ранее включавшиеся в систему Келасурской стены, к ней не относятся и отличаются

Рис. 1. Фрагмент стены в с. Хяцха Галского района.

планировкой, техникой кладки и ориентировкой (Требелева, Юрков, 2015. С. 365–383). Обнаружив остатки Келасурской стены в селах Пакуаш и Беслахубу, Г.В. Требелева заключила, что она имела другое направление и спускалась к морю в районе современного г. Очамчыра. Дополнительные методы исследования – химический анализ состава раствора, результаты шурфовок на башнях, сбор подъемного материала, пространственный анализ взаиморасположения самой стены с другими средневековыми памятниками, литературные данные позволили сделать вывод, что объект был сооружен в период раннего Средневековья, скорее всего, апсилами для охраны своей территории от кочевников и горцев (Требелева и др., 2017. С. 174–185).

В 2017 г. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии в рамках выполнения целевой программы «Финансово-материальное обеспечение научных исследований, проводимых молодыми учеными научных учреждений, подведомственных Академии наук Абхазии» исследовал раскопками три объекта Великой Абхазской стены. В ходе работ изучены Багмаранский гарнизон в с. Багмаран, Приморский участок у первой башни в с. Тхубын, а также крепостные стены в с. Хяцха Галского района. Последний объект ранее не был описан и исследован.

В результате раскопок обнаружены керамические фрагменты (в том числе поливной керамики), большое количество остеологического материала, металлические и каменные предметы. Количество выявленной поливной керамики в прибрежной части оказалось больше, чем в предгорной полосе прохождения стены. В результате анализа полученного материала открылась более подробная картина существования фортификационного сооружения. Стало очевидно, что стена функционировала в разные периоды истории Абхазии. Основной археологический материал, выявленный во время раскопок 2017 г., датирует конкретные участки стены эпохой развитого Средневековья, то есть XI–XIII вв. На эту дату указывает концентрация поливной керамики.

Для уточнения линии прохождения объектов Великой Абхазской стены было решено обследовать вновь выявленный крепостной объект в с. Хяцха Галского района. Место для возведения данного сооружения было выбрано не случайно: оно протянулось вдоль холма, откуда открывается хороший вид на долину. Крепостное сооружение по своим параметрам и стилю кладки схоже с объектами Великой Абхазской стены. Здесь произведены обмерные работы и заложены два шурфа. Один из них дал незначительный археологический материал, состоявший из мелких обломков керамики предположительно средневекового периода. Определено, что в наиболее сохранившейся части высота стены составляла более 2.5 м. На месте закладки шурфа 1 высота стены от уровня почвы составила 0.5 м, толщина – 0.9 м (рис. 1).

Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии им. Д.И. Гулиа в рамках научно-исследовательской работы, рассчитанной на 2018 г., провел новые археологические исследования Великой Абхазской стены. Раскопки производились на Келасурском гарнизонном укреплении в с. Багмаран. Его площадь составляет 1 га. В гарнизонной зоне имеются две башни (6 и 7, по Ю.Н. Воронову). Более подробно в 2018 г. удалось исследовать сильно разрушенную башню 7 в северной части укрепления. Археологический материал, выявленный здесь, состоял, прежде всего, из керамических, металлических и каменных предметов, а также костей. Основную массу керамических фрагментов можно отнести к XI–XIII вв., однако это не исключает, что Великая Абхазская стена была построена раньше, так как на других ее объектах найдены фрагменты более раннего периода (Кайтан, 2014. С. 253).

Великая Абхазская стена является одним из перспективных памятников, ее дальнейшее изучение способно пролить свет на социальную, военно-политическую и экономическую историю периода ее функционирования. Благодаря исследованиям 2017–2018 гг. получена информация, дополняющая пока еще скудные археологические данные об этом сооружении. Разгадка вопроса о времени возведения и роли этого уникального фортификационного сооружения крайне важна для точного освещения определенного этапа истории Абхазии и всего Кавказа.

- Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н., 1980. Памятники села Герзеул. Сухуми.
- Воронов Ю.Н., 1973. Келасурская стена // СА. № 2. С. 100–122.
- Миллер А.А., 1908. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья // Живая старина. № 1. СПб. С. 132–136.
- Джопуа А.И., Ньюшков В.А., 2014. Великая Абхазская стена: Члоуский участок // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. Краснодар. С. 72–85.
- Кайтан Ш.Г., 2014. О позднесредневековой версии происхождения Великой Абхазской стены (проблемы выявления и сохранения) // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар. С. 109–113.
- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., 2015. По Великой Абхазской (Келасурской) стене: от р. Келасур до р. Улыс и проблема восточного конца // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1. М.; Магнитогорск; Новосибирск. С. 365–383.
- Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю., 2017. Результаты исследования Великой Абхазской (Келасурской) стены 2013–2015 гг. и вопросы границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3. М.; Магнитогорск; Новосибирск. С. 174–185.

А.Ю. Кононович

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
Kononovich@hermitage.ru*

ГЛИНЯНАЯ ФИГУРКА С ГОРОДИЩА БЛИЗ ШЕПЕТОВКИ¹

В 1960 г. на посаде городища у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. Украины (М.К. Каргер предполагал его связь с летописным городом Изяславль) найдена глиняная игрушка с зеленой поливой, изображающая человека, сидящего верхом на бочке (ГП-60/2-полевой номер, инв. № ЭРА 34-3019) (рис. 1: 1). По краям бочки прочерченными линиями обозначены обода (по два с каждой стороны). С лицевой стороны она имеет отверстие, воронковидное отверстие есть также в верхней части. Исходя из устройства, можно заключить, что перед нами водовозная бочка.

Подробной информации о контексте находки нет. Из полевой документации следует, что игрушка найдена в квадрате М (в круге) –44, на глубине 0.4 м. На том же уровне в том же квадрате обнаружены еще фрагмент бронзового пластинчатого браслета, костяное пряслице и железный инструмент. На единственном сводном плане видно, что никаких комплексов здесь не выявлено, однако в соседнем квадрате и частично в рассматриваемом зафиксирован человеческий костяк со сложенными на груди руками, вытянутыми ногами, головой на запад, – возможно, погребение.

Впервые фигурка была опубликована в каталоге выставки «Древнерусский город Изяславль» как детская игрушка (Миролюбов, 1983. С. 35). Р.Л. Розенфельдт также отмечал, что фигурку из «Изяславля» условно можно отнести к детским игрушкам, и называл ее «водовоз» (Розенфельдт, 1997. Табл. 81: 33). В.П. Даркевич в исследовании, посвященном народной культуре Средневековья, описывая народные праздники, приводит в пример фигурку человека, сидящего на бочке, как образ «славянского Вакха». Он пишет, что, возможно, фигурка связана с представлениями о каком-то языческом божестве с «дионической» функцией и о том, что несомненна ее связь с народно-праздничной, пиршественной темой (Даркевич, 1988. С. 126–127). На картинах Й. Босха («Аллегория чревоугодия и любострастия» XV в.) и П. Брейгеля («Битва Масленицы и Поста» XVI в.) изображен сидящий на бочке человек. Как источник наибольшее значение фигурка из

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00753 «Большое Шепетовское городище: материалы и исследования (результаты раскопок М.К. Каргера 1957–1964 гг.)».

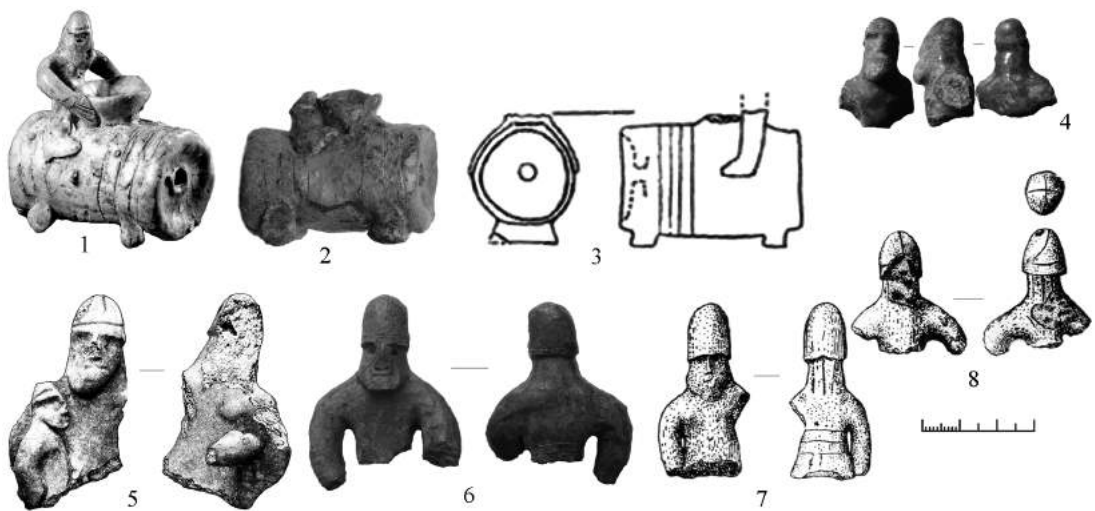

Рис. 1. Глиняные фигурки.

1 – «Изяславль» (фото автора); 2 – Рюриково городище (Дорофеева, 2017. Рис. 14: 13); 3 – Дорогобуж (Прищепа, 2011. Рис. 157: 12); 4 – Вщиж (Гурьянов, Шинаков, 2015. Рис. 1: 12); 5 – Киев, Феодания (Ивакин и др., 2017. Рис. 16); 6 – Киев, раскопки Д.В. Милеева (фото автора); 7, 8 – Дрогичин (Musianowicz, 1955. Rys. XLV: 1, 2).

Изяславля приобрела в исследованиях, связанных с изучением древнерусского головного убора. О.А. Брайчевская пишет, что на ней изображен головной убор в виде шапки с меховым околышем (Брайчевська, 1993. С. 112–117).

На территории Древнерусского государства известны три аналогичных фигурки. Первая происходит из культурного слоя XII – первой половины XIII в. Дорогобужа. Сохранилась только бочка и нижняя часть ног человеческой фигурки (рис. 1: 3). Отметим, что вместе с ней в Дорогобуже обнаружили фигурку всадника с зеленой поливой (Прищепа, 2011. С. 162. Рис. 157: 12). Вторая находка сделана на Рюриковом городище при разборке мешаного слоя около основания большой постройки, входившей в комплекс княжеского двора, датированного последней третью XII – началом XIII в. (рис. 1: 2). Сохранилась только нижняя часть фигурки (Дорофеева, 2017. С. 250, 251. Рис. 14: 13). Третья фигурка происходит из культурного слоя XII–XIII вв. окольного города Вщижа (рис. 1: 4). Сохранилась только верхняя часть фигурки человека, однако по размерам предмета и характерным чертам, таким как зеленая полива, приемы изображения лица и форма головного убора, данную вещь можно отнести к рассматриваемому кругу (Гурьянов, Шинаков, 2015. С. 126. Рис. 1: 12).

Помимо названных выше признаков перечисленные фигурки также объединяет одну группу наличие на каждой из них двух вертикальных прочерченных линий на шее человека, трех горизонтальных линий в области пояса и двух горизонтальных линий на кистях (в случае, если эти части сохранились). Такие же прочерченные линии присутствуют у другой разновидности поливных игрушек – у поясных фигурок, изображающих воинов (рис. 1: 5–8). Нам известно, по крайней мере, 10 подобных изделий, которые происходят, в основном, из культурных слоев древнерусских городов¹. Изображение головных уборов, однако, у них может различаться. М.А. Плавинский показывает, что на рассматриваемых фигурках изображены шлемы яйцевидной формы (Плавинский, 2001. С. 139, 140).

Помимо приведенных выше известны конные воины и фигурки-идолы, также покрытые поливой. Особо отметим экземпляр, найденный в 2014 г. в исторической области

¹ Киев – 4 экз. (Пескова, 2012. Илл. 8: 5; Брайчевська, 1993. Рис. 3: 5; 4:1; Ивакин и др., 2017. Рис. 16); Дрогичин – 2 экз. (Musianowicz, 1955. Rys. XLV: 1, 2); Галич (Пастернак, 1998. С. 255. Рис. 85); Воишь (Довженко, Гончаров, 1966. С. 96); Волковыск (Зверуго, 1975. С. 73. Рис. 26: 9); Вышгород (здесь также была найдена антропоморфная фигурка меньшего размера, возможно, относящаяся к группе фигурок с бочкой) (Археология Украинской ССР, 1986. Рис. 74) и др.

Феофания в Киеве. Это сохранившаяся по пояс фигурка человека в шлеме, тоже с зеленой поливой. Она отличается от других находок тем, что человек держит на руках еще одну фигурку меньшего размера, также в шлеме (рис. 1: 5).

Таким образом, мы имеем несколько групп однотипных фигурок, в большинстве случаев изображающих воинов. Их объединяет техника изготовления, цвет глины, зеленая полива, одинаковое оформление лица и деталей защитного убора, а также контекст находки. Как правило, они происходят из культурного слоя крупных поселений или городов. Условно фигурки разделяются на несколько групп, которые могли изображать представителей разных членов дружины. Первая – человек, сидящий на бочке, возможно, виночерпий. Вторая группа – воины, пешие и всадники. Отдельно стоит экземпляр из Феофании. Такое разделение натолкнуло нас на мысль о том, что, возможно, мы имеем дело с фигурками для военно-стратегической игры. Для Средневековья известны разные стратегические игры, например, тавлеи, хнефатафл и шахматы. На о. Льюис в 1831 г. были обнаружены фигурки (78 штук) в виде королей, королев, епископов, рыцарей и др. Доказано, что они могли служить не только для игры в шахматы, но и в хнефатафл (Caldwell et al., 2013. P. 155–203).

Археология Украинской ССР, 1986. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев: Наукова думка, 575 с.

Брайчевська О.А., 1993. Вироби дрібної пластики, монети і актові печатки як джерело для вивчення чоловічих головних уборів давньоруського часу // Старожитності південної Русі. Чернігів: Сіверянська думка. С. 112–117.

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А., 2015. О раскопках на «окольном городе» Вщижа в 2014 г. (предварительное сообщение) // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. Брянск: БрГУ. С. 126–129.

Даркевич В.П., 1988. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука. 344 с.

Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське місто Воїнь. Київ: Наукова думка. 148 с.

Дорофеева Т.С., 2017. Приложение I. Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет // Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 250, 251.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск: Наука и техника. 144 с.

Івакін Г.Ю., Івакін В.Г., Бібіков Д.В., Баранов В.І., Зоценко І.В., Чміль Л.В., Оленич А.М., 2017. Матеріали науково-рятивних досліджень Архітектурно-археологічної експедиції 2016 р. в експозиції Археологічного музею ІА НАНУ // Археологія і давня історія України. Вып. 3 (24). Київ: ІА НАНУ. С. 133–146.

Миролюбов М.А., 1983. Древнерусский город Изяславль: Каталог выставки. Л.: ГЭ. 63 с.

Пастернак Я., 1998. Старий Галич. Археологічно-історичні досліді у 1850–1943. Івано-Франківськ: Плай. 348 с.

Пескова А.А., 2012. Малоизвестная коллекция находок из раскопок Д.В. Милеева в Киеве в 1908–1912 гг. (ОАВЕИС ГЭ, коллекция № 637) // Первые каменные храмы Древней Руси. Тр. ГЭ. LXV. СПб.: ГЭ. С. 185–210.

Плавінські М.А., 2001. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 16. Мінск. С. 139–140.

Прищепа Б.А., 2011. Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. Рівне: ПП ДМ. 250 с.

Пуцко В.Г., 1995. «До-история» русской глиняной игрушки // Родная старина. Материалы 1-й научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской обл. Калуга. С. 7–11.

Розенфельдт Р.Л., 1997. Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 114–119.

Caldwell D.H., Hall M.A., Wilkinson C.M., 2009. The Lewis Hoard of Gaming Pieces: A Re-examination of their Context, Meanings, Discovery and Manufacture // Medieval Archaeology. Vol. 53. P. 155–203.

Musianowicz K., 1955. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w roku 1954 w Drohiczyń, pow. Siemiatycze // Wiadomości archeologiczne. Bulletin archéologique Polonais. 12/3–4. S. 332–346.

ОБРАЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОШАЧЬИХ В ЮВЕЛИРНОМ ДЕЛЕ РУСИ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В XII–XIV ВЕКАХ

В эпоху Золотой Орды популярным видом украшения рук становятся пластинчатые браслеты с изображениями так называемых львиных личин. В литературе изделия получили название браслетов «булгарского типа» (Крамаровский, 1978. С. 46).

Пластинчатые браслеты, о которых пойдет речь в данной работе, в сечении имеют форму прямоугольника шириной 1–2 см. Изготавливались они в основном из тонкой ковanej пластины (Седова, 1981. С. 125) или литьем в форму. Орнаментация производилась путем литья, чеканки,ковки с гравировкой или штамповкой с использованием матрицы. Материал: золото, серебро, медь/бронза. Базовым украшением внешней стороны, полученным при литье, был выпуклый валик. Основными элементами декора браслета являются «львиные головы». Морда состоит из нескольких деталей (рис. 1: 1), комбинации которых определяют типы изображения. В нескольких случаях происходило максимальное упрощение и схематизация личины (рис. 1: 9). Каждый браслет уникален и зачастую обладает стилистическими чертами, характеризующими конкретного ювелира.

При детальном рассмотрении изображения (львиной личины), обнаруживаются следующие особенности.

1. На всех изделиях выделена шерсть животного, особое внимание уделяется длине ворса (рис. 1: 6).

2. Большая часть изображений (85%) в части носа и межбровья покрыта геометрическим рисунком в виде точек и кружков, нанесенных пуансоном. Зачастую они полностью покрывают морду, располагаясь на ней систематически или произвольно. Кроме того, встречаются экземпляры с радиальными кольцами, нанесенными на поверхность самого браслета (выше изображения личины), что может свидетельствовать об аналогичном рисунке на шерсти изображаемого животного (рис. 1: 4, 7, 8).

3. На всех изделиях отсутствует четко выраженная грива, присущая львам. Вместо этого есть стилизованное межбровье (рис. 1: 1В).

4. В некоторых случаях намеренно выделены уши (7–8%), в то время как у львов разглядеть их достаточно сложно из-за гривы.

Ранее факт изображения льва на браслетах и монетах не подвергался сомнению, но приведенные выше особенности заставляют усомниться в такой интерпретации.

Аналогичный образ встречается на створчатых браслетах и обручах Руси (рис. 1: 10). Малочисленность первых делает невозможным определение их датировок, однако, судя по некоторым данным, они относятся не ранее чем к XII в. Изделия стоят особняком среди древнерусских украшений, не пересекаясь стилистически ни с одной из категорий (Макарова, 1986. С. 99). Булгарские браслеты с львиными личинами – единственные сходные с ними по тематике и, в какой-то степени, композиционно.

Перечисленные выше особенности позволяют предположить, что перед нами – изображение барса. Кроме браслетов образ льва или барса встречается на других ювелирных (и не только) изделиях. Например, считается, что династическим символом владимиро-суздальских князей являлась фигура барса (Белецкий, 2005). На это указывают печати владимирской династии и рельеф, украшающий Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

Нужно отметить, что ареал обитания барса, по некоторым письменным источникам и данным зоологов, простирался на севере вплоть до Чернигова. Славянским и скандинавским народам эта крупная кошка была хорошо знакома, о чем свидетельствуют, например, Лаврентьевская летопись и сохранившиеся в ее составе труды Владимира Мономаха, а также скандинавские саги. В большей их части барс фигурирует как «лютый

зверь» или *óarga (úarga) dýr* (некоторые ученые полагают, что это иносказание – боязнь древних охотников озвучить сакральное имя грозного существа).

В 60-х или 70-х годах XIV в. Москва начала чеканить свою монету, на которой часто изображался барс как герб великих князей владимирских, чтобы подчеркнуть преемственность власти. Он сохраняется на русских монетах вплоть до конца XV в., что подтверждает серебряная монета Тверского княжества с отчеканенным на лицевой стороне барсом, кусающим себя за хвост.

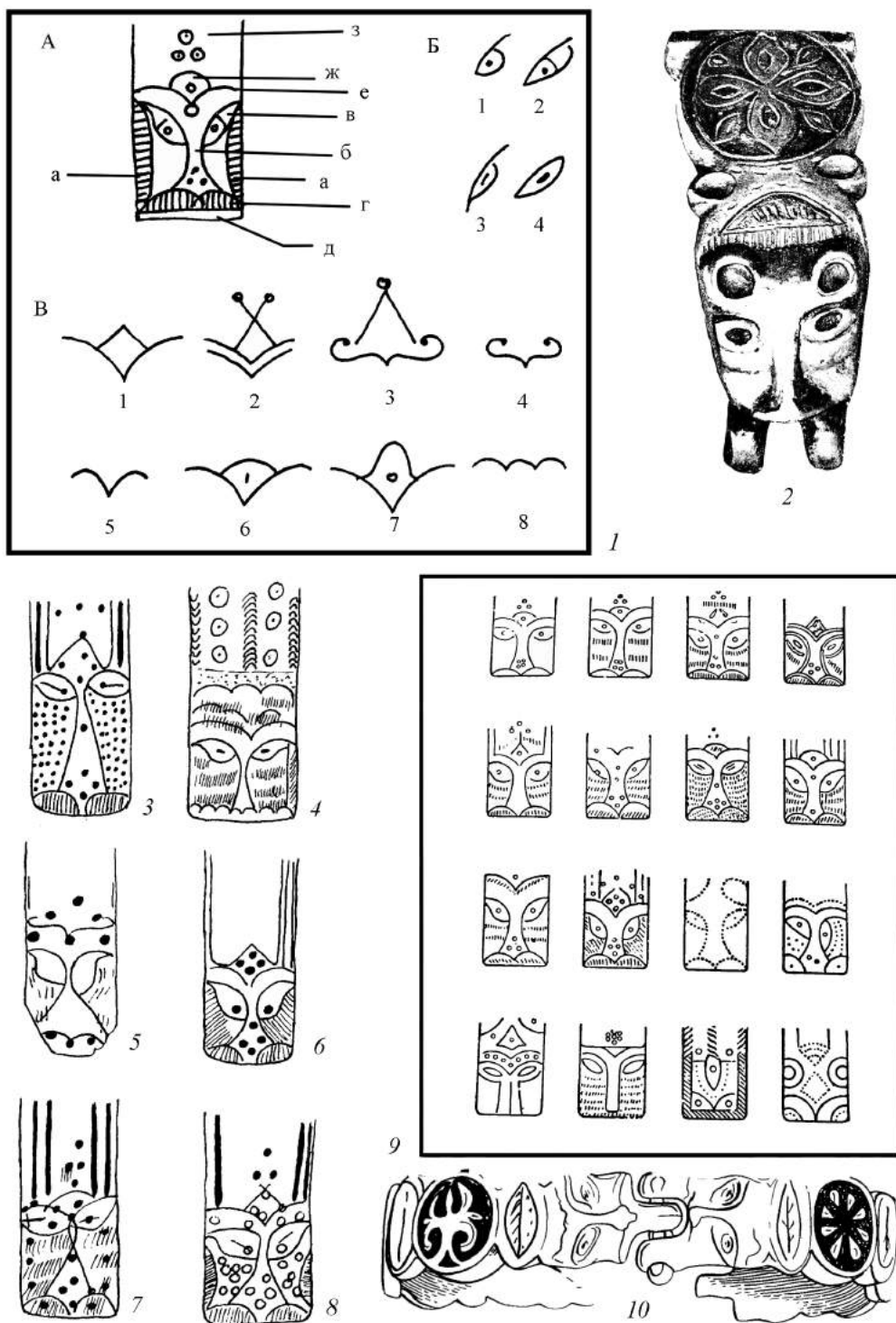

Рис. 1. Основные виды изображений кошачьих.

1 – щеки (а), нос (б), глаза (в), губы или подушечки верхней губы с усами (г), подбородок или нижняя губа (д), брови (е), межбровья (грива или челка гривы) (ж), загривок (з) (по: Руденко, 2015); 2, 10 – по: Макарова, 1986; 3–8 – рис. автора по: Руденко, 2015; 9 – по: Калинин, 1948.

На востоке русское государство соседствовало с Волжской Булгарией, где барс был тотемным животным одного из ведущих болгарских племен в Поволжье и на Среднем Кавказе – барсил. По мнению татарского историка Ш. Марджани, барс являлся знаком болгарских царей и часто изображался на штандартах и знаменах Булгарии. По-видимому, для отличия военно-племенных вождей от простых воинов в древности на изображениях барсов появился такой важный атрибут, как рог: изображение рогатого, а также крылатого барса стало символом власти.

Также образ барса встречается на монетах Золотой Орды. В 1280–1290 гг. в Болгаре ханом Мингу-Тимуром чеканится серебряный дирхем с изображением этой кошки. Далее мы видим барса на медных монетах (пулах) хана Узбека чеканки Сарая и более поздних (1363–1365 гг.) чеканки Азака с профилем льва/барса.

Опираясь на приведенные данные, можно предположить, что на браслетах «болгарского типа» изображался именно барс. Очевидно, что «кошачья» символика требует более тщательного исследования. В перспективе оно может помочь установить суть многих социальных и государственных процессов, а в случае разработки четкой типологии изображения, сузить границы датировки предметов.

Белецкий С., 2005. «Гербу» Господина Пскова 590 лет // «Псковская губерния». № 28 (247). 20 июля 2005 г.

Калинин Н.Ф., 1948. К вопросу о происхождении казанских татар. Казань. 150 с.

Крамаровский М.Г., 1978. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // Сообщения ГЭ. Т. XLIII. Л.: Аврора. С. 46–50.

Макарова Т.И., 1986. Черное дело древней Руси. М.: Наука. 156 с.

Руденко К.А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман. 528 с.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Д.О. Кутузова

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им В.М. Васильева, Йошкар-Ола
hotjak2012@mail.ru*

ХРОНОЛОГИЯ БУС МОГИЛЬНИКОВ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ВОЛГИ IX–XII ВЕКОВ

Могильники Нижняя Стрелка и Дубовский расположены на левом берегу р. Волга на территории Республики Марий Эл. Памятники относятся исследователями к древне-марийской культуре (Архипов, 1973; Никитина, 2012). В настоящей работе рассматриваются стеклянные бусы из этих могильников и их датирующие возможности. За основу классификации взяты работы Е.М. Алексеевой (1975), Ю.Л. Щаповой (1989), З.А. Львовой (1968).

Суммарное количество рассматриваемых бус – 258 экз. Коллекция Дубовского могильника включает 35 экз. из 10 погребений (33 экз.) и подъемный материал (2 экз.), Нижней Стрелки – 223 экз. из 6 погребений и 3 жертвенных комплексов (Архипов, 1963; 1981; 1982; Шикаева, 1988).

Бус из стекла – 216 экз. (83.7%), их можно разделить на две группы по наличию декора: группа I, без декора – 39 экз., (рис. 1: 1–14). По поперечному сечению они делятся на круглые (32 экз.) и граненые (7 экз.). Имеют форму: цилиндрическую (рис. 1: 1), шаровидную (рис. 1: 7, 8), зонную (рис. 1: 3–5, 9–12), лимоновидную (рис. 1: 6, 13), эллипсоидную (рис. 1: 14), призматическую (рис. 1: 2). Группа II, с декором – 177 экз., включает в себя бусы: с металлической прокладкой (рис. 1: 15–18), глазчатые (рис. 1: 19–32, 36, 37), продольно-полосатая лимоновидная (рис. 1: 33), с однократной поперечной линией (рис. 1: 35) и бусина с декором, нанесенным холодным способом (рис. 1: 34).

Бус из других материалов 42 экз. (12.3%): из кашина (рис. 1: 38, 39, 52, 53), металла (рис. 1: 40–44), янтаря (рис. 1: 51), поделочного камня (рис. 1: 45–50).

Могильник Нижняя Стрелка датируется IX–XII вв., Дубовский – X–XII вв. (Архипов, 1973. С. 65, Никитина, 2012. С. 73).

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.162-165

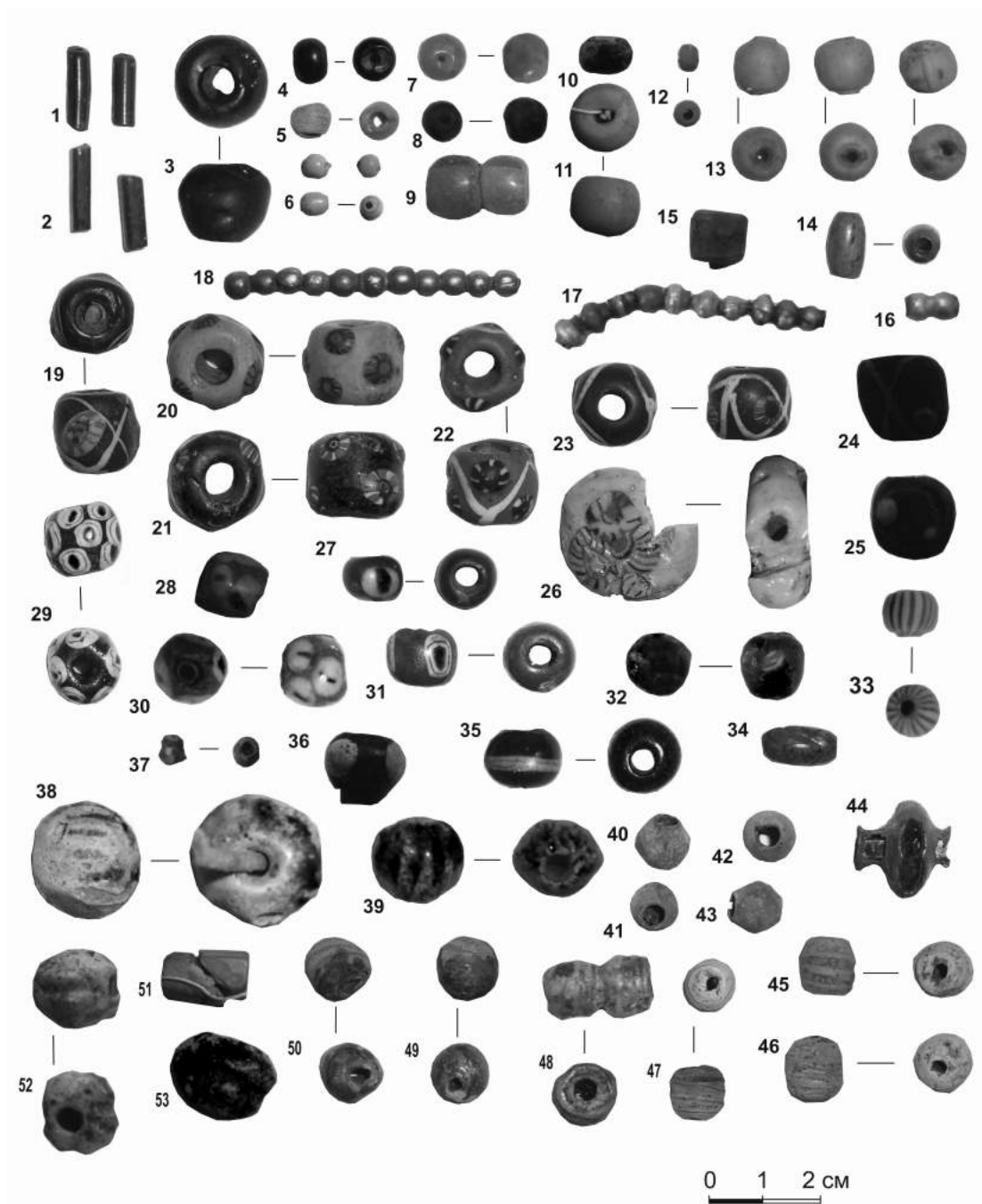

Рис. 1. Бусы из могильников левобережья Волги IX–XII веков.

Могильник Нижняя Стрелка: 1, 2, 16, 17, 31, 35, 38, 39, 45–50, 52 – п. 5; 3 – п. 38; 4, 6, 18 – ЖК 4; 5 – п. 2а; 28, 29 – ЖК 3; 28–31, 53 – 11а; 32, 40–43 – п. 17. Могильник Дубовский: 51 – п. 40; 19, 20–23 – п. 14; 7, 13, 14, 19, 27, 33, 34 – п. 58; 9, 11, 24 – п. 49; 25, 37 – п. 74; 26 – п. 57; 36 – кв. А1; 44 – п. 47; 8 – п. 70; 10 – п. 37; 12 – п. м.; 15 – п. 10.

1, 2, 3, 4, 6, 5, 7, 8, 9, 11, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20–23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 – стекло; 38, 39, 52, 53 – кашин; 40–43, 44 – металл; 45–50 – камень; 51 – янтарь.

Погребение 5 Нижней Стрелки по комплексу вещей относится к XI–XII вв. (Никитина, 2012. С. 68, 69). Лимоновидные бусы с металлической прокладкой из этого погребения по широкому кругу аналогий датируются исследователями X–XI вв. (Захаров, Кузина, 2008. рис. 169; Щапова, 1956. Табл. 2: 4; Самойлович, 2006. С. 381; Абдулова, 2012. С. 223; Альбом древностей, 1941. Табл. XII: 11).

Жертвенный комплекс 4 принадлежит второй половине X в. (Никитина, 2012. С. 66–67). Лимоновидные желтые бусы считаются хронологическим признаком X–XI вв.

(Щапова, 1956. С. 174; Кочкуркина, 1989. С. 256; Самойлович, 2006. С. 380; Мугуревич, 1965. С. 75. Табл. XI.26). Лимоновидные бусы с металлической прокладкой, как и в погребении 5, датируются X–XI вв.

Т.Б. Никитина предполагает появление змеиноголовых браслетов с орнаментом «волчий зуб» и височных колец с напускными бусами из погребения 11а не ранее конца XI в. (Никитина, 2012. С. 68). Бусы из этого погребения со слоисто-щитковыми глазками (рис. 1: 29) по аналогиям датируются с VIII по XI в. (Алихова, 1969. Табл. 22: 38; Валиулина, 1996. С. 145. Рис. 1: 41, 42, 45).

Бусы из погребения 58 Дубовского могильника датируются X–XI вв. (рис. 1: 19, 20, 21) (Львова, 1968. Рис. 4: 26. С. 77; Щапова, 1956. Табл. II. 5. С. 174; Голубева, 1973. Рис. 65; Захаров, 2004, рис. 315: 1–7; Самойлович, 2006. Рис. 1: 31–33; Лесман, 2006. С. 247, 248; Федоров-Давыдов, 1966. С. 73; Полубояринова, 1988. Рис. 81: 10; Абдулова, 2012. Цв. вкл. Д, 25, 26).

Таким образом, мы можем видеть, что датировки, полученные путем поиска аналогий бусам, не противоречат раннее полученным для могильников датам.

Абдулова С.И., 2012. Бусы Огурдинского могильника // Огурдинский могильник / Ред. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. Пермь: ПермГПУ. С. 221–233.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Вып. Г1-12). М.: Наука. 121 с.

Алихова А.Е., 1969. Материальная культура средне-циннской мордвы VIII–XI вв. Саранск: МКИ. 129 с.

Альбом древностей мордовского народа, 1941 / Отв. ред.: Ю.В. Готье, А.И. Яковлев. Саранск: Изд. Мордовского НИИ. 138 с.

Архипов Г.А., 1963. Отчет о раскопках Дубовского могильника, произведенных летом 1963 г. // Архипов Г.А., Халиков А.Х. Отчет о работах Марийской археологической экспедиции за 1963 год. Архив МарНИИЯЛИ. № 94.

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 197 с.

Архипов Г.А., 1981. Отчет о раскопках Дубовского могильника летом 1980 г. // Архипов Г.А., Шикаева Т.Б. Отчет Марийской археологической экспедиции за 1980 год. Архив МарНИИЯЛИ. № 576.

Архипов Г.А., 1982. Отчет о раскопках Дубовского могильника летом 1981 г. // Архипов Г.А., Шикаева Т.Б., Смирнова С.Ю., Соловьев Б.С. Отчет Марийской археологической экспедиции за 1981 год. Архив МарНИИЯЛИ, № 627.

Валиулина С.И., 1996. Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара. С. 134–147.

Голубева Л.А., 1973. Везь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука. 216 с.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 142–215.

Кочкуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск: Карелия. 347 с.

Лесман Ю.М., 2006. К хронологии одного из типов стеклянных бус // Археология верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.: ИА РАН. С. 244–252.

Львова З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. С. 64–94.

Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Зинатне. 145 с.

Никитина Т.Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань. 408 с.

Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 149–218.

Самойлович Н.Г., 2006. Стеклянные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья. М.: ИА РАН. С. 371–386.

- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ. 276 с.
- Шикаева Т.Б., 1988. Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 1987 году // Архив МарНИИЯЛИ. № 888.
- Щапова Ю.Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. № 55. С. 164–179.
- Щапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: Уч. пособие. М.: МГУ. 120 с.

В.В. Лавров

*Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
lavrovorg@yandex.ru*

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД К ТИПОЛОГИИ КУРИТЕЛЬНЫХ ТРУБОК

В отличие от другого археологического материала, внимание курительным трубкам стало уделяться лишь во второй половине XX в. К настоящему времени накопился определенный объем научной литературы, освещающей вопросы их производства, хронологии и интерпретации. При работе с данным массивом материала исследователь визуально определяет морфологию изделия и состав теста, а затем относит его к какой-либо группе или типу. При изучении курительных трубок определить состав теста весьма затруднительно по ряду причин: 1) для изготовления этих предметов использовалась хорошо отмученная глина, без явных примесей; 2) ввиду назначения изделия и его толщины в изломе трубка может иметь пережженный черепок. Соответственно, для разработки типологии в первую очередь исследователи опирались на морфологию трубок, но и здесь имеются определенные нюансы. Учитывая большое разнообразие фасонов и орнаментов и разницу формовочных масс, можно предположить, что центров производства этой разновидности предметов было на порядок больше, чем других групп керамического материала. Трубки могли изготавливаться и массово в больших центрах, и кустарно в «домашних» условиях, причем мастер, возможно, производил реплики известных «брендов» и выполнял индивидуальные изделия на заказ из разной формовочной массы. Предположить даже примерное количество фасонов не является возможным. Все эти факторы существенно усложнили работу исследователей.

Как сказано выше, для разработки типологии исследователи опирались, прежде всего, либо на фасон (морфологию) изделия (Hayes, 1980; Vikić, 2003; Gosse, 2007; Тодоров, 2010), либо на цвет черепка (Станчева, Медарова, 1968; Станчева, 1972; Илчева, 1975; Гусач, 2016). Возможно, для создания классификации следует использовать и иной показательный критерий – изменения в процессе табакокурения, повлиявшие на технологию производства трубок. Об этом говорит уменьшение угла в месте соединения ствола и чашечки трубки. Для ранних изделий характерен угол 90°, позже он уменьшается – около 80°, у наиболее поздних стремится к 45° (рис. 1). Логично предположить, что ранние трубки находились на уровне лица курильщика, затем постепенно опускались ниже, а уже более поздние изделия и вовсе ставились на пол. Соответственно, постепенно увеличивалась длина чубука, а чтобы табак не высыпался из чашечки, уменьшался угол между клиньями.

Табл. 1. Распределение курительных трубок по слоям Мангупского городища

Слой	Тип I, экз.	Тип II, экз.	Тип III, экз.	Всего
Слой 2	–	4	8	12
Слой 3	14	8	7	29
Слой 4	16	2	–	18
Всего	30	14	15	59

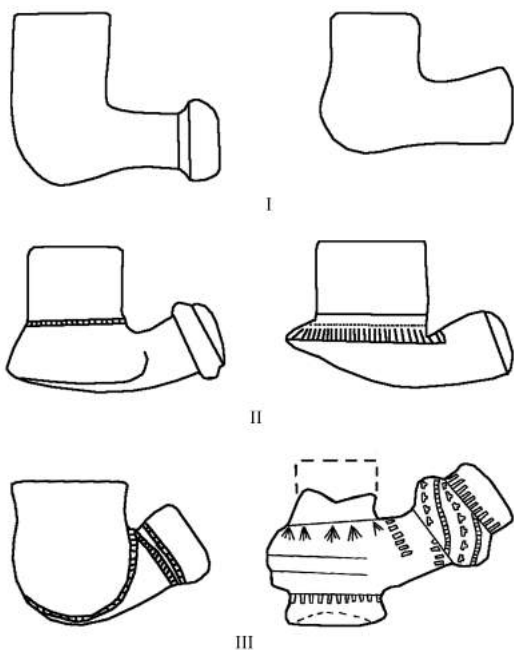

Рис. 1. Классификация курительных трубок.

Данные заключения сделаны на основе изучения коллекции трубок из раскопок в балке Табана-Дере Мангупского городища, насчитывающей 95 фрагментов. 20 из них не поддаются определению ввиду сильной фрагментированности. Участок раскопа в балке Табана-Дере отражает последний период функционирования городища – османский (1475–1792 гг.) (Герцен и др., 2015) и представляет собой «городскую свалку». Всего на площади раскопа (около 35 кв. м) выявлено шесть основных слоев, из которых три верхних (дерн, развал крепостной стены, погребенный дерн) являются балластными, то есть современными. Функционально слои 2, 3 и 4, насыщенные многочисленными прослойками и пятнами золы, гари, извести, определяются как последовательные горизонты «городской свалки». В северо-западной части раскопа каменным раскатом из бутового камня, явно искусственным по происхождению, 4-й слой разделен на два горизонта, имеющих одинаковую структуру, но в нижнем горизонте 4-го слоя отсутствуют курительные трубки. Из 70 фрагментов трубок только 59 (табл. 1) обнаружены в культурных слоях, остальные 16 находились в различных балластных горизонтах. Уменьшение со временем угла между стволом и чашечкой курительной трубки подтверждается стратиграфически. Предварительную хронологию типов трубок можно проследить благодаря нумизматическому материалу. Наиболее показательной является монета-бешлык Фетха II (1736–1737), извлеченная из 2-го слоя. В 4-м слое обнаружена еще одна важная для датировки комплекса монета – билонная акче выпуска крымского хана Мурад Гирая (1678–1683). Таким образом, можно предположить, что изделия типа I характерны для конца XVII в., типа II – для первой половины XVIII в., типа III – для середины XVIII в.

Безусловно, данные выводы носят предварительный характер, для их подтверждения необходим анализ более крупной стратифицированной коллекции.

- Волков И., 1999. Частная коллекция «Турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М. С. 226–253.
- Гусач И., 2016. Курительные трубки из османской крепости Азак (по материалам фонда Азовского музея-заповедника). Каталог коллекции. Азов. 360 с.
- Илчева В., 1975. Глинени лули от Велико Търново // Годишник на музеите от северна България. Кн. 1. Варна. С. 179–199.
- Станчева М., 1972. Колекцията от лули във Варненския музей. Изв. НМВ. Кн. VIII (XXIII). Варна. 82 с.
- Тодоров В., 2010. Характеристика на колекцията керамични лули от Силистра // Studia archaeologica universitatis serdicensis. Supplementum V. S. 813–826.
- Bikic V., 2003. Gradska keramika Beograda (16–17. v). Beograd. 187 s.
- Gosse Ph., 2007. Les pipes de la quarantaine. Fouilles du port antique de Pomegues (Marseille) // The Archeology of The Clay Tobacco Pipe XIX. BAR. International ser. 1590. Oxford. P. 340.
- Hayes J.W., 1980. Turkish Clay Pipes: A Provisional Typology // The Archeology of The Clay Tobacco Pipe IV. BAR. International ser. 92. Oxford. P. 3–11.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЧЖУРЧЖЭНСКИХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

Самым массовым после керамики материалом на большинстве памятников государства Восточного Ся (1215–1233 гг.) являются наконечники стрел. Формально-типологическая схема наконечников стрел впервые была создана А.Ф. Медведевым (Медведев, 1966). В дальнейшем все исследователи, классифицирующие наконечники стрел, ориентировались на эту систему.

Наиболее полная классификация чжурчжэньских наконечников разработана В.Э. Шавкуновым, который отмечал, что систематизация по формально-типологическим признакам может привести к ряду ошибок, и подчеркнул, что правильно было бы классифицировать наконечники, отталкиваясь от их изначальных функций (Шавкунов, 1993. С. 11, 12). Подобный подход был применен для стрел народов Западной Сибири (Соловьев, 1987. С. 34–35).

Целью данной работы является попытка рассмотреть вопрос о функциональном назначении чжурчжэньских наконечников стрел, их узкой специализации или многофункциональности. В основу исследования положены наконечники стрел из Красноярского, Шайгинского, Лазовского, Ананьевского, Скалистого городищ Приморского края, всего 1854 экз., 872 из которых исследовались впервые. Для функциональной идентификации наконечника главное значение имеют конструктивные элементы рабочей части, определяющие особенности формы пера, от которых зависела способность вонзаться в различные материалы. Мы сами поставили несколько экспериментов с копиями чжурчжэньских стрел, чтобы выявить их пробивные возможности. За основу классификации взято функциональное назначение стрелы – вид, который подразделяется на подвиды в зависимости от формы пера (табл. 1).

Вид 1 – боевые стрелы.

Подвид 1а – шиловидные, кинжаловидные, килевидные, пиковидные, трехлопастные наконечники стрел, имеющие длинную шейку и узкий заостренный проникающий. Они могли использоваться для поражения противника, одетого в мягкий доспех из органических материалов. Экспериментальная стрельба показала, что наконечники этих форм легко пробивают слои стеганой ткани и войлок. На тонкие желобки боковых граней кинжаловидных наконечников могла наноситься «отравленная паста» (Шавкунов, 1993. С. 27). Эти наконечники имеют очень короткие черешки¹, количество их невелико².

Подвид 1б – наконечники с треугольной боевой головкой, отвертковидные, долотовидные, клиновидные, пулевидные. Они имеют твердое, закаленное острие и могли применяться для поражения противника, одетого в металлический доспех. Наибольшее распространение у чжурчжэней получили долотовидные изделия. Проведенный эксперимент показал, чтоковка таких наконечников занимает меньше всего времени. Экспериментальная стрельба выявила, что простой долотовидный наконечник способен пробить стальной лист, но за преградой быстро теряет пробивную силу. Подобные стрелы могли изготавливаться специально для поражения противника в «двойных латах».

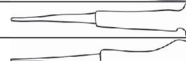

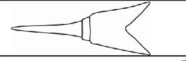

Подвид 1в – наконечники стрел, предназначенных для поражения коней противника. Следует сказать, что все стрелы для охоты на крупных зверей подходят и для поражения коней.

¹ Возможно, стрелы конструировались так намеренно, чтобы при попытке извлечения наконечник отделялся от древка, оставаясь в ране.

² Мы склонны предположить, что эти наконечники вышли из употребления, когда в дальневосточном регионе распространились доспехи из железных пластин.

Табл. 1. Функциональная классификация наконечников стрел чжурчжэней XII-XIII вв.

Вид	Подвид	Принятое название	Изображение
1	1a	Трехлопастные	
		Шиловидные круглого сечения	
		Шиловидные линзовидного сечения	
		Шиловидные квадратного сечения	
		Ланцетовидные	
		Кинжаловидные без желобков	
		Кинжаловидные с четырьмя желобками	
		Кинжаловидные с плечиками и двумя желобками	
		Кинжаловидные с плечиками и четырьмя желобками	
		Килевидные с длинной шейкой	
		Килевидные с короткой шейкой	
		Пиковидные	
	1б	С широкой треугольной головкой	
		С узкой треугольной головкой	
		Отвертковидные	
		Плоские долотовидные	
		Простые долотовидные	
		Миниатюрные долотовидные	
		Долотовидные с зубчатой головкой	
		Долотовидные с расширенной головкой	
		Долотовидные с Н-образным в сечении острием	
		Клиновидные	
		Пулевидные квадратного сечения	
		Пулевидные круглого сечения	
		Пулевидные ромбического сечения	
		Пулевидные ромбического сечения, с перехватом нижней части	
2	2a (1в?)	Большие двурогие срезни	
		Двурогие срезни с прямыми боковыми сторонами	
		Двурогие срезни с отверстием на перо	
		Простые вогнутые срезни	
		Прямые срезни с треугольным пером	
		Простые секторовидные срезни	
		Секторовидные срезни с плечиками и шейкой	
		Секторовидные срезни с отверстием на перо	
		Ромбические	
		Лавролистные	

2	2а (1в?)	Параболовидные с плечиками	
		Параболовидные с широким пером и короткой шейкой	
		Параболовидные с шипами	
		Параболовидные с плечиками, шейкой и фигурными шипами	
		Колокольчиковидные	
		Шлемовидные	
	2б (1в?)	Миниатюрные прямые срезни	
		Узкие тупоугольные срезни	
		Широкие тупоугольные срезни	
		Весловидные	
		Вытянуто- ромбические	
		Кунжутolistные	
		Иволистные	
		Иволистные с шейкой.	
		Ущербленно- лавролистные	
		Лавролистные с шейкой	
		Параболовидные с узким пером и длинной шейкой	
		Параболовидные с шипами и шейкой	
		Вытянуто- треугольные с плечиками	
	2в	Миниатюрные двурогие срезни	
		Двурогие срезни с подтреугольным пером	
		Двурогие срезни со свистунком на пере	
		Двурогие срезни с отверстием на пере	
		Вогнутые срезни со свистунком на пере	
	2г	Прямые срезни с треугольным пером, шейкой и шипами	
		Прямые срезни с подтреугольным пером и шипами	
		Прямые срезни ступенчатого сечения	
Прямые срезни с подпрямоугольным пером и шейкой			
Прямые срезни с усиленной головкой, шейкой и шипами			
3	-	Полые тетраэдровидные	

В еще один подвид можно было бы выделить наконечники стрел, предназначенных для поджога вражеских построек. Прямые срезни с треугольным пером, шейкой и шипами исследователи обозначают как зажигательные (Медведев, 1966. С. 52). Согласно исследованиям В.Г. Кищенко, наконечники зажигательных стрел должны иметь шипы (Кищенко, 2010. С. 49, 50) и длинную шейку для крепления зажигательного материала. У указанного типа наконечников данный элемент отсутствует; гораздо вероятнее, что они относятся к охотничьим. Также имеется предположение, что к колокольчиковидным наконечникам через круглое отверстие на перо мог привязываться мешочек с зажигательным составом, а отверстия на пере некоторых срезней служили для привязывания пропитанной горючим составом пакли (Шавкунов, 1993. С. 24). Но среди колокольчиковидных наконечников лишь отдельные экземпляры имеют подобное отверстие, а простая пакля не позволяет осуществить поджог постройки¹. Таким образом, среди чжурчжэньских наконечников нет таких, которые можно было бы однозначно определить как зажигательные, а предназначение отверстий на пере остается неясным.

Вид 2 – наконечники охотничьих стрел.

Подвид 2а – стрелы для добычи крупного зверя. К ним относятся крупные экземпляры всех типов срезней: двурогие, вогнутые, двухгорбые, прямые, секторовидные, тупоугольные, параболовидные. Они могли применяться для поражения вражеских коней, т.е. исполняли двойную функцию: применялись на охоте и на поле боя.

Подвид 2б – стрелы для добычи среднего зверя. Сюда следует отнести средние и малые экземпляры всех срезней, а также многие листовидные и некоторые параболовидные наконечники. Возможно их применение во время войны.

Подвид 2в – стрелы для добычи птицы. К ним относятся двурогие и вогнутые срезни средних и малых размеров.

Подвид 2г – стрелы для добычи крупной рыбы: маленькие узкие прямые срезни, снабженные шипами. Подобные наконечники до XVII–XVIII вв. применяли для рыбалки тунгусы (Идес, Брандт, 1967. С. 258).

Есть предположение, что наконечники, снабженные свистунками, использовались при охоте на мелких пушных зверей, чтобы свистом заставить их спускаться ниже по дереву. Такой метод применялся тувинцами до XIX в. (Вайнштейн, 1972. С. 191).

Вид 3 – наконечники, предназначенные для ритуальных целей. Этот вид самый малочисленный. К нему отнесены наконечники, форма, вес, размер и материал которых не позволяют применять их ни в бою, ни на охоте. Например, полый тетраэдровидный наконечник, сложная, лишённая поражающих элементов форма, большая масса и мягкий металл которого не позволяют отнести его ни к боевым, ни к охотничьим. Относятся к данному виду и долотовидные наконечники, отлитые из белой бронзы, которая у чжурчжэней была ценным металлом, из нее изготавливались украшения и культовые предметы. К ритуальным наконечникам можно отнести гигантский двурогий срезень, большие размеры и вес которого не позволяют использовать его для обычной стрельбы из лука.

Функциональный подход к классификации стрел дает возможность поставить вопрос о зависимости предназначения стрелы от формы наконечника. Многообразие форм наконечников показывает, что чжурчжэньское оружие дальнего боя было многофункциональным. Дальнейшие исследования в этом направлении помогут решить вопросы точного предназначения чжурчжэньских стрел и приблизиться к выполнению задачи полной реконструкции оружия дальнего боя.

Вайнштейн С.И., 1972. Историческая этнография тувинцев. М.: Наука. 314 с.

Идес И., Брандт А., 1967. Записки о русском посольстве в Китай. М.: Наука. 258 с.

Кищенко В.Г., 2010. Стрелы древних и средневековых культур Евразии: реконструкция. М.: «Искатель». 104 с.

¹ Открытое пламя при полете стрелы срывается с материала, поэтому народы, использовавшие зажигательные стрелы, применяли для этих целей закрытые емкости и фитили.

- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. САИ. Вып. Е1–36. М.: Наука. 184 с.
- Соловьев А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука. 194 с.
- Шавкунов В.Э., 1993. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука. 184 с.

М.П. Милованова
Институт археологии РАН, Москва
mashamil84@mail.ru

ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ МОГИЛЬНИКА КЛАДОВКА 2

Исследования могильника Кладовка 2 проводились Онежско–Сухонской экспедицией ИА РАН под руководством С.Д. Захарова и С.В. Меснянкиной в 2010 и 2013 гг. Могильник относится к поселению Крутик у д. Городище Кирилловского района Вологодской области. Он расположен на противоположном от поселения правом берегу р. Конки, на моренной гряде, и датируется концом X – началом XI в. По мнению Л.А. Голубевой, Крутик можно охарактеризовать как важнейший торгово-ремесленный протогородской центр, являющийся предшественником Белоозера и возникший на начальных этапах становления Древнерусского государства (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 118, 119). С.Д. Захаров полагает, что памятник является одним из начальных звеньев всей цепочки торговых связей региона (Захаров, 2012. С. 232).

Могильник Кладовка 2 выявлен в 2010 г. и не имеет внешних выраженных на поверхности признаков (Захаров и др., 2016. С. 174). Кроме этого некрополя в окрестностях Крутика известен могильник Кладовка 1, более крупный и более ранний, он относится к концу IX – X в. и связан с финно-угорскими поселенцами. Стоит отметить, что на обоих памятниках найдено большое количество ременной гарнитуры. Площадки могильников не распахивались ни после возобновления жизни в районе Крутика в XIV–XV вв., ни в Новейшее время (Захаров, Меснянкина, 2012. С. 18).

Площадь раскопа на Кладовке 2 – 49 кв. м. Исследованиями охвачена основная часть могильника, имевшего небольшие размеры. Погребения совершались по обряду кремации на стороне с поверхностным рассыпанием кальцинированных костей. Вместе с костями собраны оплавленные полностью или частично детали костюма и предметы быта. Наиболее многочисленной категорией находок являются металлические детали поясной гарнитуры. Общее количество предметов ременной гарнитуры, изготовленных из цветных металлов, – 65. Стоит отметить, что еще Л.А. Голубева особо отмечала раз-

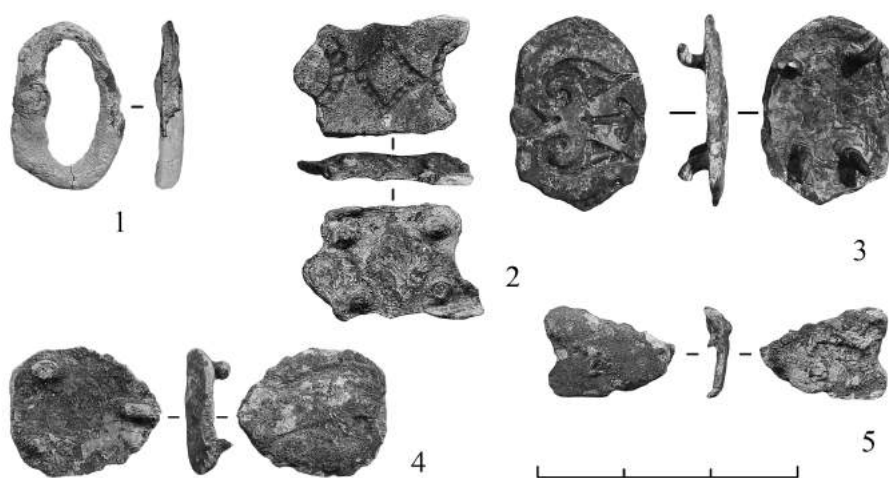

Рис. 1. Могильник Кладовка 2. Детали ременной гарнитуры.

1 – пряжка; 2–4 – накладки; 5 – поясной наконечник.

витие бронзолитейного мастерства и обширные торговые связи местных жителей (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 63.)

Несмотря на большое количество ременных накладок, пряжка за все время исследования могильника найдена только одна (рис. 1: 1) Ее можно охарактеризовать как пряжку ременную бронзовую одночастную полуовальную. Она принадлежит к подъемному материалу, имеет относительно неплохую сохранность.

Также из могильника происходит фрагмент бронзового ременного наконечника (рис. 1: 5). Он имеет треугольную форму и подтреугольный вырез, поверхность гладкая, оплавлен средне. Аналогии находятся в могильниках Марийского Поволжья X–XI вв. и в Семеновском 1 селище (Казаков, 1991. С. 130).

Общее количество ременных накладок – 63. Полную сохранность имеют лишь 15 из них, но большую часть фрагментов можно идентифицировать. Накладки собраны по всей площади раскопа; среди них выделяются однотипные украшения, относящиеся к двум поясным наборам.

К первому виду принадлежат 29 накладок (рис. 1: 2) – ременные бронзовые с бортиком прямоугольные с зубчатым краем, выемкой и выступом на коротких сторонах и углубленным геометрическим декором. Идентичные изделия известны в Болгаре, Семеновском 1 городище и Прикамье: Мало-Аниковском и Пановском могильниках. Тип датируется второй половиной X – XI в. (Мурашева, 2000. С. 54).

Ко второму виду относятся также 29 накладок – ременные бронзовые с бортиком пятиугольные с выпуклым лилиевидным декором. Они близки типу 04 по В.В. Мурашевой, но не идентичны (Мурашева, 2000. С. 52). Аналогии можно найти в Венгрии в IX–X вв. и в Суздальском Ополе (Зайцева, 2015. С. 193). Эти украшения можно разделить на два подвида. Первый – пятиугольной формы, имеет четыре шпенька (рис. 1: 3). Их всего 13. Второй вариант (8 экз.) имеет три шпенька и более вытянут по форме (рис. 1: 4). Остальные накладки идентифицировать не представляется возможным.

Найденные аналогии уводят нас в двух направлениях – на юго-восток (Волжская Булгария) и юго-запад (мадьярские древности). Подобные накладки имеют широкое распространение на памятниках лесостепного Поволжья и Белозерья.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: КарНЦ АН СССР. 196 с.

Зайцева И.Е., 2015. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополе // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности севера. С. 184–198.

Захаров С.Д., 2012. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 212–239.

Захаров С.Д., Меснянкина С.В., 2012. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археологи я Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара Вып. 4 / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 14–29.

Захаров С.Д., Меснянкина С.В., Кузина И.Н., Зозуля С.С., 2016. Крутик и Тимерёво: археологические исследования 2011–2015 годов // Вестник РГНФ. № 3–4. С. 197–212.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село 10–13 веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное издательство. 176 с.

Мурашева В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.

А.А. Михеева (Житаева)

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
hmunter666@mail.ru*

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОРОДИЩЕ АК-БЕШИМ (ОБЪЕКТ IV) – НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Городище Ак-Бешим (древний Суяб) расположено в 60 км к востоку от г. Бишкека, в долине р. Чу. Город был основан согдийцами в VI в. Чуйским отрядом ККАЭЭ

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.172-175

АН СССР под руководством Л.Р. Кызласова помимо других объектов в 1954 г. раскопана христианская церковь с кладбищем (объект IV), датированная VIII в. (Кызласов, 1955. С. 49–51; 1959. С. 231–233).

Изучение данного объекта до сего дня основывалось на статье Л.Р. Кызласова, опубликованной в 1959 г., и его отчете, хранящемся в Архиве Института истории НАН Кыргызстана (Кольченко, 2018. С. 57–64). В 2010 г. в архив ИА РАН поступил личный архив Леонида Романовича, содержащий полевые дневники и рабочие материалы раскопок 1953–1954 гг.¹ В нем имеется рукописный отчет по раскопкам церкви, написанный студенткой кафедры археологии МГУ В.И. Козенковой². Его изучение и сопоставление с отчетом и статьями Л.Р. Кызласова позволяет уточнить сделанные ранее заключения.

Христианская церковь – это монументальное сооружение, состоявшее из большого двора (28 × 15 м) со стенами из пахсовых блоков, и двух помещений – центрального (5.3 × 4.8 м; далее – алтарное помещение) и бокового (4.5 × 2.25 м) (рис. 1: 1). Длина здания 36 м, ширина – до 15 м. Построено из сырцовых блоков и кирпичей.

Планировка. Предложенные в литературе реконструкции церкви – прямоугольной в плане, с дополненной северо-восточной частью, – основываются на аналогичных памятниках Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии (Хмельницкий, 2000. С. 246; Горячева, Перегудова, 1994. С. 86; Klein, 2000). Но в отчете В.И. Козенковой указано, что за месяц работы была полностью раскопана вся восточная часть памятника (Козенкова, 1954. С. 92, 93); можно думать, что следов иных конструкций стен на северо-востоке обнаружено не было. Предполагаю, что сооружение изначально состояло из алтарного помещения и двора, это была его основная планировка. Самыми близкими аналогиями можно считать архитектурный комплекс монастыря в Ургуте (Узбекистан) VIII – начала XIII в. (Savchenko, 2010) и комплекс церквей X–XI вв. в юго-восточном углу шахристана на городище Ак-Бешим (Семенов, 2002). Литургические требования архитектуры церковного здания – прямоугольный неф и алтарное крестообразное помещение – соблюдены как в Ургуте, так и в Ак-Бешиме (об. IV и об. VIII). Вероятно, планировка христианских церквей в Средней Азии имела общие архитектурные стандарты, корни которых надо искать в ранних церквях Северной Месопотамии (Михеева (Китаева), в печати).

Алтарное помещение. Располагалось в восточной части памятника, построено из сырцовых кирпичей и глинобитных блоков. Крестообразная планировка за счет глубоких ниш по осям позволила предположить, что здесь находился алтарь. Согласно описанию В.И. Козенковой, у восточной стены прослежена прямоугольная вымостка размерами 2 × 0.8 м из кирпичей (50–51 × 23 × 10 см), покрытая сверху обмазкой из глины. Аналогичные конструкции в церквях Ургутского монастыря и Ак-Бешима (об. VIII; пом. № 2, 27), позволяют утверждать, что это место для алтаря.

Боковое помещение. Располагалось с южной стороны алтарного. Конструкция восточной и южной стен отличалась, а северной – была аналогична конструкции стен алтарного помещения. Северная стена имела сквозное отверстие, соединяющее центральное и боковое помещения, которое позже заложили кирпичами (Козенкова, 1954. С. 98). В.А. Кольченко считает, что разная толщина и техника кладки стен свидетельствуют о поэтапном строительстве церкви (Кольченко, 2018. С. 62). С этим сложно согласиться, так как становится непонятным назначение сооружения. Примеры аналогичных памятников показывают, что церковные здания строились по определенному плану, с учетом необходимых требований.

Двор. Узкий проход в западной части алтарного помещения вел в большой прямоугольный двор (28 × 15 м), построенный из пахсовых блоков, таких же, как алтарное

¹ Хочу выразить особую благодарность Игорю Леонидовичу Кызласову за разрешение публиковать материалы из личного архива Л.Р. Кызласова. Также хочу поблагодарить зав. Архивом ИА РАН У.Ю. Кочкарова и С.А. Володина за содействие и помощь в работе.

² Разрешение на публикацию материалов из археологического отчета дано мне лично В.И. Козенковой.

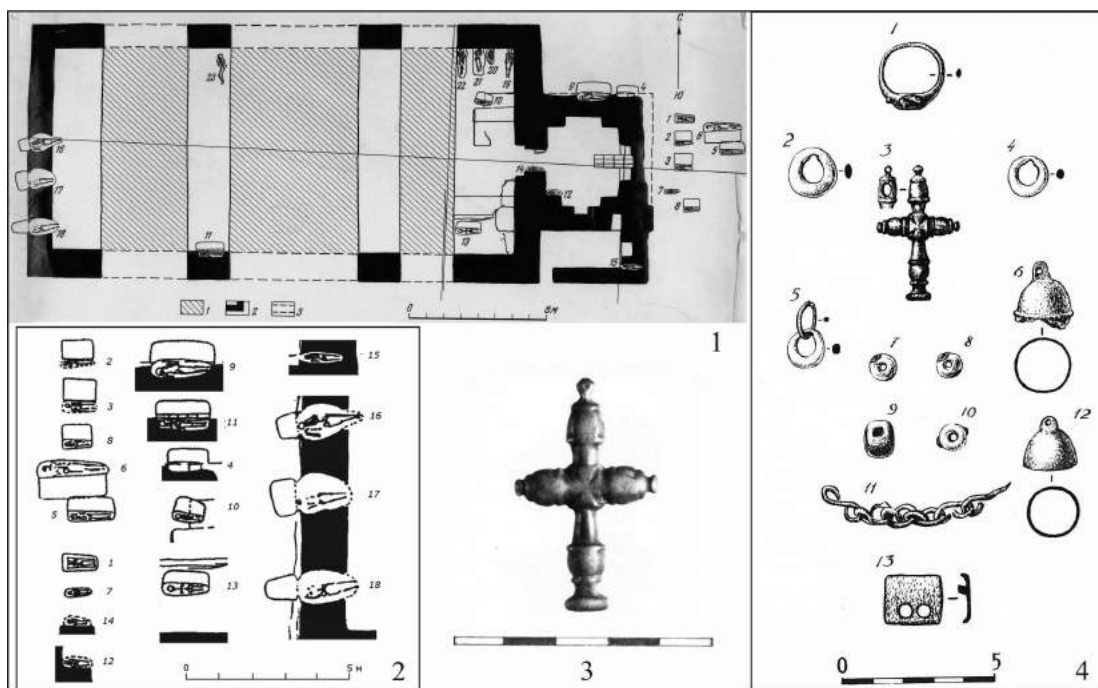

Рис. 1. Ак-Бешим. Христианская церковь (объект IV).

1 – общий план церкви с кладбищем (по: Архив ИА РАН. Ф. 37. Папка № 38); 2 – погребения, обнаруженные при раскопках церкви (по: Кызласов, 1959; Кольченко, 2018. С. 78); 3 – бронзовый нательный крест, погребение 8 (по: Архив ИА РАН. Ф. 37. Папка № 38); 4 – индивидуальные находки из погребений (по: Архив ИА РАН. Ф. 37. Папка № 38).

помещение. Первоначально была раскопана восточная часть двора (15 × 3–3.5 м), а в середине его заложена траншея (2–2.5 м). Для выявления внутренних и внешних границ стен закладывались шурфы. В южной части обнаружена обгоревшая балка, прямоугольная в сечении (22 × 15 см), возможно, от крыши (Козенкова, 1954. С. 104). Двери в помещение двора найти не удалось. По мнению Л.Р. Кызласова, вдоль стен находились айваны-навесы для создания тени (Кызласов, 1959. С. 231).

Кладбище. Раскопаны 24 погребения, из которых 18 интерпретируются как христианские. Захоронения производились в период существования памятника, во время его запустения и даже тогда, когда сооружение представляло собой оплывший холм (Козенкова, 1954. С. 110, 111). Большинство их ориентировано на запад (рис. 1: 2), некоторые – на север. Л.Р. Кызласов выделил три типа погребальных сооружений и датировал их VIII – началом XI в. (Кызласов, 1959. С. 231–233). У В.И. Козенковой погребения, ориентированные по направлению запад – восток, представлены пятью типами (Козенкова, 1954. С. 121).

Захоронения под стенами совершались еще при функционировании церкви, могильные ямы выкапывались так, чтобы не нарушить ее конструкцию. Когда здание было заброшено, около и внутри него начинают хоронить в основном детей. Обнаружено 12 погребений младенцев и подростков. Индивидуальные находки выявлены только в детских могилах (рис. 1: 4). В захоронении 8 найден бронзовый нательный крест (рис. 1: 3), бусы и четыре зуба взрослого человека. Лишь в одном взрослом погребении (15) найдена лепная миниатюрная чашечка (Козенкова, 1954. С. 113, 116).

Таким образом, анализ архивных материалов позволил предположить, что церковь на Ак-Бешиме была сооружена по определенному стандарту, прослеженному пока только на территории Средней Азии. Первоначально были построены алтарное помещение и двор, затем пристроено боковое помещение. У восточной стены алтарной комнаты на уровне пола располагалась вымостка – место священника и алтаря. Первые захоронения в церкви были произведены во время ее функционирования, остальные – в период ее запустения.

- Горячева В.Д., Перегудова С.Я., 1994. Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов. Христианство / Ред. Л.И. Жукова. Ташкент. С. 84–95.
- Козенкова В.И., 1954. Отчет о раскопках объекта № 4 (несторинская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г. // Архив ИА РАН. Личный фонд Л.Р. Кызласова. Ф. 37. Папка № 38.
- Кольченко В.А., 2018. Кыргызстан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ. С. 48–103.
- Кызласов Л.Р., 1955. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. (работы Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1018, 78 л.; 1018а. С. 49–51.
- Кызласов Л.Р., 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим // Тр. КАЭЭ / Ред. Г.Ф. Дебец. М.: АН СССР. С. 231–233.
- Михеева (Китаева) А.А., в печати. Хароба-Кошук – история изучения и архитектурная преемственность подобных сооружений на Среднем и Ближнем Востоке // Восток.
- Семенов Г.Л., 2002. История археологического изучения Ак-Бешима. Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб. Ак-Бешим. СПб.: ГЭ. С. 4–114.
- Хмельницкий С., 2000. Между кушанами и арабами // Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин; Рига. С. 243–246.
- Savchenko A.V., 2010. Ostliche Urkirche in Usbekistan // Antike Welt. No 2. S. 74–82.
- Klein W. 2000. Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh. Turnhout: Brepols. 464 S.

К.В. Моряхина

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
kmoryaxina@mail.ru*

ПЕРСТНИ ИЗ РАСКОПОК РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Рождественский могильник известен с конца XIX в., когда он был исследован в 1897 г. Н.Н. Новокрещенных. Регулярные раскопки проводились на памятнике в 1990–1993, 1997, 2008–2012, 2014–2017 гг. под руководством Н.Б. Крыласовой (Белавин, Крыласова, 2008. С. 95–173). Всего вскрыто 355 погребений. На памятнике обнаружено 24 перстня.

В монографии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой (2008) опубликованы материалы раскопок до 2008 г., в том числе перстни (13 экз.). В указанной работе в основе классификации лежат исключительно морфологические признаки. В нашем исследовании предложен другой подход – учтены не только морфологические признаки, но и техника изготовления. На наш взгляд, такой принцип классификации позволяет сделать вывод о развитии ювелирного ремесла. Отделы выделены по общей форме изделия (по наличию щитка), типы – по технике изготовления, подтипы – по форме щитка, варианты – по декору. Датировка перстней указана с учетом хронологии комплексов Рождественского могильника (Крыласова, 2013) и аналогичных материалов на сопредельных территориях.

Отдел А. Бесщитковые (4 экз.)

Тип 1. Проволочные (2 экз.)

Вариант а: спиралевидные (2 экз., п. 116, 230; бронза, серебро). Представляют собой круглую в сечении проволоку, завернутую в спираль. Проволока изготавливалась двумя способами – литьем и волочением. Получили широкое распространение на памятниках Пермского Предуралья (24 экз.): городищах Анюшкар, Саламатовское I и Рождественское, в могильниках Антыбровский, Каневский, Телячий Брод, Урынский, также встречаются на Варнинском могильнике VIII–X вв. в Удмуртии (Семенов, 1980. Табл. II: 37), в вымских и вычегодских могильниках конца X – XIV в. (Савельева, 1987. С. 128), на Буйском городище в Кировской обл. (Голдина, 1999. Рис. 157: 2), в Юмском могильнике IX–XI вв. у марийцев (Архипов, 1973. С. 35), у мордвы на Лядинском, Кузьминском и Кошебеевском могильниках (Альбом, 1941. Табл. II: 14, XXIII: 10, 12), в Волго-Окском междуречье на Сарском городище (Горюнова, 1961. Рис. 39: 8), в Новгороде в слоях XI–XIII вв. (Седова, 1981. С. 122), в Белозерье в X–XII вв. (Сумина, 1999. Рис. 4: 8). В целом такие изделия

в Пермском Предуралье датируются X–XIV вв. Перстни с Рождественского могильника относятся к раннему варианту, который характеризуются наличием от полутора до четырех витков (на поздних 4–7) и плотно уложенной спиралью, и датируются XI в.

Тип 2. Кованые (2 экз.)

Вариант а: пластинчатые неорнаментированные (2 экз., п. 41, 67; многокомпонентная бронза, серебро). Перстень представляет собой узкую неорнаментированную пластину с разъемными концами. Аналогичные изделия встречаются на других памятниках Пермского Предуралья (6 экз.; Анюшкар и Саламатовское I городища, Чашкинское II селище), в вымских могильниках XI–XIV вв. (Савельева, 1987. С. 128), на Сарском городище в Волго-Окском междуречье (Горюнова, 1961. Рис. 39: 7). Пластинчатые перстни с Рождественского могильника датируются концом X – XI в. (в целом в Пермском Предуралье встречаются в X–XIII вв.).

Отдел Б. Щитковые (20 экз.)

Тип 1. Литые (1 экз.)

Вариант а: с овальным щитком и полушаровидными выпуклостями по центру щитка (1 экз., п. 116; бронза). Щиток орнаментирован тремя полушаровидными выступами, выстроенными в линию по центру щитка. На месте перехода от щитка к шинке украшен крестовым орнаментом и продольными насечками. Датируется X–XI вв. Такой же перстень обнаружен на Рождественского городище (1 экз.).

Тип 2. Многоконструктивные (16 экз.)

К данному типу отнесены перстни, конструктивные части которых изготавливались по отдельности, после чего соединяются механическим путем или при помощи пайки.

Подтип 1. Со сферообразным щитком («колпачок»; 15 экз.; серебро). Щиток представляет собой полусферу из тонкой серебряной фольги. Она припаивалась к тонко прокованной пластине из медного сплава – основе щитка. Полусфера украшена по периметру зерно-сканым декором, на ее вершине размещается вставка. В качестве вспомогательного элемента для крепления вставки припаивалась тонкая пластина или рубчатая проволока. Треугольники зерни (из 6–15 зерен) по 3–4 штуки крепились на полусферу основанием к вставке и по ее краям основанием к краю. Основание полусферы по месту припоя украшает торсированная или рубчатая проволока, имитирующая скань. При помощи зерни создавался основной узор, а скань играла вспомогательную роль. У некоторых изделий поле щитка между элементами зерно-сканного декора позолочено. В качестве вставки использовался сердолик и стекло синего или красного цветов.

Часть изделий (3 экз., п. 162а, 182, 233) сохранилась во фрагментарном состоянии – имеется только дужка, поэтому вариант для них не определен.

Вариант а: с зерно-сканым декором с треугольниками из 6–10 зерен (4 экз. п. 92, 161, 167, 343). Диаметр щитка варьируется от 15 до 22 мм. Количество зерен могло комбинироваться: верхний ряд – 6, нижний – 10. Дужка чаще всего изготавливалась из серебра.

Вариант б: с зерно-сканым декором с треугольниками из 15 зерен (8 экз., п. 34, 91, 102, 133, 213, 246, 253, 325, 345). Иногда в нижний ряд вставлялся дополнительный элемент – пирамидка из трех зерен. Причиной тому было увеличение размера щитка (диаметр от 22 до 28 мм). Он мог быть покрыт золочением. Шинка таких перстей сохраняется редко, поскольку медь разрушалась в результате коррозии.

Варианты имеют разную датировку (исходя из сопутствующего материала) и представляют собой развитие декора перстней-«колпачков». Так, вариант 1 можно датировать X в., вариант 2 – концом X – XI в. (Крыласова, 2013. С. 104–115; Моряхина, 2015. С. 165).

Аналогичные изделия встречаются на других памятниках Пермского Предуралья (47 экз., могильники Агафоновский II, Баяновский, Огурдинский, Телячий Брод), в Приобье и на Вычегде (Белавин, Крыласова, 2008. С. 369), на поселении Крутик в Белозерье (Захаров и др., 2016. С. 176, 177). Экземпляры, найденные на других территориях, можно связать с импортом из Пермского Предуралья.

Подтип 2. С привесками (шумящие; 1 экз.).

Вариант а: с привесками, параллельными щитку (1 экз.; п. 234а; бронза). Перстень с овальным щитком, украшенным псевдосканью по краю и по центру щитка, от которой расходятся пирамидки псевдозерни. Петли для крепления располагаются по краю щитка. Перстень соединяется с привесками при помощи звеньев цепи в виде усеченного конуса, орнаментированного насечками. Датируется XI в. Аналогичные украшения обнаружены в местонахождении у д. Модороб (1 экз.), на Иднакаре в кладе X в. (Иванова, Куликов, 2000. Рис. 57).

В целом шумящие перстни встречаются в Волго-Окском и Волго-Камском междуречье, где получили наибольшее распространение, в Удмуртском и Пермском Предуралье (Иванов, 1998. Рис. 11: в), то есть, характерны для финно-угорского мира. Изделия, обнаруженные на разных территориях, представляют собой локальные варианты (отличаются декором, расположением петель, длиной цепочки).

Тип 3. Кованые (3 экз.)

Подтип 1. С круглым щитком (2 экз.).

Вариант а: с зерно-сканным декором (1 экз.; п. 156; серебро). Щиток перстня по краям обрамлен рубчатой проволокой, имитирующей скань, такая же проволока в два ряда проходит по центру щитка, от нее расходятся по три пирамидки зерни (из 6 зерен) в обе стороны. Фон щитка в некоторых случаях украшен позолотой. Аналогичные изделия встречаются на других памятниках Пермского Предуралья (7 экз.; Аверинский II, Агафоновский II, Степаново Плотбище могильника, Рождественское городище), в Волжской Булгарии на памятниках X–XI вв. (Руденко, 2015. С. 160), на Иднакаре в слое XI–XII вв. (Иванов, 1998. Рис. 27: 40). Обнаружены в погребениях XI в.

Вариант б: с насечками (1 экз.; п. 226; серебро). Щиток орнаментирован насечками, расходящимися от дрота в центре и по верхнему краю. Изделие представляет собой неразъемное кольцо, к изнаночной стороне которого припаян круглый щиток. Датируется X–XI вв.

Подтип 2. С широкосерединым щитком и «усами» (1 экз.).

Вариант а: неорнаментированные (1 экз.; п. 118; серебро). Шинка обернута в несколько оборотов, ее концы оставлены свободными. Аналогичные изделия встречаются у мордвы (Смирнов, 1952. Табл. XXX: 3), марийцев в IX–XI вв. (Архипов, 1973. Рис. 37: 1), в Удмуртии на Омутницком могильнике (Иванов, 1998. Рис. 39: 3), в вымских могильниках X–XI вв. (Савельева, 1987. Рис. 34: 1), в Белозерье в IX–XI вв. (Сумина, 1999. Рис. 4: 11–19), в Новгороде в слое XI в. (Седова, 1981. С. 129). Перстень с «усами» датируется X–XI вв.

Для Рождественского могильника перстни не являются типичным материалом, они встречаются только в 6.8% погребений и не относятся к разряду рядовых украшений. Они получили распространение на памятниках Пермского Предуралья и преимущественно принадлежат к предметам местного производства. Исключение составляет перстень с «усами», который можно отнести к древнерусскому импорту.

Перстни, происходящие с Рождественского могильника, отражают уровень развития ювелирного ремесла в Пермском Предуралье в узкий хронологический отрезок времени – X–XI вв. В этот период, как и на протяжении всего Средневековья, в Пермском Предуралье основной техникой изготовления украшений было литье по восковой модели. На рассматриваемом памятнике, как мы видим, совсем иная ситуация. 83.3% перстней (20 экз.) получены путемковки, а для создания декоративных элементов использовались такие сложные техники, как зернь и торсированная проволока (использовалась вместо сканной). Вывод очевиден: на Рождественском городище действовала своя ювелирная мастерская (Крыласова, Подосенова, 2015).

Альбом древностей мордовского народа, 1941 / Ред. Ю.В. Готье, А.И. Яковлев. Саранск: Изд-е Мордовского НИИ. 137 с.

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 197 с.

- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН. 603 с.
- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдмГУ. 464 с.
- Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. Вып. 94. М. 268 с.
- Захаров С.Д., Меснянкина С.В., Кузина И.Н., Зозуля С.С., 2016. Крутик и Тимерево: археологические исследования 2011–2015 годов // Вестник РГНФ. № 3–4. С. 169–181.
- Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯиЛ. 309 с.
- Иванова М.Г., Куликов К.И., 2000. Древнее искусство Удмуртии. Ижевск: УИИЯиЛ УрО РАН. 216 с.
- Крыласова Н.Б., 2013. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Вып. 1. С. 104–115.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., 2015. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра. № 4. С. 27–41.
- Моряхина К.В., 2015. Перстни-«колпачки» с территории Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. X. С. 163–167.
- Руденко К.А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман. 528 с.
- Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ. 200 с.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поморской культуры. Ижевск. С. 5–135.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА. № 28. М. 276 с.
- Сумина И.А., 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. Вып. 111. С. 167–189.

Е.Ю. Никитин

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
kaot@yandex.ru*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ШТЫКОВО-3 В ПРИМОРЬЕ

Средневековые могильники на территории Приморского края – достаточно малочисленная категория археологических памятников, в связи с этим открытие и изучение нового погребального комплекса имеет немалую научную ценность. Погребальная культура чжурчжэней в регионе слабо изучена. До настоящего момента археологические исследования проводились лишь на двух чжурчжэньских могильниках: Краскинском (Болдин, Ивлиев, 1993) и у с. Новицкое (Артемьева, 2013). В результате раскопок на этих памятниках получены первые археологические данные о чжурчжэньских погребениях. В 2016–2017 гг. отрядом ДВФУ проводились спасательные раскопки могильника Штыково-3, расположенного близ пос. Штыково в Приморском крае (Попов, 2017).

Памятник Штыково-3 расположен на левом берегу р. Артемовки, на высокой террасе заболоченной протоки. В результате мелиоративных работ в XX в. окружающий ландшафт значительно изменился, поверхность памятника распахана. Неповрежденная часть средневекового культурного слоя залежала на глубине 30–40 см. В раскопе на площади 4100 кв. м выявлено 34 объекта, 24 из них можно идентифицировать как погребения (рис. 1). Они представляли собой котлованы круглой или подпрямоугольной формы, заполненные темно-коричневым суглинком с фрагментами древесного угля и обмазки. Размеры объектов варьировались от 0,4 × 0,5 до 4 × 10 м и более. Раскопками выявлены групповые и индивидуальные погребения, совершенные по обряду кремации.

Групповые погребения представляли два или несколько отдельных захоронений, сделанных внутри единого комплекса с остатками тризн. Они весьма компактны – это скопления праха с золой, углями и мелкими (2–3 мм) фрагментами обожженных каль-

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.178-181

цинированных костей. Погребения сопровождались горелыми остатками деревянных конструкций, вероятно, срубов, гробов и погребальных домиков. Традиция сооружения погребальных домиков отмечается у некоторых коренных народов Дальнего Востока, например, нанайцев и якутов, современных представителей тунгусо-манчжурских народов (Сем, 1973).

Особый интерес представляют два групповых погребения (объекты № 20 и 22). Они примечательны наличием примыкающих к основной части погребений котлованов вытя-

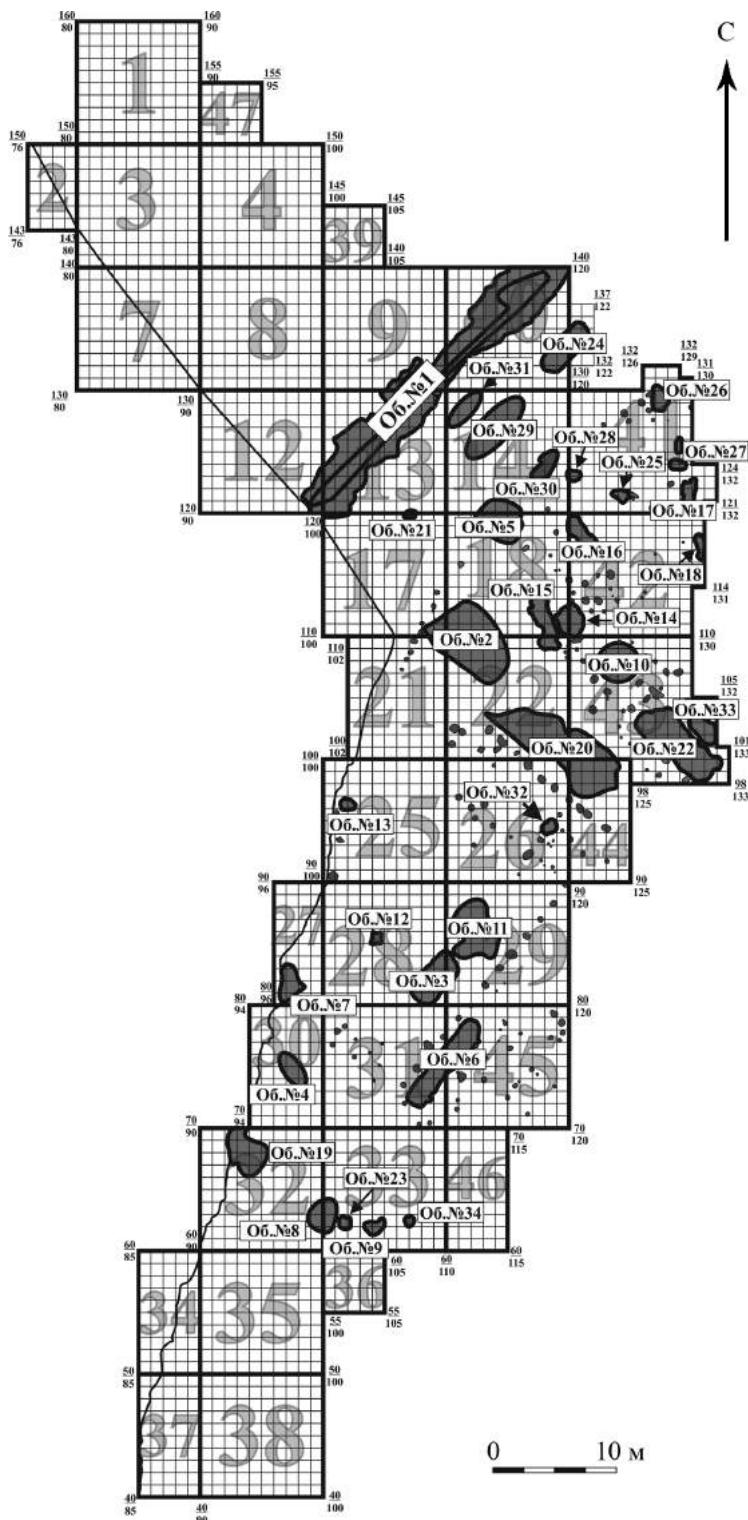

Рис. 1. Могильник Штыково-3. Исследования 2016–2017 гг. Схема расположения объектов в раскопе.

нутой формы, размерами около 10.0×0.5 м (№ 20) и 5.0×0.6 м (№ 22), глубиной до 0.4–0.6 м, заполненных серым суглинком с большим количеством мелких углей. Местами на стенках вытянутых котлованов сохранился сплошной слой древесного угля. Вероятно, они могут являться остатками лодок, сожженных на месте погребения. Такая интерпретация основана на этнографических примерах погребений с лодками у коренных народов, например нанайцев (Лопатин, 1922).

Индивидуальные погребения представляли собой скопления праха с золой, углями, сделанные в круглых ямах диаметром до 1.5 м, мощностью заполнения 30–40 см. В трех случаях отмечены остатки сгоревшего деревянного ящичка или короба для праха покойника.

Во всех раскопанных погребениях встречен сопроводительный инвентарь, по большей части довольно скудный: остатки керамических сосудов, железные (ножи, наконечники стрел, гвозди, фрагменты пряжек и пр.), бронзовые (монеты, украшения), костяные (накладки, проколки) и каменные (точила, оселки и др.) изделия. Полученная археологическая коллекция типологически соотносится с коллекциями других памятников культуры чжурчжэней Приморья.

Вокруг групповых и индивидуальных погребений отмечены столбовые ямы, вероятно, остатки конструкций вроде заборов или оснований навесов по периметру объектов. Между погребениями также отмечаются столбовые конструкции, образующие различные структуры длиной до нескольких десятков метров – вероятно, остатки оград.

Кроме погребений в раскопе выявлены объекты с каменными конструкциями: колодец и остатки стены. Колодец (№ 10) расположен между погребениями в восточной части раскопа, верхняя часть его представляла собой округлую каменную кладку из уплощенных глыб, сложенных в 9–10 ярусов, сверху кладка была накрыта (возможно, преднамеренно запечатана) насыпью из плотного суглинка с мелкой галькой. Под каменной кладкой выявлены остатки отлично сохранившегося деревянного сруба, сложенного из расщепленных обработанных бревен в четыре яруса. Общая глубина колодца – около 2.4 м.

Остатки каменной конструкции (вероятно, фундамента стены или галереи длиной около 25 м, проходящей по северо-западной границе ритуального комплекса) вытянуты по линии северо-восток – юго-запад. Сооружение представляет собой кладку из 2–3 рядов камней, сложенных в 1–2 яруса. Под каменной кладкой зафиксированы ряды канавок, проходящих по всей длине объекта. В северо-восточной, юго-западной и центральной частях сооружения располагались прямоугольные выступы размерами около 2.0×3.5 м.

Примечательны остатки прямоугольного здания с черепичной крышей, расположенного в 40 м к юго-востоку от границ раскопа и, несомненно, являющегося частью ритуального комплекса.

К настоящему моменту из образцов древесного угля горелых конструкций получено две радиоуглеродные даты: 989 ± 21 , 923 ± 19 , то есть, середина – конец XI в., что укладывается в рамки существования культуры чжурчжэней Приморья в период, предшествующий образованию империи Цзинь. Раскопками затронута периферийная часть ритуального комплекса, включавшего в себя погребения, остатки здания с черепичной кровлей, колодец и фундамент стены, по-видимому, окружавшей могильник. Штыково-3 является уникальным памятником для Приморского края, перспективным для дальнейших исследований погребальной культуры чжурчжэней.

Артемьева Н.Г., 2013. Могильник у села Новицкое // Итоги археологических полевых исследований в 2012 году / Отв. ред. И.С. Журиховская. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. С. 38–45.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л., 1993. Отчет о полевых исследованиях на Краскинском могильнике в Хасанском районе Приморского края в 1993 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18321. 131 с.

Лопатин И.А., 1922. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Владивосток: Тип. Упр. внутренних дел. 370 с.

Попов А.Н., 2017. Охранно-спасательные археологические исследования объекта археологического наследия Штыково-3 на территории испрашиваемых участков для строительства объекта «Газопровод-отвод и ГРС Врангель Приморского края», расположенном в Приморском крае, Шкотовском районе. Производственный отчет. Т. 1. 251 с.

А.Д. Огородников
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
skif125@mail.ru

ОБ ОДНОЙ ИЗ ГРУПП ПОКОЙНИЦКОЙ ОБУВИ ИЗ ТИХВИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЙОШКАР-ОЛЫ (ЦАРЕВОКОКШАЙСКА)

В 2012 г. в Йошкар-Оле под строительство жилого дома по ул. Комсомольская проводились охранные исследования Тихвинского некрополя. Хронологически это второе кладбище Царевококшайска. Время его функционирования относится к концу XVIII – началу XX в. Вскрыто и изучено более 780 погребений, в основном датируемых второй половиной XIX – началом XX в. В ходе работ обнаружено 122 пары кожаной обуви или ее фрагментов. Сохранность части находок позволяет восстановить их крой и конструкцию.

В отдельную группу можно выделить девять пар кожаной обуви. Все остальные группы – сапоги, женские башмаки, низкая обувь с каблуками – имеют аналогии в этнографии, а наиболее поздние варианты хранятся в местных этнографических музеях. Однако атрибутировать эту обувь как аборигенную все же неправильно. Археологические находки кожаной обуви у марийского населения представлены только составными поршнями в период раннего Средневековья. Уже в период Нового времени в марийских языческих могильниках обнаруживаются обувные подковки, имеющие полные аналогии среди находок в русских городах. Во всех имеющихся письменных источниках указывается, что в дальнейшем местное население полностью переняло кожаную обувь у русских.

Вся обувь интересующей нас группы относится к низким формам. Четыре пары подходят по размеру на ногу взрослого мужчины, четыре – на женскую и одна – на подростка. Половозрастное определение сделано на основе антропологического анализа костяков, проведенного в Институте археологии Академии наук Республики Татарстан. От трех пар сохранились только подошвы. Общими чертами данной группы кожаной обуви являются малая толщина подошвы и способ скрепления верха с подошвой – сквозным швом и большим шагом. Две пары обуви имеют очень большой шаг шва – 1 см.

Вся обувь имеет схожую конструкцию (рис. 1). Низ в каждом случае представлен тонкой однослойной подошвой толщиной 1.5 мм. На всех парах подошв есть четко выраженная переи́ма.

Верх обуви конструктивно отличается от других находок отсутствием поднаряда головки и жесткого задника. Верхняя часть всех сохранившихся частей всегда двухсоставная, состоит из обувной головки и задника. Обувная головка имеет вырез глубиной 3–4 см, боковые срезы прямые. Носок округлый. Задник представляет собой прямую полосу кожи высотой около 5 см и длиной от 8 до 12 см. Обувная головка соединяется с задником с помощью выворотного шва. Только одна пара имеет цельнокроеный верх, а боковые выступы обувной головки образуют задник. По верхнему срезу там, где он сохранился, идет частый сквозной шов. Вероятно, он был нужен для тканевой штаферки, которой он обшивался. Штаферка нигде не сохранилась.

В двух случаях верх головок покрыт тиснением в линию, в одном – в косую сетку. В литературе этот способ нанесения узора относят к русской традиции украшения кожи. Производился он с помощью специальных нарезных катальных досок холодным или горячим способом (Поварнин, 1912. С. 89).

Мягкая конструкция данной обуви делает ее малопригодной к длительному повседневному ношению, особенно уличному. Какие-либо следы износа отсутствуют. Можно сделать предположение, что данная обувь специально изготавливалась для облачения покойных.

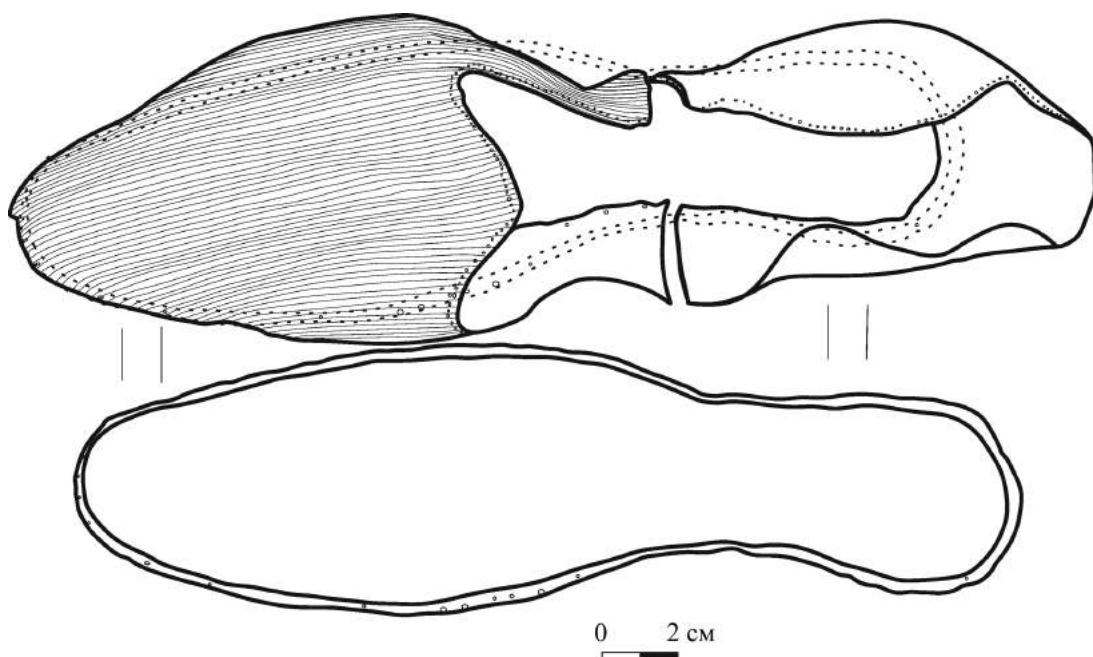

Рис. 1. Погребальная обувь из Тихвинского некрополя Йошкар-Олы (Царевкокшайска).

Ритуальная (погребальная) обувь найдена при археологическом изучении других городских некрополей, например, Москвы, где она датируется XV–XVI вв. (Осипов, 2006. С. 80). Специфический крой она получила, как предполагается, от монашеской обуви, и ее появление отразило перемену в погребальном обряде в XV в. (Осипов, 2013. С. 148). Московские находки не имеют ничего общего с выявленными на Тихвинском некрополе Йошкар-Олы.

Хронологически более близкая особая покойницкая обувь обнаружена при обследовании русских сельских некрополей Омского Прииртышья (Богомолов, 2014. С. 18). По своему крою она похожа на находки с цельнокроеным верхом, в остальных случаях крой отличается, но сохраняются схожие особенности: отсутствие поднаряда, большой шаг шва, тонкая подошва. Это может говорить о принадлежности к одной традиции изготовления кожаной покойницкой обуви. К сожалению, автору неизвестны другие публикации по особой покойницкой кожаной обуви у русского населения в XIX в. Но использование схожих конструкций и форм в Сибири говорит, что данная традиция, возможно, не является локальной.

Стоит заметить, что погребальная кожаная обувь Тихвинского некрополя составляет лишь малую часть всего массива «археологической кожи». Подавляющая часть находок кожаной обуви в погребениях не является специально изготовленной для облачения покойников и часто имеет следы износа.

Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., 2014. Погребальная кожаная обувь русских Среднего Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Т. II / Ред. Л.В. Татаурова, В.А. Борзунов. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан. С. 7–18.

Осипов Д.О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН. 200 с.

Осипов Д.О., 2013. Обувь из погребений и погребальная обувь // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 140–151.

Поварнин. Г.Г., 1912. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб.: Тип. В.О. Киршбаума. 267 с.

ТРУДОЗАТРАТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЛИЩ КАРКАСНО-СТОЛБОВОЙ КОНСТРУКЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

Исследование остатков жилых построек, обнаруженных раскопками, способствует изучению социальных, экономических отношений, дает возможность рассмотреть некоторые вопросы адаптации общества к природно-климатическим условиям, демонстрирует культуру жизнеобеспечения древнего населения. Группа западносибирских ученых предприняла удачную попытку подобных расчетов для жилищ саргатской культуры (Матвеева и др., 2005. С. 173–184). Цель данного исследования – получение информации о стереотипах домостроительства носителей родановской культуры. Воспользуемся уже разработанным методом, подставив необходимые для нас значения.

В 2011–2018 гг. Камская археолого-этнологическая экспедиция под руководством Н.Б. Крыласовой на Рождественском городище в Карагайском районе Пермского края выявила и изучила восемь жилых построек. Наиболее полно исследовано жилище IX/1, раскопанное в 2014–2016 гг. (рис. 1). Это прямоугольная наземная постройка каркасно-столбовой конструкции. Размеры жилища: длина – 18 м, ширина – 10 м, площадь – 180 кв. м. Основу стен составляли вертикально врытые в землю столбы, пространство между которыми, вероятнее всего, заполняли бревна или тес (Крыласова, 2017. С. 18). Один ряд опорных столбов располагался на осевой линии жилища и, скорее всего, служил основанием для конька двускатной кровли из жердей, перекрытой берестой и тесом (Крыласова, 2016. С. 68). Второй ряд столбовых ям, очевидно, связанный с опорными столбами, поддерживающими стропила кровли, располагался на расстоянии 1 м от северной стены, параллельно ей. Нижние концы стропил опирались на попарно врытые вдоль стены столбы (Крыласова, 2017. С. 18).

Зная площадь жилища, можно рассчитать количество человек, проживавших в нем, и получить представление о численности коллектива, который мог быть задействован при строительстве. Л.Н. Корякова и А.С. Сергеев в результате сопоставления археологических данных с этнографическими материалами, в том числе и угорских народов, пришли в выводу, что условно-допустимая норма равна 4 кв. м на одного человека (Корякова, Сергеев, 1989. С. 168). $180 \text{ кв. м} / 4 = 45$ человек. Но жилище было двухкамерным с жилой частью площадью 115 кв. м. В последней располагалась очажная конструкция площадью около 4 кв. м. Таким образом: $115 \text{ кв. м} \text{ минус } 4 \text{ кв. м} = 111 \text{ кв. м}$. Далее: $111 \text{ кв. м} / 4 =$ примерно 27 человек. Не исключено, что это число могло колебаться в большую или меньшую сторону.

Конечно, результаты, полученные путем приведенных выше вычислений, дают условные цифры, поскольку на численность любых популяций влияют ограничивающие факторы – болезни, эпидемии, войны, голод.

Проживание большого коллектива людей в одном помещении имеет вполне логическое объяснение. «Анализ археологических, фольклорных, этнографических данных дает нам основание предположить, что основой рода была большая семья – куд (м.), кудо (э.), объединяющая родственников из нескольких поколений по прямой и боковой линиям, живущих под одной крышей» (Абрамова, Спиридонова, 2017. С. 55). Версию о том, что в больших постройках проживала большая семья, высказала также Е.М. Черных (Черных, 2008. С. 91), поддерживаем ее и мы (Половников, 2017. С. 48–55).

Сооружение жилой постройки происходила в несколько этапов: строительство стен и кровли. Для расчета воспользуемся нормативными данными современных СНиП и ЕНиР.

Рассчитаем примерную площадь стен. Длина и ширина известны, остается рассчитать высоту. Согласно этнографическим данным, «вышина пермяцкой избы равна до

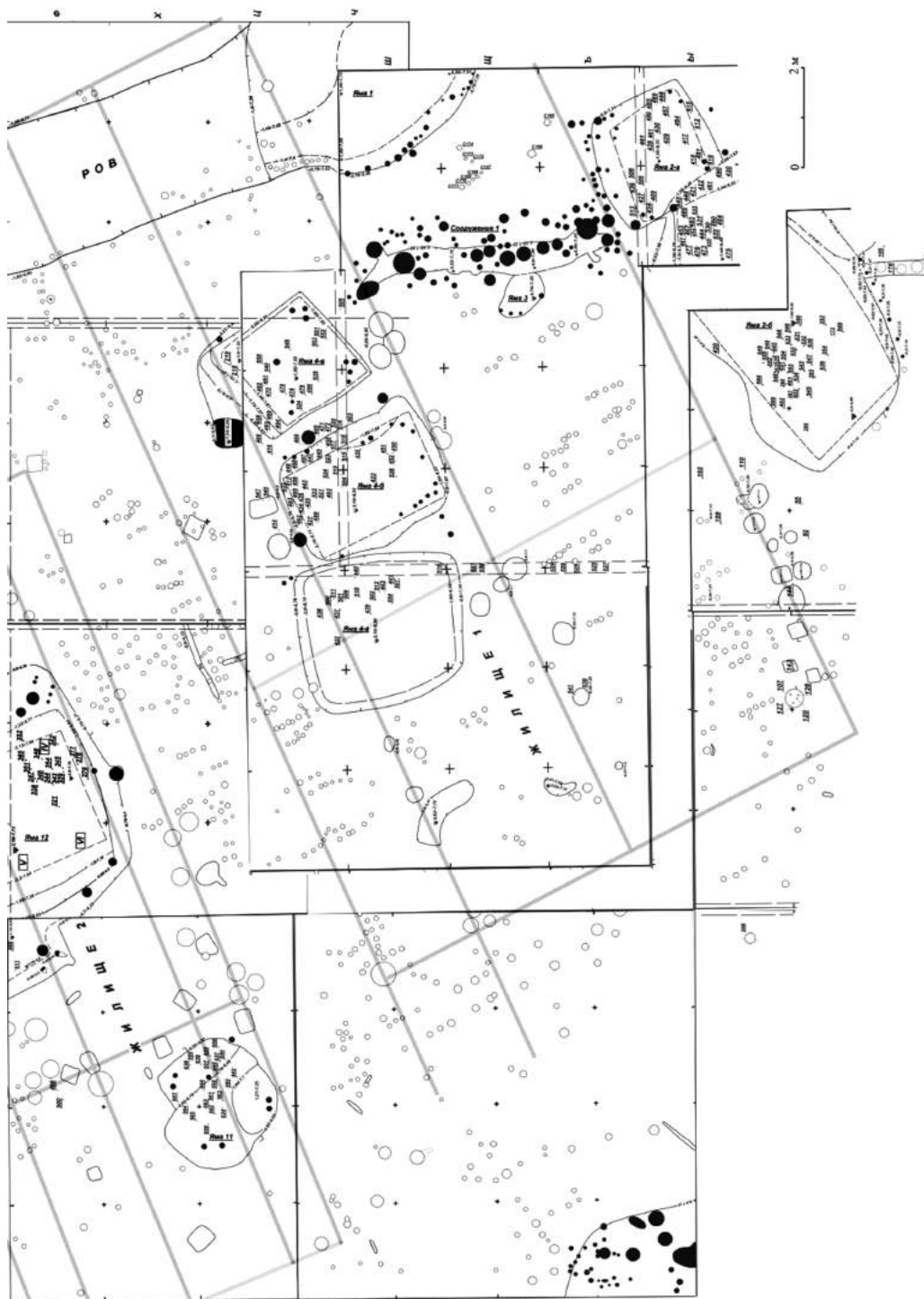

Рис. 1. Рождественское городище, раскоп IX. План жилища IX/1.

2 сажений» (Рогов, 1858. С. 74). Один сажень – 213.36 см, то есть, два саженья – это чуть более 4 м. Следует помнить, что «пермяцкая изба – это результат эволюции родановских жилищ» (Памятники..., 1976. С. 45). Учитывая, что жилища родановской культуры представляют собой примитивные срубные конструкции (Талицкий, 1951. С. 63), возьмем за основу высоту в сажень, округлив ее для удобства до 2 м. $2 * (18+10) * 1.8 = 100.8$ кв. м. На строительство одного квадратного метра стены у коллектива из пяти человек уходило 2 часа (ЕНиР). Получаем $100.8 * 2 = 201.6$ чел./час. С.В. Берлина в своей кандидатской диссертации приводит результаты подобных вычислений для разного по числен-

ности строительного коллектива (5, 7, 12 человек). Расчеты для коллектива из 7 человек показывают, что в этом случае на строительство будет затрачено 120.96 чел./час. При 10-часовом рабочем дне 7 человек потратят на возведение стен примерно 12 дней.

На устройство кровли – укладка балок из бревен, брусьев, наката, утепление перекрытий – уходило 1.45 чел./час. на кв. м. Заметим, что двухскатная кровля имеет площадь больше, чем площадь пола, т.е. около 185 кв. м. Умножим 185 на 1.45 и получим 268.25 чел./час. Коллектив из 7 человек потратит на строительство 160.95 чел./час, или в пересчете на 10-часовой рабочий день – до 16 дней. В итоге получаем, что на строительство всего жилища у коллектива из 7 человек уходило до 28 дней.

Данная методика демонстрирует, сколько времени затрачивалось на строительство средневекового жилища. Конечно, полученные результаты носят условный характер и требуют проверки на практике для формирования более полной картины жизни и уровня домостроительства носителей родановской археологической культуры.

- Абрамова Т.А., Спиридонова Ю.Н., 2017. Роль родового коллектива в обрядности финно-угорских народов // *Juvenis scientia*. № 6. С. 52–55.
- Единые нормы и расценки на строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы (ЕНиР) [Электронный ресурс]. URL: http://www.tehlit.ru/1lib_norma_doc/2/2562/index.htm#i151099.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С., 1989. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск. С. 165–177.
- Крыласова Н.Б., 2016. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. № 3. С. 63–76.
- Крыласова Н.Б., 2017. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2016 году. Пермь: МАЭ ППГУ. 230 с.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: СО РАН. 228 с.
- Памятники истории и культуры Пермской области, 1976 / Сост. Л.А. Шатров. Изд. 2-е. Пермь: Перм. кн. изд-во. 220 с.
- Половников Л.В., 2017. К вопросу о размерах жилищ родановской культуры // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. *Studis historica juvenum*. № 1 (13) / 2016: научный журнал. Пермь: ПГПУ. С. 48–55.
- Рогов Н.А., 1858. Материалы для описания быта пермяков // Журнал МВД. Т. 29. № 4 апр., отд. 3. С. 45–126.
- Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. С. 33–96.
- Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: УдМГУ. 272 с.

Е.В. Русланов

*Институт истории, языка и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра РАН
butleger@mail.ru*

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ПЛОЩАДКИ НИЖЕГОРОДСКОГО III ПОСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ УФИМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Нижегородское III поселение расположено в зоне, прилегающей к Уфимскому полуострову (всхолмленная территория в междуречье рек Уфы и Белой, названная так из-за схожести контуров русел рек с вытянутым полуостровом), к югу от него.

В золотоордынское время здесь зафиксировано более 10 позднесредневековых памятников чияликской культуры: городища Уфимское I (Чертово), Уфа II, Уфа III, селища Подымалово-1, Нижегородское II, Затонские III и IV, Князевское, Нижегородское III поселение и четыре погребения: Демское, два захоронения на городище Уфа II и одно на площадке Таганаевского могильника (Археологическая карта Башкирии,

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.185-187

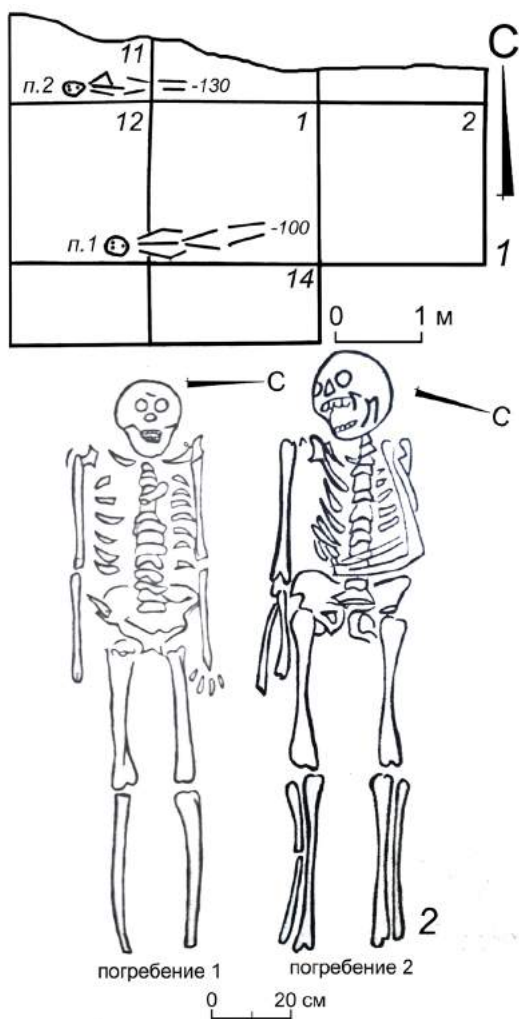

Рис. 1. Нижегородский III грунтовый могильник.

1 – планиграфия погребений; 2 – погребения 1 и 2.

углублены в материк, очертания их не прослеживались. Погребения располагались на расстоянии 1.5 м друг от друга, почти в ряд (рис. 1: 1).

Погребение 1. Выявлено на глубине 1 м от современной поверхности. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на запад, руки вытянуты (рис. 1: 2). Рядом, чуть выше костяка, найдены железная пешня и развал большого сосуда, но связывать эти два предмета с захоронением затруднительно.

Погребение 2. Выявлено на глубине 1.3 м от современной поверхности. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на запад с небольшим отклонением к юго-западу. Череп завалился в южную сторону (рис. 1: 2). Вещей не найдено.

Судя по обряду (отсутствие погребального инвентаря, положение костяка вытянуто на спине, юго-западная ориентировка, поворот черепа вправо), а также по большому количеству аналогичных погребений в Волго-Уральском регионе, исследованные объекты относятся к раннемусульманским погребениям чияликской археологической культуры (Гарустович, 2015. С. 191). Этому не противоречит факт отклонения от западной ориентировки погребения 2 (Гарустович, 1998. С. 147).

Наличие памятников чияликской культуры на территории самого Уфимского полуострова (в их числе «зимник» с долговременными жилищами на Уфимском I (Чертовом)

1976; Памятники археологии Башкирской АССР, 1982; Бахшиев, Насретдинов, 2009. С. 35–36; Камалеев и др., 2017. С. 51–54; Дмитриев, Сальников, 1941. С. 136).

Публикуемые погребения выявлены при исследовании многослойного Нижегородского III поселения, расположенного на северо-восточной окраине д. Нижегородка Уфимского района на мысу правого берега р. Дема¹. Памятник открыт А.П. Шокуровым, в 1971, 1983 и 1986 гг. изучался экспедицией под руководством М.Ф. Обыденнова (Шокуров, 1970. С. 151. № 213; Акбулатов, Обыденнов, 1983; Обыденнов, 1986). На поселении вскрыто 52 кв. м, находки представлены керамикой абашевской, срубной, межовской культур эпохи бронзы, турбаслинской культуры раннего Средневековья, а также гончарной керамикой XIV–XVI вв. Имеющиеся в нашем распоряжении отчетные материалы не позволяют установить, прорезают ли выявленные погребения слои эпохи бронзы и раннего железа, так как стратиграфически они не выделяются. Вблизи погребений на глубине от 0.8 до 1 м найдены предметы, связанные с эпохой позднего средневековья: подкова, пешня, наконечник стрелы, пряжка, обломок ножа, пряслица, рыболовные грузила.

Два погребения обнаружены в 1986 г. на глубине 1–1.30 м от современной поверхности. Могильные ямы не были

¹ Выражаю искреннюю благодарность д.и.н. М.Ф. Обыденнову за возможность публикации материалов.

городище), а также летних сезонных поселений в пойме в окружении заливных лугов говорит об освоении пойменных пространств в эпоху позднего Средневековья. По существу, эта территория являлась ресурсной базой, обеспечивающей комфортное проживание для полукочевого населения чияликской культуры.

- Акбулатов И.М., Обыденнов М.Ф., 1983. Научный отчет о разведочных археологических работах, проведенных летом 1983 г. // Архив Кабинета археологии БашГУ. Ф. 4. Д. 25. 263 с.
- Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р., 2009. Погребения на территории городища Уфа-II: к вопросу о «длиной» хронологии памятника // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 33–37.
- Гарустович Г.Н., 1998. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа. 340 с.
- Гарустович Г.Н., 2015. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 181–198.
- Дмитриев П.А., Сальников К.В., 1941. Гор. Уфа – ст. Ишимбаево, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР. С. 131–145.
- Камалеев Э.В., Ахатов А.Т., Тузбеков А.И., Бахшиев И.И., 2017. Археологическое изучение долины р. Сикиязка в 2017 г. // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: Институт этнологических исследований УФИЦ РАН. С. 51–54.
- Обыденнов М.Ф., 1986. Отчет об археологических исследованиях в зоне Иштугановского водохранилища в 1986 году // Архив Кабинета археологии БашГУ. Ф. 4. Д. 31.
- Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981–1986 годы, 1982 / Отв. за вып. Р.Г. Мухтаров. Уфа: ВООПИК. 94 с.
- Шокуров А.П., 1970. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука. С. 131–160.

Г.М. Сагманова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
g_s_17@mail.ru*

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ С ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОСАДА ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Данная статья посвящена анализу стеклянных браслетов, обнаруженных при раскопках в Рязани на ул. Соборная, 16, в 2017 г. и на ул. Соборная, 20а, в 2015 и 2016 гг.^{1/}

Наиболее полно стеклянные браслеты Переяславля Рязанского проанализированы В.И. Завьяловым (2015. С. 178–183) и С.И. Миловановым (2013. С. 150) по материалам XII–XIV вв. из кремля. В настоящей работе вводятся в научный оборот новые находки, происходящие с территории Верхнего посада. Специфика изучаемой коллекции заключается в хронологических особенностях накопления культурного слоя.

Начало освоения Верхнего посада относится ко второй половине XII в., о чем говорит присутствие характерной керамики и некоторое количество ям и построек данного периода на самом северном из исследованных участков 2017 г. В расположенных южнее раскопах 2015 и 2016 гг. отсутствуют признаки культурного слоя домонгольского времени, что указывает на периферийность этих участков посада в то время и начало их интенсивного использования только с XIII–XIV вв. Большая часть браслетов найдена в перемешанных слоях, датированных XIII–XVII вв. (65%), часть обнаружена в ямах второй половины XIII – XIV в. (28%) и лишь небольшое количество происходит из комплексов XII – первой половины XIII в. (7%). Таким образом, анализируемую коллекцию можно отнести преимущественно к XIII–XIV вв., что отличает ее от рас-

¹ Выражаю благодарность руководителю раскопок И.Ю. Стрикалову а возможность работы с неопубликованным материалом.

Табл. 1. Распределение гладких и крученых стеклянных браслетов по пластам раскопов Верхнего посада Переяславля Рязанского

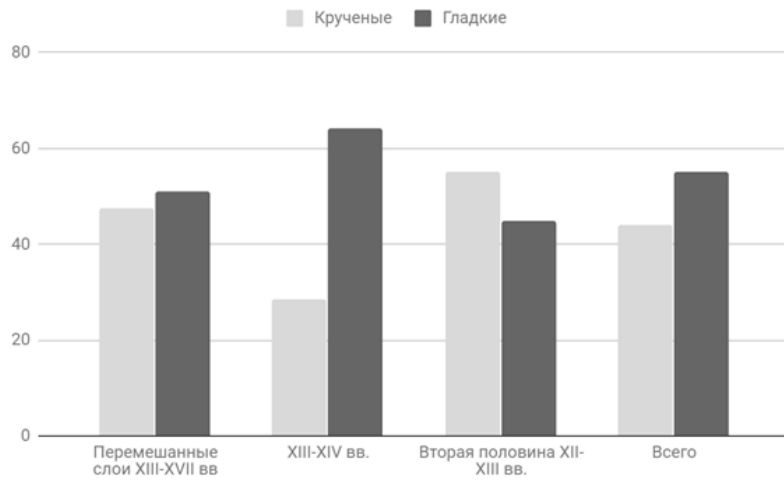
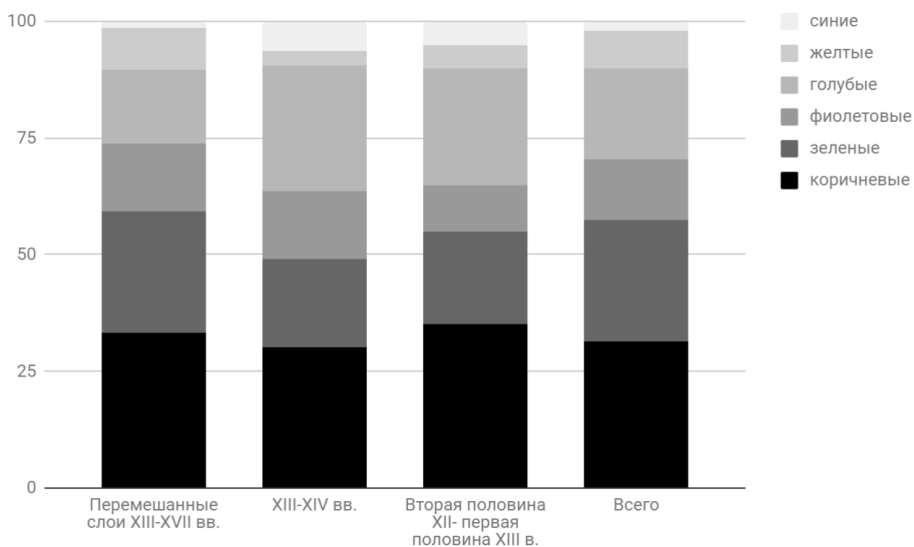

Табл. 2. Распределение цветовой гаммы стеклянных браслетов по пластам раскопов на территории Верхнего посада Переяславля Рязанского

смотренной исследователями ранее выборки из Житного раскопа с территории Рязанского кремля.

Всего изучено 220 фрагментов браслетов. Из них 44% – крученые, 55% – гладкие, 1% – витые и треугольные. Стоит отметить, что в слоях XIII–XIV вв. преобладают гладкие украшения, в отличие от более ранних комплексов и перемешанных слоев (табл. 1). Соотношение крученых и гладких экземпляров является хронологическим показателем: преобладание крученых характерно для домонгольского времени, со второй половины XIII в. преобладают гладкие изделия (Полубояринова, 1963. С. 172. Табл. 2; Столярова, 2016. С. 215). Е.К. Столярова предложила делить браслеты в зависимости от диаметра сечения жгута на тонкие (3–4 мм), средние (5–6 мм) и толстые (7–9 мм) (Столярова, 2016. С. 23). Большая часть описываемых здесь экземпляров по диаметру сечения жгута относится к средним (140 шт.), 44 браслета – к тонким, толстых всего 15.

Большинство обнаруженных браслетов коричневые (28.8%) и зеленые (сюда также включены оливковые, темно-зеленые и желто-зеленые – 23.7%), меньше бирюзовых (17.8%), фиолетовых (11.9%), мало желтых (7.3%) и синих (1.8%), ввиду плохой сохранности не удалось установить цвет 8% изделий (табл. 2). Подобное соотношение цветов

Табл. 3. Соотношение цветовой гаммы стеклянных браслетов из раскопов Верхнего посада с коллекциями из Житного раскопа Переяславля Рязанского и Старой Рязани

Цвет	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Всего (2015–2017 г.)	Житный раскоп	Старая Рязань
Коричневый	29,9%	32,8%	17,1%	28,8%	23,3%	5,7%
Зеленый	23,9%	17,9%	34,3%	23,7%	30,8%	43,6%
Фиолетовый	8,5%	16,4%	14,3%	11,9%	18,4%	9,7%
Бирюзовый	11,1%	28,4%	20,0%	17,8%	17,5%	10,6%
Желтый	10,3%	3,0%	5,7%	7,3%	6,8%	7,0%
Синий	0	1,0%	8,6%	1,8%	3,2%	22,9%
Другие	16,2%	0	0	8,7%	0	0

близко к цветовой гамме стеклянных браслетов Житного раскопа из пластов XIII в. (Завьялов, 2015. С. 183). При сравнении с комплексом стеклянных браслетов Старой Рязани из слоев XII – первой половины XIII в. бросается в глаза значительно меньшая доля среди переяславльских синих и голубых браслетов, составлявших более трети всех обнаруженных изделий в Старой Рязани (табл. 3). Большое количество образцов этого цвета отмечается как местная особенность (Щапова, 1974. С. 78). Синие и голубые украшения составляют весомую долю в самых ранних слоях Житного раскопа (Завьялов, 2015. С. 183), на Верхнем посаде они присутствуют только в раскопе 2017 г., где отмечены ранние комплексы (табл. 3).

Исследователи выделяют два варианта распределения стеклянных браслетов по слоям. Первый характерен для городов, пострадавших в результате монгольского нашествия. Там максимальное количество находок обнаруживают в слоях второй половины XII – первой половины XIII в. Второй вариант характеризуется максимальной концентрацией браслетов в XIII в. и типичен для городов, где помимо импорта существовало и местное производство изделий из стекла (Щапова, 1997. С. 88, 89. Табл. 6). Проведенное ранее исследование материала с территории Рязанского кремля показало, что в Переяславле Рязанском браслеты распределены по второму варианту, и пик их распространения приходится на вторую половину XIII в. (Милованов, 2013. С. 150; Завьялов, 2015. С. 180).

Анализ новой коллекции с территории Верхнего посада Переяславля Рязанского, датируемой преимущественно второй половиной XIII – первой половиной XIV в., свидетельствует о бытовании этой категории украшений в указанный период и подтверждает вывод о распределении браслетов по второму варианту.

- Завьялов В.И., 2015. Цветовая гамма стеклянных браслетов Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа) // Археология Подмосквья. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 178–183.
- Милованов С.И., 2010. Торговля Рязанской земли в XI – 2-й половине XV в.: по археологическим и нумизматическим данным. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 250 с.
- Полубояринова М.Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. № 117. С. 164–199.
- Столярова Е.К., 2016. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. М.: РГГУ. 692 с.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.
- Щапова Ю.Л., 1974. Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.) // Археология Рязанской земли. М.: Наука. С. 76–92.
- Щапова Ю.Л., 1997. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура. Серия Археология. М.: Наука. С. 80–92.

Д.Э. Сейдалиева*, Э.И. Сейдалиев**

* Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,
Симферополь

**Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
djetka@gmail.com, codexcummanicus@gmail.com

ПОЛУФАБРИКАТЫ С НЕОБЫЧНЫМ УЗОРОМ ИЗ РАСКОПОК ГОНЧАРНОГО ПОСЕЛЕНИЯ БОКАТАШ II

Поселение Бокаташ II находится в предгорье хребта Карасан-Оба, в 1.4 км к юго-востоку от г. Старый Крым (средневековый Солхат), в 1.25 км к югу от городского водохранилища. Через поселение проходит ответвление от старой (земской) дороги, которая ведет из г. Старый Крым через перевал Таш-Капу в сторону поселка Коктебель. С северо-востока Бокаташ II ограничен оврагом Мартыг-Дере, с юго-запада Арматлукским массивом коренного леса и Имеретской долиной.

Общая площадь поселения составляет 22 тыс. кв. м. Его северная часть представляет собой овальную в плане седловину. Южная часть расположена на небольшом отроге, который отходит в западном направлении. В 2003–2008 гг. на поселении Бокаташ II проводила археологические исследования экспедиция Государственного Эрмитажа во главе с М.Г. Крамаровским. В ходе раскопок выявлено, что первоначально памятник функционировал как специализированный гончарный центр. Позднее здесь было возведено жилое помещение, фундамент которого сохранился на более высоком стратиграфическом уровне, чем гончарные печи. В этот период на городской рынок Солхата поставлялась наряду с кухонной неполивной посудой столовая глазурованная керамика, часто высокого качества. Также зафиксировано изготовление сосудов для местного использования (Крамаровский, Гукин, 2004. С. 50).

Существование ремесленного поселения Бокаташ II предварительно можно отнести ко второй половине / концу XIII – началу XIV в. Расцвет производства на памятнике приходится на время правления ханов Узбека и Джанибека (1312–1357 гг.), а в период правления Токтамышя (1375–1395 гг.) он приходит в упадок (Золотая Орда, 2005. С. 137).

На поселении найдены полуфабрикаты с изображением птиц (Крамаровский, Гукин, 2005. С. 17). Обнаружены фляга, кувшин, тарелка и фрагмент чаши на кольцевом поддоне, орнаментированные в своеобразном стиле. Аналогии нам неизвестны. Изображения напоминают цесарку, образ которой требует дополнительного изучения. На всех изделиях отсутствует глазурь, возможно, это заготовки. На тарелку с широким горизонтальным краем нанесен орнамент, выполненный в технике сграффито (рис. 1: 1). Поле сосуда занимают расположенные по кругу изображения трех шагающих птиц, обращенных вправо. Оттопыренный хвост и приподнятые крылья переданы штриховкой. Тулово заполнено кружками. Фрагмент чаши (рис. 1: 2) также орнаментирован в технике сграффито. Центральную часть внутренней поверхности сосуда занимает изображение двух птиц, обращенных влево и вправо, расположенных параллельно друг другу. Хвост и приподнятые крылья переданы штриховкой. Туловище заполнено сеткой с крупными ячейками. Часть головы утрачена. Вероятно, и здесь мастер изобразил цесарку. Фляга пилигрима (рис. 1: 3) переделана под светильник (?) с шестью сквозными отверстиями, прорезанными по сырой глине в обеих лицевых стенках (Крым, 2016. С. 142, 143). На широких боковых стенках сосуда изображены три шагающие птицы, обращенные вправо и влево. Оттопыренный хвост и приподнятые крылья пернатых переданы густой штриховкой. Туловище заполнено кружками. Следующее изделие – кувшин (рис. 1: 4). Его тулово имеет сферическую форму, горло узкое. Орнамент выполнен в технике сграффито. Корпус украшает изображение трех птиц, обращенных вправо. Хвост и приподнятые крылья пернатых переданы штриховкой. Туловища заполнены зигзагообразными линиями и точками (Крым, 2016. С. 142).

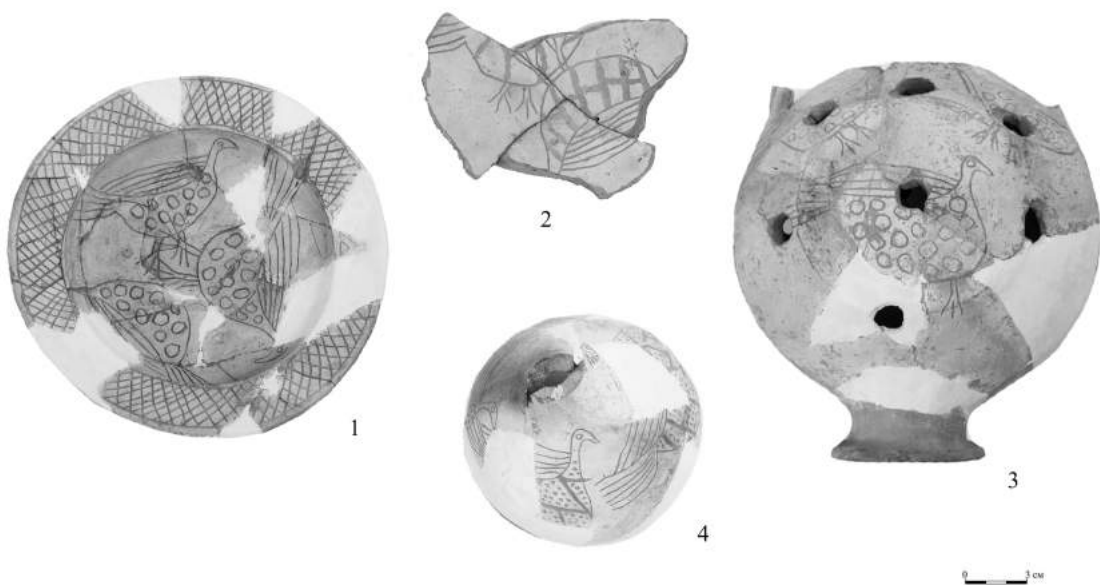

Рис. 1. Полуфабрикаты сосудов с изображениями птиц с поселения Бокаташ II.

Несмотря на некоторые различия в узорах, передающих туловища птиц, они выполнены в одной технике и, осмелимся предположить, одним мастером. В литературе известны находки керамической посуды с изображением птиц (голубя), произведенные в одном стиле, одним мастером, но обнаруженные в разных местах (Кирилко, 2005. С. 349–358). Вероятно, и в нашем случае мы имеем дело с предметами, произведенными в одной мастерской, тем более что обнаружены они на одном ремесленном поселении и являются заготовками. М.Г. Крамаровский считает, что горны, при которых были обнаружены эти сосуды, вероятно, обслуживал один мастер с одним или двумя помощниками, а также отмечает «контраст совершенного с точки зрения технологии обжига горна и несколько примитивной работы гончара» (Золотая Орда, 2005. С. 139). Вероятно, мастер был не очень хорошим художником, либо сосуды орнаментировались начинающим подмастерьем.

Детальный и всесторонний анализ находок, который требуется провести, способен пролить свет на особенности формирования местной самобытной ремесленной традиции, культуру и историю повседневности населения и дополнить уже имеющиеся сведения о гончарном ремесле средневекового Крыма.

Золотая Орда. История и культура: каталог выставки. 2005. СПб.: Славия. 264 с.

Кирилко В.П., 2005. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: ИД «Стилос». С. 349–358.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д., 2004. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). Вып. 2. СПб. 380 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д., 2007. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 году. Вып. IV. СПб: Лема. 261 с.

Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки, 2016. Симферополь: ООО «Издательство “Тарпан”». 160 с.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТРУМЕНТОВ ЛОМОВАТОВСКОЙ И РОДАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В исследовании проводится сравнение основного инструментария ломоватовской (V–XI вв.) и родановской (XII–XV вв.) археологических культур с целью выявления изменений в формах орудий. Территориально работа охватывает бассейны верхней и средней Камы, Чусовой. Основные материалы по ломоватовской культуре опубликованы Р.Г. Голдиной (1985). Классификация и датировка топоров Пермского Предуралья разработана А.В. Даничем (2015), хронология кресал предложена Н.Б. Крыласовой (2007), анализ сельскохозяйственных орудий проведен А.Н. Сарапуловым (2015). Всего рассмотрено более 1100 инструментов, происходящих из коллекций более чем с 140 местонахождений и хранящихся в Пермском, Чердынском и Кудымкарском музеях, в архиве музея археологии и этнографии ПГГПУ (табл. 1).

В эпоху Средневековья возрастает производство железных инструментов. Появляются новые по сравнению с предшествующей гляденовской культурой раннего железного века орудия труда, в том числе узкоспециализированные.

Топоры VIII–XI вв. представлены во всем многообразии форм, как боевых, так и универсальных. К XII в., вероятно, произошло вычленение рациональных и упрощенных конструкций универсальных топоров. Фактически из всего многообразия остаются лишь бородовидные и широколезвийные изделия (Данич, 2015. С. 82). В XI–XIV вв. распространяются железные петли – топорни, размещаемые на поясе для удобства ношения топора (Крыласова, Брюхова, 2017. С. 148).

Набор деревообрабатывающих инструментов наиболее стабилен в рамках культурной трансформации от ломоватовской к родановской культуре. Тесла встречаются преимущественно на ломоватовских памятниках. Из инструментов для строгания выявлены только наструги. Скобели и струги в Прикамье неизвестны. Стамесок немного, но они характерны для поселенческих памятников обеих культур. Долота встречаются в основном на ломоватовских памятниках, преимущественно шиповидные, реже плоские. Сверла преобладают перовидные, но известны и лучковые в обеих культурах. Резцы-ложжари были особенно популярным типом резцов и встречаются в материалах обеих культур.

Ножи в обеих культурах представлены несколькими похожими типами. Их объединяет универсальное назначение и форма: прямая спинка и плоский неширокий черешок (Голдина, 1985. С. 59). Чаще всего на лезвии имелся уступ при переходе к черешку.

Основные типы кресал претерпевают изменения. До XIII в. наиболее популярными были калачевидные и однолезвийные кресала. Короткое время в IX–XI вв. существовали биметаллические кресала (Крыласова, 2007. С. 144). Уже в XII в. появляется новый тип – двулезвийные кресала прямоугольной и овальной форм. Аналогии им можно найти на древнерусских памятниках (Крыласова, 2007. С. 184–186).

Земледельческие орудия ломоватовской культуры представлены мотыгами, но уже в XII–XIV вв. распространяются наконечники ральников. Происходит переход населения к пашенному земледелию (Сарапулов, 2015. С. 123, 124). Орудия для уборки урожая – серпы и косы-горбуши – редки для Пермского Предуралья, однако иногда встречаются в обеих археологических культурах (Сарапулов, 2015. С. 85–88).

Кузнечный инструментарий на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья существовал без особых изменений. В набор инструментов входили молоты-ручники, клещи, зубила, пробойники, напильники. Ювелирные инструменты универсальны во всем диапазоне V–XV вв. К ним относятся тигельные клещи, льячки, молоточки, чеканы, щипчики, ножницы, шабер.

Табл. 1. Соотношение инструментов ломоватовской и родановской культур по типам

Инструмент	Ломоватово (шт.)	Роданово (шт.)
Топор	чекан (85); узколезвийный (47); узколезвийный без щековиц (5); широколезвийный (4); бородавчатый (29); клевец (5); кельт (22); двусторонний (1)	широколезвийный (секира) (21); бородавчатый (16)
Кресало	калачевидный (62); однолезвийный (24); биметаллический (211)	калачевидный (35); однолезвийный (2); двулезвийный (37)
Земледельческие	мотыга (20)	ральчик (238)
Тесло	12	2
Стамеска	7	6
Долото	шиповидное (7); плоское (6)	плоское (1)

Инструменты для текстильного производства представлены пряслицами, иглами, шильями. Их набор остается традиционным и изменяется мало. Также встречаются железные и костяные кочедыки и разбивальники.

Помимо инструментария, значительно меняется набор вооружения. При смене культур резко пропадает клинковое и древковое оружие, а также элементы конской сбруи. Остаются лишь универсальные топоры, наконечники стрел, накладки сложносоставного лука. На протяжении всей ломоватовской культуры часто встречаются предметы вооружения разных видов, что можно связать с существовавшей военной угрозой. В первую очередь это разные типы топоров с выделением боевых. В родановское время, к XII в., происходит унификация топора, вырабатывается наиболее рациональный тип, пригодный для выполнения большего количества операций, поэтому он вытесняет тесло и долото. Изменения кресал связаны как с древнерусским влиянием, так и с усилением сугубо утилитарных функций предметов, без излишеств эстетической и смысловой нагрузки. Остальные группы инструментов не подвергаются особым изменениям.

Таким образом, наблюдаются закономерности в изменениях орудий труда при переходе от ломоватовской культуры к родановской, возможно, связанные с переменами в хозяйственно-культурном типе.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. 280 с.

Данич А.В., 2015. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. X. Пермь: ПГГПУ. С. 71–124.

Крыласова Н.Б., 2007. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПФ ИИиАУрО РАН. 352 с.

Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г., 2017. Плотниковский могильник // Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ. 259 с.

Сарапулов А.Н., 2015. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: ПГГПУ. 170 с.

БРАТСКИЙ КОРПУС ТВЕРСКОГО УСПЕНСКОГО ЖЁЛТИКОВА МОНАСТЫРЯ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Каждый памятник археологии и архитектуры уникален и существует в определенном контексте, связанном с природно-географической средой и деятельностью человека. Интересные в этом плане данные были получены в результате археологического исследования братского корпуса Тверского Успенского Жёлтикова монастыря.

Монастырь был основан в 1394 г. тверским епископом Арсением при великом князе Михаиле Александровиче. Свое существование он прекратил в 30-е годы XX в., когда была закрыта церковная община. С этого же времени началось разрушение архитектурного ансамбля: часть зданий была взорвана и разобрана на кирпичи в 1930-е годы, часть сильно пострадала в годы Великой Отечественной войны. В 1945 г. из-за масштабов разрушения построек и невозможности их реставрации монастырь был исключен из списка памятников архитектуры, а его территория передана военной части и до 2013 г. использовалась как хранилище горюче-смазочных материалов военного аэродрома, вследствие чего архитектурный комплекс практически полностью был уничтожен. Сохранились только один ярус надвратной колокольни, братский корпус и фрагмент монастырской стены. В 2017 г. началось археологическое исследование монастыря в рамках предпроектных работ по его восстановлению.

На протяжении почти всего XX в. территория монастыря принадлежала вооруженным силам, поэтому топографическая съемка с указанием точного расположения монастырских строений и какая-либо другая документация отсутствуют. Сохранились только дореволюционные описания и обмеры.

Первые упоминания о каменных жилых помещениях для архимандрита и братии содержатся в описи 1713 г.: «четыре кельи брацкие низменные каменные потолки накатные в окнах решетки железные окончины стекольчатые» (ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 393). Братский корпус расположен в южной части монастыря на высоком коренном берегу р. Тьмаки, в непосредственной близости от края берега. По описи 1764 г. каменные настоятельские и братские кельи располагались при церкви Антония и Феодосия Печерских, к западу и востоку от нее, и составляли вместе с ней четвертую стену ограды длиной, как и остальные три, 52 сажени (ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 7).

Расположение корпуса на краю высокого берега сказывалось на его состоянии на протяжении всего существования. Сохранился «Всепопданейший доклад» архимандрита Сергия с братией к архиепископу Тверскому и Кашинскому Мефодию, где было указано: «Имеющиеся в оном Жёлтиковом монастыре братские одноэтажные каменные кельи, в коих братия ныне житье имеют... от долговременности начали приходить в упадок; а особливо стена, что к реке Тьмаке вовсе отделившись от поперешных стен, от множества означившихся на ней расцелин, близка уже стала к совершенному разрушению... поправить же их, не разрушая до основания, нет никакого способа» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 5142). Братские кельи были «вчерне отстроены и покрыты железом» в 1813 г., тогда же достроен второй этаж. В дальнейшем перестройка корпуса не производилась.

При археологических исследованиях 2018 г. расчищен фундамент XIX в. Он исследовался шурфами под руководством архитектора-реставратора Г.П. Лебедевой. Заложены пять шурфов размерами 1,5 × 1,5 м: три – с внешней стороны несущих стен здания, и два – внутри помещений.

В ходе работ установлено, что конструкция фундамента стены, обращенной к территории монастыря, характерна для каменного строительства XIX в.: один ряд цоколя из тесаных блоков, уложенных заподлицо с кирпичной кладкой стены, три ряда из грубо

отесанных блоков, выступающих относительно стены на 20 см. Нижняя часть фундамента сложена из валунов на известковом растворе с кирпичным щебнем. Следует отметить небрежность кладки этой стены.

Фундаменты юго-западной и юго-восточной стен корпуса сложены иначе. Фундамент торцевой юго-западной стены состоит из восьми рядов белокаменных блоков. Два ряда – цоколь из тесаных блоков, уложенных заподлицо с кирпичной кладкой. Еще шесть рядов белокаменных грубо отесанных блоков уложены в четыре широкие ступени (ширина 20–36 см), образуя своеобразный контрфорс. Фундамент юго-восточной стены, обращенной к реке, сложен ступенями: девять рядов белокаменных грубо отесанных блоков образуют пять ступеней шириной 16–18 см.

Основательно сложен фундамент и с внутренней стороны стен. В шурфе, заложенном в южном углу здания, также зафиксированы две ступени, одна из которых состоит из белокаменных блоков, вторая – крупных булыжников.

В верхней части фундаментов юго-западной и юго-восточной стен выявлены фрагменты белокаменных надгробных плит во вторичном использовании. По сохранившейся части орнамента плиты можно датировать XVI в. (Беляев, 2016. С. 143–145).

В шурфе, заложенном у юго-восточной стены, на расстоянии 20–30 см от нижней ступени контрфорса обнаружена часть конструкции, сложенной из булыжников с красно-коричневой плотной глиной, известковой и кирпичной крошкой. Высота ее составила 0.7–0.75 м. Вероятно, данная конструкция являлась попыткой укрепления и берега, и более раннего фундамента.

Таким образом, при археологическом изучении фундамента братского корпуса монастыря даже на такой небольшой площади, привлекая архивные материалы, можно получить значительный объем информации об истории памятника. Видимо, при строительстве каменных зданий не было учтено расположение корпуса на краю берега, из-за чего началось его постепенное разрушение, поэтому предпринимались попытки укрепления и предотвращения обрушения стен. При строительстве нового двухэтажного корпуса было принято во внимание проседание грунта и осыпание берега, о чем свидетельствует конструкция фундамента обращенных к берегу стен, укрепленных контрфорсами.

Беляев Л.А., 2016. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: МОДУС-ГРАФФИТИ, 1996. 563 с.

С.Ф. Степаненко

*Ecole Pratique des Hautes Etudes, Paris
stepan.f.stepanenko@gmail.com*

ЧЕРНИГОВЩИНА В СИСТЕМЕ ТОРГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ В X ВЕКЕ¹

Традиционный взгляд на путь «из варяг в греки» предполагал его существование уже в IX в. Особая роль в сложении южного участка этого пути отводилась Киеву. Однако еще Т. Нунан отмечал, что в историографии роль русо-византийской торговли в IX–X вв. сильно преувеличена, так как в IX в. четких археологических свидетельств ее нет, а в X в. ее масштабы оказываются более скромными, чем предполагалось (Noonan, 1987. P. 399).

Исследования последних лет, и в самом деле, показали, что путь «из варяг в греки» начинает активно функционировать не ранее X в. История сложения его северных участков рассматривалась в работах ряда специалистов (Лебедев, 2005. С. 537–559; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 599–631; Андрощук, 2001). Относительно Гнёздова А.А. Фетисов отмечает сравнительно малую концентрацию массового материала в слоях первой половины X в. и заключает, «что активная стадия участия Гнёздова в русско-византийской торговле началась лишь с середины X в.» (Фетисов, 2014. С. 117).

¹ Автор благодарит Ф.А. Андрощука за помощь в написании текста.

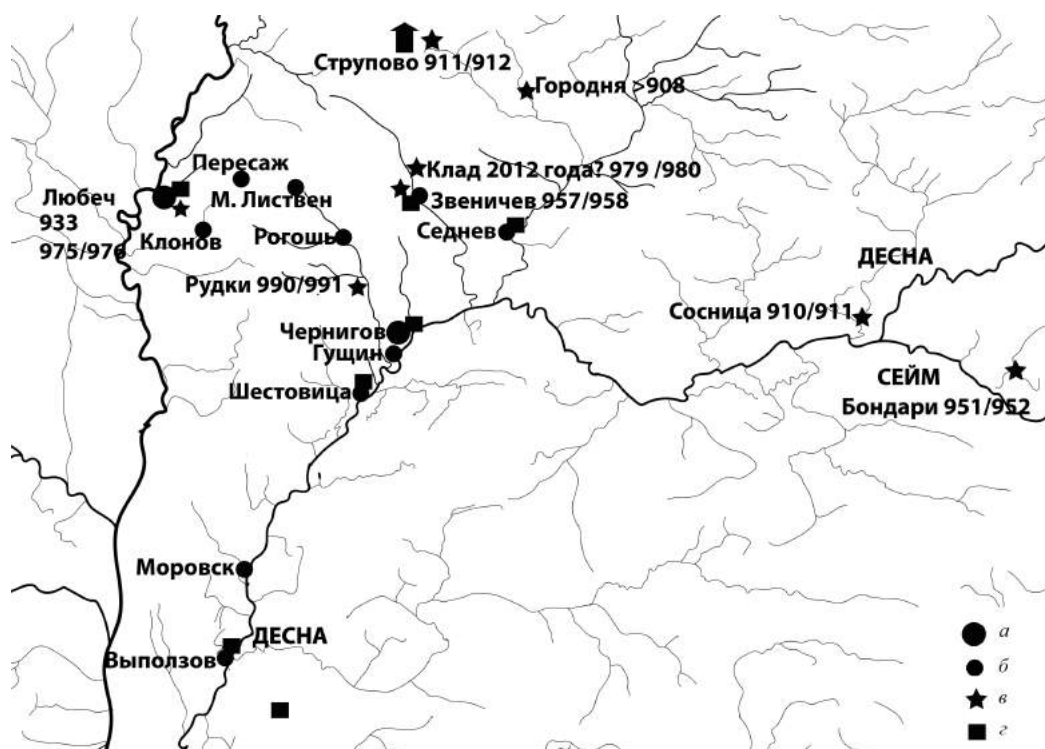

Рис. 1. Расположение кладов, поселений и индивидуальных находок монет на территории междуречья Днепра и Десны в X в.

а – города; б – укрепленные поселения; в – клады; г – отдельные находки монет.

Южный отрезок пути остается малоизученным, а потому роль Черниговщины в системе торговых путей и станет темой настоящего исследования.

Если сам путь «из варяг в греки», следующий по оси север – юг, можно определить как «долготный», определим как «широтные» торговые маршруты, связывавшие Русь с хазарским и мусульманским миром. Их важность как источника поступления серебра на Русь могла определяться высоким спросом на рабов в мусульманском мире, что недавно подчеркнул М. Янковьяк (Jankowiak, 2017. P. 171). Широтное направление возможно не только для торговли рабами, но и товарами (Howard-Johnston, 1998). Именно это направление притока серебра на Черниговщину предложил А.В. Фомин, полагая, что серебро в междуречье Днепра и Десны поступало вверх по Северскому Донцу, Дону или Волге, через Сейм и, возможно, далее по р. Белоус в направлении Любеча (Фомин, 1988. С. 77, 78).

На территории Черниговщины отмечено более 100 сельских поселений X в. (Веремейчик, 2010). Хотя на некоторых из них присутствуют предметы импорта, небольшой объем раскопок не позволяет датировать их более точно. Укрепленные поселения и их могильники дают больше материала для исследований.

Развитие укрепленных поселений на Черниговщине началось, по мнению П.П. и А.П. Толочко, не позже начала X в. (Толочко О.П., Толочко П.П., 1998. С. 80, 81). Таковыми являются: Рогошь (Оргош), М. Листвен, Гишин, Клонов, Звеничев и др. Проблему датировки памятников рассматривал А.Н. Бондарь. Представляя их как погосты, он отметил, что «в округе Оргоша известно минимум 15 сельских поселений с материалами X в.», около М. Листвена – 13, Гушина и Звеничева – 7 и 9, Пересажа – 8, Кланова – 3 (Бондарь, 2014. С. 104). Элементы укрепленных поселений могут датироваться временем до середины X в., а связанные с ними могильники – преимущественно серединой второй половины X в. (Бондарь, 2014; Коваленко и др., 1992; Коваленко, Марченко, 1991; Моця, 1986; 1988).

Полученные данные свидетельствуют о том, что основная деятельность вдоль водных путей от Чернигова до Любеча, соединяющих Десну и Днепр, должна датироваться не ранее чем серединой X в. В то же время функционирование «хазарского отрезка» или

«хазарского пути» (Северский Донец – Сейм – Десна) может быть отнесено и к более раннему времени.

- Андрощук Ф.А., 2001. Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. № 124. М.: ГИМ. С. 126–133.
- Бондарь А.Н., 2014. Летописные погосты и Южная Русь в X веке // Сборник статей к 60-летию профессора С.П. Щавелева. Курск: КГМУ. С. 84–110.
- Веремейчик О.М., 2010. Результати та перспективи археологічних досліджень сільських поселень Чернігівського Полісся // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Київ: ІА НАНУ. С. 209–215.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 670 с.
- Коваленко В.П., Марченко В.Н., 1991. Гушинское городище близ Чернигова // Археология и история Юго-Востока Руси. Киев. С. 46–48.
- Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомин О.В., 1992. Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // Археологія. № 1. С. 60–69.
- Лебедев Г.С., 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия. 640 с.
- Моця А.П., 1986. Табаевские курганы (по данным археологических исследований и материалам музейных фондов) // Тезисы Черниговской областной научно-методической конференции, посвященной 90-летию Черниговского исторического музея. Чернигов. С. 54, 55.
- Моця О.П., 1988. Курганный могильник X в. у с. Клонов // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред П.П. Толочко. К.: Наукова думка. С. 112–118.
- Толочко О.П., Толочко П.П., 1998. Київська Русь. Київ: Альтернативи. 352 с.
- Фетисов А.А., 2014. К вопросу о нижней дате Гнездовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки» // Сборник статей к 60-летию профессора С.П. Щавелева. Курск: КГМУ. С. 111–117.
- Фомин А.В., 1988. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. К.: Наукова думка. С. 74–80.
- Howard-Johnston J., 1998. Trading in fur, from Classical Antiquity to the early Middle Ages // *Leather and Fur: Aspects of Early Medieval Trade and Technology*. P. 65–80.
- Jankowiak M., 2017. What Does the Slave Trade in the Saqaliba Tell Us about Early Islamic Slavery? // *International Journal of Middle East Studies*. 49 (1). P. 169–172.
- Noonan T.S., 1987. The monetary history of Kiev in the pre-Mongol period // *Harvard Ukrainian Studies*. 11 (3/4). P. 384–443.

Н.Д. Страхова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
snatd@yandex.ru*

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРОИЦКОГО РАСКОПА)

Сельскохозяйственные орудия являются главным источником, свидетельствующим о наличии в хозяйственной жизни средневекового населения земледелия и скотоводства. Конструктивные особенности орудий позволяют проследить уровень развития земледельческой техники на данной территории, а также уровень мастерства местных ремесленников. Несмотря на важность других видов источников, таких как письменные и изобразительные свидетельства, археологический материал дает представление не только о комплексе сельскохозяйственного инструментария, но и о преобладании определенного вида орудий. Анализ этого материала позволяет проследить смену определенных земледельческих техник на данной территории.

В данной работе использованы материалы, собранные в ходе археологических изысканий на Троицком раскопе (I–XIV) на территории Людина конца средневекового Новгорода. В коллекционных описях, хранящихся на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, обнаружено 293 орудия (а также их фрагментов), бытовавших на территории

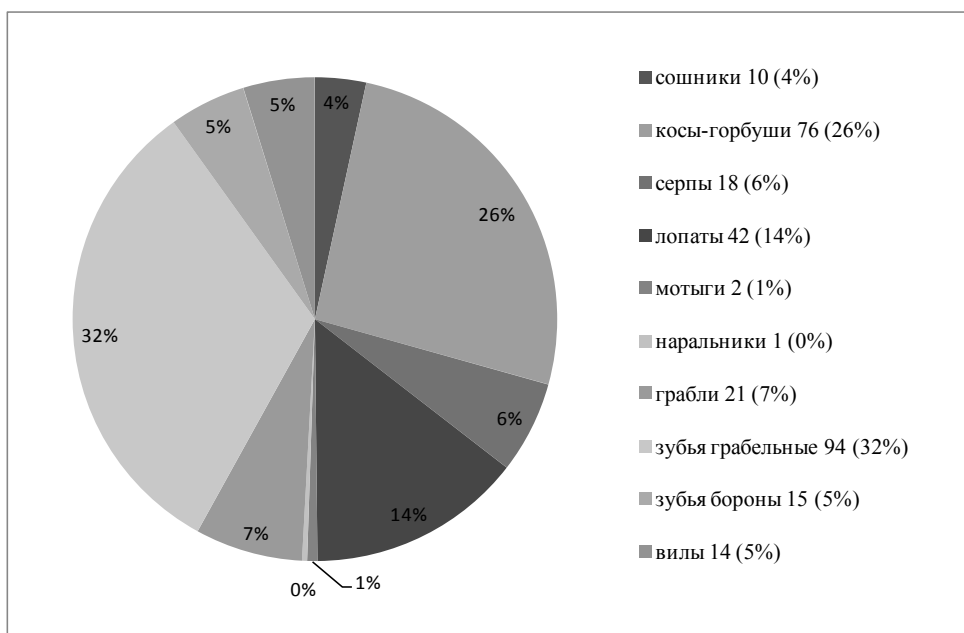

Рис. 1. Соотношение количества находок сельскохозяйственных орудий.

Новгорода с середины X до XV в. При обработке материала из данной коллекции выделено несколько функциональных групп соответствующих предметов: пахотные орудия (14 экз.); почвообрабатывающие орудия (45 экз.); орудия для уборки урожая (18 экз.); орудия для сенокосения (76 экз.); универсальные орудия (130 экз.).

Приведенный перечень функциональных групп показывает, что наибольшую численность имеют универсальные орудия, такие как грабли и вилы, которые могли использоваться не только для земледельческих работ. Их явное преобладание над другими группами орудий не вызывает вопросов, так как речь идет о территории средневекового города, где, например, наконечники пахотных орудий встречаются редко.

Материал Троицкого раскопа дает достаточно четкое представление о бытовавших сельскохозяйственных орудиях на территории Новгородской земли в эпоху Средневековья. Большая часть находок представлена такими орудиями как косы-горбуши, лопаты и грабли (рис. 1). Инструментарий, связанный с пахотными работами, встречается крайне редко. Если принять во внимание большое количество костей домашних животных, то наличие значительного числа орудий, необходимых для сенозаготовок, совершенно очевидно.

Представленные орудия по своему внешнему облику и прочим характеристикам по большей части имеют аналогии в изобразительных источниках более позднего времени (Арциховский, 1944. С. 4), а также среди инструментария крестьян XIX – начала XX в., известного по этнографическим материалам. Некоторые орудия очень близки по своим характеристикам к современным (Найдич, 1967. С. 35–59). Все это свидетельствует не только о высоком уровне мастерства новгородских кузнецов, но и об агротехнических знаниях местных жителей, которые умели приспособливать свои орудия труда к сельскохозяйственным нуждам. Найденные в Новгороде пахотные орудия и орудия для сбора урожая еще раз подтверждают тот факт, что основой хозяйства средневековой Руси было развитое пашенное земледелие. Следы пахоты на Троицких X и XI раскопах, датируемые не позднее IX в., уточняют время появления пашенного земледелия на данной территории (Александровский и др., 1999. С. 359–366).

На основании хронологического распределения находок сельскохозяйственных орудий можно сделать вывод о том, что предметы, связанные с пахотным земледелием, относятся к ранним слоям (XI в.), постепенно увеличивается количество орудий, связанных с сенокосением. Такое соотношение объясняется тем, что на ранних этапах на близ-

лежащей территории застройка не была плотной, и пашенные угодья могли находиться неподалеку. Впоследствии с увеличением застройки и расширением границ города отодвигались и пашни. На рубеже XII–XIII вв. отчается увеличение количества орудий для уборки урожая и сенокосения. Значительное преобладание таких орудий как грабли и косы-горбуши косвенно указывает на увеличение здесь роли стойлового содержания скота. Стоит также отметить, что сравнительно небольшое количество орудий, связанных с огородничеством, и отсутствие на Троицком раскопе слоев со следами огородов не позволяет сделать вывод о хозяйственной переориентации с пашенного земледелия на огородничество в XII–XIII вв.

Исходя из вышесказанного, следует еще раз отметить высокое значение сельского хозяйства в жизни древнего Новгорода. Археологический материал дает широкое представление об особенностях сельскохозяйственной деятельности средневековых новгородцев.

- Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А., 1999. Исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород. С. 358–366.
- Арциховский А.В., 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ. 213 с.
- Найдич Д.В., 1967. Пахотные и разрыхляющие орудия // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. М. С. 35–59.

И.М. Сумманен

*Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН,
Петрозаводск
irina.summanen@mail.ru*

КЕРАМИКА КУРГАНОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Курганные погребения являются основным и численно преобладающим типом археологических памятников в Юго-Восточном Приладожье, богатейшие материалы которых позволяют воссоздать облик материальной культуры прибалтийско-финских народов, проживавших здесь на рубеже I–II тыс. н.э., и реконструировать историко-культурную и этническую ситуацию в регионе (Кочкуркина, Линеvский, 1985; Кочкуркина, 1989; Назаренко, 1983; Богуславский, 1991).

Особенную ценность представляет керамический комплекс приладожских курганов, поскольку содержит лепные, раннегончарные и гончарные изделия, большинство из которых сохранились целиком или восстановлены на всю высоту сосуда. Коллекция курганной керамики изучена А.М. Спиридоновым: разработана типология сосудов, установлена хронология типов, прослежены этапы развития керамического набора в X–XII вв. и определено время становления местного производства посуды на гончарном круге – середина XI в. (Спиридонов, 1986; 1989). Однако комплексный технологический анализ керамики не входил в круг задач предыдущих работ, что обуславливает актуальность нового исследования.

Объектом изучения стали лепные сосуды (40 экз.) из курганных групп на р. Ояти: Гайгово, Ньюбиничи, Акулова Гора, Сязнега, Шангеничи, Валданица¹. 32 изделия представлены горшками (рис. 1: 1–4), 8 – мисковидными (рис. 1: 9) и чашевидными формами (рис. 1: 5, 7, 8). Большинство горшков изготовлены из ожелезненной глины, основу которой по данным сканирующей электронной микроскопии (СЭМ²) составлял иллит (табл. 1). Минеральная добавка присутствует в виде грубых зерен дресвы размером 2–3,

¹ Материалы хранятся в фондохранилище ИЯЛИ КарНЦ РАН.

² Семь образцов керамики ведущих типов (5 экз.) и редких форм (2 экз.) исследованы методом СЭМ для получения более детальной информации о составе ФМ. Анализ выполнен С.Ю. Чаженгиной (Институт геологии КарНЦ РАН).

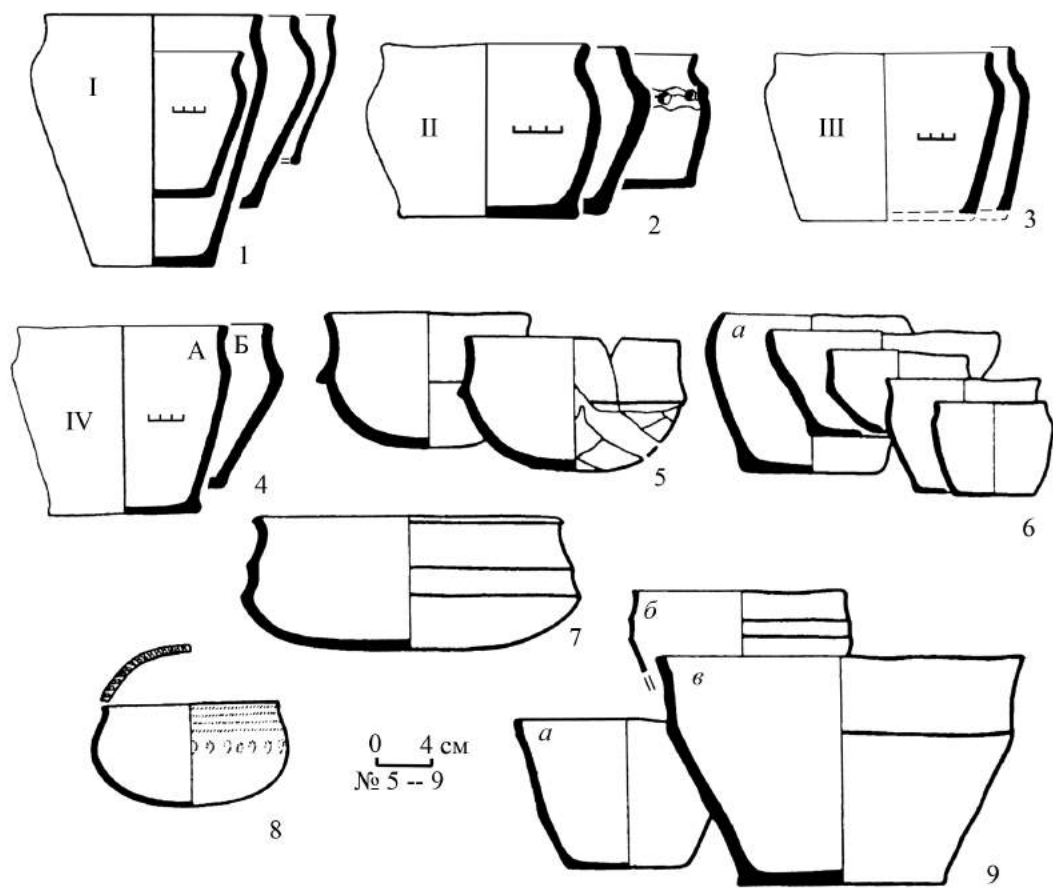

Рис. 1. Лепная керамика курганов Юго-Восточного Приладожья. Реконструкция А.М. Спиридонова (1986; 1989).

1–4 – основные типы; 5–9 – заимствованные формы.

иногда до 4 мм. У пяти из семи исследованных образцов примесь имеет практически мономинеральный кварцевый состав, иногда с включениями калиевого полевого шпата, альбита. У трех горшков помимо дресвы в составе формовочной массы (ФМ) обнаружены включения, которые по структуре можно идентифицировать как кость. Поверхность сосудов заглаженная, но бугристая из-за выпирающих зерен отошителя. Следы от заглаживания часто имеют горизонтальную направленность в верхней части сосуда (до плечика) и вертикальную ниже. Керамика обжигалась в окислительных условиях: половина сосудов имеет признаки кратковременного обжига, другие обожжены лучше (цвет на срезе равномерный). Два экземпляра (из Валданицы), видимо, не обожжены – черепок легко крошится, глина при смачивании превращается в пластичную массу.

По наблюдениям А.М. Спиридонова (1986. С. 26–27), в керамике приладожских курганов имеются привозные или сделанные по привозным образцам изделия, выделенные в отдельную группу (рис. 1: 5–9). Исследователь справедливо отметил, что эти сосуды также отличаются по технологическим параметрам, например, незначительной толщиной стенок (рис. 1: 9б) или подлощенной поверхностью (рис. 1: 7, 9в). Действительно, сосуды этой группы сделаны из более тонкой ФМ, в которой размер примеси дресвы редко достигал 2 мм. Поверхность большинства изделий гладкая, подлощенная. У некоторых сосудов помимо дресвы в составе ФМ фиксируется примесь шамота (рис. 1: 7) или шамота в сочетании с костью (рис. 1: 9в). По данным СЭМ материал дресвы ФМ сосуда редкой формы с загнутым внутрь венчиком (рис. 1: 7) отличается разнообразием аксессуарных минералов, среди которых выявлены хлорит, циркон, эпидот. Проведенный ранее масс-спектрометрический анализ¹ керамики (Сумманен, Светов, 2017) пока-

¹ Анализ выполнен А.С. Парамоновым (Институт геологии КарНЦ РАН).

зал, что по химическому составу ФМ сосуды заимствованных форм не демонстрируют значительных отличий от группы местных изделий. Поэтому можно с осторожностью предположить, что они изготовлены из местного сырья, возможно, на территории памятников, но не носителями курганной культуры, а пришлым населением в соответствии с собственными представлениями о технологии производства керамики.

Табл. 1. Минеральный состав ФМ курганной керамики (аббревиатуры минералов см.: Whitney, Evans, 2010)

№ пробы	Пластичная основа		Отощитель	
	Глина	Примесь в глине	Вид	Минералы
45	Илт	Qz, Fsp, Mnz (Th), Ilm	Порода	Qz, Alb, Fsp, Bt, Zr
46	Илт	Qz, Fsp, Bt, Ilm, Ap	Порода, кость	Qz, Ab, Fsp, Chl, Ep, Zr, Ilm
47	Илт	Qz, Fsp, Bt, Ilm, Ap	Порода, кость	Fsp, Ab, Bt
48	Илт	Qz, Fsp, Zr, Mnz (Th)	Порода	Qz, Ab, Bt, Ms
49	Илт	Qz, Ilm, Mnz	Порода, шамот (?)	Qz, Fsp
50	Илт	Qz, Ab, Ilm, Zr	Порода	Q, Fsp, Bt
51	Илт	Qz, Fsp, Bt	Порода	Q, Fsp, Ab, Bt, Ep, Zr, Chl, Ttn

- Богуславский О.И., 1991. Южное Приладожье во второй половине I – начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 21 с.
- Кочкуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия. 348 с.
- Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси X – начала XI в. Петрозаводск: Карелия. 224 с.
- Назаренко В.А., 1983. Погребальная обрядность Приладожской чуди. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л. 18 с.
- Спиридонов А.М., 1986. Лепная керамика из курганов Юго-Восточного Приладожья // КСИА. Вып. 187. С. 23–28.
- Спиридонов А.М., 1989. Керамика приладожской курганной культуры // С.И. Кочкуркина. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия. С. 303–315.
- Сумманен И.М., Светов С.А., 2017. ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. № 1 (162). С. 18–26.
- Whitney D.L., Evans B.W., 2010. Abbreviations for names of rock-forming minerals // American Mineralogy. Vol. 95. P. 185–187.

Ал.Ал. Ткачев*, А.А. Ткачев**

*Тюменский государственный университет,

**Тюменский научный центр СО РАН

al.al.tkachev@mail.ru, sever626@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДОНЕНЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАЗОВСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

На территории Тазовского района ЯНАО в 2013–2018 гг. комплексной археолого-этнографической экспедицией Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН под руководством А.А. Ткачева проводились исследования погребальных и поселенческих комплексов. Наиболее перспективной оказалась территория урочища Мамеевский мыс, расположенная между пос. Тазовский и с. Газ-Сале, где высокую левобережную террасу реки прорезает русло ручья Нум-хибя-сихэри (в переводе с ненецкого – «Дорога ушедших в небо»), на берегах которого близ его устья выявлены и частично изучены святилище, два поселения, два некрополя и несколько одиночных детских погребений. Данная работа посвящена характеристике наиболее полно изученного могильника Нум-хибя-сихэри I.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.201-203

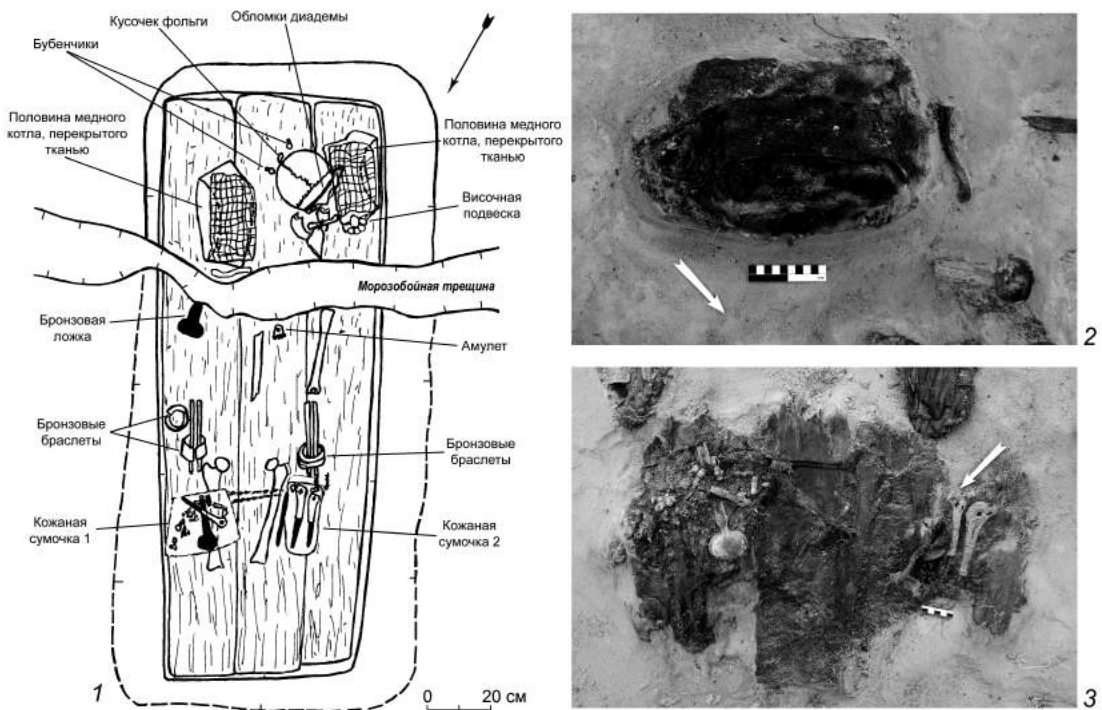

Рис. 1. Могильник Нум-хибя-сихэри I. Погр. 26.

1 – план погребения; 2 – фрагмент котла, перекрытого тканью; 3 – кожаные сумочки в области пояса погребенной.

Некрополь расположен в 13.5 км к юго-востоку от пос. Тазовский, занимая пологую площадку мысовидного уступа террасы, плавно понижающейся с запада на восток. Ее склон сильно разрушен в результате антропогенного воздействия, связанного с функционированием зимника, соединявшего в 80–90-е годы XX в. пос. Тазовский и с. Газ-Сале. Здесь периодически брали грунт для отсыпки дорожного полотна. После постройки шоссе зимник забросили, и в настоящее время разрушение происходит только из-за водно-ветровой эрозии.

Вскрыто 992 кв. м, исследовано 26 погребений. К сожалению, все захоронения, за исключением одного, сильно разрушены. Человеческие останки обычно переотложены, лишь в двух случаях удалось проследить положение умерших: в первом костяк находился на спине с поднятыми вверх коленями (погр. 1); во втором – на спине в вытянутом положении (погр. 26). Несмотря на разрушения, в исследованных захоронениях собран представительный вещевой комплекс, включающий украшения, предметы вооружения и быта.

Особый интерес представляет погребение 26, расположенное на северо-западной окраине мыса на глубине 0.6 м от современной поверхности и перекрытое мощными солифлюкционными напластованиями песчаного грунта. В могильной яме, частично нарушенной морозобойной трещиной, исследовано погребение взрослой женщины, лежавшей на спине в вытянутом положении, головой на юго-восток (рис. 1: 1). Дно ямы укреплено тремя деревянными плахами, покрытыми оленьими шкурами, поверх которых располагалось тело умершей в одежде из кожи, меха и шерстяной ткани в сопровождении значительного количества инвентаря. В головах погребенной находился разрушенный на две части бронзовый котел (рис. 1: 2), в черные волосы вплетены серьги, бубенчики и сложносоставные подвески. Возле левого плеча располагалась небольшая бронзовая ложка. На запястье левой руки надето два браслета, правой – один, второй находился у локтя.

К правой стороне пояса подвешена кожаная сумочка (рис. 1: 3), во внутреннем пространстве которой находились два предмета из нестойких органических материалов и индивидуальный столовый набор. Первый предмет располагался в нижнем правом углу, был украшен бубенчиком и фигуркой уточки. Второй, размещенный вдоль правой стенки, украшен сложносоставной подвеской, фигуркой уточки и бубенчиком. Основой столового набора являлась бронзовая ложка с ручкой со стилизованным изображением медведя в «жертвенной» позе, соединенная кожаными ремешками, украшенными пронизками, с биметаллическим ножом с узорной рукоятью и сложносоставной подвеской. С левой стороны к поясу была подвешена вторая кожаная сумочка удлиненно-трапециевидной формы, крепившаяся при помощи кожаной тесьмы двойного кручения (рис. 1: 3). Внутри параллельно бедру лежали два биметаллических ножа с ажурными рукоятями, соединенные кожаными ремешками с фигурками уточек. Ножи были аккуратно обернуты в пять оборотов плотной тканью, окрашенной в бордово-красный цвет, шириной около 4 см (более подробную характеристику изделий с зооморфными образами см. в статье К.Г. Гюрджоян в настоящем сборнике).

После размещения в могиле тело умершей накрыли грубым полотном типа мешковины. Его перекрыли тремя плахами, опиравшимися на уступчики, поверх которых были положены берестяные полотнища.

Особенности погребального обряда и вещевого инвентаря позволяют датировать могильник Нум-хибья-сихэри I в пределах X–XIII вв. и причислить его к древностям кинтусовского типа, носители которого, постепенно продвигаясь на север из таежной зоны, заселили на рубеже I–II тыс. н.э. низовья р. Таз.

Исследование могильника показало, что умерших размещали преимущественно в вытянутом положении, головами в сторону устья ручья. Отмечено два способа размещения в могиле: в первом покойника укладывали в яму на застеленное оленьими шкурами дно с последующим дополнительным перекрытием шкурами; во втором – обертывали берестяными полотнищами или помещали в берестяной короб. Можно предположить, что при последнем способе захоронения гробовиной могла служить и небольшая берестяная лодка. Большое значение в погребальном обряде имело дерево: в большинстве могил найдены куски досок, обломки брусков, придонная часть деревянного ковшика с ручкой. Одежду шили из шкур, кожи и толстой шерстяной ткани. В загробный мир умерших сопровождали личные вещи, изготовленные в основном из металла, единично встречены изделия из кости и стекла. Предметы из железа – наконечники стрел, куски кольчуги, ножи разнообразных форм и размеров, обломки котлов. Из цветного металла произведены широко представленные клепаные медные котлы, ложки, рукояти биметаллических ножей и разнообразные украшения.

Ближние аналогии исследованному могильнику, как в погребальном обряде, так и по сопроводительному инвентарю, прослеживаются не только в комплексах, изученных в северной зоне региона: Тазовском районе (Еньшин и др., 2018. С. 88, 89) и Северном Приобье (Зеленый Яр..., 2005. С. 71–148), но и в таежной зоне на территории Ханты-Мансийского автономного округа (Зыков и др., 1994. С. 18, 19, 66–69), что подтверждает существование в развитом Средневековье историко-культурной общности со сходной материальной и духовной культурой, охватывающей обширные таежные, лесотундровые и тундровые пространства Западной Сибири.

Еньшин Д.Н., Слепченко С.М., Скочина С.М., Рафикова Т.Н., 2018. Могильник Тазовский 2: Перспективы исследования // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН. Вып. 4. С. 86–89.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье, 2005 / Отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН. 368 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат. 159 с.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ СЛУЧАЙНЫХ КОЛЕБАНИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ СОСУДОВ

Исследование форм глиняной посуды является, пожалуй, самым широко распространенным способом изучения археологической керамики. Подавляющее большинство работ, посвященных этой категории материальной культуры, так или иначе, опирается на формы: орнамент на поверхности сосудов присутствует далеко не всегда, а анализ технологии требует специальных лабораторных исследований. С позиций историко-культурного подхода форма сосуда является конечным результатом приложения гончаром определенных усилий, более или менее жестко обусловленных его навыками труда.

В данной работе представлены некоторые результаты изучения величины случайных отклонений, которые допускает гончар при изготовлении привычных для него форм сосудов. Это может позволить наметить разумный предел детализации описания формы сосудов при классификации археологической керамики. Перед исследованием стояли задачи выяснить: насколько сильно отличаются по величине отклонений привычные формы одного гончара в зависимости от вида гончарного круга, на котором он работал, и его навыков труда; какова степень устойчивости навыков гончаров при изготовлении разных функциональных частей сосуда.

В качестве источников привлечены две группы данных: этнографические и экспериментальные. К этнографическим относятся серии сосудов профессиональных гончаров, формы которых зафиксированы в 1970–1980-е годы силами Комплексного отряда по изучению гончарства под руководством А.А. Бобринского. Пять гончаров работали на ножном круге, четыре – на ручном круге утяжеленного типа. К исследованию привлекались серии от 10 до 30 сосудов каждого гончара. У одного гончара, работавшего на ножном круге, изучались две серии сосудов различной формы: горшки и кувшины. Экспериментальные данные получены в 2015 г. в Рыбинской и Самарской экспедициях Ю.Б. Цетлиным и Е.В. Волковой. В ходе эксперимента семь непрофессиональных гончаров изготовили по 10 горшковидных сосудов по единой программе конструирования методом скульптурной лепки. Таким образом, всего изучено 17 серий сосудов (180 изделий), изготовленных 16 гончарами. Внимание было сосредоточено на анализе устойчивости трех функциональных частей, присутствовавших в конструкциях всех этих сосудов: тулово, плечо/предплечье и щека/шея.

Для характеристики диапазона случайных колебаний определялся максимальный разброс между значениями общей пропорциональности (далее ОПП) и угла наклона боковой стенки функциональной части у сосудов каждого мастера, а для нивелирования влияния выбросов рассчитывалось стандартное отклонение от среднего. При условии нормального распределения значений, наиболее вероятного для сосудов привычных форм, в данном диапазоне будут находиться приблизительно две трети наблюдений. Кроме того, Ю.Б. Цетлин выдвинул гипотезу о зависимости устойчивости функциональных частей от их размера в структуре формы сосуда. Для ее проверки учитывалась доля, занимаемая каждой функциональной частью в высоте сосуда. Основная масса изученных сосудов относится к горшковидным формам, где тулово занимает наибольшую долю по высоте, а щека/шея – наименьшую, и небольшая часть – к кувшиновидным, где щека/шея больше плеча/предплечья.

Обобщенные результаты изучения величины случайных колебаний разных функциональных частей сосудов по углу наклона и общей пропорциональности приведены на диаграмме (рис. 1). Она наглядно подтверждает уже известное наблюдение о том, что сосуды, изготовленные квалифицированными гончарами на ножном круге, отличаются

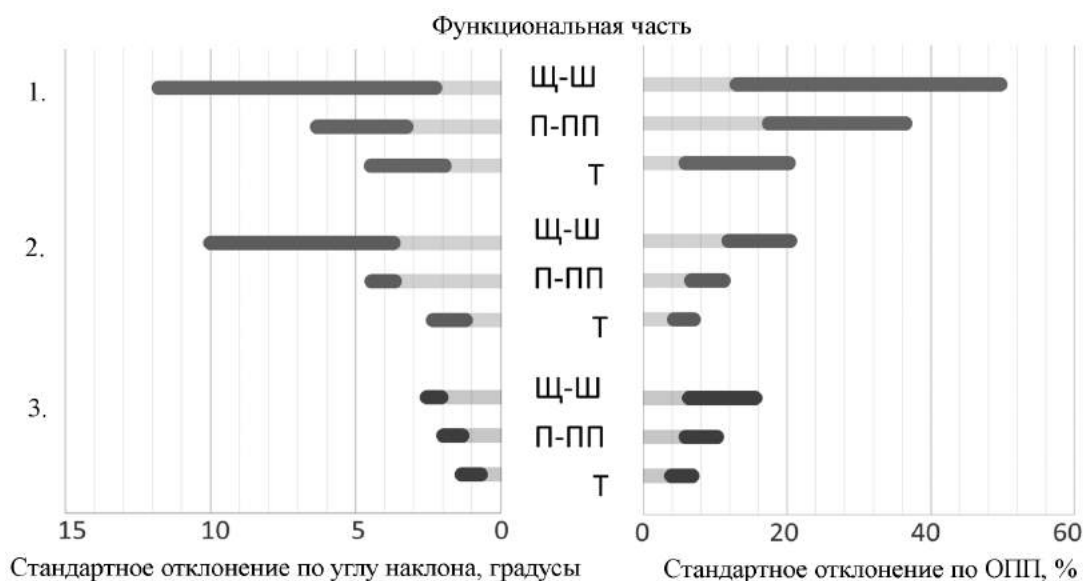

Рис. 1. Диапазоны случайных колебаний тулова (Т), плеча/предплечья (П/ПП) и щеки/шеи (Щ/Ш) по углу наклона боковой стенки сосуда и общей пропорциональности (ОПП) в продукции гончаров различных технологических групп.

1 – скульптурная лепка, непрофессионалы; 2 – ручной круг, профессионалы; 3 – ножной круг, профессионалы.

наибольшей стандартизацией, а изготовленные непрофессиональными гончарами без использования круга – наименьшей (см.: Цетлин, 2016).

Наиболее устойчивой частью у изученных сосудов оказалось тулово. Надо отметить, что во всех случаях его доля в общей высоте сосуда была наибольшей и составляла 40–60%. Для сосудов, изготовленных на ножном круге, стандартное отклонение варьируется в пределах ± 3.87 – 6.79% по ОПП и ± 0.7 – 1.36° по углу. Для сосудов, сделанных на ручном круге, тулово варьируется в диапазоне ± 4.21 – 7.0% по ОПП и ± 1.22 – 2.34° по углу. Лепные сосуды, изготовленные гончарами-непрофессионалами, имеют колебания тулова в ± 5.84 – 20.24% по ОПП и ± 1.95 – 4.48° по углу.

Плечо/предплечье во всех случаях оказалось менее устойчивой частью, чем тулово. Сосуды, сделанные на ножном круге, в этой части отклоняются в среднем на ± 5.88 – 10.25% по ОПП и ± 1.34 – 1.98° по углу. При использовании ручного круга этот диапазон становится несколько больше: ± 6.63 – 11.13% по ОПП и ± 3.65 – 4.47° по углу. Максимальный диапазон отклонений наблюдается при лепке без круга и составляет ± 17.39 – 36.45% по ОПП и ± 3.25 – 6.34° по углу.

Колебания щеки/шеи преимущественно оказывались больше, чем колебания других частей, и дали максимальные показатели среднего отклонения в каждой группе гончаров. Однако из 17 изученных серий в 3 случаях (1 – при ножном круге, 2 – при скульптурной лепке) щека/шея оказалась по обоим параметрам устойчивее плеча/предплечья. Именно эти формы, и только они, обладали шейей, превышающей плечо/предплечье по высоте. Еще в 6 случаях (1 – при ножном круге, 5 – при скульптурной лепке) один из параметров щеки/шеи оказывался устойчивее, чем аналогичный у плеча/предплечья. Во всех случаях это можно связывать с примерно равной долей плеча/предплечья и щеки/шеи в высоте сосуда. В тех же случаях, когда последняя часть была существенно меньше, диапазон ее колебаний оказывался максимальным.

Обобщение полученных данных выявило следующие диапазоны колебаний для щеки/шеи: при ножном круге: ± 6.29 – 15.57% по ОПП и ± 2.07 – 2.56° по углу; при ручном круге: ± 11.82 – 20.43% по ОПП и ± 3.71 – 10° по углу; при скульптурной лепке: ± 12.97 – 49.64% по ОПП и ± 2.28 – 11.79° по углу.

Таким образом, на изученных сериях удалось установить, что относительная устойчивость различных функциональных частей сосуда имеет достаточно четкие особенности независимо от квалификации гончаров и использования гончарного круга. Диапазоны колебаний тулова оказались наиболее узкими и в наименьшей степени зависящими от индивидуальных навыков гончаров, использующих сходные приемы конструирования. Диапазон колебаний плеча/предплечья во всех случаях оказался больше, чем у тулова. Для каждой группы гончаров он также определяется в довольно узких границах. Устойчивость же щеки/шеи сильно отличается даже между гончарами одной группы. Предварительные наблюдения говорят в пользу гипотезы о зависимости устойчивости функциональной части от ее относительного размера.

Изучение величины случайных колебаний функциональных частей сосудов в экспериментально моделируемых условиях и в непосредственной практике профессиональных гончаров приближают нас к выработке объективных критериев требуемой детальности описания форм археологических сосудов при их классификации.

Цетлин Ю.Б., 2016. О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 265–274.

В.В. Черевко

*Полоцкий государственный университет
viktar.charauko@gmail.com*

ВНЕМОГИЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ И ПРАКТИКА ПОДЗАХОРОНЕНИЯ ДЕТЕЙ НА СЕЛЬСКИХ КЛАДБИЩАХ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ XVII–XVIII вв. (В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)

Белорусское Подвинье – историко-этнографический регион на севере Беларуси, в основном совпадающий с территорией Витебской области. Комплексное использование данных археологии, физической антропологии и этнографии при изучении погребальных памятников региона XVII–XVIII вв. позволяет предполагать наличие локальной традиции подзахоронения детей.

Данная работа основана на изучении материалов следующих сельских некрополей: возле деревень Жерносéково и Клешино́ Бешенковичского р-на (Чараўко, 2015а. С. 84; 2015б. С. 122); Дубровка Городокского р-на (Черевко, 2016. С. 153); Йлово Шумилинского р-на (Курлович, 2018. С. 167; Черевко, 2018. С. 174). Антропологическую экспертизу останков с могильников Жерносеково, Клешино, Дубровка проводила О.А. Емельянчик, Йлово – Н.Н. Помазанов (2016 г.) и О.А. Емельянчик (2017 г.).

В ходе антропологических исследований О.А. Емельянчик установлено наличие в ряде погребений вышеозначенных могильников останков двух индивидов (взрослого и ребенка), что визуально не прослеживалось. На могильнике Жерносеково кости взрослого и ребенка присутствовали в двух погребениях (Чараўко, 2015б. С. 123–125); Клешино – в четырех из пяти выявленных (Чараўко, 2015а. С. 86, 87). На кладбище Дубровка вскрыто 15 погребений, в 3 обнаружены останки взрослого и ребенка, в 2 – взрослого и двух детей и в 2 – двух детей (Черевко, 2016. С. 157–159). Останки взрослого и ребенка выявлены в 3 из 14 погребений, изученных в 2016 г. на могильнике Йлово. Еще в одном погребении обнаружены останки взрослого и индивида в возрасте 15–20 лет (Черевко, 2018. С. 176, 180, 181).

Тот факт, что указанные погребения были нарушены, позволяет говорить о подзахоронениях детей. Поскольку могилы были обозначены каменными конструкциями (Чараўко, 2015а. С. 85, 86; 2015б. С. 123–125; Черевко, 2016. С. 155, 158, 159; 2018. С. 177, 182), случайное нарушение более ранних погребений маловероятно. В большинстве случаев подзахоронения производились в могилы взрослых (преимущественно женщин) и лишь иногда – детей. Можно предположить, что погребения детей совершались в могилы предков.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.206-207

На данный момент детские подзахоронения выявлены на четырех указанных сельских кладбищах. На могильниках Лукóмль (Чашникский р-н), Туржэц 2 (Полоцкий р-н) и Михалиново (Лиозненский р-н) в погребениях XVII–XVIII вв. такое явление не отмечено (Дук, 2008. С. 261, 262; Саливон, 1976. С. 33, 34). Сказанное позволяет предположить, что традиция детских подзахоронений была локальной.

В верхних пластах культурного слоя сельских могильников присутствует внемогильный инвентарь – фрагменты керамики. Эти находки свидетельствуют о поминальной трапезе, что соотносится с традициями белорусов (Аўсейчык, 2014. С. 152). На указанных могильниках количество керамики превышает количество аналогичных находок на некрополях XIV–XVI вв. Поскольку для традиционной культуры белорусов индивидуальное поминание умершего более года не характерно (Грунтов, 2009. С. 24, 25), можно предполагать, что большое количество керамического материала объясняется именно подзахоронениями, которые актуализировали погребальный памятник, заново запуская цикл погребально-поминальных обрядов. Материальные свидетельства этого – выявленные фрагменты керамики.

- Аўсейчык У.Я., 2014. Абрад «прыкладзіны» ў беларусаў Падзвіння // Беларуская Падзвінна: зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф. Ч. 1. Наваполацк: ПДУ. С. 144–156.
- Грунтов С., 2009. Проблемы та перспектывы этналагічнага даслідження мемарыяльных пам’ятнікаў Беларусі XIX – пачатку XXI століття // Народна творчість та етнографія. № 6. С. 24–26.
- Дук Д.У., 2008. Археалагічныя раскопкі на грунтовым могільніку Туржэц 2 Полацкага раёна // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 15. С. 261–269.
- Курлович П.С., Помазанов Н.Н., 2018. Курган у деревни Илово Шумилинского района (итоги археологических и антропологических исследований 2016 г.) // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Шумілінскі край: зб. навук. арт. / Рэд. В.М. Ляўко. Мн.: Бел. навука. С. 167–173.
- Саливон И.И., 1976. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск: Наука и техника. 272 с.
- Чараўко В.У., 2015а. Археалагічнае вывучэнне грунтовых пахаванняў XVI–XVIII стагоддзяў на могільніку каля в. Клешчыно Бешанковіцкага раёна ў 2013 годзе // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 9. С. 84–89.
- Чараўко В.У., 2015б. Археалагічныя раскопкі на могільніку каля в. Жарнасекава Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці ў 2013 г. // История и культура на стыке эпох и цивилизаций. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск: Белнаучкнига. С. 122–127.
- Черевко В.В., 2016. Археологические исследования на могильнике возле д. Дубровка Городокского района в 2014 г. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 1. С. 153–161.
- Черевко В.В., 2018. Погребально-поминальная обрядность позднесредневекового могильника у деревни Илово (по материалам исследований 2017 г.) // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Шумілінскі край: зб. навук. арт. / Рэд. В.М. Ляўко. Мн.: Бел. навука. С. 174–187.

А.В. Шапиро

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
annarchaeology@yandex.ru*

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗАКЛЕПКИ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В отечественной и западноевропейской историографии за заклепками прочно укрепился статус «ладейных», поскольку они использовались для строительства лодок и ладей, в частности, для обшивки клинкерных судов (Дубровин и др., 2001. С. 57). По мнению П.Е. Сорокина, заклепки являются прямым свидетельством связей с Северной Европой, так как они были обнаружены по всем основным путям следования торговых судов (Сорокин, 2018, С. 73).

В Северной и Восточной Европе заклепки чаще всего находят в погребениях с лодками. Они могли использоваться также для крепления деталей щитов, саней и ларцов,

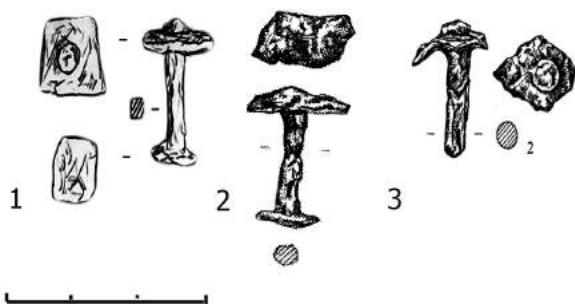

Рис. 1. Железные заклепки Гнёзовского археологического комплекса.

1 – с прямоугольной шляпкой, квадратным в сечении стержнем и прямоугольной шайбой; 2 – с округлой шляпкой, округлым в сечении стержнем и ромбовидной шайбой; 3 – с округлым в сечении стержнем и загнутой шайбой (якоревидной). 1 – Восточное селище (ЦС–XI); 2, 3 – пойменная часть (П–8).

заклепки с округлой головкой, стержнем, округлым в сечении, и прямоугольной или ромбовидной шайбой (типы ААА и ААВ) (Bill, 1994. P 57). Изучение заклепок Гнёзовского археологического комплекса показало, что типология, предложенная Я. Биллем, применима к материалам данного памятника. Были обнаружены заклепки различных типов, в том числе и типа ААВ (рис. 1).

За всю историю раскопок в Гнёзове собрана значительная коллекция железных заклепок (около 1600 экз.). Они найдены во всех курганных группах, расположенных на правом берегу Днепра (Лесной, Центральной, Днепровской, Ольшанской, Заольшанской), за исключением Нивлянской. Нет их в двух курганах, исследованных в левобе-

для соединения конструктивных элементов деревянных ящиков-гробовин (Gräslund, 1980. P. 24–26; Хвоцинская, 2004. С. 107). Детальное изучение морфологических особенностей железных заклепок и анализ археологического контекста находок, вероятно, помогут установить способы их использования.

Морфологические особенности железных заклепок подробно рассмотрены Я. Биллем. Используя материалы Северной Европы, он разделил их на несколько типов. Каждая составная часть изделия (головка, стержень и окончание) имеет свою форму, обозначенную буквой. По его мнению, в Северной Европе эпохи викингов наибольшее распространение получили

Табл. 1. Находки заклепок на поселении с учетом раскопанной площади

Участок	Исследованная площадь (кв. м)	Кол-во заклепок
Восточное селище	1668	91 (18/5%)
Западное селище	1719	33 (6/7%)
Центральное городище	2740	124 (25/35%)
Пойменная часть селища	904	243 (49/5%)
Всего:	7031	491

Табл. 2. Находки заклепок в курганах

Курганная группа	Исследовано курганов	Кол-во заклепок	Погребения в лодках и ладьях
Лесная (Лесная и Глушенковская)	160	340 (30/66%)	2
Центральная	583	473 (42/65%)	3
Заольшанская	92	11 (0/99%)	–
Ольшанская	28	235(21/19%)	1
Днепровская	64	50 (4/51%)	1
Всего	927	1109	7

режной части Гнёздова. Анализ распределения находок на территории поселения показывает, что они встречаются на всех его участках (Пушкина и др., 2012. С. 177, 178). Данные о находках заклепок в курганах и на поселении с учетом количества исследованных курганов в каждой из групп и площади раскопанных участков поселения суммированы в таблицах (табл. 1; 2).

Наибольшая концентрация заклепок отмечена в курганах Лесной группы, причем более половины из них (276 экз.) происходит из погребения в ладье в кургане Л-47. Значительное число находок связано с наиболее изученной Центральной группой, где выявлены более половины заклепок (табл. 2). Три кургана указанной группы (Серг. 65, Серг. 74 и Сиз. 20) по числу их можно уверенно отнести к погребениям в лодках и ладьях. Этот редкий для Гнёздова погребальный обряд зафиксирован в единичных случаях в Ольшанской и Днепровской группах (Ассекритов, 2009. С. 47).

На поселении почти половина заклепок найдена в пойменной части селища, хотя здесь изучена гораздо меньшая площадь, чем на Центральном городище и Восточном и Западном селищах (табл. 1). Во второй четверти – середине X в. в пойменной части функционирует прибрежная портовая зона. Обнаруженные свидетельства обслуживания судов включают помимо смолокурных ям производственные отходы и заготовки, связанные с металлообработкой. В кузнечной мастерской найдена железная заготовка для заклепочных шайб (Мурашева и др., 2007; Мурашева, Фетисов, 2014. С. 292), аналогичная обнаруженной в Экеторпе на острове Эланд в Швеции (Trotzig, 2014. P. 137).

Вторая зона концентрации материала находится в юго-западной части Восточного селища (раскоп ВС-4). О производстве заклепок на этом участке свидетельствует ромбовидная шайба с не пробитым до конца отверстием.

Первые результаты изучения гнёздовских железных заклепок показывают, что это самая представительная на территории Восточной Европы коллекция. Анализ находок открывает большие возможности для изучения их морфологии, технологии производства, выявления функционального назначения и хронологии.

- Ассекритов С.Ю., 2008. Скандинавские погребения с ладьями эпохи средневековья. Историография. Дипломная работа. М.: МГУ. 71 с.
- Дубровин Г.Е., Окорочков А.В. Старков В.Ф., Черношвитов П.Ю., 2001. История Северорусского судостроения. М.: Алетей. 399 с.
- Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб.: Альфарет. С. 31–78.
- Мурашева В.В., Фетисов А.А., 2014. Портовая зона Гнездово // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ: Стародавній світ. С. 287–293.
- Сорокин П.Е., 2018. О погребениях в ладье на территории Руси // Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия. Сборник материалов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: МГУ. С. 73–74.
- Хвоцинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб. 298 с.
- Bill J., 1994. Iron Nails in Iron Age and Medieval Shipbuilding. Crossroads in Ancient Shipbuilding // ISBSA 6. Oxford: Oxbow Monographs. P. 55–63.
- Gräslund A.-S., 1980. The Burial Customs. A study of the graves on Björko. Birka IV. Stockholm. 94 p.
- Trotzig G., 2014. Metaller, hantverkare och arkeologi: från nutid till forntid. Hemslöjdens förlag. 320 p.

Л.В. Шашерина*, С.С. Зозуля**

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
lida.sh.vs@gmail.com

**Государственный исторический музей, Москва
zozulia.sergey@gmail.com

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОСВОЕНИЯ ПОЙМЫ ДНЕПРА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА ПРИМЕРЕ ДНЕПРОВСКОЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА¹

Реки – ключевые пункты выживания и развития человеческого общества, поэтому пойменные ландшафты всегда привлекали людей как место проживания. Динамика пойменных ландшафтов, их рельеф и растительный покров отражают климатические колебания даже самых недавних исторических эпох.

Гнёздовский археологический комплекс располагается в верхнем течении Днепра, в 13 км к западу от Смоленска. Ансамбль памятников вытянут на 5.5 км по обоим берегам Днепра и занимает разные элементы речной долины. Днепровская курганная группа располагается на низкой речной террасе правого берега реки. Современная ширина русла Днепра составляет здесь от 80 до 100 м, ширина дна долины – около 900 м. В строении дна долины выделяются несколько элементов: низкая пойма, две генерации высокой поймы, надпойменная терраса (рис. 1).

Низкая пойма распространена фрагментарно и представляет собой заросшую травой узкую (первые метры) прибрежную ступень, высотой не более 1 м над урезом воды.

Высокая пойма состоит из двух разновозрастных участков.

1. Преимущественно ровная притеррасная пойма в 7–8 м над уровнем реки, сложенная супесчано-суглинистой толщей. На исследуемой территории имеется два ее сегмента. Один вытянут полосой между рекой и краем террасы (под курганной группой), другой находится в котловине, врезанной в надпойменную террасу, и имеет цирковидные очертания. Предположительно, цирковидный участок выработан паводковой эрозией, а его котловина является аналогом озер Бездонка и Камыши близ Центрального городища. Притеррасная пойма имеет возраст около 2.5 тыс. лет (Бронникова и др., 2018. С. 35).

2. Ложбинно-гривистая пойма, сформированная при горизонтальном смещении пологих излучин русла. Гривистый сегмент отделен от цирковидного двухметровым валом, а от прямолинейного сегмента – эрозионным склоном. Предположительно, гривистый сегмент моложе притеррасного участка и сформировался в последнее тысячелетие, как и соответствующая по морфологии молодая пойма около Центрального селища (Бронникова и др., 2018. С. 52).

Надпойменная терраса Днепра возвышается на 2–3 м над высокой поймой, на 10–11 м над урезом воды и имеет выровненную поверхность, осложненную двумя параллельными прирусловыми валами. Высота валов над уровнем террасы составляет 1.0–1.2 м (1.5 м над межваловой ложбиной), длина – около 1200 м. В прирвовочной части террасу прорезает эрозионная ложбина, вероятно образовавшаяся в результате паводковой эрозии. Очевидно, ложбина – это зачаточная эрозионная котловина, формировавшаяся синхронно с котловиной в восточной части рассматриваемой территории и не выработанная до конца ввиду недостаточной мощности речного течения. Паводками не размыло участок террасы, который, как останец, отделен от общего массива.

Зона распространения курганов протягивается вдоль уступа надпойменной террасы, огибая эрозионную ложбину. Абсолютные высоты курганов лежат в интервале от 169.3 до 171.4 мабс. или в 8.9–11 м над урезом Днепра (Зозуля, 2018. С. 183, 184. Рис. 2–5; 8). На более низких уровнях, в том числе в прорезающей террасу ложбине, курганы не соорудились, по-видимому, во избежание их затопления в половодье.

¹ Авторы выражают благодарность А.В. Панину и В.В. Мурашёвой за содействие в подготовке работы. Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00380).

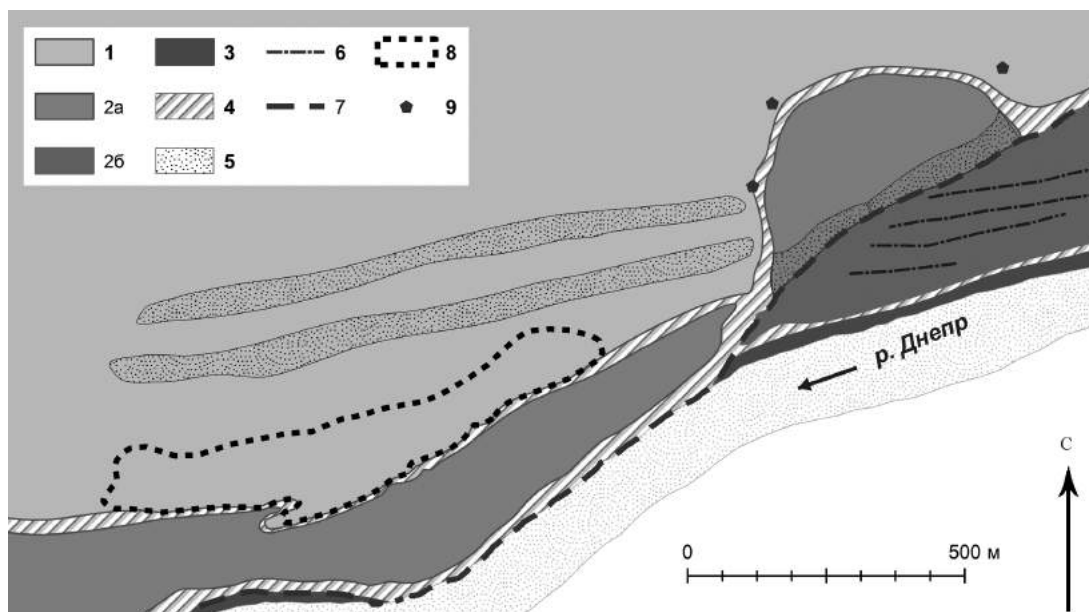

Рис. 1. Геоморфологическая карта правобережья Днепра в районе Днепровской курганной группы.

1 – надпойменная терраса; 2а – высокая притеррасная пойма; 2б – высокая ложбинно-гривистая пойма; 3 – низкая пойма; 4 – эрозионный склон; 5 – прирусловой вал; 6 – оси пойменных грив; 7 – предположительное положение правого берега Днепра в IX–XI вв.; 8 – основное скопление насыпей Днепровской курганной группы; 9 – «одиночные» насыпи, расположенные по периметру эрозионной выемки.

Мощность пойменного аллювия террасы (серые суглинки, реже супеси, местами горизонтально слоистые) варьируется от 1.5 м в центральной части до 2.8 м в прирочной. В межваловой ложбине прослеживается локальное увеличение мощности до 2.5 м. Под пойменным аллювием залегает русловой – пески разной крупности, преимущественно мелко-среднезернистые. В тыловом шве более древнего участка поймы обнаружен 4.5-метровый слой сильно оглеенного, слоистого, насыщенного растительными остатками суглинка, представляющего фацию пойменных водоемов. В целом напластования притеррасного участка поймы до глубины 7.0–7.5 м представлены суглинистыми и супесчаными отложениями. Отложения в днище цирковидной выемки в значительной степени оглеены и оторфованы, содержат много остатков древесины, что указывает на озerno-болотные условия седиментации.

В строении молодой ложбинно-гривистой поймы участвует супесчано-суглинистая пойменная фация аллювия мощностью 2.5–3.5 м, горизонтально слоистая, преобразованная почвенными процессами.

Анализ и интерпретация геологического строения террасы и поймы позволяют реконструировать положение русла Днепра во время сооружения курганов. Учитывая корреляцию с датированными радиоуглеродным методом отложениями поймы около Центрального селища (Бронникова и др., 2018), можно предположить, что в IX–XI вв. русло Днепра находилось севернее и было более прямолинейным. На месте молодой поймы формировалась прирусловая отмель, а в эрозионной выемке существовало небольшое мелководное озеро.

Бронникова М.А., Панин А.В., Шеремецкая Е.Д., Борисова О.К., Успенская О.Н., Пахомова О.М., Мурашева В.В., Беляев Ю.Р., Бобровский М.В., 2018. Формирование поймы Днепра в районе Гнездовского археологического комплекса в среднем и позднем голоцене // Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М. Тр. ГИМ. Вып. 210. С. 28–67.
Зозуля С.С., 2018. Исследования в Днепровской курганной группе Гнездовского археологического комплекса в 2010–2012 гг. // Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. Тр. ГИМ. Вып. 210. М. С. 181–210.

НОВЫЕ МЕТОДЫ ДАТИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОСТОЧНО-БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Хронология железного века Восточно-Балтийского региона сегодня в основном базируется на датировках находок из грунтовых могильников. Материалы некрополей западных балтов (пруссос, куршей и скальвов) поздней фазы железного века дают возможность по-новому взглянуть на эту проблему, используя для ее решения комбинацию типологии, ГИС, R-статистики и AMS ^{14}C датирования. Целью настоящего исследования является разработка геореференцированной, статистически-выверенной и продатированной радиоуглеродом временной шкалы.

Геотемпоральная ситуация балтов в X–XIII вв. интересна. Союзы племен к этому времени представляют своего рода «остров праистории», окруженный континентом или океаном истории, образуя двойственную периферию между территориями Древней Руси и Скандинавией. Парадокс культуры западных балтов заключается в том, что в рассматриваемый отрезок времени они находились в истории (в ее окружении), одновременно не будучи, не осознавая себя в ней. Несмотря на внешнее политическое давление и попытки христианизации, до XIII в. местное население продолжает передавать информацию при помощи устной традиции, орнаментики и декора на предметах быта и украшениях, а также погребального обряда. Письменные источники, описывающие происходящие на этой территории процессы в XI–XIII вв., как правило, появляются с опозданием на 100–200 лет и относятся к другим, чаще соседним, письменным христианским культурам. Поэтому историческая ретроспектива абсолютного времени дат и событий письменных источников противопоставлена здесь «до-историческому» «мифологическому» мышлению, зафиксированному в относительном времени археологических процессов и останков.

Основой исследования являются материалы 9 грунтовых могильников пруссос, куршей и скальвов на территории Калининградской области России и Литвы, с более чем 800 погребениями, совершенными по обряду кремации и традиционно датируемыми X–XIII вв. Каждое такое погребение, будучи, как правило, закрытым комплексом, рассматривается как «событие», «капсула времени». А каждый такой могильник – в качестве совокупности или «горизонта» подобных событий. Эта атрибуция является важной при создании горизонтальной ГИС-стратиграфии каждого памятника.

Материал трех западно-балтских субкультур выбран потому, что, с одной стороны, эти народности находились на схожем уровне развития материальной культуры, имели аналогичный погребальный обряд (кремацию) и говорили на очень близких языках, то есть, обладали территориальной и культурной целостностью. А с другой стороны, их отличают разные наборы погребального инвентаря, разная интенсивность распространения импортов и внешних влияний, различная интерпретация обряда кремации.

Важным инструментом относительной хронологии в исследовании является сопоставление датировок сооружения комплексов-кремаций и типов артефактов. В разработке типологических рядов на этом этапе в основном используются хронологические схемы, основанные на металлических предметах, более подробно отражающих динамику изменений культуры, чем, к примеру, керамика. В идеале относительная дата конкретного погребения должна являться корреляцией возможных дат создания, использования и депонирования типа в виде конкретного предмета.

Следующим этапом исследования является территориальный анализ полученного типологического материала. ГИС как инструмент визуализации прошлого, привязанного к конкретным географическим координатам, позволяет рассматривать данные типологического анализа в виде многослойных «временных» карт (*time-maps*). Таким образом,

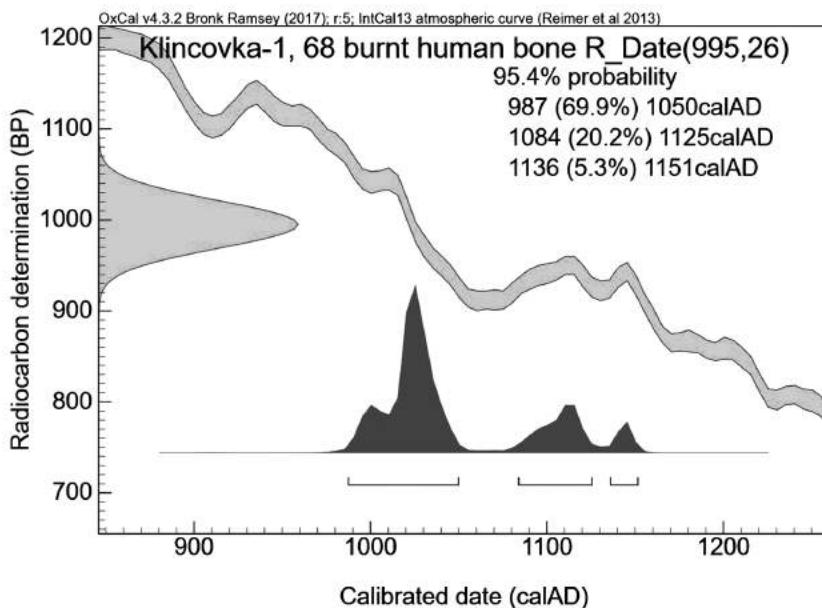

Рис. 1. Результаты AMS радиоуглеродного датирования кальцинированной человеческой кости из погребения-кремации 68 грунтового могильника Клиновка-1 (Самбийский полуостров, Калининградская область).

для каждого могильника создаются горизонтальные временные карты, фиксирующие особенности и динамику развития материальной культуры и погребального обряда. Уже на уровне первичного ГИС-анализа небольших по площади исследованных зон могильников трех субкультур: Алейка-3 (пруссy), Бандужай (курши) и Вешвиле (скальвы), заметно, что первые два могильника хронологически ближе и возникают позже Вешвиле. В то же время из территориального анализа распространения типов очевидно, что Алейка-3 существует дольше остальных, имея мало прямых аналогий с более ранним Вешвиле. Уже на этом этапе памятники можно отнести к трем последовательно-разным хронологическим периодам.

Далее типологические геореференцированные данные анализируются статистически в программе «R». При помощи градиционно-типологического метода определяется и проверяется случайность и направленность типологических рядов. Корреспонденционный анализ используется для корреляции даты существования артефакта/типа с датой сооружения погребения, полученной при помощи радиоуглеродного датирования.

На финальном этапе исследования ГИС и статистически выверенная относительная хронология сопоставляется с абсолютными радиоуглеродными датировками образцов из тех же погребений. В течение 2018 г. в Лаборатории им. Лейбница Кильского университета продатированы 24 пробы из 7 могильников (рис. 1). Наиболее стабильным материалом для анализа оказались минеральная часть кальцинированных костей, текстиль и фрагменты рогов для питья. С переменным успехом датированы не сожженные конские кости, кожа, дерево и древесный уголь. В большинстве случаев радиоуглеродные датировки представлены сериями дат из пяти и более проб с одного памятника, что уточняет границы существования рассматриваемых участков могильников. Большинство полученных ^{14}C дат соответствуют относительной хронологии памятников и уточняют ее. Это первый пример успешного датирования такого количества образцов кремаций юго-востока Балтийского региона.

Хочется надеяться, что совокупность использования перечисленных методов поможет в разработке надежной хронологической системы для рассматриваемого периода и региона. В дальнейшем это даст возможность сопоставить данные исторических источников и погребальных памятников на уровне абсолютной хронологии.

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ РОДАНОВА ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК М.В. ТАЛИЦКОГО И А.Н. САРАПУЛОВА)

Полотово (Роданово) городище находится на территории Пожвинского сельского поселения в Юсьвинском районе Пермского края, на правом берегу Камского водохранилища. Культурный слой памятника ежегодно разрушается береговой абразией и осыпается в р. Каму (от 0.5 до 1.0 м в год) (Сарапулов, 2017. С. 5). Городище известно достаточно давно, так как находилось прямо на территории села. Находки с него опубликованы А.А. Спициным в самом начале XX в. В 1932 г. А.В. Шмидт заложил здесь два пробных раскопа. В 1935 г. еще один пробный раскоп (40 кв. м) исследовал А.В. Прокошев. В 1936–1937 гг. работы на городище продолжил М.В. Талицкий. Всего вскрыто 700 кв. м, что составляет более трети площади памятника. На материалах Роданова городища, датированного X–XIV вв., выделена родановская археологическая культура (Талицкий, 1951. С. 35–41).

М.В. Талицкий не говорит о точном количестве костяных предметов, найденных на Родановом городище. Во время раскопок 1936–1937 гг. обнаружено множество вещей, как типовых, так и уникальных. К последним можно относить костяной щиток (рис. 1: 1), необходимый при стрельбе из лука для защиты руки от спускаемой тетивы (Талицкий, 1951. С. 48). Уникальным является и костяное коромысло от ткацкого станка. На момент раскопок М.В. Талицкого это была первая известная деталь ткацкого станка в Пермском Предуралье. М.В. Талицкий нашел также одно из первых в Пермском Предуралье орудий для обработки кости – железную пилочку для прорезки узких щелей между зубьями гребня (рис. 1: 2).

В целом костяные предметы Роданова городища достаточно типичны для одноименной археологической культуры. На одновременном с ним Рождественском городище также встречены костяные щитки для защиты руки при стрельбе из лука (Белавин, Крыласова, 2008. С. 311). На Родановом городище найдены метатарзальные кости лошади, называемые разбивниками и используемые для разминания ремней. На Рождественском городище встречено 40 подобных предметов (Белавин, Крыласова, 2008. С. 276). При сравнении двух археологических памятников можно говорить о схожести инвентаря, выявленного в культурном слое.

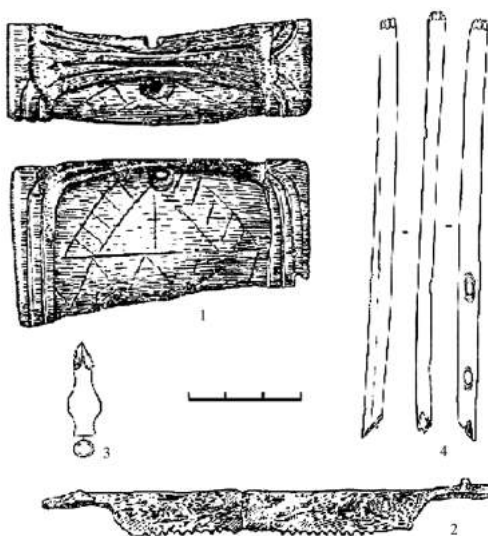

Рис. 1. Роданово городище. Костяные изделия и инструмент для обработки кости.

1 – костяной щиток на руку при стрельбе из лука; 2 – железная пилочка для прорезки щелей между зубьями гребня; 3 – наконечник-томар; 4 – костяная флейта.

За три года современного изучения памятника (2016–2018 гг.) А.Н. Сарапулов раскопал 210 кв. м. Найдено 129 предметов из кости. Все их можно разделить на группы, исходя из функционального назначения.

Орудия труда для домашних производств (59 экз.). Эта группа – самая большая. В нее входят: разбивальники, используемые для разминания ремней (20 экз.); кочедыки (12 экз.) для плетения изделий из бересты и сетей, обычно они изготавливались из трубчатых костей или ребер крупного рогатого скота; иглы из костей рыб (6 экз.); проколки (8 экз.); гладилки (2 экз.). Особый интерес вызывают фрагменты горизонтального ткацкого станка: костяной блок для удержания ремизок в вертикальном положении и сама ремизка.

Предметы вооружения и охоты (21 экз.). К ним относятся: манки (3 экз.), изготовленные из бедренной кости куницы и использовавшиеся для приманки дичи; черешковые наконечники стрел (16 экз.); биконический втульчатый наконечник-томар с заостренным трехгранным концом (рис. 1: 3). Томары наиболее характерны для древнерусских и болгарских памятников XI – начала XIII в. (Сарапулов, 2017. С. 28). Стоит отметить, что форма костяных наконечников зачастую копировалась с железных. Разнообразие наконечников отражает не только разницу во времени бытования, но также и их назначение в охоте (Медведев, 1966. С. 53).

Предметы туалета и детали костюма (27 экз.). В эту группу можно отнести: костыльковые пуговицы (2 экз.), широко распространенные в XI–XIII вв.; пуговицу в виде челночной кости лошади (1 экз.); гребни (5 экз.); различные амулеты (9 экз.). Встречены амулеты из зубов КРС и МРС, просверленные позвонки рыб, просверленный коготь животного.

На городище, кроме того, найдены костяные изделия неопределенного назначения со следами обработки (13 экз.) и различные заготовки (4 экз.).

В 2016–2018 гг. сделаны другие уникальные находки, в том числе писало и костяная флейта (рис. 1: 4). На территории Пермского Предуралья музыкальные инструменты прежде не были известны. Подобные изделия выявлены на Староладожском археологическом комплексе в 1948 г. (Давидан, 1966. С. 113). Аналогичные предметы встречаются на скандинавских памятниках Хедебю и Сетфорд (Косых, 2012). Палеозоологический анализ, проведенный П.А. Косинцевым, показал, что флейта изготовлена из трубчатой кости птицы (возможно лебедя). Предположение, что музыкальный инструмент привезли из Ладоги, требует дальнейшей проработки. Редкой находкой является астрагал с горизонтальным орнаментом, предположительно используемый для игры в бабки, гадания или в качестве амулета.

На данный момент на памятнике исследовано 910 кв. м, что составляет не более половины его общей площади, поэтому рано говорить о полноте изучения костяных предметов с Роданова городища. Если же сравнивать костяные изделия из коллекций 1930-х годов и современной, то можно заключить, что в целом материал характеризуется единообразием и сопоставим с другими находками на одновременных памятниках родановской археологической культуры.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ. 603 с.

Давидан О.И., 1966. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // АСГЭ. Вып. 8. Л. С. 32–45.

Косых А.М., 2012. Костяная флейта X века из Старой Ладоги // Доклад на 10 чтениях памяти Анны Мачинской. <http://www.ladogamuseum.ru/litera/kosyh/pub66/>

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (луки, стрелы, самострелы). М.: Наука. 184 с.

Сарапулов А.Н., 2017. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2017 году // Архив МАЭ ПГГПУ.

Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М. С. 33–96.

**REMARKS ABOUT THE ANALYSIS OF THE RADIOCARBON DATA FROM
WISKIAUTEN/MOKHOVOYE SETTLEMENT (KALININGRAD REGION)**

The archaeological site of former Wiskiauten/modern Mokhovoye is located in the north of Samland, and can be considered one of the best investigated places in the Kaliningrad region. Soon after its discovery in 1865 (Wulff, 1865), the unusually rich burial ground in the Kaup forest, with Viking burial mounds, became quickly famous. Since its discovery, about 400 out of the total of ca. 500 burial mounds have been archaeologically examined or disturbed by illegal actions (Ibsen, 2009–2010. P. 27). An associated Scandinavian settlement or a port of trade was often discussed (e.g. Nerman, 1931. P. 171. Ann. 4; Kleemann, 1939. P. 201), but never clearly verified. To find this settlement, Timo Ibsen (Centre for Baltic and Scandinavian Archaeology, Schleswig) and Vladimir Kulakov (Baltic Expedition of the Russian Academy of Sciences) collaborated from 2005 to 2011 in order to extensively examine the area around the burial ground within a radius of one kilometre. State-of-the-art methods were applied: geomagnetic and georadar survey, so called Pürckhauer drilling, archaeozoology, archaeobotany/palaeoethnobotany (pollen and macrofossils), strontium isotope analysis and, in the focus of this contribution, radiocarbon dating. 130 samples for the ^{14}C -dating of the settlement areas and 9 samples of the burial ground could be analysed¹, though their interpretation is still in process.

The investigation of the settlement is the main goal of the author's ongoing PhD project, and is based on the results of T. Ibsen's first analyses (Ibsen, 2009–2010). It can already be seen that the current settlement structures divide into four areas, which form a loose network of small settlements. They represent the environment of an expected port of trade, which must lie somewhere in the vicinity of the examined area. This is indicated by the find material: e.g. rich imports such as a sword pommel with inlays of silver (fig. 1) as well as weights and coins, indicators of the hack-silver based economy.

Collection of radiocarbon samples. Mainly charcoal, sometimes bones or sediment have been taken for the radiocarbon dating of the Wiskiauten settlement. The samples derive from certain archaeological features including wells, pits, post-holes or cultural layers in drilling cores taken from geomagnetic anomalies. The dating of features as well as dating itself faces some biases. An archaeological feature, for example a pit, had a specific time of use and a period when it was refilled. If the sample is taken from the filling of a feature, the radiocarbon method cannot determine the time of use, but only the time when it got refilled. Dating wood or charcoal can distort the chronological interpretation of an object. Here is the issue that the age of the tree itself is dated. Trees such as oak can be 500 years old and older and therefore extremely falsify the age determination of the archaeological features (see further: Bayliss, 1999). It is therefore better to date short-living organisms, like bones from short living livestock.

For that reason, towards the end of the excavation, attempts were made to select more bone samples. However, another problem is the often poor condition of the cultural layers at this site, due to plowing, extensive bioturbation, and drainage. Because of this the recognition of the objects as post-pits was sometimes difficult, as already known from the sites like Truso/Janów Pomorski in Poland (Brather, Jogodziński, 2012).

Preliminary results. The settlement activity started in the late Neolithic period, 2800–2400 BC, and was concentrated on a place near the former shore of the Curonian lagoon (ca. 800 m west of the burial ground). At least one grave in the burial ground dates to this horizon. Further ^{14}C data indicates a continuity of the settlement unit until medieval times. A new small settlement area was founded north of the burial ground during Roman times. In the subsequent phase between 500 and 800 AD two more settlement units have been founded. This might be

¹ All of the samples were analysed by the team at the Leibniz Laboratory for Age Determination and Isotope Research at the Kiel University. The author would like to thank Dr. John Meadows, as a representative for the entire team.

Fig. 1: Sword pommel (bronze) with silver inlay, found at the settlement of Wiskiauten / Mokhovoye.

explained by the increased population density. Scandinavian influences are indicated in the material culture of the 8th–11th cent. This coincides with the main period of the burial ground. The maximum of the settlement activity was reached around the 11th cent., and then the density decreased. A completely new Age started afterwards with the arrival of the Teutonic Knights in the 13th cent.

The zoological examination as well as the strontium isotope analysis provides information about the breeding of domestic animals like horse, cattle, pig and sheep/goat. Differences in the use of certain elements for consumption, further processing etc. can be observed. Furthermore the worth mentioning is the use of aquatic resources, that derive most likely from fishing in the Curonian lagoon (Schmölcke et al., in print).

Additionally, information about the dietary habits of the local population derives from the archaeobotanical analysis. An influence from Scandinavian culture in the 9th to 10th cent. and from Slavic/eastern cultures in the 11th and 12th cent.¹ can be observed. This is generally confirmed by the non-organic material culture, where influences from the Rus can be recognised. It even displays, that the cultural influence reached into the personal habits of the people. All these aspects form a more diverse picture of the population trends of the Prussians. For the first time there is a chance to examine the functioning of the hinterland of a trade port in detail. The high resolution chronology helps to better classify and understand these processes.

Bayliss A., 1999. On the taphonomy of charcoal samples for radiocarbon dating // Actes du 3ème congrès international “Archéologie et ¹⁴C”, Lyon, 6-10 April 1998 / Eds. J. Evin, C. Oberlin, J.P. Daugas, J.F. Salles. *Revue d’Archéométrie Suppl.* 1999 et *Soc. Préhist. Fr. Mémoire.* 26. P. 51–56.

Brather S., Jagodziński M.F., 2012. Der wikingerzeitliche Seehandelsplatz von Janów (Truso). Geophysikalische, archäopedologische und archäologische Untersuchungen 2004–2008 [Nadmorska osada Handlowa z okresu wikingów z Janowa (Truso). *Badania geofizyczne, archeopedologiczne i archeologiczne w latach 2004–2008*] // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.* Bhft. 24. Bonn. P. 185–280.

Ibsen T., 2009–2010. „Etwa hier die Siedlung“ – Der wikingerzeitliche Fundplatz von Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet im Lichte alter Dokumente und neuer Forschungen. Dissertation. University of Kiel.

Kleemann O., 1939. Die vorgeschichtlichen Funde bei Cranz und die Siedlung von Wiskiauten // *Prussia.* 33. P. 201–225.

Nerman B., 1931. Der Handel Gotlands mit dem Gebiet am Kurischen Haff im 11. Jahrhundert // *Prussia.* 29. P. 161–173.

Schmölcke U., Knorre St., Sirkin A., in print. Report on the animal bone analysis of Wiskiauten settlement material.

Wulff [first name unknown], 1865. Bericht über die Aufdeckung altpreußischer Begräbnisstätten bei dem zum Gute Bledau gehörigen Vorwerke Wiskiauten im Samlande // *Altpreussische Monatsschrift.* 2. P. 641–646.

¹ The author wants to express her gratitude to Dr. Helmut Kroll (Institute of prehistorical and historical archaeology at the Kiel University) for the analysis of the macrofossils.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД: В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

А.Н. Абрамова*, Т.Ю. Шведчикова**, Н.Г. Свиркина**

**Волгоградский государственный университет
abramovasacha0902@gmail.com*

***Институт археологии РАН, Москва
ShvedchikovaTU@iaran.ru, svirkina.natalia@mail.ru*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В РАМКАХ НАУЧНОГО ОТЧЕТА О ВЫПОЛНЕННЫХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ОФОРМЛЕНИИ)

В настоящее время комплексное антропологическое исследование включает в себя использование целого спектра специальных подходов, выработанных физической антропологией, судебной медициной, популяционной генетикой и биохимией, направленных на получение максимального количества информации при исследовании костных останков. Среди них прицельное использование естественнонаучных методов, которые позволяют обратиться к изучению химического состава костной ткани, ее микроструктуры, и широкое привлечение смежных дисциплин, что дает возможность использовать всю полноту антропологического источника. Тем не менее, отсутствие понимания потенциала антропологического источника породило иногда достаточно стереотипное представление о количестве получаемой от скелета информации, которое ограничивается исключительно половозрастными характеристиками погребенного. Отсутствие строгой регламентации структуры и состава антропологического отчета привело к многообразию представляемых форм заключений. Поэтому задачей нашей работы стала попытка выработать форму антропологического заключения в рамках научного отчета о выполненных полевых исследованиях, которая бы учитывала нюансы и специфику большинства памятников и включала необходимый минимум информации, позволяющий последующим исследователям плодотворно работать с антропологическими коллекциями.

На наш взгляд, антропологическое заключение в виде самостоятельного отчета необходимо включать в состав археологического отчета о проведенных полевых работах в случае, если в ходе раскопок были обнаружены скелетные останки человека. Оно должно максимально отражать состояние, сохранность, комплектность полученного для исследования (или собранного самостоятельно в полевых условиях) антропологического материала; содержать первичные данные о половозрастных характеристиках погребенного с точным указанием использованных для определения пола и возраста методик; содержать сведения о дальнейшей судьбе коллекции, примененных программах исследования, отобранных для лабораторных работ образцах и месте хранения. Текстовая часть в обязательном порядке должна быть дополнена фотографией скелета, выложенного в анатомическом порядке, схемой сохранности костей или остеограммой. Такое схематическое изображение не только поможет представить комплектность скелета (что подчас бывает важным в групповых и переотложенных погребениях), но и в случае путаницы с нумерацией погребений выяснить исходный номер. Следует фиксировать остатки органических материалов, следы окислов железа или медносодержащих сплавов на костях. Следы возможных травм или патологических процессов, фиксируемых на скелете, также необходимо подробно описывать с приложением фотографий. Еще одним важным методическим дополнением можно считать указание на проведение реставрационных работ с черепом или посткраниальным скелетом (с упоминанием использованных для реставрации материалов), а также информацию о передаче целого костяка или его частей на хранение в коллекцию музея или научной организации.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.218

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ФИБУЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНОРЕЧЕНСКИЙ¹

В фондах Бахчисарайского музея хранится коллекция изделий из цветного металла могильника Чернореченский, работы на котором проводились в послевоенные годы. Материалы раскопок некрополя опубликованы в 1963 г. (Бабенчиков, 1963).

Исследование элементного состава проводилось при помощи рентгенофлуоресцентного спектрометра M1 Mistral фирмы Bruker. Детально изучались составы сплавов фибул как наиболее морфологически изменчивой составляющей варварского убора, с одной стороны, имеющей наиболее разработанную шкалу периодизации, с другой.

Фибулы смычковой конструкции относятся к группе 14 по А.К. Амброзу, бытующей с конца I – начала II по III в. н.э. (Амброз, 1966. С. 47). В.В. Кропотовым выделены в группу 7, которая встречается во II–IV вв. н.э. (Кропотов, 2010. С. 170). Исследованы 9 экземпляров таких застежек (табл. 1: 1–9; рис. 1: 1–3). Эти изделия изготовлены из свинцово-оловянистой бронзы с существенными вариациями основных компонентов

в сплаве – медь от 69% до 97%, олово от 0.7% до 10%, свинец от 1.1% до 24.5%. Цинк в небольших концентрациях (до 0.9%) присутствует в сплаве четырех смычковых фибул (КО 244, 245, 325 и 430). В одном случае (КО 420) цинк (10.5%) является основным легирующим компонентом.

Лучковые фибулы с верхней тетивой в исследованных материалах Чернореченского могильника представлены тремя изделиями (табл. 1: 12–14, рис. 1: 6, 7). КО 162 относится к группе 4 серии I варианта 4, форме 1 (такие застежки датируются концом II – первой половиной III в. н.э. (Кропотов, 2010. С. 77–80)) или к группе 15 серии I варианту 4 по А.К. Амброзу, который датировал подобные находки второй половиной II – началом III в. н.э. (Амброз, 1966. С. 50). Проволочная одночленная фибула КО 431 принадлежит к серии I варианту 3 по А.К. Амброзу (Амброз, 1966. С. 49–50), который датируется II в. н.э., или группе 4, серии I, варианту 4 по

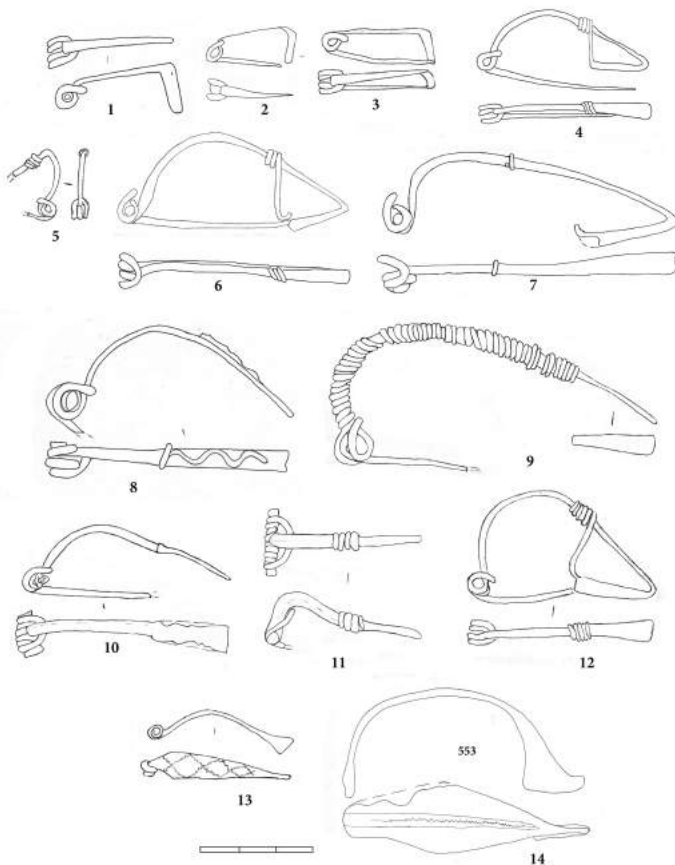

Рис. 1. Фибулы из могильника Чернореченский.

1 – КО 420; 2 – КО 430; 3 – КО 800; 4 – КО 714;
5 – КО 784; 6 – КО 261; 7 – КО 431; 8 – КО 418; 9 – КО 288;
10 – КО 195; 11 – КО 198; 12 – КО 1043; 13 – КО 258;
14 – КО 553.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18–39–00064.

Табл. 1. Элементный состав фибул из могильника Чернореченский

№	№ КО	Тип фибулы	№ погр. соор.	Элементный состав						
				Cu	Sn	Pb	Ag	Ni	Zn	Fe
1	244	смычковая		69,56	10,25	19,6			0,58	
2	245	смычковая		91,85	6,52	1,13		0,07	0,26	0,17
3	246	смычковая		88,6	2,42	8,97				
4	267.1	смычковая, спинка	57	69,28	6,31	24,41				
	267.2	смычковая, игла		80,75	7,07	12,18				
5	325	смычковая		90,23	7,54	1,34			0,89	
6	354	смычковая		93,07	4,04	2,54	0,08			0,27
7	420	смычковая	77	81,68	1,61	6,17			10,53	
8	430	смычковая	78	97,34	0,68	1,66			0,22	0,10
9	800	смычковая		92,29	3,08	4,64				
10	714	«инкерманского» типа	72	90,52	0,77	0,08			8,21	0,42
11	784	«инкерманского» типа	72	92,15		0,35		0,85	6,53	0,11
12	162	лучковая с верхней тетивой	45	81,11		0,31			18,59	
13	261	лучковая с верхней тетивой	50	84,51					15,3	0,18
14	431	лучковая с верхней тетивой	78	93,97	5,36	0,25				0,42
15	58	«инкерманского» типа	6	78,97		0,43			20,6	
16	197	«инкерманского» типа, приемник	35	88,47	1,49	0,56		0,05	9,4	0,03
	197	«инкерманского» типа, тетива		85,32	1,53	0,51		0,06	12,50	0,08
	197	«инкерманского» типа, игла		81,76	1,1	0,28		0,06	16,76	0,03
17	600	«инкерманского» типа	59	83,55	0,85	0,18			15,42	
18	288	«инкерманского» типа	61	91,59	5,46	0,54			2,26	0,15
19	418	«инкерманского» типа, спинка	77	89,91	9,67	0,28				0,14
20	380	«инкерманского» типа	86	98,35		0,12			1,42	0,11
21	298.1	«инкерманского» типа, спинка		93,02		0,18			6,80	
	298.2	«инкерманского» типа, ножка		81,51		0,15		0,06	18,21	0,08
22	195	лучковая	35	86,68	0,25	0,95		0,30	11,57	0,25
23	235			87,63	0,48	0,46	0,10	0,13	10,81	0,39
24	1043	лучковая		92,45	3,6	2,67			1,08	0,19
25	435	лучковая		90,02	3,83	0,20			5,66	0,29
26	297	лучковая, спинка		93,26	2,97	0,33	0,17		3,17	0,10
27	198	арбалетовидная	35	94,05	1	1,33			3,18	0,44
28	553			85,87	2,48	0,44			10,95	0,26
29	258		36	98,33		0,25			1,42	

В.В Кропотову (Кропотов, 2010. С. 77–80). Лучковая фибула из могилы 50 (КО 261) принадлежит к серии I варианту 3 (Кропотов, 2010. С. 74–75) и серии I варианту 3 (Амброз, 2010. С. 49–50). Две фибулы (КО 162 и 261) изготовлены из латуни с содержанием цинка до 19%, третья (КО 431) – из оловянистой бронзы.

Лучковые фибулы «инкерманского» типа представлены 9 изделиями (таб. 1: 10, 11, 15–21). К группе 4 серии II варианту 3 по В.В. Кропотову (Кропотов, 2010. С. 131–132) принадлежат две фибулы из могилы 72 (КО 714 и 784) (рис. 1: 4–5), к варианту 4 (Кропотов, 2010. С. 143–144) относятся 7 застежек (КО 197, 58, 600, 288, 418, 380, 298) (рис. 1: 8, 9). Фибулы КО 714, 784, 58, 380 и 298 изготовлены из латуни, содержание цинка в составе сплава находится в диапазоне от 1.4% до 20.6%. Застежки «инкерманского» типа выпол-

нены либо из латуни, либо из многокомпонентных цинкосодержащих сплавов, исключение составляет только фибула (КО 418) из могилы 77, изготовленная из оловянистой бронзы.

Фибулы КО 195 и 235 (рис. 1: 10) принадлежат группе 15 серии III варианту 1 по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. с. 52–53) и группе 4, серии III по В.В. Кропотову (Кропотов, 2010, С. 150–159). Фибула с завитком на конце приемника (КО 258) (рис. 1: 13) принадлежит группе 8 серии I (Кропотов, 2010. С. 183–185). КО 198 (рис. 1: 11) относится к группе 16 подгруппе 2 серии I варианту 1 по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С.62), который датировал крымские находки второй половиной III в. н.э. Ряд фибул фрагментирован, что затрудняет их отнесение к какому-либо типу.

Анализируя полученные данные, можно отметить, что в отдельную группу по набору матрицы элементного состава выделяются застежки смычковой формы, выполненные преимущественно из трехкомпонентной бронзы, в то время как фибулы других форм изготовлены из латуни и многокомпонентных цинкосодержащих сплавов.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. САИ Д 1-30. М.: Наука. 142 с.

Бабенчиков В.П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 13. С. 90–122.

Кропотов В.В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Адеф-Украина. 384 с.

Е.Е. Антонов

Институт археологии РАН, Москва

antonov.yegor@gmail.com

ОПЫТ СПЛОШНОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ПОДЪЕМНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ПОСЕЛЕНИЯ

В 2015 и 2016 гг. отряд Кара-Тобинской экспедиции Института археологии РАН под руководством автора¹ проводил разведки на границе г. Саки и одноименного района Республики Крым (Антонов, 2017; Внуков, Антонов, 2017). Одной из задач разведок было установление площади и границ поселения бронзового века Кара-Тобе 3.

Памятник открыт в 1980-е годы сотрудниками Евпаторийского музея. В 1980-1990-е годы участники Кара-Тобинской экспедиции несколько раз собирали там подъемный материал и делали зачистки, в результате чего поселение было предварительно отнесено к белозерской культуре. Однако точные его границы определены не были.

Кара-Тобе 3 находится частично на южной окраине с. Прибрежное, частично – к югу от него. В современном рельефе границы поселения выражены плохо. Некоторые из них можно наметить только в его южной части. Западная граница проходит по коренному берегу древнего залива озера Сасык-Сиваш. Она четко видна как на аэрофотоснимке 1941 г., на современных космических снимках и топоплане, так и невооруженным глазом. Юго-западный угол поселения намечен небольшим оврагом, едва различимым на аэрофотоснимке и космоснимке, но довольно четко видном на топоплане. Северная и северо-восточная границы памятника в рельефе не читаются.

Кара-Тобе 3 сильно пострадало в результате деятельности человека. Судя по всему, в XIX в. на его территории находился хутор Папахай. Вероятно, его остатки видны в виде прямоугольных структур на немецком аэрофотоснимке 1941 г. В 1915 г. по площади памятника проложили железнодорожную ветку Остряково – Евпатория (Кутайсов, Кутайсова, 2007. С. 124). Кроме насыпи с ней связаны также множество траншей и перекопов. Вдоль берега древнего озерного залива во время Второй мировой войны был прокопан противотанковый ров. Рядом находятся окопы того же времени. Северная часть поселения пострадала при устройстве братской могилы советским военнослужащим, погибшим при взятии с. Прибрежное. Во второй половине XX в. через поселение была

¹ Разведки осуществлялись по открытым листам № 860/2015 и 1399/2016. Благодарю за содействие начальника Кара-Тобинской экспедиции, в.н.с. отдела классической археологии ИА РАН, д.и.н. С.Ю. Внукова.

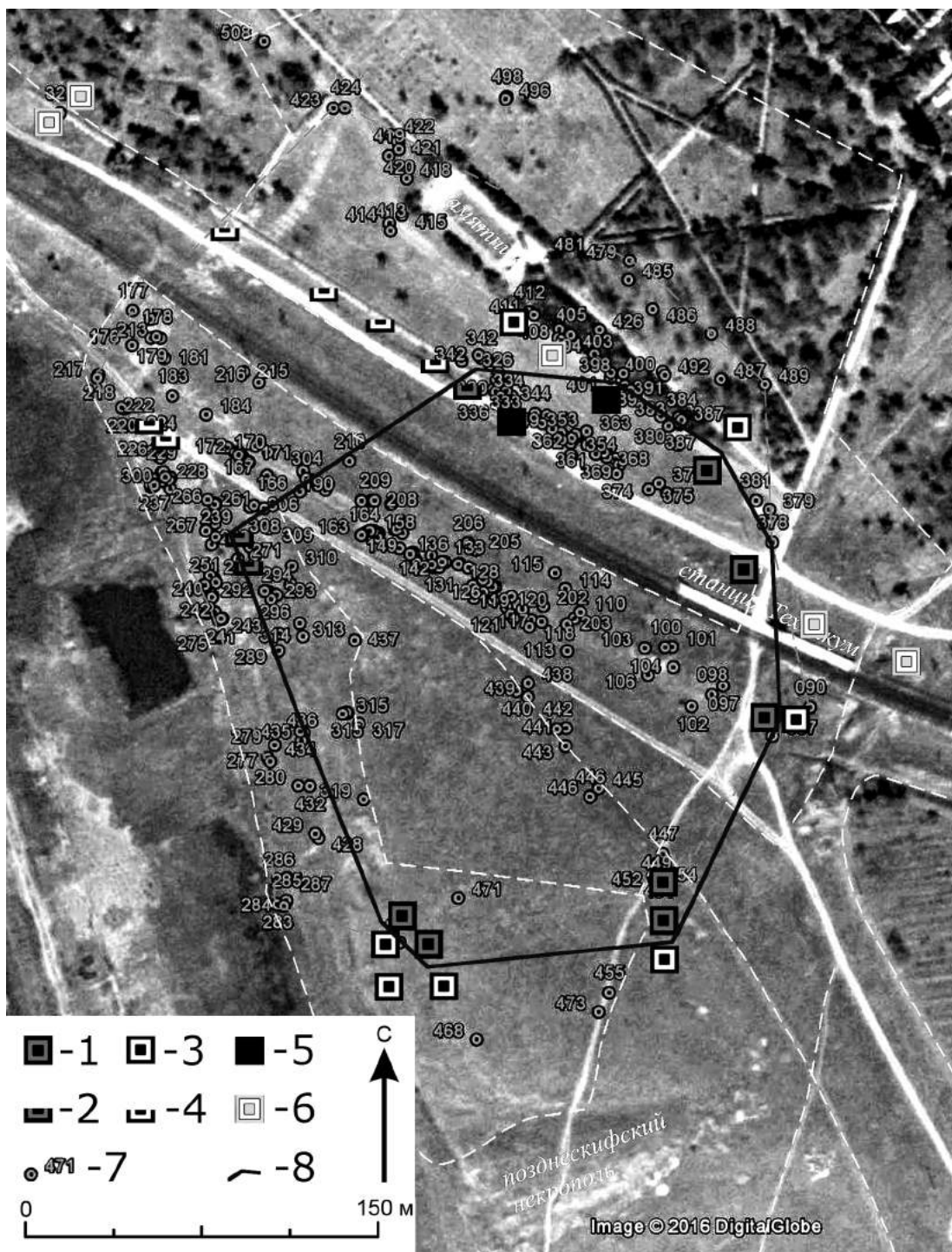

Рис. 1. Разведки на поселении Кара-Тобе 3.

Шурфы и зачистки, исследованные Кара-Тобинским отрядом в 2015 и 2016 гг. Культурный слой выявлен: 1 – шурфы; 2 – зачистки. Культурный слой отсутствует: 3 – шурфы; 4 – зачистки.

Шурфы, исследованные С.Б. Ланцовым в 2016 г.: 5 – культурный слой выявлен; 6 – культурный слой отсутствует.

7 – находки бронзового века из подъемного материала, собранного в 2015 г.; 8 – границы поселения по итогам разведок 2015–2016 гг.

проложена ветка магистрального водопровода. Зафиксировано также множество перекопов неясного происхождения и времени.

Описанные обстоятельства – отсутствие четких границ памятника в рельефе и значительные повреждения – требовали особого подхода для определения его пло-

щади. В 2015 г. решено было провести сплошной сбор подъемного материала и его картографирование.

Каждой находке – любому фрагменту керамики или кости, кремневым сколам – присваивался отдельный номер, который сразу же наносился на нее простым карандашом. Место находки отмечалось с помощью GPS-приемника Garmin GPSmap 62s. После обработки, определения и атрибуции подъемного материала он был разделен на несколько групп в соответствии с датировкой: предметы Нового времени, средневековья, античности и бронзового века. Затем отметки были нанесены на космоснимки в программе GoogleEarth Pro (рис. 1).

Распределение находок почти всех эпох, кроме бронзового века, не дало выразительной картины. Картографирование предметов эпохи бронзы, напротив, оказалось очень продуктивным. Установлено, что основная масса артефактов этого времени концентрируется на площади около 4 га.

Кроме сбора подъемного материала в 2015 г. произведены зачистки обнажений в северо-западной части памятника, на коренном берегу озера. В двух из них (самых «северных») находки отсутствовали; в одной был выявлен антропогенный слой (глинистые и золистые прослойки с включениями древесных угольков). Предположительно его можно связать с хутором Папахай (XIX в.).

В двух «южных» зачистках зафиксирован культурный слой (однородный суглинок с золой) толщиной 0.26–0.44 м, гумусированный в верхней части. В нем встречены единичные фрагменты керамики бронзового века и костей. Зачистки, таким образом, позволили твердо установить северо-западный угол поселения.

В 2015 г. начались проектные работы по реконструкции водовода, проходящего по северной части поселения Кара-Тобе 3. Здесь провел шурфовку отряд Института археологии Крыма РАН под руководством зав. отделом античной археологии, к.и.н. С.Б. Ланцова. Было подтверждено существование культурного слоя, но точные границы поселения снова не установлены.

Результативность наших зачисток 2015 г. подсказала методику разведок следующего года. На границах поселения было решено заложить 14 шурфов. Они размещались парами: один на краю скопления материала бронзового века, другой – в нескольких метрах от него, там, где артефактов указанного времени не было.

Выбранная методика показала себя продуктивной. Лишь в двух–трех случаях шурфы не подтвердили предполагаемое наличие или отсутствие культурных отложений. Кроме того, в пяти местах были зачищены борта траншеи 2014 г. Мощность выявленного культурного слоя невелика – от 0.08 до 0.46 м, что неудивительно для окраинных частей памятника. Площадь поселения, определенная по результатам шурфовки, оказалась меньше зоны концентрации подъемного материала – около 3 га. Эту разницу можно объяснить поздними антропогенными нарушениями.

Таким образом, опыт сплошного картографирования при сборе подъемного материала можно признать успешным.

Антонов Е.Е., 2017. Разведки в окрестностях городища Кара-Тобе // АО. 2015 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 273–275.

Внуков С.Ю., Антонов Е.Е., 2017. Разведки в окрестностях городища Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // КСИА. Вып. 249. Ч. 1. С. 324–328.

Кутайсов В.А., Кутайсова М.В., 2007. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. К.: ИД Стилос. 284 с.

А.Ю. Аржанов, А.А. Кучинин, В.В. Панченко
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
aleksar71@gmail.com
hesperium@mail.ru
gemell@yandex.ru

**КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К МЕТОДИКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК
НА ПРИМЕРЕ РАБОТ ОТДЕЛА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
«ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»**

Гераклейская экспедиция отдела междисциплинарных исследований музея-заповедника «Херсонес Таврический» в 2017–2018 гг. проводила археологические разведки в южной части Гераклейского полуострова (г. Севастополь) с целью выявления новых памятников археологии и отработки методов комплексных полевых исследований. Начальник экспедиции – А.Ю. Аржанов, руководитель геофизических работ – В.В. Панченко, исполнитель работ по лазерному сканированию – А.А. Кучинин.

Помимо традиционной методики работ, включавшей сбор архивных данных, визуальный осмотр, сбор подъемного материала, коллективом Гераклейской экспедиции применены методы неинвазивных исследований: лазерное сканирование рельефа и геофизическая разведка.

Основанием для привлечения геофизических методов является отечественный (Глазунов, 1985; Модин, 2010) и зарубежный (Clark, 1996; Walker, 2000. P. 119–132) опыт, прежде всего, исследования, выполненные кафедрой геофизических методов разведки Ленинградского Горного института (Санкт-Петербургского государственного Горного университета) в 1976–1977 и 1991–1993 гг. под руководством профессора СПбГИ В.В. Глазунова и зам. Генерального директора музея-заповедника по научной работе Г.М. Николаенко. Большой практический опыт накоплен в ходе работ, проведенных отделом научно-технических методов исследования памятников в 1996–2010 гг. под руководством зав. отделом М.Ю. Николаенко (Николаенко, 2010) на Гераклейском полуострове и отделом биоархеологических исследований в 2013–2014 гг. под руководством М.Ю. Николаенко и В.В. Панченко в балке Бермана (Николаенко, Панченко, 2014). Эти исследования доказали высокую эффективность и перспективность неинвазивных геофизических методов для исследования хоры Херсонеса, являющейся одним из уникальнейших археологических памятников. Методика сканирования рельефа опиралась на опыт, отраженный в исследованиях российских ученых (Зайцева, 2014. С. 11–20; Середович и др., 2009; Прокопьева, 2006. С. 164–167), с учетом природных условий и особенностей памятников Гераклейского полуострова.

Для осуществления геофизических исследований использовался один из методов электроразведки – электропрофилирование установкой срединного градиента. Для проведения работ применялся аппаратный электроизмерительный низкочастотный комплекс ЭРП-1А, состоящий из генератора, возбуждающего постоянный или переменный ток, и измерителя амплитуды напряжения.

Метод основан на изучении распределения искусственного электрического поля в геологической среде. Одним из основных изучаемых параметров является удельное электрическое сопротивление, зависящее от влажности, пористости и состава среды. Постановка задачи сводилась к изучению распределения удельного электрического сопротивления у дневной поверхности и поиску зон линейно вытянутых аномалий низкочастотного электрического поля, аппроксимируемых погребенными стенами жилых и хозяйственных строительных сооружений.

При наземном лазерном сканировании местности использовался тахеометр с функциями лазерного сканирования Leica MS50, основанный на комбинированной, импульсно-фазовой технологии преобразования аналоговых сигналов.

Описываемые работы выполнялись на выявленном объекте культурного наследия «Комплекс античных и средневековых сооружений северного склона балки Бермана», расположенном в южной части Гераклеяского полуострова, на территории сельскохозяйственной округи древнего Херсонеса. При визуальном осмотре комплекс представлял собой развалины усадьбы (13 × 6 м) позднесредневекового и Нового времени с остатками свода и заключенный в единую ограду двор (80 × 50 м) этой усадьбы. К двору и усадьбе примыкают остатки древних дорог, судя по направлению, принадлежащих единой межевой системе, возникшей в эллинистическое время, что подтверждается наличием подъемного материала этого времени. По подъемному материалу объект датируется III в. до н.э. – XIX в. н.э. В углах двора можно предположить наличие остатков хозяйственных помещений. Посредством лазерного сканирования получен точный план комплекса, подтвердивший и уточнивший данные визуального осмотра, в частности, конфигурацию двора и наличие прямоугольных структур в северо-западном и юго-восточном углах. Для проведения электроразведки к производству была принята структура в юго-восточной части двора, как более близкая к «усадьбе». С использованием точных геодезических координат, полученных в ходе тахеометрического сканирования, был разбит планшет прямоугольной формы размерами 24 × 15 м. Границы планшета вынесены за пределы предполагаемых внешних стен двора на 1,5 м.

При сопоставлении данных, полученных при геофизических исследованиях и лазерном сканировании, оказалось, что в южной части исследуемого участка наблюдается определенное противоречие. В рельефе фиксировалась линейная структура, интерпретируемая как часть ограды двора. По данным же электроразведки, здесь располагалась область с пониженными значениями сопротивления. Такая аномалия с большой долей вероятности может свидетельствовать о наличии мощного культурного слоя без архитектурных остатков. На этом основании выдвинуто предположение о наличии на исследуемом участке ворот или пролома в ограде. При дальнейших работах шурф размером 2 × 2 м, заложенный в этом месте, показал отсутствие архитектурных сооружений и наличие культурного слоя мощностью около 1,7 м.

Таким образом, применение комплексного подхода к разведкам, объединяющего в себе сканирование рельефа и геофизические изыскания, позволяет нам до начала земляных работ получить информацию, которая влияет на выбор участков для шурфов. При этом необходимо отметить, что границы шурфов определяются и выносятся в натуру с сантиметровой точностью. Такой подход будет развиваться и совершенствоваться в ходе дальнейших работ Гераклеяской экспедиции отдела междисциплинарных исследований музея-заповедника «Херсонес Таврический».

- Аржанов А.Ю., 2018. Отчет об археологических разведках без осуществления локальных земляных работ в границах Балаклавского и Гагаринского районов г. Севастополя в 2017 г. // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 4684.
- Глазунов В.В., 1985. Геофизические методы исследования археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Зайцева О.В., 2014. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 11–20.
- Модин И.Н., 2010. Электроразведка в технической и археологической геофизике. Автореф. дис. ... докт. тех. наук. М.
- Николаенко М.Ю., 2010. Отчет о геофизических разведках на территории древнего земельного участка № 220 на Гераклеяском полуострове, 2009 // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 4152.
- Николаенко М.Ю., Панченко В.В., 2014. Отчет о геофизических исследованиях на участке укрепленного поселения в балке Бермана, г. Севастополь, в 2013 году (часть II) // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 4286/II.
- Прокопьева С.А., 2006. Применение технологии трехмерного наземного лазерного сканирования при решении задач археологии // ГЕО-Сибирь. Т. 1. № 2. Новосибирск. С. 164–167.
- Середович В.А., Комиссаров А.В., Комиссаров Д.В., Широкова Т.А., 2009. Наземное лазерное сканирование. Новосибирск: СГГА. 261 с.

Clark A., 1996. Seeing Beneath the Soil. Prospecting methods in archaeology. 2nd edition. L.
Walker A.R., 2000. Multiplexed resistivity survey at the Roman tower of Wroxeter // Archeological
prospection. 7. P. 119–132.

Н.Е. Арсенова*, **Е.А. Клещенко****, **А.Г. Яблоков***
**Археологический музей Воронежского университета*
arsyul@yandex.ru, yablokov6606@yandex.ru
***Институт археологии РАН, Москва*
malzeva-ekaterina@mail.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ КРЕМАЦИЙ ПАМЯТНИКОВ БОРШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ КУРГАНА 151 ЛЫСОГОРСКОГО МОГИЛЬНИКА

На сегодняшний день исследовано несколько крупных широко известных курганных могильников боршевской культуры, что позволило составить представление об особенностях погребального обряда оставившего их населения (Винников, 2012. С. 15–16). Согласно выделенным конструктивным особенностям курганов, могильники, расположенные на р. Воронеж, имеют наибольшее разнообразие видов трупосожжений (Винников, 2012. С. 16). Исследование кремированных останков из боршевских курганов существенно дополнило бы представления об особенностях погребального обряда и культурных традициях местного населения конца I тыс. н.э., однако подобные исследования практически не проводилось. Исключением являются выполненные Л.Т. Яблонским половозрастные определения кремированных останков ряда славянских курганов Лесостепного Дона (Винников, 1984).

Данная работа посвящена результатам комплексного исследования погребения с кремацией кургана 151 Лысогорского могильника, относимого к боршевской культуре восточных славян и датированного концом I тыс. н.э.

Лысогорский могильник, входящий в микрорегион памятников Вантит, известен с конца XIX в. Основные работы на нем осуществлялись в 1973, 1978–1980, 1985 гг. под руководством А.З. Винникова, в 1996 г. – М.В. Цыбина. В 2018 г. экспедицией Археологического музея ВГУ под руководством Н.Е. Арсеновой проведены раскопки кургана 151. Высота насыпи составляла 1.5 м, диаметр в основании около 10 м. В ее восточной части выявлено погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне, помещенное в сгоревший деревянный ящик, ориентированный по линии восток – запад, размерами 1.58 × 0.65 м (рис. 1). В верхней части погребения по центру читался сильный прокол – следы костра, разведенного над погребальным ящиком после совершения захоронения. В камере имелся деревянный пол, возможно, была крышка, которая опиралась на северную (заднюю) стенку камеры, так как одна из плах находится выше основной конструкции на 6 см. В центре ящика располагалось скопление кальцинированных костей № 2, рядом с ним находился венчик сгоревшей крышки от сосуда (?), в северо-западной части на одной из плах – скопление кальцинированных костей № 1. У входа в камеру на деревянном полу обнаружены два сосуда: лепной сосуд № 1 с двумя «ушками», орнаментированный тремя оттисками подпрямоугольного штампа с одной стороны тулова (верхняя часть незначительно заполнена мелкими фрагментами кальцинированных костей); к северо-западу от него располагалась нижняя часть неорнаментированного лепного горшка № 2 (урны), заполненного кальцинированными костями и фрагментами оплавленных бронзовых предметов (скобы, пронизки).

При определении видовой и половозрастной принадлежности кремированных останков был применен сравнительно-анатомический метод исследования. Описание фрагментов костей проведено согласно общепринятым стандартам изучения кремированных останков, с учетом весовых показателей, размера, цветности, наличия характерных деформационных трещин (Добровольская, 2010; Клещенко, 2016).

Фрагменты изученных кремированных останков имеют цвет от коричневого и черного до белого, на поверхности некоторых из них зафиксированы деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. На основе данных характеристик можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться от 550 до 800°С. Общая масса останков – 803.27 г, из них определимых человеческих костей – 492.28 г. Несколько фрагментов костей животного (7.46 г) обнаружены только в скоплении № 1 (под плахой) в северо-западной части погребального сооружения. Один из фрагментов имеет следы разделки в районе сустава.

Останки человека из трех объектов (сосуда № 2, скоплений № 1 и 2) принадлежат одному индивиду – женщине 25–35 лет. Вывод сделан на основе полученных определений (таб. 1), а также на основе визуального сравнения фрагментов костей (схожесть цвета, плотности, структуры костной ткани, наличие различных фрагментов одной кости в разных скоплениях). В захоронении представлены все отделы скелета. Следы припекааний оплавленного металла и стекла обнаружены на костях кисти, ребер, лобной и теменной кости черепа, челюсти.

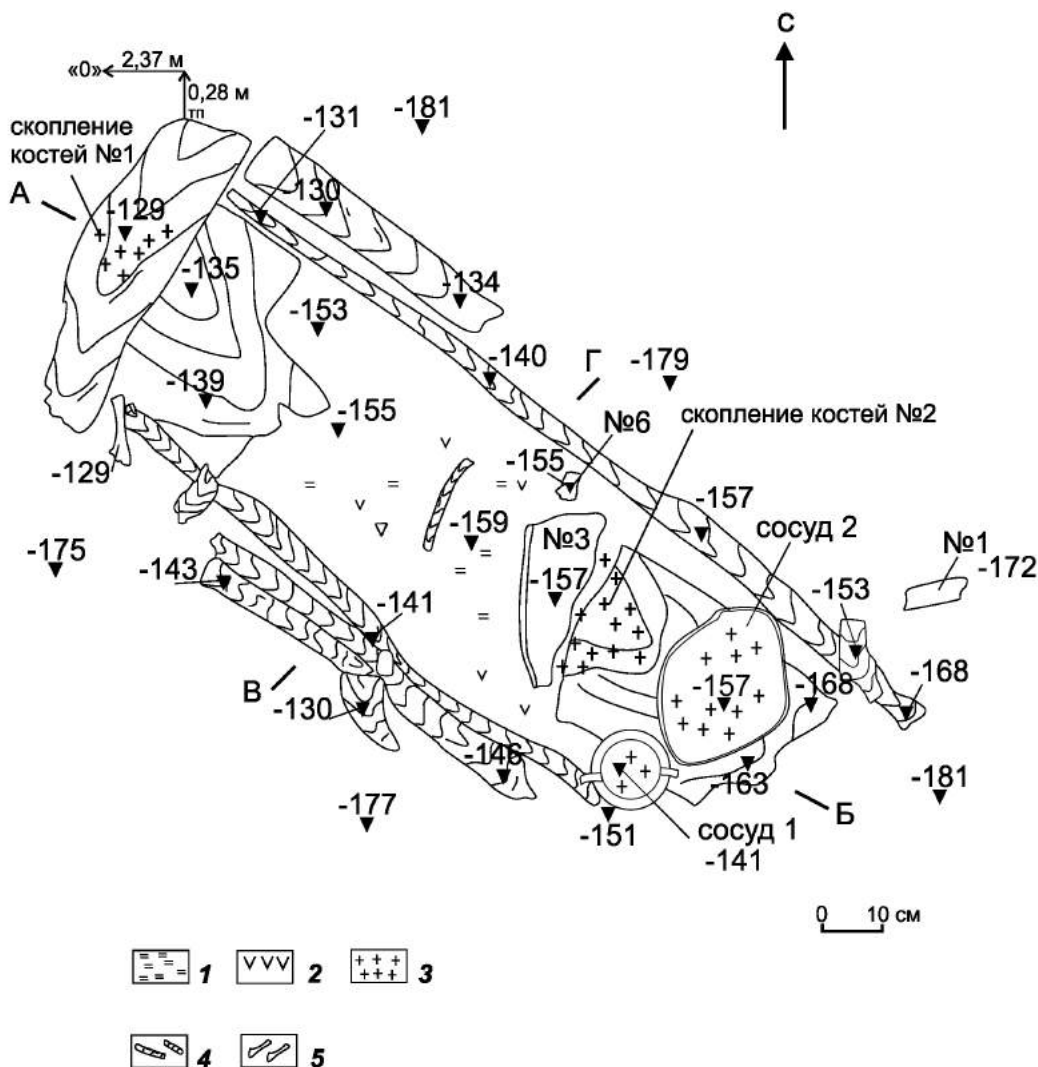

Рис. 1. Раскопки курганный группы Лысяя гора на северной окраине г. Воронеж, 2018 г. Курган 151. План погребения 1.

1 – обожженная глина; 2 – уголь; 3 – кальцинированные кости; 4 – дерево; 5 – кости животных; ТП – точка привязки; № 1 – точильный камень; № 3 – фрагмент крышки деревянной; № 6 – фрагмент ручки деревянной.

Табл. 1. Результаты исследования кремированных останков из погребения

Объект	Животное	Человек	Н/о	Вес (г)	Определимые фрагменты костей человека
сосуд					
			+	177.38	Женщина, 24–35 лет. Среди останков – фрагменты всех отделов скелета: верхних и нижних конечностей, черепа, позвонков, ребер, таза.
		+		169.58	
скопление № 1 (под плахой)					
			+	64.51	Женщина, 23–35 лет. Среди останков – фрагменты всех отделов скелета: верхних и нижних конечностей, черепа, позвонков, ребер, грудины, лопатки.
		+		182.02	
	+			7.46	
скопление № 2					
			+	61.64	Женщина, до 35 лет. Среди останков – фрагменты верхних и нижних конечностей, черепа, лопатки, ребер.
		+		140.68	
ИТОГО:				803.27	

Полученные данные дополняют представления о погребальном обряде Лысогорского могильника. Индивидуальность захоронения в совокупности с традициями проведения сожжения и сбора останков, зафиксированные в захоронении, характерны для многих погребений славян второй половины – конца I тыс. н.э. (Винников, 1984; Клещенко, 2016). Вместе с тем пространственное размещение останков внутри погребального сооружения имеет свои особенности, поэтому актуальной задачей дальнейшей работы является исследование кремаций из других погребений боршевской культуры.

- Винников А.З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж: ВГУ. 192 с.
- Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. VIII – начало XI века. Воронеж: ВГУ. 165 с.
- Винников А.З., 2012. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства (лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI в.) // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. Воронеж: ВГУ. С. 14–20.
- Добровольская М.В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Клещенко Е.А., 2016. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н.э. Дисс.... канд. ист. наук. Т. 1. М. 214 с.

А.Н. Бабенко

*Институт археологии РАН, Москва
mnemosina_a@mail.ru*

СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОЙ АНАЛИЗ ДОРОГИ МАДЖАРСКОГО ГОРОДИЩА

Город Маджар в XIII–XV вв. находился на месте современного города Будённовска (Ставропольский край). Это был один из крупнейших городов Золотой Орды, стоявший в одном ряду с такими известными городами того времени, как Сарай, Азов, Кафа. Маджар являлся важным торгово-ремесленным центром на Северном Кавказе (Аджимамедов, 1992). К сожалению, город до сих пор остается одним из наименее изученных центров Золотой Орды. В ходе раскопок 2017 г. в раскопе XII на Маджарском городище была прорезана дорога, идущая через центральную часть города. Дорога была построена и функционировала в XIV в. (Обухов, Бочаров, 2018).

В последние десятилетия при изучении археологических памятников все большее внимание уделяется материалам, которые можно исследовать естественнонаучными методами. Дорога является нетипичным археологическим объектом, исследуемым спорово-пыльцевым методом. Практика применения палинологического анализа для изучения дороги как археологического объекта известна автору только по одной работе Е.Г. Ершовой с соавторами (2017) на раскопе 2015 г. Зарядье-7 (Москва). Поэтому кроме образцов, отобранных в профиле дороги (колонка 1, 17 образцов), для корректной интерпретации данных дополнительно отобрана колонка 2 в непосредственной близости от дороги на поселении (18 образцов). В обеих колонках грунт в основном представляет собой суглинок с разной степенью включений песка, углей, кирпичной крошки и керамики. При отборе проб соблюдалось соответствие глубин в колонках.

Результаты. По результатам спорово-пыльцевого анализа построены диаграммы. Спорово-пыльцевые спектры колонок 1 (дорога) и 2 (с поселения) (рис. 1) сходны и характеризуются преобладанием пыльцы травянистых растений и небольшой долей пыльцы древесных пород (до 4.5%). Среди пыльцы травянистых растений преобладают маревые (Chenopodiaceae) и злаки (Poaceae). На диаграммах выделены палинозоны. Наиболее информативной является колонка 2, палинозона В, которая (6 образцов, 70–48 см) выделена в пределах однородного лессовидного слоя и отражает степную растительность с преобладанием маревых, существовавшую до образования Маджарского городища. Палинозона А охватывает культурный слой XIV в., она делится на две подзоны. Пыльцевые спектры семи образцов (46–20 см), объединенных в подзону А2, отличаются

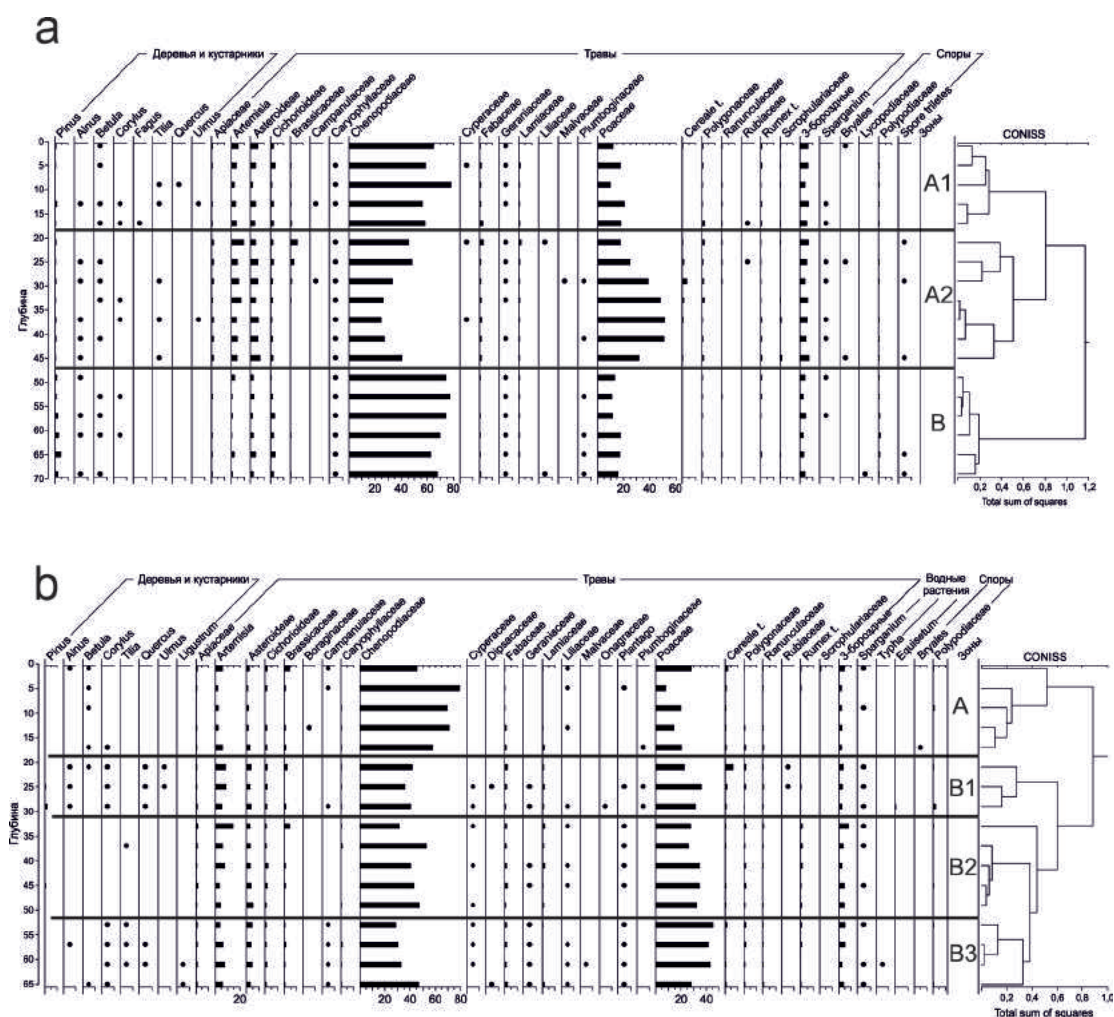

Рис. 1. Спорово-пыльцевые диаграммы раскопа XII городища Маджары. а – колонка 2 (борт); б – колонка 1 (дорога).

от палинозоны В большей долей злаков. В спектрах подзоны А1 (5 образцов, 18–0 см) вновь доминируют маревые.

Интерпретация. Спорово-пыльцевые спектры обоих колонок отражают марево-злаковый тип степной растительности. Будённовский район расположен в степной части Ставропольского края, где небольшие древесные массивы приурочены к долине реки Кумы (Аджимамедов, 1992). Поэтому можно предположить, что полученные спектры действительно отражают растительность района исследований.

При интерпретации данных спорово-пыльцевого анализа археологических объектов возникают сложности, которые во многом обусловлены различными путями формирования пыльцевых спектров. Во время цветения растений их пыльца оседает на окружающие растения и на поверхности почвы. Она создает своеобразный пыльцевой фон фитоценозов. Спорово-пыльцевые спектры образцов (например, погребенная почва) с преобладанием данного источника пыльцы будут отражать естественную растительность. Основу спорово-пыльцевых спектров колонки 2, по-видимому, как раз составляет пыльца, осевшая из атмосферы. Отличия спектров колонки 1 и 2 можно объяснить разными источниками поступления пыльцы. Вероятнее всего спорово-пыльцевые спектры колонки 1 искажены привнесением пыльцы из другого источника, связанного с функционированием дороги. Наиболее вероятным источником является помет животных. При поедании животными цветков пыльцевые спектры помета будут в большей степени отражать состав пищи животных, а не пыльцевой фон. Таким образом, данные колонки 1 могут являться лишь дополнительным источником для реконструкции растительности округа средневекового города Маджар. Анализ же динамики основных палиноморф спорово-пыльцевых спектров колонки 2 позволяет говорить об изменении растительности района исследований.

Основными причинами динамики растительности являются антропогенный и климатический факторы. Вероятно, преобладание маревых в нижних слоях колонки 2, сформированных до основания города, отражает сухую степную растительность. Увеличение роли злаков в окружающей город Маджар растительности в первые десятилетия его существования может быть отражением влияния более влажных условий Малого ледникового периода. Уменьшение же роли злаков в растительном покрове за довольно короткий период, вероятно, связано с влиянием выпаса на окрестные пастбища. Развитие города, у населения которого ведущим продуктом в мясном потреблении была говядина, поставляемая специализированными скотоводческими хозяйствами округа (Яворская, 2018), могло привести к увеличению антропогенного пресса на растительные сообщества.

Полученные результаты палинологического анализа образцов из раскопа XII являются первой попыткой реконструкции палеообстановки рассматриваемой территории, поэтому высказанные предположения о причинах динамики растительности требуют подтверждения при дальнейших исследованиях.

Аджимамедов Р.Е., 1992. Страницы Истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск. 172 с.
Ершова Е.Г., Бакуменко В.О., Воронцов Т.П., Гончаров М.М., Клименко М.С., Куликов Н., Ревокатова Д.П., Селезнева Е.М., Фариш Н.Р., Фетисова Е.С., Яковенко Е.П., 2017. Спорово-пыльцевые спектры современного и средневекового конского навоза // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика» / Отв. ред. А.В. Борисов, Л.Н. Плеханова, С.Н. Удальцов. Пушино: Товарищество научных изданий КМК. С. 70–74.

Обухов Ю.Д. Бочаров С.Г., 2018. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. № 2. С. 125–133.

Яворская Л.В., 2018. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология евразийских степей. № 5. С. 68–73.

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ СРЕДИ ПЕТРОГЛИФОВ АЛЬТЫ: ТИПОЛОГИЯ И ПОИСК АНАЛОГИЙ

Скопление петроглифов в районе севернорвежского города Альта с момента своего открытия в 1972 г. (Helskog, 2001. Р. 3) и до настоящего времени привлекает внимание исследователей. На 15 км вдоль побережья Баренцева моря обнаружено более 6000 различных фигур – изображения людей, лодок, животных, жанровые сцены и отдельные фигуры (URL: <https://www.altamuseum.no>). Среди петроглифов встречаются и геометрические мотивы, анализу которых посвящена эта работа.

Всего в Альте обнаружено 74 изображения, распределенных по четырем основным локациям: Амтманснес, Йеммелюфт, Кофьорд и Стордстайнен. Композиции расположены на скальных выступах на высоте 10–25 м над уровнем моря и датируются V–II тыс. до н.э. (Helskog, 1988. S. 32).

При беглом ознакомлении с петроглифами Альты можно выделить восемь типов мотивов. Некоторые из них описаны норвежским исследователем Кнудом Хельскогом (Helskog, 1988). Это фигуры, составленные из четырехугольников и углов (рис. 1: a, b), горизонтальных и вертикальных прямых и изогнутых линий (рис. 1: d, f), «звериные клыки» (рис. 1: e), каплевидные фигуры с бахромой (рис. 1: g), кресты, зигзаги, волнистые линии и др.

Некоторые изображения имеют аналогии среди орнамента костяных изделий из коллекций погребальных и поселенческих памятников Северной Фенноскандии эпохи камня – раннего металла.

Композиция из группы Йеммелюфт в виде последовательно расположенных друг за другом ступенчатых линий сравнима с подобными узорами на кинжалах и игольниках из коллекции Кольского Оленеостровского могильника в Баренцовом море (рис. 1: h, i). Изображения из Йеммелюфта датируются временем IV–III тыс. до н.э. (Helskog, 2001. Р. 6–7), тогда как коллекция могильника относится к 1500–1100 до н.э. (Murashkin et al., 2016. Р. 195). Ранее орнаменты из погребений могильника относились нами в типологическую группу, выделившуюся только во II тыс. до н.э. (Березовская, 2018). Теперь же можно утверждать, что простые вариации этого орнамента существовали в виде петроглифов на рассматриваемой территории на несколько тысячелетий раньше.

Наскальные изображения, построенные по принципу раппортной сетки из

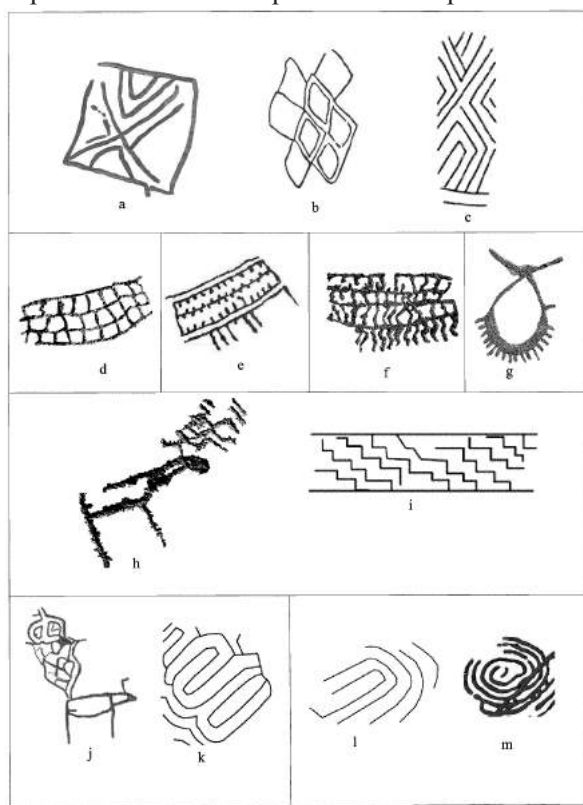

Рис. 1. Геометрические орнаменты на памятниках Северной Фенноскандии эпохи камня – раннего металла.

a, d, e, f, g, h – Альта, Йеммелюфт, петроглифы; b, j – Альта, Кофьорд, петроглифы; m – Альта, Стордстайнен, петроглиф; c – Усть-Дроздовка 3, жилище 5, орнамент на костяном изделии; i – Кольский Оленеостровский могильник, погребение 19–4, орнамент на костяном кинжале; k, l – Рыбачий полуостров, р. Пяйве, писаницы.

четырёхугольников и углов, сравнимы с композициями на изделиях со стоянки Маяк 2 (Гурина, 1997. С. 80–89) и жилища 5 на поселении Усть-Дроздовка 3 на территории Кольского полуострова, а также на памятнике Грессбаккен Недре Вест в Северной Норвегии (Simonsen, 1961. S. 271–377) (рис. 1: е) Такие композиции выделены в отдельный хронологический этап в декорировании костяных изделий эпохи камня – раннего металла Северной Фенноскандии, датирующийся 2500–1600 до н.э. (Helskog, 1980. S. 53). Самая ранняя подобная композиция среди петроглифов Алты – расходящиеся в разные стороны углы из Кофьорда – датируется V–IV тыс. до н.э. (URL:<https://www.altamuseum.no>).

С большой долей осторожности можно провести аналогии с некоторыми петроглифами и отдельными рисунками из группы наскальных рисунков на реке Пяйве на территории Рыбачьего полуострова (Колпаков, Шумкин, 2012. С. 159). Несколько петроглифов из Кофьорда представляют собой абстрактные фигуры из пересекающихся прямых и изогнутых линий, ограниченных внешним контуром. Подобные композиции встречаются и среди писаниц (Shumkin, 1990. P. 53–67). Фигура, состоящая из вписанных друг в друга сфер, находящаяся среди петроглифов Амтманснеса, также сходна с некоторыми наскальными рисунками Пяйве (рис. 1: j, k, l, m).

Таким образом, геометрические мотивы петроглифов Алты имеют несомненное стилистическое сходство с орнаментацией на костяных изделиях из закрытых комплексов Северной Норвегии и Кольского полуострова того же или более позднего времени. При дальнейшем изучении геометрических мотивов в наскальном искусстве Северной Фенноскандии и поиске аналогий среди находок из погребальных и поселенческих памятников возможно будет получить более детальную картину распространения орнаментов во времени и пространстве.

Березовская В.А., 2018. Периодизация орнаментов на костяных изделиях эпохи камня – раннего металла Северной Фенноскандии // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. СПб.: ИИМК РАН. С. 146–150.

Гурина Н.Н., 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение. 240 с.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., 2012. Наскальные изображения Кольского полуострова // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие / Отв. ред. С.А. Васильев, В.Я. Шумкин. СПб.: ИИМК РАН/МАЭ РАН. С.159–161.

Alta rock art museum. Режим доступа: <https://www.altamuseum.no/en/the-rock-art-of-alta>, свободный. Загл. с экрана (10.12. 18).

Murashkin A.I., Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya., Khartanovich V.I., Moiseyev V.G., 2016. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // New Sites, New Methods. Proceeding of the Finnish – Russian Archaeological Symposium / Pirjo Unio, Kerkko Nordqvist (eds.). Helsinki. S. 185–199.

Helskog K., 1980. The chronology of the younger stone age in Varanger, North Norway. Revisited // Norwegian Archaeological Review. Vol. 13. № 1. Tromsø. P. 47–54.

Helskog, K., 1988. Helleristningene i Alta : spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarksforhistorie, Alta. 135 s.

Helskog, K., 2001a. The rock carvings at Hjemmeluft/Jiepmaluokta. Alta: Alta Museum. 30 p.

Shumkin V.Ya., 1990. The rock art of Russian Lapland // Fennoscandia archaeological. VII. P. 53–67.

НАМОГИЛЬНЫЕ ПЛИТЫ МУСУЛЬМАНСКОГО КЛАДБИЩА БИШ-БАЛТА

Одной из важнейших задач, решаемых современными геоинформационными технологиями, является сохранение и популяризация объектов историко-культурного наследия. В связи с этим целью нашего исследования было применение всех доступных современных инструментов для сохранения исторически ценных и значимых намогильных камней с территории мусульманского кладбища слободы Биш-Балта (XVI–XX вв.) Кировского района г. Казани, являющегося объектом культурного наследия Республики Татарстан.

Кладбище Биш-Балта – исторический некрополь известного в период Казанского ханства поселения Биш-Балта. После покорения Казани его использование было остановлено и возобновилось только с появлением татарского населения в Адмиралтейской слободе. Территория кладбища претерпевала сезонные затопления, а в 1960-х годах была частично затоплена Куйбышевским водохранилищем. В течение многих лет некрополь пребывал в запустении. На сегодняшний день на его месте имеются лишь отдельные намогильные камни, особую ценность которым придают сохранившиеся до наших дней надписи – эпитафии.

Для визуального представления и сохранения разрушающихся намогильных плит проведены работы по фиксации камней и построению на основе фотографий их трехмерных моделей. Исследования проводились в полевых и камеральных условиях. На начальном этапе выполнены обследование территории и фотофиксация исследуемых объектов, а также сбор и анализ информации о намогильных камнях, находящихся на территории кладбища Биш-Балта. Перед началом работ были спланированы маршрут съемки и методика фотографирования с учетом особенностей размеров, цвета и положения намогильных плит, которая непосредственно влияет на результат построения трехмерных моделей.

В результате обследования территории выявлены 25 намогильных камней, каждому присвоен свой номер. Перед фотосъемкой на каждый камень установлена масштабная линейка, позволяющая определить реальные размеры объекта. Каждый участок камня зафиксирован не менее чем на двух изображениях, объект фотографировался подробно, с разных ракурсов. В среднем на каждую плиту получено по 40–50 фотографий. Они обработаны в программе Agisoft PhotoScan Professional. Для каждой намогильной плиты построена трехмерная модель.

Важно не только создать трехмерную модель, но и изучить сохранившиеся надписи намогильных плит. Визуальное обследование не всегда позволяет раз-

Рис. 1. Ортофотосрез намогильного камня.

глядеть детали объекта. Поэтому сделана попытка использования не самих трехмерных моделей, а их проекций на плоскость, так называемые ортофотосрезы (рис. 1). Учитывая, что зачастую камни имеют надписи не только с лицевых, но и с боковых и обратных сторон, необходимо получать из трехмерной модели не один, а целый ряд ортофотосрезов. Для этого в программе Agisoft Photoscan Professional на модели были проставлены по три маркера на каждую из интересующих сторон памятника. Этим маркерам заданы координаты так, чтобы отметить, что сторона плиты лежит на двумерной плоскости. Готовые ортофотосрезы экспортированы с заданием необходимых параметров в формат tiff и обработаны в программе ArcMap.

Применение инструмента «Отмывка» позволило получить рельеф с тенью из растровой поверхности. Четкость надписей на обработанном ортофотосрезе стала выше, чем на модели намогильного камня. Вероятность корректного прочтения эпитафий увеличилась.

Таким образом, проведена фотограмметрическая съемка каждого сохранившегося надгробного камня, обнаруженного во время обследования территории кладбища Биш-Балта. Надписи на них прочитаны, выполнен перевод текстов с арабского на современный татарский и русский языки.

С.А. Володин, Н.Г. Свиркина

Институт археологии РАН, Москва

volodinsaimon@gmail.com, svirkina.natalia@mail.ru

РОЛЬ ЦВЕТНОСТИ И СТРУКТУРЫ КРЕМИРОВАННЫХ КОСТЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ СОЖЖЕНИЙ)¹

В рамках проекта «Кремация как источник для реконструкции жизни городского населения Фанагории в римское время: старые и новые методы исследования» в июне – июле 2018 г. проведена серия экспериментальных кремаций, в ходе которых сожжена целая туша и отдельные части свиней. Основной целью экспериментов являлась реконструкция деталей обряда трупосожжения, практиковавшегося на восточной территории Боспорского царства в римскую эпоху. Однако результатом серии экспериментов стали в том числе и некоторые наблюдения, касающиеся цветности и структуры кремированных костей.

Диапазон цветности кремированных костей из археологических комплексов зависит от ряда факторов, которые можно объединить в три категории: 1) степень термического воздействия и его продолжительность; 2) контакт с погребальным инвентарем (металл, стекло); 3) влияние тафономических факторов.

Характер цветности кремированных костей обусловлен, в первую очередь, температурой и продолжительностью термического воздействия. В настоящее время разработаны несколько цветовых шкал, позволяющих определять диапазон температур, при которых проходило сожжение тела (Walker, Miller, 2005; Schmidt, Symes, 2008). Серия экспериментальных кремаций, проводившаяся в рамках проекта с замерами времени горения и температуры погребального костра, показала достоверность данной цветовой шкалы. В то же время были опровергнуты некоторые положения, связанные, в частности, с реконструкцией продолжительности сожжения. Кроме того, эксперимент продемонстрировал возможности реконструкции положения тела на погребальном костре (при соблюдении определенных условий) на основе характера цвета кремированных костей. Наиболее информативными оказались кости позвоночника.

Следующим фактором, оказывающим влияние на цветность костной ткани, является прямой контакт кости с предметами погребального инвентаря в процессе трупосожжения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00154.

В археологических кремациях фиксируются кости с прикипевшими фрагментами стеклянных и металлических изделий (Клещенко, 2018). Однако в некоторых случаях отмечается лишь присутствие специфической цветности на отдельных участках костной ткани без видимых следов прикипания стекла или металла. В ходе экспериментальных сожжений вместе с частями туш в костер были положены фрагменты медной и железной проволоки. Последующая визуальная экспертиза материалов выявила на некоторых костях цветные пятна, похожие на те, которые наблюдаются в археологических кремациях. Впрочем, визуальной экспертизы подобных цветных пятен явно не достаточно для понимания природы явления, необходим химический анализ поверхности костной ткани.

На цветность и структуру костей человека, находящихся в археологическом комплексе, непосредственно влияют специфика самого памятника, условия окружающей среды, грунта (Зайцева, 2004). Однако проблемы влияния тафономических факторов на кремированную костную ткань до сих пор в достаточной мере не разработаны. Исследование данного вопроса в рамках текущего проекта, к сожалению, не представляется возможными.

Процесс сожжения влияет на строение микроструктуры костей (Shipman et., 1984), а также приводит к разрушению органических компонентов костной ткани (коллаген). Изотопный анализ материалов из экспериментальных кремаций позволил проследить динамику деструкции коллагена в образцах. Результаты исследования показали, что при температурах горения свыше 600° (темно-синий – темно-серый цвет костной ткани) коллаген полностью деградирует. До этого температурного порога он присутствует в костях в измененном состоянии.

В ходе реализации проекта экспериментально подтверждено (с некоторыми дополнениями) влияние на цветность и структуру кремированных костей обозначенных выше факторов. Одновременно с этим стала очевидной необходимость проведения экспериментальных сожжений целых туш, т.к. данные, полученные в подобных исследованиях, наиболее адекватно отражают закономерности горения тела. Полученные результаты в очередной раз подтверждают необходимость изучения таких параметров, как цветность и структура костной ткани, для реконструкции деталей погребальной обрядности древних обществ.

Зайцева О.В., 2004. Факторы, влияющие на сохранность костной ткани в слое, и проблема интерпретации «некомплектных» костяков // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ. С. 66–69.

Клещенко Е.А., 2018. К вопросу о реконструкции элементов погребального убора в кремации (по материалам могильников Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н.э.) // Археология: история и перспективы. Восьмая межрегиональная конференция: сборник статей / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: ЯГИАХМЗ; ООО «Академия 76». С. 51–58.

Schmidt C., Symes S., 2008. *The Analysis of Burned Human Remains*. London: Academic Press. 296 p.
Shipman P., Foster G., Schoeninger M., 1984. Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage. // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 11. Iss. 4. P. 307–325.

Walker P.L., Miller K.P., 2005. Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 40 (222). P. 216–217.

С.С. Горланов*, Д.О. Дрыга**, А.В. Мочалов**

**Институт археологии РАН, Москва
gorlanovsergserg@mail.ru*

*** Проектно-экспертный центр МИИГАуК, Москва
hopkuh@gmail.com, al.mochalov93@gmail.com*

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ ХОРЫ ГОРГИППИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЯМ¹

В фокусе исследований Новороссийской археологической экспедиции (НАЭ) ИА РАН находились археологические памятники земель г. Новороссийска Краснодарского края, расположенные в Анапской долине хоры Горгииппии (ныне Анапы).

Хозяйственные владения античной Горгииппии включают в себя также пространства, удаленные на 20–25 км к востоку от побережья Черного моря: бассейны рек Маскага и Котлама. Русло Маскаги (длина водотока 19 км) более извилистое, берет начало на северном склоне Гудзевоы горы. Через 6 км река становится равнинной, русло ее заболачивается и теряется в плавнях, что свидетельствует о спокойном течении. Долина асимметрична по площади: ширина левого борта (2.0–2.5 км) в три раза превышает правый (склон горы Маскаги).

Рельеф левого борта Маскаги сложный: его ширина варьируется в пределах 20–100 м, пространство прорезают отроги Навагирского хребта и притоки Маскаги. Самый западный из них – Шумринка (Шум-речка), самый восточный – Цевкая (Цеокай), а также Бедричка (Бид) и Калитановая. Тем не менее, в целом крутизна этого склона долины такова, что допускает разнообразное хозяйственное освоение (пахота, домостроительство и пр.) практически на любом участке.

Во второй половине XIX в. по поручению ИАК в регионе вели исследования курганов Ф.С. Байерн, В.Г. Тизенгаузен и Н.И. Веселовский. Поселения оказались в поле зрения исследователей на полвека позже (Сизов, 1889). Первую сводную карту памятников составил и опубликовал Е.Д. Фелицын. Интенсивные разведочные работы начались в конце 1960-х годов (Ю.С. Крушкол, И.Т. Кругликова, Н.А. Онайко); сплошное обследование бассейна р. Маскага проведено А.В. Дмитриевым в 1984–1987 гг.

Вне всякого сомнения, в системе расселения региона главную роль играет Раевское городище. Оно расположено к северу от станицы Раевской Анапского района, на довольно высоком плато, северная и восточная границы которого имеют крутые обрывы к р. Маскага. Существовало с рубежа IV–III вв. до н. э. до XIII–XIV вв. (Юго-восточная периферия..., 2007).

В 1984 г. близ Раевского городища разведку и исследование памятников в зоне сооружения оросительных систем проводил А.В. Дмитриев. В результате в 0.9 км к западу от городища выявлен ряд погребений, связанных с его некрополем. В 1985 г. А.В. Дмитриев продолжил исследование данной территории, раскопав еще 93 захоронения. В ходе разведок в 1986 г. обнаружены остатки поселения III–II вв. до н. э., а также в 3.5 км к югу от городища выявлена усадьба IV–III вв. до н. э. и синхронный ей античный склеп. С 1998 г. на городище и его хозяйственной периферии (долина р. Бедрички) проводит исследования НАЭ ИА РАН под руководством А.А. Малышева.

Работы 2018 г. предусматривали сбор и анализ информации о поселенческих структурах на значительной площади. Результаты прежних исследований НАЭ обусловили проведение разведок к западу, северо-западу и к югу и юго-востоку от городища (пространство между р. Шумринка и Цевкай). С целью выявления новых и уточнения сведений об уже известных археологических памятниках осуществлены комплексные разведывательные мероприятия в бассейне р. Маскага.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-04313 офи_м «Цифровые технологии (3D визуализация) в реконструкции древностей полуострова Абрау: антропогенный ландшафт и палеопопуляции».

Помимо традиционных активно использовались методы аэрофотогеодезии, которые все шире внедряются в современную археологию (Дараган, Свойский, 2018; Курков и др., 2018). Работы осуществлялись в специальном программном ресурсе (ArcMap (9 версия)/Quantum GIS). Фиксация уже известных и выявление новых памятников в полевых условиях производились с помощью GPS-приемников. На исследуемых объектах применялись технологии наземной тахеометрической, аэрофототопографической и короткобазисной (наземной фотограмметрической) съемок. Методики и технологии выбирались в зависимости от свойств исследуемого объекта и требований к конечным результатам. Для масштабирования и точной привязки фотограмметрических моделей к единой системе координат была создана сеть опорных знаков. В качестве опознавательных знаков использовались контрастные трехцветные круги большого диаметра, подходящие для съемки с высот до 200 м. Определение координат плано-высотной опорной сети проводилось при помощи ГНСС-приемника геодезического класса, а в случае с густыми лесонасаждениями — тахеометром¹ (Ворошилов и др., 2018).

Полученные данные позволили значительно расширить и систематизировать карту археологических памятников в бассейне р. Маскага. Территория, где проводились исследования, на протяжении многих лет подвергается распашке, поэтому уточнить границы объектов удалось по распространению подъемного материала.

Ворошилов А.Н., Батченко В.С., Дрыга Д.О., Горланов С.С., 2018. Полевые исследования антропогенных ландшафтов периферии азиатского Боспора // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 4 (93). С. 137–146.

Дараган М.Н., Свойский Ю.М., 2018. Картирование и морфометрический анализ внутреннего пространства западного Бельского городища // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее). Материалы Международного форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 года. СПб.: ГЭ. С. 38–57.

Курков В.М., Скрыпицына Т.Н., Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Кобзев А.А., Князь В.А., Мишке К., 2018. Комплексное обследование археологических памятников с использованием воздушного и наземного зондирования // Экология. Экономика. Информатика. Серия Геоинформационные технологии и космический мониторинг. № 3. С. 151–158.

Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. М. 183 с.

Юго-восточная периферия азиатского Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевско-го некрополя, 2007. Некрополи Черноморья. Т. 1. М.: Гриф и К. 258 с.

А.В. Егоров*, Ю.А. Онуфриенко**

**Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области, Киров
general882007@yandex.ru*

***Вятский государственный университет, Киров
yuliyaonufrienko@mail.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЛКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Волковский могильник расположен на территории с. Волково Слободского района Кировской области в окрестностях Троицкой церкви. В ходе археологических работ 2015 г. А.В. Егоровым в раскопе площадью 20 кв. м. выявлено 20 погребений.

Все они ориентированы по линии юго-запад – северо-восток, головой на юго-запад. Данная ориентировка отличается от традиционной для православного погребального обряда: восток – запад (Макаров, 2003. С. 209). Захоронения расположены не только рядами (четко прослежены три ряда могил), но и ярусами. В некоторых случаях к уже

¹ Работы выполнялись высокоточным GPS-приемником Stonex S9 в режиме RTK (Real Time Kinematic), а затем контролировались при помощи электронного тахеометра. Первичные данные обработаны в программе Garmin Basecamp. Картографические материалы получены через программу SAS.Планета.

имевшемуся погребению производилось подзахоронение, иногда нарушавшее более раннее. Встречаются парные захоронения в одной могильной яме.

В некоторых погребениях, особенно раннего нижнего яруса, фиксировался различный инвентарь, сопровождавший покойника, – серебряные серьги-голубцы, спиралевидные серьги, бусы, головные повязки, украшенные позументной нитью, и др. Интересна находка в переотложенном слое натальной иконки с изображением Богоматери Знамение.

Кроме того, встречены жертвенные комплексы. В погребении № 2 на груди ребенка обнаружена спиралевидная серьга, а в погребении № 9 в районе таза и головы выявлены металлические скобы для ношения топора. Следы ритуальных действий представлены в первую очередь наличием в засыпи почти всех захоронений фрагментов гончарной керамики, угля и, реже, костей животных. В районе погребения № 16 зафиксирована жертвенная яма, заглубленная в материковый слой, существенно ниже последнего яруса погребений.

Был изучен палеоантропологический материал, пригодный к исследованию. Измерения костей проводились согласно методике В.П. Алексеева (Алексеев, Дебец, 1964. С. 148–208; Алексеев, 1966. С. 41–69).

Череп № 1 женский (возраст на момент смерти около 35 лет). Долихоцефальный, характеризующийся значительным преобладанием продольного диаметра над поперечным. Видны следы проникающего ранения.

Череп № 2 женский (возраст на момент смерти около 25 лет). Долихоцефальный, характеризующийся значительным преобладанием продольного диаметра над поперечным. Присутствует метопический шов.

Череп № 3 женский (возраст на момент смерти 35–40 лет). Долихоцефальный, характеризующийся значительным преобладанием продольного диаметра над поперечным. Практически отсутствует лицевая часть.

Череп № 4 женский (возраст на момент смерти 35–40 лет). Мезоцефальный, характеризующийся средним соотношением поперечного и продольного диаметров.

Череп № 5 мужской (возраст на момент смерти 40–45 лет). Долихоцефальный, характеризующийся значительным преобладанием продольного диаметра над поперечным. Полное преждевременное срастание сагиттального шва.

Череп № 6 женский (возраст на момент смерти 35–40 лет). Брахицефальный, характеризующийся относительно большим поперечным диаметром головы. Практически отсутствует лицевая часть.

Череп № 7 мужской (возраст на момент смерти 25–30 лет). Брахицефальный, характеризующийся относительно большим поперечным диаметром головы. Ч

ереп № 8 мужской (возраст на момент смерти 20–25 лет). Долихоцефальный, характеризующийся значительным преобладанием продольного диаметра над поперечным.

Череп № 9 мужской (возраст на момент смерти 50–55 лет). Брахицефальный, характеризующийся относительно большим поперечным диаметром головы. Практически отсутствует лицевая часть.

Череп № 10 мужской (возраст на момент смерти 30–35 лет). Брахицефальный, характеризующийся относительно большим поперечным диаметром головы.

Череп № 11 мужской (возраст на момент смерти 70–75 лет). Долихоцефальный, характеризующийся значительным преобладанием продольного диаметра над поперечным.

Череп № 12 мужской (возраст на момент смерти 30–35 лет). Брахицефальный, характеризующийся относительно большим поперечным диаметром головы. Остальные черепа оказались плохой сохранности, их измерение не проводилось.

Исследованный материал позволяет сделать вывод о неоднородности населения. Выделяются два основных типа: долихокраний, с узким и сильно профилированным лицом, и брахицефальный. Для населения данной местности характерна низкорослость (табл. 1).

На некоторых костях обнаружены сифилитические поражения. Чаще всего они локализируются в тех местах скелета, которые покрыты небольшим количеством мягких

Табл. 1. Средний показатель длины тела женщин и мужчин

♂		♀	
n		n	
13	167.7	14	160.4

тканей. Особенно часто такие поражения встречаются на лобной и теменных костях, в костях, участвующих в образовании локтевого сустава, особенно в гребне большеберцовой кости, который покрыт лишь кожей.

Кроме того, на костях зафиксированы костные наросты (экзостоз), вдавленности в области теменных костей, в некоторых случаях – отверстия в них, полное преждевременное срастание сагиттального шва, метопический шов.

Работа позволила дополнить сведения письменных источников и подтвердить информацию о полиэтничном составе местного населения.

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований М.: Наука. 249 с.
Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.

Макаров Л.Д., 2003. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 6. Омск: Наука. С. 192–232.

М.В. Жилина

*Новгородский государственный университет, Великий Новгород
zhilina.margarita@yandex.ru*

ПРИМЕНЕНИЕ ОПТИЧЕСКОЙ МИКРОСКОПИИ ПРИ АНАЛИЗЕ НАХОДОК ИЗ КОЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В СТАРОЙ РУССЕ)

В настоящее время предметы из кожи, обнаруженные в ходе археологических раскопок, вызывают значительный интерес как с точки зрения информативных возможностей данной категории находок, так и с позиции развития методик работы с материалом. При этом одним из аспектов, требующим дальнейшего изучения, является определение кожевенного сырья, используемого в конкретный хронологический период на определенной территории.

При анализе кожи как технического материала для кожевенной промышленности эффективным способом идентификации видовой принадлежности сырья признан микроскопический анализ строения тканей и рисунка мерей (Румянцев, 1934. С. 18; Зыбин и др., 1968. С. 102, 103; Луковски, 1991. С. 18). Исследование видов кож в современном производстве также основано на использовании оптической или электронной микроскопии (ГОСТ Р ИСО 17131–2014, 2015). Метод применяется в археологических исследованиях средневекового кожевенного ремесла (Курбатов, 2004. С. 36, 37; 2010. С. 170–172; Осипов, 2006. С. 58) и работах, посвященных описанию реставрации находок из кожи (Богатова и др., 2014. С. 70–72; 2016. С. 253–255; Бусова, 2015. С. 162, 163).

С целью определения видов животных, используемых для изготовления кожаных изделий в XIV–XV вв., был предпринят анализ археологической коллекции кожи из Старой Руссы.

Объектом исследования стали обрезки кожи, обнаруженные в ходе археологических работ в 2015 г. на Пятницком-II раскопе в напластованиях, датируемых второй половиной XIV – началом XV в. (Торопова и др., 2016. С. 98). В качестве эталонной базы использована современная кожа различных видов животных: КРС, МРС (козлина, овчина), свиная шкура. Также при создании эталонов учитывался участок шкуры животного: чепрак – область хребта; вороток – шейная часть; пола – брюшная часть.

С помощью цифрового микроскопа Levenhuk DTX 90 (увеличение 10–300х; камера 5 Мпикс) исследование велось путем снимков (100х увеличение) мерей и поперечного

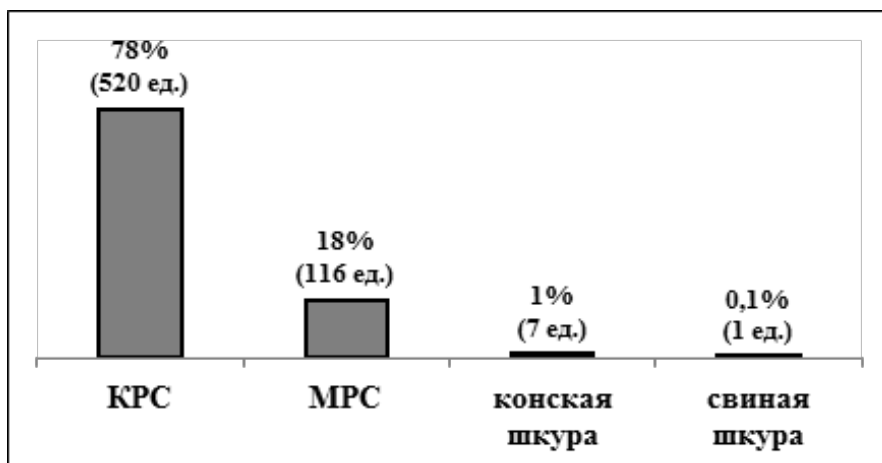

Рис. 1. Кожевенное сырье XIV–XV вв. (по материалам раскопок в Старой Руссе).

среза эталонных образцов и археологической кожи с их последующим сравнением. Обязательным условием являлось отсутствие внешних загрязнений на археологической коже. При изучении срезов особенности волокнистой структуры кожной ткани четко фиксировались после свежего поперечного разреза материала.

Всего было исследовано 664 образца археологической кожи (рис. 1). В связи с плохой сохранностью определение видовой принадлежности 3% (21 ед.) образцов не было проведено. Отмечено, что при пошиве изделий использовались преимущественно шкуры КРС (толщина до 2,5 мм), реже – МРС. Топографически большая часть обрезков происходит из чепрачной зоны. В единичных случаях отмечено использование конских и свиных шкур.

Представленное соотношение видовой принадлежности кож согласуется со статистикой, полученной при обработке кожаных предметов из раскопок Новгорода, Пскова, Чернигова, Ивангорода, Твери (Курбатов, 2004. С. 36), Москвы (Осипов, 2006. С. 58). Так, по археологическим данным, с XIV–XV вв. при изготовлении кожаных изделий значительно чаще используются шкуры КРС, которые при правильной выделке обладают лучшими качествами по сравнению с другими доступными в хозяйстве шкурами животных: МРС и конскими. Редкое употребление шкуры свиньи в кожевенном ремесле связано с особенностями ее химической структуры и гистологическим строением (Курбатов, 2004. С. 37).

Изучение кожевенного сырья с помощью методов микроскопии расширяет сведения о технологическом уровне выделки кож и локальных особенностях производства; торговых контактах и путях пополнения сырьевой базы; специализации мастерских, из которых происходят находки; численном соотношении животных и возрасте их забоя. Обозначенные информативные возможности метода указывают на эффективность его применения при изучении археологической кожи.

Богатова Л.Ф., Визгалова М.Ю., Старков А.С., 2016. Кожаная обувь Свяжского посада: опыт реконструкции простых поршней // Поволжская археология. № 4 (18). С. 248–265.

Богатова Л.Ф., Кулевцов Г.Н., Степин С.Н., 2014. Разработка методики идентификации археологических объектов из кожевенных материалов // Вестник Казанского технологического университета. Т. 17. № 19. С. 70–72.

Бусова В.С., 2015. Опыт реконструкции конской маски раннего этапа пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. № 1 (11). С. 153–168.

ГОСТ Р ИСО 17131–2014., 2015. Кожа. Метод идентификации с помощью микроскопа. М.: Стандартинформ. 15 с.

Зыбин Ю.П., Авилов А.А., Гвоздев Ю.М., Чернов Н.В., 1968. Материаловедение изделий из кожи. М.: Легкая индустрия. 384 с.

Курбатов А.В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение. 312 с.

- Курбатов А.В., 2010. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*. № 5. С. 169–218.
- Луковски И., 1991. Изделия из кожи. М.: Легпромбытиздат. 104 с.
- Осипов Д.О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН. 202 с.
- Румянцев А.В., 1934. Микроструктура кожи и методы ее микроскопического исследования. М.: Гизлегпром. 73 с.
- Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П., Колосницына Е.Е., 2016. Полевые исследования 2015 г. в г. Старая Русса и Новгородской области // *Новгород и Новгородская земля. История и археология* / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Первый ИПХ. С. 90–101.

Т.С. Закян, Н.С. Мамиконян
Министерство культуры Республики Армения
«Служба по охране исторической среды и историко-культурных
музеев-заповедников» ГНО, Ереван
t.zaqyan@gmail.com, nersesmamikonyan@gmail.com

РАБОТА АРХЕОЛОГА-РЕСТАВРАТОРА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АРМЕНИИ ЭПОХ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

Первые археологические исследования на территории Армении были предприняты еще в 70–80-е годы XIX в. В результате раскопок обнаружены многочисленные памятники эпохи бронзы и железа, датирующиеся временем от IV тыс. до IV в. до н.э., такие, как Мохраблур, Шенгавит, Верин Навер, Кармир Берд, Лчашен, Мецамор, Карашамб, Артик, Ширакаван, Арташат, Кармир Блур, Эребуни и др.

Археологический материал представлен предметами из керамики, металла, полудрагоценных камней (сердолика, агата, черного янтаря и др.), кости и стекла. Все эти артефакты в течение многих лет собирались в музеях и государственных специализированных научных учреждениях. Загрязнения (известковый налет и слой грязи) и фрагментированность часто затрудняют изучение предметов специалистами и их экспонирование в музеях. Поэтому еще в 1950-е годы были созданы лаборатории и отделы для реставрации археологических находок, где специалисты работали принятыми в то время методами и с применением доступных материалов (Закян, 2017. С. 63). Необходимо отметить, что реставрация артефактов в Советской Армении часто осуществлялась некорректно из-за недостаточного уровня профессиональной подготовки. При отсутствии необходимых кадров и финансирования, а также для возможно быстрого получения первоначального вида артефактов археологи часто самостоятельно реставрировали находки, что создавало сложности для последующей работы профессиональных реставраторов.

Ярким примером является тарелка из гранита, датируемая VI–IV вв. до н.э., которая представлена в постоянной экспозиции историко-археологического музея-заповедника «Мецамор». После склеивания восьми фрагментов недостающие части были восстановлены гипсом, после обработки которого на поверхности остались неровности. Тонировка сделана не только на гипсе, но и на всей поверхности предмета. В результате искажен его первичный вид.

В последнее время реставраторы входят в состав археологических экспедиций и вместе с другими специалистами принимают участие в полевых работах.

Мецамор – один из значимых памятников эпохи бронзы и железа, его исследования начались еще в 1960-е годы и продолжаются до настоящего времени. С 2013 г. на территории памятника работает армяно-польская международная экспедиция (Jakubiak et al., 2016). В ее состав входят археологи-реставраторы Т. Закян, Н. Мамиконян, А. Симонян, которые на месте делают первоначальную очистку и, в случае необходимости, консервацию найденных артефактов, классифицируют фрагменты и подготавливают их к транспортировке в лабораторию. Разрушенные и хрупкие предметы реставра-

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.241-242

торы сами извлекают из земли, укрепляя растворами и материалами. Удачным примером работы археолога-реставратора в полевых условиях являются карасы, датируемые XII–IX вв. до н.э., найденные в 2013–2014 гг. в овальной комнате городского квартала Мецамор. Работавший вместе с археологами реставратор на месте классифицировал и отобрал более 600 фрагментов керамики, которые после полевых работ были доставлены в лабораторию и прошли все этапы реставрации. В результате полностью были восстановлены два караса (из 157 и 147 фрагментов соответственно) и пять – частично. Высота восстановленных карасов – 0.76 м и 0.73 м, они находятся в историко-археологическом музее-заповеднике «Мецамор» и представлены в постоянной экспозиции.

Закян Т., 2017. Особенности и проблемы в реставрации археологической керамики // Хосрова Котака до Каро Кафадаряна. Ереван. 92 с. (на армян. яз.).

Jakubiak K., Piliposyan A., Iskra M., Zaqyan A., appendix: Mkrtychyan R., Simonyan H., 2016. Metsamor (Armenia). Preliminary report on the excavations in 2013, 2014 and 2015 // Polish Archaeology in Mediterranean. 25. P. 553–572.

К.С. Ковалева

*Институт археологии РАН, Москва
ksenmorgan@gmail.com*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕТАЛЛА И ТЕХНИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ИЗ РАСКОПОК КУРГАННЫХ ГРУПП БАХТИЯРОВКА И ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА

В 2018 г. при разборе экспозиции археологического музея ВолГУ изучена небольшая коллекция вещей из цветных металлов, происходящих из раскопок курганных могильников Бахтияровка I и Бахтияровка III экспедицией В.А. Кригера в 1982 (Кригер, 1982) и 1986 гг., а также из сборов на Царевском городище.

Курганные группы Бахтияровка расположены на второй надпойменной террасе р. Ахтуба, у п. Бахтияровка Ленинского района Волгоградской области. Могильник входит в округу одного из крупнейших городов Золотой Орды – Царевского городища (Недашковский, 2010. С. 57, 58). Последнее исследование антропологического материала Бахтияровских могильников подтвердило его схожесть с сериями, оставленными оседлым населением Царевского городища (Нечволода, 2018. С. 127). Могильник и городище датируются XIV в.

Исследование проводилось двумя методами: трасологическим для выявления следов технологических операций (для наблюдения и фиксации использовался цифровой микроскоп *DigiMicro 2.0*) и рентгенофлуоресцентным для определения химического состава поверхности (анализ проводился на РФА-спектрометре *Bruker Mistral M1*). Всего изучено 19 предметов (табл. 1). Часть вещей реставрирована и покрыта лаком, что в некоторых случаях затрудняло выявление технологических следов.

Коллекция демонстрирует применение различных методов работы с цветными металлами. Литьем изготовлены зеркала, бляшка, накладки, браслет и рыболовный крюк. Зафиксировано применение составных литейных форм. Почти все вещи проходили последующую обработку приемамиковки. Среди кованых изделий – проволока (в том числе как заготовка для производства серег), рыболовные крюки, пряжка, колчанная накладка, перстень, бляшки. Исходя из характера следов на поверхности изделий, можно говорить о применении при их изготовлении ножниц для резки металла, зубильцев, пробоев. Также можно предполагать использование волоочильных досок при изготовлении проволоки для обмотки серег в виде знака вопроса.

По составу металла составляющие коллекцию предметы можно разделить на бронзовые, латунные, медные и серебряные. Самую большую группу образуют латуни (табл. 1: 2, 8, 9, 12, 14, 18), в составе которых медь варьируется от 73% до 91%, а цинк – от 4% до 17%. В качестве лигатуры использовались олово и свинец.

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.242-244

Табл 1. Изделия из цветных металлов курганных групп Бахтияровка и Царевского городища: техника изготовления и химический состав

№	Изделие	Памятник	Полевой шифр	Техника изготовления	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au
1	Бляшка с вставкой	Бахтияровка I	к. 9, п. 1, пл. 6	ковка, гибка	54,78	32,50	0,00	0,00	3,69	0,17	0,10	7,68	0,12	0,96	0,00
2	Серьга в виде кольца	Бахтияровка I	к. 9, п. 1, пл. 20	ковка, гибка	72,805	0,682	0,000	0,000	17,755	0,000	0,182	7,605	0,355	0,616	0,000
3	Накладка в виде 8-угольника	Бахтияровка I	к. 18, п. 1, пл. 10	ковка, резка	98,933	0,165	0,000	0,000	0,000	0,000	0,153	0,081	0,153	0,515	0,000
4	Бляшка в виде 3-лепестковой подвески	Бахтияровка I	к. 18, п. 1, пл. 10	литье, ковка	82,564	1,415	0,000	0,036	0,062	0,348	0,195	10,084	0,473	4,823	0,000
5	Штифт	Бахтияровка I	к. 18, п. 1, пл. 10	ковка	60,646	2,762	0,000	0,000	0,072	1,771	0,195	15,103	0,535	18,916	0,000
6	Браслет	Бахтияровка I	к. 27, п. 1, пл. 7	литье, ковка	2,443	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	95,807	0,000	0,000	0,384	1,350
7	Кольцо (серьга?)	Бахтияровка I	к. 29, п. 1, пл. 2	ковка, гибка	82,752	0,257	0,000	0,000	0,347	0,000	16,054	0,194	0,209	0,186	0,000
8	Уголок (обкладка колчана)	Бахтияровка I	к. 30, п. 1, пл. 12	ковка, резка, гибка	92,253	0,596	0,000	0,000	4,730	0,000	0,269	1,657	0,159	0,336	0,000
9	Проволока (серьга?)	Бахтияровка I	к. 30, п. 1, пл. 15	ковка, гибка	76,277	0,774	0,088	0,000	17,587	0,373	0,171	3,185	0,127	1,418	0,000
10	Зеркало	Бахтияровка III	к. 113, п. 1	литье, ковка	66,064	0,052	0,000	0,000	0,096	0,527	0,134	28,267	0,346	4,515	0,000
11	Зеркало	Бахтияровка III	к. 120, п. 3	литье	47,686	0,388	0,000	0,000	1,446	1,093	0,245	42,619	1,054	5,451	0,000
12	Пряжка овальная	Бахтияровка III	к. 127, п. 1	ковка, гибка	91,982	0,739	0,000	0,000	6,796	0,000	0,000	0,059	0,162	0,262	0,000
13	Бляшка фигурная	Царевское городище	п/м	литье	83,915	0,498	0,000	0,000	0,000	0,240	0,211	13,336	0,925	0,875	0,000
14	Перстень	Царевское городище	п/м	ковка, гибка	84,681	0,244	0,243	0,115	13,432	0,497	0,139	0,204	0,290	0,154	0,000
15	Крюк рыболовный	Царевское городище	п/м	литье, ковка	93,290	0,352	0,000	0,000	1,231	0,000	0,000	5,076	0,013	0,038	0,000
16	Крюк рыболовный	Царевское городище	п/м	ковка, гибка	92,473	0,301	0,000	0,042	0,000	0,210	0,194	4,971	0,475	1,335	0,000
17	Серьга в виде зн. вопроса	Царевское городище	п/м	ковка	93,834	1,160	0,000	0,000	1,645	0,139	0,264	0,504	0,682	1,771	0,000
18	Серьга в виде зн. вопроса	Царевское городище	п/м	волочение, гибка	85,010	0,737	0,000	0,143	9,690	0,000	0,292	2,520	0,731	0,877	0,000
19	Серьга в виде зн. вопроса	Царевское городище	п/м	волочение, гибка	0,399	1,388	0,000	0,000	0,000	0,000	97,983	0,000	0,165	0,012	0,053

Другую большую группу составляют двух- и трехкомпонентные бронзы (табл. 1: 4, 10, 13, 15, 16). Доля меди варьируется в них от 47% до 93%, олова – от 4.9% до 28%, свинца – от 1.3% до 4%. В качестве легирующих компонентов зафиксированы мышьяк, сурьма, цинк.

Сложные рецепты многокомпонентных сплавов на основе меди (табл. 1: 5, 11) являются, вероятно, непреднамеренными и были следствием многократных переплавов и использования вторсырья, что характерно для эпохи Средневековья (Ениосова, Сарачева, 2008. С. 270).

В коллекции также присутствуют изделия из чистой меди, чистого серебра, сплава меди и серебра. Анализ бляшки со вставкой из железа (табл. 1: 1) показал наличие в сплаве большой доли железа (32%), но такой результат является следствием коррозионных процессов.

В целом в выборке прослеживается тенденция использования бронз для литья, а латуни и чистой меди для кузнечной обработки. Преобладание оловянистых и оловянисто-свинцовых бронз отмечалось и в других исследованиях золотоордынского цветного металла. В то же время высокая доля латуни отличает данную коллекцию от других изделий с территории Волжской Булгарии (3.24% от общего числа исследованных изделий) и золотоордынских поселений Саратовской области (3.4%) (Хлебникова, 1996. С. 266–267; Недашковский, 2002. С. 338).

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г., 2008. Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 265–287.

Кригер В.А., 1982. Отчет об археологических исследованиях на территории Волгоградской обл. в 1982 г. // Архив ВОКМ. № 70.

Недашковский Л.Ф., 2002. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 335–347.

Недашковский Л.Ф., 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Восточная литература. 364 с.

Нечволода А.И., 2018. Антропология населения Нижнего Поволжья золотоордынского времени (могильник Бахтияровка) // Pilesof bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: МАЭ РАН. С. 123–127.

Хлебникова Т.А., 1996. Анализы Болгарского цветного металла // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. С. 258–280.

В.П. Колосов, А.А. Кузнецова

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
teravi@yandex.ru, jeev.mm@gmail.com*

ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПРИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МЕСТНОГО И ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА

Античный период для Северного Причерноморья характеризуется активным взаимодействием Средиземноморской цивилизации и степных кочевнических культур. В связи с этим при изучении истории региона проблема греко-варварских отношений является одной из важнейших. Значение погребальных памятников в данном случае сложно переоценить. Между тем, обряд в некрополях Боспора отличается большим разнообразием: различается состав инвентаря, позы, надгробные сооружения и многое другое. У исследователей нет единого мнения, какие погребения считать собственно варварскими, а какие интерпретировать как захоронения греков-колонистов¹. Многолетние исследования не показали четкой картины, скорее наоборот, привели к расширению спектра мнений. Видимо, для решения этого вопроса требуется привлечение новых материалов и источников, в том числе и методов физической антропологии,

¹ Более подробно об интерпретации обряда см.: Сударев, 2005.

которые на значительных выборках позволяют выявлять популяционные группы разного происхождения.

В данной работе демонстрируются возможности синтеза археологических и антропологических данных для дифференциации местного и греческого населения. Цель работы: определить, имеются ли существенные антропологические различия между погребенными по разному обряду. Задачами работы являются: 1) сравнение серий черепов из некрополей Боспора между собой с учетом различий в обряде; 2) сравнение серий черепов из некрополей Боспора с сериями из некрополей варварского окружения; 3) сравнение серий черепов из некрополей Боспора и некрополей материковой Греции. Материалами для исследования послужили данные по археологии грунтовых некрополей Фанагории и Танаиса (Блаватский, 1951; Коровина, 1967; Шелов, 1961) и антропологии Северного Причерноморья и греческой метрополии (Герасимова, 1975; Казарницкий, 2017). Общая численность привлеченных к анализу антропологических материалов составляет около 1300 черепов из 34 краниологических серий. Из них 6 серий (103 черепа) происходят из некрополей Боспорских городов и Херсонеса. К сожалению, для части погребений нет возможности восстановить погребальный обряд. Тем не менее, имеется археологическое описание 34 объектов из некрополей Танаиса и Фанагории, на их основе сформированы две выборки черепов из погребений с разным обрядом.

Методической основой работы послужила статистическая обработка данных. Прежде всего, статистическая значимость различий между двумя краниологическими выборками оценивалась с помощью непараметрического критерия Уилкоксона. Затем проводился широкий межгрупповой анализ с привлечением серий черепов из городских некрополей Крыма и Тамани, с территории Древней Греции и из скифских, сарматских и меотских могильников. Для межгруппового анализа использовано десять традиционных краниометрических признаков (номер по Р. Мартину): 1. Продольный диаметр; 8. Поперечный диаметр; 17. Высотный диаметр; 9. Наименьшая ширина лба; 45. Скуловой диаметр; 48. Верхняя высота лица; 55. Высота носа; 54. Ширина носа; 51. Ширина орбиты от ШТ.; 52. Высота орбиты. Анализ проводился с помощью многомерного шкалирования расстояний Махаланобиса¹.

При попарном сопоставлении серий черепов из погребений с разными вариантами обряда выявлено отсутствие статистически значимых различий по 16 краниометрическим признакам из 17 (наряду с перечисленными выше использованы также: 5. Длина основания черепа; 11. Ширина основания черепа; 40. Длина основания лица; 43. Верхняя ширина лица; 46. Средняя ширина лица). Результаты межгруппового анализа показали наибольшую близость боспорских серий к выборкам из Древней Греции.

Ряд признаков погребального обряда, такие как скорченное труположение, поза с кистями рук, расположенными в области таза, ноги, скрещенные в области ступней, наличие камки в погребальном сооружении, часто связываются в научной литературе с варварской традицией (Коровина, 1967. С. 132; Шелов, 1961. С. 90–93). Тем не менее, по результатам данной работы можно с большой долей уверенности утверждать, что погребенные в городских некрополях Боспора большей частью являются потомками греческих колонистов. Различия в обряде, по всей видимости, объясняются либо разнообразием собственно греческой традиции, либо культурным влиянием варварского окружения, но не непосредственным проникновением в среду боспорян местного населения.

Осознание информативной ценности данной группы источников, применение современных методик и введение в научный оборот более полного спектра данных позволят открыть новые горизонты в изучении интересующего нас вопроса. Основным направлением дальнейшей работы является расширение источниковой базы с более точным описанием погребального обряда. Но для этого требуется преодоление некоторого традиционного скепсиса археологов в отношении возможностей анализа антропологических материалов.

¹ Анализ антропологических материалов выполнен при участии сотрудника отдела антропологии МАЭ РАН А.А. Казарницкого.

- Блаватский В.Д., 1951. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. № 19. С. 189–226.
- Герасимова М.М., 1975. Население Северного Причерноморья (Боспорское царство) в античную эпоху по антропологическим данным. Дисс.... канд. ист. наук. М.
- Казарницкий А.А., 2017. Данные физической антропологии о формировании населения Северного Причерноморья в античное время // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.) / Ред. А.И. Иванчик, А.И. Мордвинцева. М.; Симферополь: ИП Зуева. С. 213–302.
- Коровина А.К., 1967. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. Вып. 109. С. 130–135.
- Сударев Н.И., 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник. Дисс.... канд. ист. наук. М.
- Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) // МИА. № 98. С. 94.

Л.В. Любезнова, А.А. Мамонова
Государственный исторический музей, Москва
LSLyubeznova@yandex.ru

ОПЫТ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕСТАВРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, СОСТОЯЩИХ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Работа посвящена изучению археологических объектов, в составе которых присутствуют кожа, ткань, металл, а также фрагменты костных останков. В ней представлены результаты реставрационных исследований обор из погребения № 154 Подболотьевского могильника (автор раскопок О.В. Зеленцова). Оборы поступили каждый в отдельной упаковке с фрагментами рыхлого и сыпучего грунта. При первичном визуальном осмотре объекты представляли собой конгломерат, состоящий из различных материалов с фрагментами костных останков.

Первым этапом было подробное описание предметов, фотофиксация и отбор проб для проведения комплексного исследования. Следующий этап заключался в разработке методики и определении последовательности проведения реставрационных мероприятий.

В результате осмотра было принято решение проводить реставрационные и консервационные мероприятия одновременно с каждым материалом, наблюдая при этом за состоянием прилегающих материалов, чтобы предотвратить какие-либо изменения сохранности. Подобранный нами методика позволила полностью сохранить объект, не нарушая его целостности.

Начало работы проходило непосредственно в упаковке, так как извлечение могло привести к нарушению целостности объектов. По завершению работ на верхней стороне материал был извлечен из упаковки и помещен в отдельный контейнер на укрепленную сторону для проведения дальнейших мероприятий на противоположной стороне. Реставрация обор проводилась по одинаковой методике, включавшей в себя одни и те же этапы. Работы проводились под стереомикроскопом.

Последовательность реставрационных мероприятий: удаление остатков сыпучего грунта и тлена с поверхности текстильной обмотки и костных останков; укрепление декора с бисером по верхнему краю обор; очистка и укрепление фрагментов кожного ремешка; удаление продуктов коррозии с металлических обоймиц с последующей консервацией; фиксация на место отделившихся фрагментов кожного ремешка; укрепление верхних и нижних краев текстильной обмотки; консервация костных останков; изготовление специальных коробок из реставрационного картона для хранения и транспортировки объектов.

В результате реставрационных и консервационных мероприятий были предотвращены потери текстильных волокон по краю обмотки, кожаный ремешок был очищен, отделившиеся фрагменты собраны и установлены на прежние места. Общая конструкция рядов намотки укреплена и зафиксирована на текстильной обмотке. Металлические

обоймицы очищены от загрязнений, законсервированы, разломанные детали собраны и установлены на ремешок. Костные останки сохранены между слоями обмотки, чтобы избежать изменения общей конструкции объекта и деструкции материалов. Предотвращены осыпи декора бисером по верхнему краю обор. Фрагмент сохранившегося текстиля на правой оборе зафиксирован месте, на котором располагался в момент поступления предмета в реставрацию. Во время работы с левой оборой удалось извлечь и сохранить целыми пластины привесок, впечатанные в текстильную обмотку. Фрагменты меховой подстилки и луба были очищены от остатков тлена и грунта. Для сохранения информации о расположении оборы на подстилке сохранены следы окислов металлических обоймиц и привесок. Снижена вероятность изменения общей конструкции объектов и потери деталей при транспортировке. Фрагменты подстилки, привесок, и остатков грунта расположены в отдельных вместилищах для дальнейшего изучения и работы с ними.

В процессе реставрации проведено изучение природы волокон и технологических особенностей изготовления фрагментов текстиля.

Вышеописанные мероприятия по реставрации и консервации выполнены под руководством реставраторов Исторического музея: зав. мастерской реставрации кожи и кости Н.В. Соломатиной, художника–реставратора ткани высшей категории А.А. Мамоновой, художника–реставратора археологического металла первой категории Е.В. Белькевич.

Мы имели дело с объектом, состоящим из комплекса материалов – ткани, кожи, металла, и включавшим человеческие останки. При разработке методики реставрации важно учитывать физико-химические свойства каждого материала, чтобы обеспечить дальнейшее сохранение предметов, замедление процессов их старения и разрушения. Комплексный подход к реставрации и консервации позволяет получить больше информации о предмете в целом и способе его изготовления.

Изучение природы волокон и технологических особенностей изготовления фрагментов текстиля проводилось следующими методами:

- отбор и подготовка образцов и измерение метрических параметров при помощи стереомикроскопа Hund Wiloskop в отраженном свете при увеличении от X6.7 до X45;
- природа волокон определялась по морфологическим признакам методом микроскопии в проходящем неполяризованном и поляризованном свете при увеличении от X40 до X600 на поляризационном микроскопе Olympus BX51. Для работы были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме. Сравнение проводилось с эталонной коллекцией волокон. Цвет волокон определялся визуально в процессе микроскопии.

В результате проведенных работ удалось выяснить, что на ногу в районе икр наматывались в несколько слоев шерстяные онучи светлого оттенка из ткани саржевого переплетения 1:2. Их закрепляли обмотанной в несколько оборотов вокруг ноги по всей длине веревочкой (оборой), которая фиксировала ткань. Веревочка толщиной 1.5–2 мм изготовлена из растительного сырья вроде лыка, свитого из двух частей. Сверху на эту конструкцию наворачивались декоративные оборы из кожаных ремешков, украшенных бронзовыми обоймицами (на одной ноге сохранилось 9 оборотов, на другой – 10).

На обоих конгломератах удалось проследить линию декора из оловянистого бисера и лубяных нитей. Внизу одного из фрагментов при послойном разборе в лаборатории обнаружилась плохо сохранившаяся полосатая сине-красная шерстяная лента, к которой колечками крепились трапециевидные привески. Видимо, бисерная полоса и лента с привесками украшали подол. Вероятно, погребенная была одета в длинную, ниже середины икры, одежду с богато украшенным подолом.

Тело было уложено на меховую подложку (?) (ниже одного из конгломератов лежал слой остатков меха). Самый нижний слой – остатки луба или дерева.

Сверху на обеих ногах в районе обор были найдены крупные фрагменты грубой двухцветной саржевой ткани 1:2 темного и светлого коричневого (в настоящее время) цветов, создававшие узор из диагональных полос. Так как эта ткань не была найдена в нижней части конгломератов, можно предполагать, что погребенная была ею накрыта.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕПЫЛЬЦЕВЫХ ПАЛИНОМОРФ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Современный уровень проведения археологических исследований требует применения естественнонаучных методов для получения наиболее достоверной и полной картины прошлого. Среди многочисленных используемых методов можно выделить спорово-пыльцевой анализ, позволяющий реконструировать ландшафтно-климатические изменения прошлого как на региональном, так и на локальном уровнях.

К объектам палинологического анализа в первую очередь относится пыльца покрытосеменных и голосеменных растений и споры (Рудая, 2010. С. 4), однако в образцах встречаются также непыльцевые палиноморфы, привносящие особую независимую информацию о природном окружении.

Непыльцевые палиноморфы (NPP) – остатки частиц растений и животных, споры грибов и мицелий, яйца паразитов, водоросли, части насекомых микроскопического размера (от 10 до 250 мкм), устойчивые к процессам разложения при стандартной палинологической лабораторной обработке².

Первые описания NPP относятся к началу XX в., что достаточно поздно по сравнению с началом изучения пыльцы – XVII в. В последнее десятилетие, однако, происходит активное вовлечение данных, полученных при работе с NPP, что помогает расширить спектр возможностей реконструкции реалий прошлого.

NPP можно разделить на три большие группы по типу происхождения: растения, животные, грибы. Каждая группа неоднородна, она имеет разных индикаторных представителей, важных для различных аспектов окружающей среды и антропогенного влияния на нее. Некоторые NPP маркируют изменения климатической ситуации, их изучение позволяет более достоверно говорить о температурных характеристиках, демонстрирует состояние водоема, является показателем состояния растительности в прошлом. К данной группе относятся: ветвистоусые ракообразные (Фролова, 2011. С. 52–87), цисты динофлагеллят (Shumilovskikh et al., 2016. Р. 167–187), раковины амёб (Mitchell et al., 2008. Р. 2115–2137). Другие позволяют получить данные о человеческой активности в прошлом и ее влиянии на окружающую среду: выявление типа хозяйственной деятельности, реконструкция пищевых традиций, возможность уточнение миграционных путей древнего населения, подтверждение вырубок или пожаров. Сюда относятся: споры грибов, в особенности копротрофные грибы (van Geel et al., 2003. Р. 873–883), яйца паразитов (Слепченко, Адаев, 2017. С. 103–114).

Одно из первых исследований с применением анализа состава NPP проведено на трех археологических памятниках бронзового века в Притоболье: Бочанцево-1, Хрипуновское-1, Заводоуковское 11. На поселении Бочанцево-1 отобрано 11 проб (межжилищный участок), Хрипуновское-1 – 13 проб (межжилищный участок, сооружение 7), городище Заводоуковское 11 – 10 (жилище 2). Извлечение пыльцы и NPP проводилось по методу Гричука (Методические рекомендации, 1986) без ацитализа.

В пробах поселение Бочанцево-1 зафиксировано присутствие спор грибов *Glomus* и копрофильных грибов. Образцы памятника Хрипуновское -1 – споры копрофильных грибов, споры грибов *Glomus*, пресноводные губки, яйца цепня, яйцо власоглава. Заводоуковское 11 – грибы *Gelasinospora*, пресноводные губки.

Изучение NPP в образцах дало возможность говорить об употреблении людьми эпохи бронзы недостаточно термически обработанного мяса; выявлено нарушение верхнего слоя почвы, что, вероятнее всего, связано с интенсивной пастбищной активностью;

¹ Работа выполнена по базовому проекту № 0371-2018-0036 Тюменского научного центра СО РАН.

² <http://nonpollenpalynomorphs.tsu.ru>

пресноводные губки, найденные в жилом помещении, свидетельствуют о рыболовстве (Рябогина и др., 2018. С. 39–50). Благодаря проведению комплексного исследования палинологических образцов из культурных слоев и включения в анализ данных NPP получена новая детальная информация об условиях прошлого.

В настоящее время исследования NPP только начинают развиваться, остается много неидентифицированных форм, и пока ученые не полностью понимают весь потенциал этой информации, но накапливают данные для будущего.

Автор выражает благодарность Л.С. Шумиловских (Геттингенский университет, Томский государственный университет).

Методические рекомендации к технике обработки осадочных пород при спорово-пыльцевом анализе / Ред. Е.Д. Заклинская, Л.А. Панова. Л.: ВСЕГЕИ, 1986. 77 с.

Рудая Н.А., 2010. Палинологический анализ: учебно-методическое пособие. Новосибирск: НГУ, ИАЭТ СО РАН. 48 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Насонова Э.Д., 2018. Жилой ландшафт: природное окружение поселений позднебронзового века в Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (43). С. 39–50.

Слепченко С.М., Адаев В.Н., 2017. К вопросу об археологической реконструкции пищевых традиций коренных народов Сибири: археопаразитологический анализ материалов XVII – начала XX в. // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. № 1. С. 103–114.

Фролова Л.А., 2011. Ветвистоусые ракообразные (Cladocera Latreille, 1829, Branchiopoda, Crustaceae) в палеоэкологических исследованиях // Методические подходы к использованию биологических индикаторов в палеоэкологии / Отв. ред. Л.Б. Назарова. Казань. С. 52–87.

Mitchel Edward A.D., Daniel J. Charman, Barry G. Warner, 2008. Testate amoebae analysis in ecological and paleoecological studies of wetlands: past, present and future // Biodivers Conserv. P. 2215–2137.

Shumilovskikh L.S., Seeliger M., Feuser S., Novenko E., Schlütz F., Pint A., Pirson F., Brückner H., 2016. The harbor of Elaia: A palynological archive for human environmental interactions during the last 7500 years // Quaternary Science Reviews. 149. P. 167–187.

Van Geel, Buurman B., Brinkkemper J., Schelvis O., Aptroot J., van Reenen A., Hakbijl G., 2003. Environmental reconstruction of a Roman Period settlement site in Uitgeest (The Netherlands) with special reference to coprophilous fungi // Archaeological Sciences. 30. P. 873–883.

И.А. Савченко*, **С.В. Вепрецкий****, **Д.Д. Беляев****, **М. Ковач*****

**Независимый исследователь, Москва
komodovych@mail.ru*

*** Российский государственный гуманитарный университет, Москва
servepr@gmail.com, lakamha@mail.ru*

****Университет им. Коменского, Братислава
chakxok@gmail.com*

ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ В ГВАТЕМАЛЕ: ИТОГИ ПОЛЕВЫХ СЕЗОНОВ 2015–2018 ГОДОВ¹

Недавние археологические изыскания в северной Гватемале, проведенные исследователями из ИА РАН и РГГУ в составе российских и международных экспедиций, позволяют скорректировать представление о генезисе и поселенческой структуре Тикаля – одного из крупнейших городов майя классического периода (III–IX вв. н.э.). Новые выводы эпиграфического характера, сделанные российскими специалистами в рамках проекта «Эпиграфический атлас Петена», подтверждают данные археологии.

Археологический памятник Тикаль (Гватемала) состоит из монументального центра, представленного дворцовой и храмовой каменной архитектурой, жилых районов и прилегающей округи площадью 120 кв. км. Центральная зона Тикаля, в свою очередь, окружена кольцом небольших памятников, представленных административной и риту-

¹ Исследование С.В. Вепрецкого и Д.Д. Беляева выполнено при поддержке компании «Энерготранспроект» и фонда «Таволга».

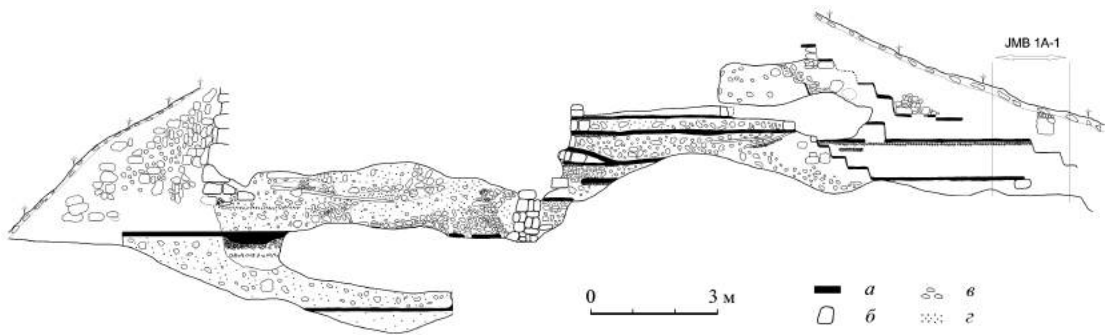

Рис. 1. Южный профиль грабительского туннеля в здании А-1 в Химбале. Чертеж И.А. Савченко (по: Савченко, Ковач, 2017. Рис. 7).

а – штукатурный пол; б – фрагмент фасада; в – камни в заполнении; г – галька.

альной архитектурой более скромного размера. В историографии эти комплексы именуется «малыми центрами» или «сателлитами» (Puleston, 1983. P. 2; Webster, 2018. P. 33), нередко подчеркивается их вторичный характер по отношению к Тикалю. Хрестоматийными примерами таких «сателлитов», датируемых поздней классикой (Fry, 1969. P. 105, 106; Puleston, 2015. P. 132), традиционно считаются расположенные на периферии Тикаля памятники Химбаль и Эль-Энканто. Оба нанесены на топографические планы в 1960-х годах (Puleston, 1983. Fig. 11), но до недавнего времени не становились объектами полноценных исследований.

В 2015 г. Вашактунской археологической экспедицией Института археологии и истории Словакии, возглавляемой М. Ковачем, проведены первые в истории памятника Химбаль комплексные работы инвазивного характера (Савченко, Ковач, 2017. С. 67–80). Отряд под руководством И.А. Савченко (ИА РАН) в центральной части комплекса вскрыл мощный слой с каменной архитектурой, относящийся к позднеформативной (IV в. до н.э. – II в. н.э.) и раннеклассической (II–VI вв. н.э.) фазам. Проведены работы по документации профилей грабительского туннеля в главном храмовом ансамбле Химбале, здании А-1, где зафиксированы следы девяти строительных горизонтов, самые ранние из которых датируются средним (VIII–IV вв. до н.э.) и поздним (IV в. до н.э. – II в. н.э.) формативным временем (рис. 1).

В 2018 г. в рамках мультидисциплинарного проекта «Эпиграфический атлас Петена» археологическая экспедиция РГГУ, возглавляемая Д.Д. Беляевым, приступила к исследованиям комплекса Эль-Энканто. В центральной части комплекса заложены 15 шурфов, позволившие получить керамический материал преимущественно позднеформативной фазы (IV в. до н.э. – II в. н.э.) с небольшим присутствием среднеформативной керамики горизонта Мамом (VII–IV вв. до н.э.). В ходе работ по картографированию памятника обнаружены две новые архитектурные группы, что существенным образом увеличило площадь монументального центра Эль-Энканто.

В конце 1990-х годов С. Мартин пересмотрел палеографию и хронологию надписи на иероглифической стеле 1 из Эль-Энканто, придя к выводу, что текст датируется началом IV в. (Martin, 2000. P. 51–53). Он предположил, что стелу изначально установили в Тикале, но после теотиуаканского вторжения перенесли в Эль-Энканто. Однако результаты полевых исследований 2018 г., демонстрирующие, что Эль-Энканто существенно древнее, чем считалось ранее, а также эпиграфический анализ надписи на стеле 31 из Тикаля свидетельствуют о том, что данный комплекс вполне мог быть первым местом установления стелы.

Полученные данные удревняют историю Химбале и Эль-Энканто на целое тысячелетие, окончательно увязав их формирование с доклассическим периодом. Мультидисциплинарный подход, основанный на анализе археологических и эпиграфических данных, позволяет утверждать, что оба памятника представляли собой не искусственные «вторичные» административные центры на периферии Тикаля, а существовавшие

столетиями локальные общинные центры, впоследствии поглощенные разраставшейся тикальской политией.

- Савченко И.А., Ковач М., 2017. Региональный археологический проект Института археологии и истории Словакии в Вашактуне, Гватемала: итоги полевого сезона 2015 г. // Источники и историография по антропологии народов Америки. М: ИЭА РАН. С. 67–80.
- Fry R., 1969. Ceramic and Settlement in the Periphery of Tikal, Guatemala. Unpub. PhD dissertation. 288 p.
- Martin S., 2000. At the Periphery: The Movement, Modification and Re-use of Early Monuments in the Environs of Tikal // The Sacred and the Profane: Architecture and Identity in the Southern Maya Lowlands. 3rd European Maya Conference, University of Hamburg, November 1998. Markt Schwaben. P. 51–61.
- Puleston D., 1983. The Settlement Survey of Tikal (Tikal Reports. No.13). Philadelphia: University of Pennsylvania Museum. 144 p.
- Puleston D., 2015. Settlement and Subsistence in Tikal. The assembled work of Dennis E. Puleston (Field research 1961–1972). Oxford: Archaeopress. 205 p.
- Webster D., 2018. The Population of Tikal. Implications for Maya Demography (Paris Monographs in American Archaeology). Oxford: Archaeopress. 162 p.

Н.Г. Свиркина, Т.Ю. Шведчикова

Институт археологии РАН, Москва

tashved@gmail.com, svirkina.natalia@mail.ru

О СОХРАННОСТИ КОЛЛАГЕНА В КОСТНОЙ ТКАНИ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА РАЗЛИЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Важное место в современных биоархеологических исследованиях занимает изотопный анализ химического состава костной ткани человека и животных. Широкое распространение получили палеодиетологические реконструкции, в основе которых лежит рассмотрение изотопного состава их органической составляющей (коллагена). Реальность такова, что целостность палеоантропологических и палеозоологических останков из археологических объектов неодинакова. На сохранность костных структур в погребальном пространстве влияет ряд природных и антропогенных факторов. К первым относятся внешние, неконтролируемые условия: климат, тип и состав грунта, изменение уровня грунтовых вод и т.п. (Зайцева, 2004). Вторая группа факторов напрямую связана с действиями человека: проведение ритуальных практик с повторным намеренным проникновением в погребальную камеру, грабительские ямы, деятельность, связанная с хозяйственным освоением земель (Шведчикова, 2014).

Достаточно сложно визуально оценить степень влияния этих факторов на микроструктуру костной ткани. Зачастую палеоантрополог имеет дело с костяками, морфология которых значительно нарушена, поэтому классические методы исследования оказываются неприменимы или применимы с большими допущениями. В таких случаях мы можем обратиться к изучению органической компоненты костной ткани, сохранность которой позволяет провести микромолекулярные исследования. И наоборот, костные структуры, которые демонстрируют целостность на визуальном уровне, практически не сохраняют (или сохраняют в сильно разрушенном виде) органические соединения и непригодны для дальнейшей лабораторной работы.

Прекрасной иллюстрацией первой ситуации являются материалы античных погребальных памятников, которые известны своей фрагментарной сохранностью (Романова, 1986; Добровольская, 2016; Добровольская, Свиркина, 2018). Например, небольшие фрагменты скелетов памятников Виноградный 7, Волна I, Восточный некрополь Фанагории со следами разрушения костной компакты, вплоть до ее полного отсутствия, должны были продемонстрировать минимальное содержание коллагена в органической части костной ткани. Учитывая такие дополнительные агрессивные факторы влияния, как жаркий южный климат, внесение удобрений, которые разрушительным образом дей-

ствуют на сохранность костей и коллагена, можно было бы предположить, что большая часть образцов непригодна для проведения аналитической части исследования. Однако менее 1% образцов из вышеупомянутых памятников показали отсутствие или низкое содержание коллагена в тканях. Наоборот, анатомически целые элементы скелетов из склепа, расположенного у входа в крипту базилики у с. Веселое (IX–XI вв.), продемонстрировали полное отсутствие органической части (два образца индивидов 22 и 21 и три – индивида 23).

Вопрос об определении факторов, влияющих на сохранность коллагена, остается открытым, требует специального изучения со сбором образцов из разных археологических комплексов. Тем не менее, одна из тенденций уже может быть обозначена. Отмечено, что в закрытых комплексах, то есть тех, в которых не было зафиксировано повторного проникновения или многократного использования одного погребального пространства, сохранность коллагена в кости значительно лучше, чем в конструкциях, используемых многократно.

Плохая сохранность или полное отсутствие коллагена наблюдалось в образцах из коллективных захоронений фанаторийского некрополя. Например, из склепов 167/2011 и 202/2013 и подбойной могилы 232/2014 было отобрано по 4 образца костной ткани; половина из них продемонстрировали отсутствие коллагена, как и упомянутые ранее образцы из храма у с. Веселое. В обоих случаях открытый доступ для влаги и хороший дренаж способствовали вымыванию органической части биологических останков при сохранении анатомических структур.

Консервирующим фактором могло стать использование в погребальном обряде материалов, способствующих сохранению органики, например, бересты. Высокий процент содержания коллагена показало погребение 2 у Троицкой церкви Антониево-Сийского монастыря, верхняя часть гробовины которого была перекрыта берестой. Хорошие показатели дали погребения 1 и 3, в которых береста отсутствовала. Визуальная оценка сохранности имела градацию от «плохая» до «очень плохая». Тем не менее, в образцах метатарзальных костей скелетов обоих погребений содержался хорошо сохранившийся коллаген.

Традиционно определение набора антропологических методик, использующихся при изучении костных останков, основывается на визуальной оценке степени сохранности и комплектности скелета погребенного. Однако не всегда исследователь может правильно оценить степень пригодности образца для дальнейших изотопных исследований. Ситуацию способна исправить планомерная фиксация состояния костной ткани образца, почвенных и ситуационных условий его залегания и обнаружения с дальнейшим анализом содержания коллагена. Это позволит избежать преждевременной выбраковки образцов анатомически нецелостных структур, содержания коллагена в которых будет достаточно для проведения изотопных анализов и дальнейших микромолекулярных исследований. Как показал опыт, при отборе образцов на изотопные исследования не стоит игнорировать костную ткань очень плохой сохранности. Положительные результаты могут быть достигнуты даже в случаях, где кость демонстрирует крайнюю степень деградации.

Добровольская М.В., 2014. Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории // КСИА. № 244. С. 299–310.

Добровольская М.В., Свирикина Н.Г., 2018. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). М.: КМК. 233 с.

Зайцева О.В., 2004. Факторы, влияющие на сохранность костной ткани в слое, и проблема интерпретации «некомплектных» костяков // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ. С. 66–69.

Романова Г.П., 1989. Демографический анализ палеоантропологических материалов из могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа. / Отв. ред. И.С. Каменецкий. М.: Наука. С. 195–203.

Шведчикова Т.Ю., 2014. О факторах сохранности костной ткани в погребениях // КСИА. № 236. С. 320–323.

**ЖИВОТНЫЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КОЧЕВНИКОВ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ
(ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

Одним из перспективных направлений в изучении культуры ранних кочевников является археозоология. До 60-х годов XX в. определение костей животных проводилось археологами. Они ограничивались, как правило, указанием видовой принадлежности животного и части его туши. Отсутствие единого методического подхода к обработке остеологического материала не позволяло сравнивать результаты исследований разных памятников. Несмотря на это, в ряде обобщающих работ были сделаны выводы, касающиеся практики использования животных в погребальном обряде сарматских племен (Смирнов, 1964. С. 100).

С конца 1990-х годов изучение остеологических материалов выходит на качественно новый уровень. Это связано с появлением работ археозоологов, посвященных костным остаткам животных в ритуальных комплексах. В 1995 г. П.А. Косинцевым опубликованы результаты изучения могильников Покровка 1, 2 и 8. Автор подробно описывает костные комплексы, но в заключении ограничивается обобщением наиболее ярких черт обрядовых действий без их детального анализа (Косинцев, 1995). Значимым является изучение Е.Е. Антипиной материалов могильников скифского времени на Среднем Дону. Детальное описание комплексов костей животных и анализ полученных результатов позволил автору сделать важные выводы, касающиеся ритуальной практики скифских племен (Антипина, 2001) и разработать методическую схему археозоологического исследования костей животных из археологических памятников (Антипина, 2004).

Одним из крупнейших памятников истории и культуры кочевников степного пояса Евразии является Филипповский некрополь. Однако его остеологическая коллекция специально, с применением соответствующей методики, не исследовалась. А.Х. Пшеничнюк отмечает важное место лошади в погребальном обряде. По его мнению, если скелеты лошадей находились за пределами глиняного валика или у входа в дромос, то это были верховые животные, на что указывают найденные при них уздечные наборы (Пшеничнюк, 2012. С. 63).

О применении диких животных в погребальном обряде ранних кочевников дают представление материалы раскопок курганных могильников Прохоровка и Филипповка 2. Исследователи считают, что стоит рассматривать кости лисиц, зайцев, птиц и др., как предметы, а не остатки напутственной пищи или поминальной тризны, и предполагают, что во всех этих случаях речь идет об охотничьих трофеях, которые были использованы в ритуальных целях (Рослякова, 2010. С. 256; Яблонский, 2013. С. 311).

Костные остатки животных из сарматских могильников Нижнего Поволжья изучались Л.В. Яворской, которая проанализировала видовой состав, выявила специфику анатомического набора по каждому виду, описала возрастную структуру ритуальных животных. Анализ проведен отдельно для курганных насыпей и погребений. Установлено, что в погребениях обнаружены преимущественно остатки мясной пищи: крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. В насыпях найдены как остатки мясной пищи, по-видимому, от ритуальных трапез, так и «немясные» анатомические части тех же видов животных (Яворская, 2010. С. 253, 254).

Л.В. Яворская указывает на существенные препятствия к сравнительному анализу остеологических коллекций сарматских погребальных памятников (например, использование разных методик фиксации материалов) и ставит вопрос о том, насколько выявленные особенности погребальных и постпогребальных обрядовых действий, связанных с животными, являются общими для всех групп сарматских племен (Яворская, 2011. С. 254).

Классификации погребений срубной культурно-исторической общности с костями животных посвящено диссертационное исследование Н.В. Росляковой. Автор выделяет четыре категории погребальных комплексов (жертвенные комплексы, остатки «напутственной пищи», погребальный инвентарь и отдельные кости или их скопления) и делает вывод, что изучение основных археозоологических параметров остеологических материалов должно проводиться в рамках отдельных категорий комплексов (Рослякова, 2016. С. 154). Принципы выделения этих категорий и предложенная классификация применимы для изучения костей животных из погребальных памятников любых культур и территорий.

В последние десятилетия Н.В. Росляковой изучались погребальные комплексы с костями животных из сарматских погребений Южного Приуралья (Рослякова, 2003; Рослякова, 2010).

Проведенный историографический обзор свидетельствует о необходимости дальнейшей работы с накопленным остеологическим материалом, его детального описания и анализа полученных результатов по современной методической схеме с целью реконструкции вариантов использования животных сарматским населением Южного Приуралья в погребальном обряде.

- Антипина Е.Е., 2001. Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 г. М.: ИА РАН. С. 171–187.
- Антипина Е.Е., 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 7–33.
- Косинцев П.А., 1995. Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН. С. 79–100.
- Пшеничник А.Х., 2012. Филипповка: некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 287 с.
- Рослякова Н.В., 2003. Костные останки животных из I и II Шумаевских курганных могильников // Моргунова Н.Л. и др. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ. С. 293–313
- Рослякова Н.В., 2010. Кости животных из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. МИАР. № 12. М.: Таус. С. 252–261.
- Рослякова Н. В., 2016. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск. 187 с.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука. 381 с.
- Яблонский Л.Т., 2013. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов. С. 305–312.
- Яворская Л.В., 2010. Особенности использования животных в погребальных обрядах кочевников сарматского времени Волго-Донского региона (по археозоологическим материалам могильников бассейна реки Аксай Есауловский) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград. С. 233–256.

Е.Ю. Терещенко^{*,**}, А.В. Мандрыкина^{*,***}, Д.Н. Хмеленин^{**},
А.М. Антипин^{**}, А.Л. Васильев^{*,**}, Е.Б. Яцишина^{**}, О.А. Алексеева^{**}

^{*} НИЦ «Курчатовский институт», Москва

^{**} ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, Москва

^{***} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
elenatereschenko@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННО-МИКРОСКОПИЧЕСКИЕ И РЕНТГЕНОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОЙ КРЫМСКОЙ КЕРАМИКИ¹

Керамические объекты, как наиболее массовый археологический материал, несут в себе важную информацию для датирования памятников, а также о развитии торговых и культурных связей. В античной традиции информацию о месте и времени производства конкретного керамического изделия, как правило, содержит клеймо, маркирующее предмет. Однако достаточно часто возникает необходимость более углубленного исследования изделий для уточнения локализации использованных материалов, производственных центров и выявления особенностей примененных технологий. Ключевую роль в решении данных вопросов может сыграть применение комплекса естественнонаучных методов.

Цель настоящей работы – создание методики выявления характерных макро- и микро-особенностей керамических образцов на базе электронно-микроскопических и рентгеновских исследований 15 фрагментов античной керамики IV–I вв. до н.э. из музейных коллекций Крыма с известным временем и местом происхождения: боспорская черепица IV в. до н.э. (3 образца: I, XIV, XV), синопские амфоры (3 образца: II и XIII – III в. до н.э., III – II–I вв. до н.э.), фасосские амфоры (2 образца: IV – III в. до н.э., V – IV в. до н.э.), херсонесская амфора (VI – 325–315 гг. до н.э.), родосская амфора (VII – середина II в. до н.э.), «колхидская» (трапезундская) амфора (VIII – II–I вв. до н.э.), хиосская амфора (IX – IV в. до н.э.), книдская амфора (X – III в. до н.э.), мендейская амфора (XI – IV в. до н.э.), понтийская (предположительно, поздняя Синопа) амфора (XII – II–I вв. до н.э.).

Ниже представлены результаты исследований методами электронной микроскопии (Васильев и др., 2016; Frahm, 2014. P. 6487; Williams et al., 2009. P. 581) – растровая (РЭМ) и просвечивающая растровая (ППЭМ) электронная микроскопия с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (ЭРМ), высокоразрешающая растровая электронная микроскопия (ВРПЭМ); и методом рентгенодифракционного фазового анализа (РФА) (Антипин и др., в печати; Уманский и др., 1982). Сочетание локальных методов исследования морфологии и элементного состава отдельных участков образца с обобщенными данными о его фазовом составе позволяет определить следующие характеристики рассматриваемых керамических объектов: морфологию, основной элементный и фазовый (минералогический) состав глиняной основы и неорганических включений, катионный состав глиняной основы (Мандрыкина и др., 2018; Антипин и др., в печати). Настоящая работа является первым этапом в развитии комплексной методологии характеристики керамических изделий взаимодополняющими естественнонаучными методами исследований.

В ходе изучения глиняной основы получены следующие результаты: глиняная основа всех образцов представляет собой алюмосиликатную матрицу с относительно невысоким содержанием Са, Fe, Mg, С, К и Na – элементов, характерных для глинистых минералов. Для всех образцов Fe и Ti концентрируются, как правило, в отдельных микрочастицах. Также обнаружены частицы Са в глиняной основе синопских (III, XIII), боспорского (I), фасосского (IV) и трапезундского (VIII) образцов. При этом присутствие К, Na и Mg в алюмосиликатной глиняной основе характерно для всех образцов.

В таблице 1 представлены результаты исследования включений.

В ходе проведения РЭМ/ЭРМ и РФА анализов выявлены особенности образцов, являющиеся специфическими для фасосских и синопских изделий:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-04201 офи-м.

Табл. 1. Идентификация включений

Образец	Включения: цвет, элементы в ЭМ картах (минерал)					
	Белые: Si (кварц)	Белые: Ca (кальцит)	Черные: CaMg(Si ₂ O ₆) (диопсид)	Черные: Fe (гематит?/гетит/ магнетит)	Коричневые: Si, Al, Na, K, Mg (поле- вые шпаты, слюда и др.)	Желто- коричневые: NaCl (галит?)
Синопа II	+	–	+	+	+	–
Синопа III	+	+	+	+	+	–
Синопа XIII	+	–	+	+	+	–
Боспор I	+	+	–	+	–	–
Боспор XIV	+	+	–	+	–	–
Боспор XV	+	+	+	+	+	–
Фасос IV	+	+	–	+	+	+
Фасос V	+	+	–	+	+	+
Херсонес VI	+	–	–	–	+	–
Родос VII	–	+	–	+	+	+
Трапезунт VIII	+	+	+	+	–	–
Хиос IX	+	+	–	+	–	+
Книд X	+	+	–	–	+	+
Менде XI	+	+	–	–	+	–
Понт XII	+	+	+	+	+	–

– все синопские амфоры характеризуются высоким содержанием диопсида и небольшим количеством мусковита, в то время как в минеральном составе образцов фасосских амфор диопсид не обнаружен, а концентрация мусковита значительно выше, чем в синопских образцах;

– в синопских изделиях наблюдается практически полное отсутствие кальцита при высоком процентном содержании кальция в составе. Изученные фасосские образцы, напротив, характеризуются высоким содержанием кальцита. Это может быть свидетельством разных температурных режимов изготовления.

В дальнейшем физико-химические характеристики керамики, произведенной в известных центрах, будут использованы как контрольные данные для уточнения атрибуции керамических материалов, происхождение которых неизвестно или спорно¹.

Антипин А.М., Кварталов В.Б., Светогоров Р.Д., Серегин А.Ю., Федосеев Н.Ф., Терещенко Е.Ю., Алексеева О.А., Яцишина Е.Б., в печати. Рентгеновские, синхротронные и масс-спектрометрические методы в исследовании керамических объектов культурного наследия // Кристаллография.

Васильев А.Л., Ковальчук М.В., Яцишина Е.Б., 2016. Исследование объектов культурного наследия методами электронной микроскопии // Кристаллография. Т. 61. № 6. С. 845–857.

Ковальчук М.В., Яцишина Е.Б., Благов А.Е., Терещенко Е.Ю., Просеков П.А., Дьякова Ю.А., 2016. Рентгеновские и синхротронные методы в исследованиях объектов культурного наследия // Кристаллография. Т. 61. № 5. С. 681–690.

Мандрыкина А.В., Хмеленин Д.Н., Колобылина Н.Н., Васильев А.Л., Смекалова Т.Н., Федосеев Н.Ф., Терещенко Е.Ю., Алексеева О.А., Яцишина Е.Б., 2018. Исследования античной крымской керамики методами электронной микроскопии // Кристаллография. Т. 63. № 5. С. 832–841.

¹ Авторы благодарят Т.Н. Смекалову за предоставленные образцы.

- Уманский Я.С., Скаков Ю.А., Иванов А.Н., Расторгуев Л.Н., 1982. Кристаллография, рентгенография и электронная микроскопия. М.: Металлургия. С. 275–286.
- Frahm E., 2014. Scanning Electron Microscopy (SEM): Applications in Archaeology // *Encycl.Glob. Archaeol.* Ed. Claire Smith. Springer Reference. P. 6487–6495.
- Williams D.B., Carter C.B., 2009. Transmission Electron Microscopy. A Textbook for Materials Science, 2-nd ed. N.Y.: Springer Science & Business Media. 760 p.

С.А. Хохрякова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва
s.viskanta@gmail.com*

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ДОКУМЕНТАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ И ПЕЩЕРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГВАТЕМАЛЫ¹

Территория Гватемалы по своим геофизическим характеристикам делится на горные районы и низменности. В стране насчитывается около 60 (Stone, 1997. P. 133) памятников наскального искусства разного типа: от открытых памятников в ущельях и на отвесных берегах больших озер до пещерных росписей. Их временные характеристики разнообразны: от архаического (7 тыс. лет назад) до раннеколониального (XVI в.) периода. Первые упоминания памятников наскального искусства в Гватемале появляются во второй половине XIX в., однако масштабные проекты по документации наскальных и пещерных росписей начинаются лишь в 1980-е годы и связаны с интересом к пещерам майя после открытия в 1980 г. пещерного комплекса Нах-Тунич с самой большой коллекцией настенных росписей в Мезоамерике.

Проекты по фотодокументированию проведены в четырех глубоких пещерах: Нах-Тунич, Сан-Мигель, Куэва-де-лас-Пинтурас, Санто-Доминго. Богатый корпус пещерных росписей включал в себя зооморфные изображения, мифологические сюжеты, сюжеты дворцовой и ритуальной жизни, а также многочисленные иероглифические надписи. В рамках проектов сделаны фотографии всех изображений пещер, в том числе с применением мультиспектральных фильтров (Brady, 1999; Ware, Brady, 1999; Ware et al., 2001). С росписей двух пещер взяты образцы для радиоуглеродной датировки (Miller et al., 2002; Armitage et al., 2001; Хохрякова, 2017). К сожалению, проведенные в 1980–1990-е годы проекты по документации материалов больше не повторялись. Более того, многие росписи повреждены и уничтожены вандалами (Brady, 1991). Таким образом, фотографии сейчас являются единственным источником информации о них и демонстрируют, как важна своевременная документация памятников.

Плохое качество фотографий не позволяет в полной мере распознать все элементы изображений. Однако современные технологии и программное обеспечение дают возможность выявлять изображения, пигменты которых не видны человеческому глазу.

На настоящей момент в изучении наскального искусства Гватемалы остро стоит вопрос создания единого каталога, общедоступных баз данных, дигитализации хранящихся материалов, применения геоинформационных систем (ГИС) для анализа пространственного распределения памятников. Процесс документации необходимо расширить путем применения методов фотограмметрии, трехмерного моделирования и др. Перспективным представляется использование метода реконструкции контуров наскальных изображений с использованием фотообработки. Он был успешно апробирован в российско-гватемальском проекте изучения и документации памятника наскального искусства Каса-де-лас-Голондринас, где путем трехэтапной обработки фотографий высокого разрешения в графическом редакторе были обнаружены десятки новых изображений (Ершова и др., в печати).

Ершова Г.Г., Вепрецкий С.В., Секачева Д.С., в печати. Археологический памятник «La casa de la Golondrinas». Особенности междисциплинарного исследования // Стены и мосты – VII.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-31-00025-ОГН).

- Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает? Сборник трудов VII Международной научной конференции / Отв. ред. Е.А. Долгова. М. В печати.
- Хохрякова С.А., 2017. Междисциплинарные подходы в изучении росписей древних майя на примере пещеры Нах-Тунич (Гватемала) // Стены и мосты – V. Междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками / Отв. ред. Г.Г. Ершова. М.: Академический проект. С. 48–57.
- Armitage R.A. et al., 2001. Mass Spectrometric Radiocarbon Dates from Three Rock Paintings of Known Age // *American Antiquity*. Vol. 66. No. 3. P. 471–480.
- Brady J., 1991. New Vandalism at Naj Tunich Cave // *National Geographic Research and Exploration*. 7 (1). P. 114, 115.
- Miller A. et al., 2002. Rowe Results of Radiocarbon Analysis of Rock Paintings from the Cueva de las Pinturas, Guatemala // *Mexicon*. XXIV (4). P. 79–81.
- Stone A., 1997. Arte rupestre de Guatemala // *Arte rupestre de México Oriental y América Central* / Edit.: M. Kunne, M. Strecker. Berlín: Instituto Ibero-Americano, Fundación Patrimonio Cultural Prusiano. 395 pp.
- Ware G.A., Brady J.E., 1999. Multispectral Analysis of Ancient Maya Pigments: Implications for the Naj Tunich Corpus // *Center*. N. 19. P. 132–135.
- Ware G.A. et al., 2001. Multispectral imaging and spectral classification at Naj-Tunich pigments // *PICS*. Springfield; Vermont. P. 211–214.

Д.О. Шатровая, М.А. Кулькова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург
diana_shatrovaya@mail.ru, kulkova@mail.ru*

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И АНТРОПОГЕННОЙ АКТИВНОСТИ НА ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ

Естественнонаучные методы получили широкое применение в археологии. Они используются для установления даты захоронения археологических объектов, определения типа питания древнего человека, миграции населения, по соотношению химических элементов и концентрации тяжелых металлов определяется уровень антропогенной нагрузки. Использование геохимических методов необходимо при изучении отложений культурного слоя, так как это позволяет реконструировать не только условия жизнедеятельности человека, но и ландшафтно-климатических условия.

Одним из примеров применения такого подхода являются исследования, проведенные в 2016 г. на территории городской застройки Санкт-Петербурга (Зубкова, 2016). В ходе изучения комплекса отложений, выявленного на участках по адресу: ул. Восстания, д. 4, и ул. 8-я Советская, д. 20–22, применялись методы радиоуглеродного датирования и рентгено-спектрального флуоресцентного анализа (РФА). Целью исследования была реконструкция ландшафтно-палеогеографических условий, существовавших на территории Санкт-Петербурга в голоцене, а также деятельности человека в городской среде, которая влияла на минералого-геохимический состав и формирование отложений.

С помощью РФА определен химический состав отложений на улице 8-й Советской, д. 20–22 (SiO₂, Al₂O₃, K₂O, Na₂O, CaO, Fe₂O₃, BaO, P₂O₅, MgO, SrO, Rb₂O, ZrO₂, CuO, ZnO, Y₂O₃), и на ул. Восстания, д. 4 (TiO₂, V, Cr, MnO, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, Sr, Pb, CaO, Al₂O₃, SiO₂, P₂O₅, K₂O, MgO, Rb, Ba, La, Y, Zr, Nb, Na₂O, As). Анализ результатов позволил сделать следующие выводы.

1. Геохимические исследования показали, что слои, залегающие непосредственно под культурным слоем, характеризуются повышенным содержанием тяжелых металлов (Cu, Ni). Это наблюдается на обоих изученных участках, является индикатором антропогенной нагрузки и связано с медно-литейным производством, техногенными и строительными работами. В отложениях, залегающих под «городским» слоем, зафиксировано повышенное содержание Zn, Fe.

2. По данным радиоуглеродного анализа, абсолютный возраст вытяжки гуминовых кислот из погребенной почвы из отложений шурфа, расположенного на ул. 8-я Советская, д. 20, составляет 4362 ± 70 лет ВР. Калиброванный возраст образца соответствует периоду 3128–2880 лет до н.э. Литолого-геохимические исследования позволили установить, что слой погребенной почвы, залегающий на отложениях аллювиального сцементированного среднезернистого песка красно-фиолетового цвета со следами ожелезнения, сформировался после окончания Литориновой трансгрессии на рубеже Атлантического и Суббореального периода. А среднезернистые аллювиальные пески красного цвета могли быть сформированы в результате ледниковой деятельности или в период после Литориновой трансгрессии, когда стала развиваться речная система. В это время в районе слияния рек Охты и Невы, на песчаной косе, существуют рыболовные стоянки носителей гребенчато-ямочной культуры, которые появляются после Литориновой трансгрессии и датируются этим же периодом (Кулькова и др., 2010).

Геохимические исследования культурных слоев, проведенные на других археологических памятниках, показывают, что детальная корреляция антропогенной активности и ландшафтно-климатических событий важна для построения хроно-стратиграфических шкал.

Зубкова Е.С., 2016. Отчет об археологической разведке 2016 г., проведенной в г. Санкт-Петербурге по адресам: ул. Восстания, д. 4, ул. Звенигородская, уч. 13, западнее д. 9–11, лит. Л, Московский пр., д. 100 // Архив ИА РАН. Р-1.

Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Лудикова А.В., Кузнецов Д.Д., Субетто Д.А., Нестеров Е.М., Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е., 2010. Палеогеография и археология стоянок неолита – раннего металла в устье реки Охты (Санкт-Петербург) // Известия Русского Географического Общества. Т. 142. Вып. 6. С. 13–31.

В.С. Ясаков

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
jasakovvictor@outlook.com*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ РАКОВИН *TURBINELLA PYRUM* В ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Моллюски вида *Turbinella pyrum* обитают лишь в некоторых местах, расположенных в прибрежных водах Индийского океана, омывающих полуостров Индостан. Раковины данного моллюска и изготовленные из них предметы найдены на многих археологических памятниках Евразии, датируемых XXX в. до н.э. – IX в. н.э. Разумеется, наибольшая концентрация находок наблюдается на поселениях и могильниках Азии и, конечно, Индии. Однако предметы из раковин *T. pyrum* встречаются и в Европе. В частности, значительная коллекция находок происходит из могильников Среднего Прикамья, датируемых III–IV вв. н.э.

Первым обратил внимание на раковины *T. pyrum* английский исследователь Дж. Хорнелл. Он отметил их большую ценность в культуре народов полуострова Индостан. Предметы из раковин данного вида хорошо известны в древних индийских текстах, сказаниях и легендах. Они широко использовались в религиозной и светской жизни индийцев, в основном из них изготавливали браслеты (Hornell, 1914a). Дж. Хорнелл подробно описал процесс производства этой категории инвентаря (Hornell, 1914b. С. 407–448). Он первым отметил тот факт, что *T. pyrum* встречаются в археологических памятниках не только Индии, но и Месопотамии – в городах Ур, Телло, Лагаш и Киш. Исследователь высказал предположение, что они доставлялись в Междуречье преимущественно по морским торговым путям, так как сухопутная торговля была сопряжена с большими трудностями (Hornell, 1941. С. 233–256).

Подробное описание торговых путей, которые соединяли Индскую цивилизацию с территориями Ирана и Месопотамии в XXX–XX вв. до н.э., и по которым могли

доставляться и раковины *T. pyrum*, представил С. Дюранте. Согласно его версии, могло существовать четыре пути (Durante, 1979. С. 38–40).

Огромный вклад в изучение раковин, найденных на археологических памятниках Индии XXX–X вв. до н.э., внес Дж.М. Кенойер. Во-первых, им приведено физическое описание данных раковин и представлен список тех мест, где обитают моллюски *T. pyrum*. Во-вторых, изделия из них разделены на несколько категорий, каждая из которых получила подробное описание. Дж.М. Кенойер проанализировал находки на 15–20 древних поселениях полуострова Индостан. Дополняя Дж. Хорнелла, он подробно описал технологию изготовления как браслетов, так и других категорий инвентаря из раковин *T. pyrum* (Kenoyer, 1983; 1984).

Т.Р. Генсхаймер обратил внимание на тот факт, что морские раковины из Индии и предметы из них нередко встречаются на археологических памятниках Месопотамии XXX–XX вв. до н.э. – в городах Сузы, Ур, Тепе-Гавр, причем лишь незначительное количество относится к виду *T. pyrum*. Мнение Т.Р. Генсхаймера вступает в противоречие с утверждениями Дж. Хорнелла и ряда других исследователей, которые относили к *T. pyrum* гораздо большее количество найденных в древних городах Междуречья предметов. Исследователь первым указал на различия в использовании изделий из данного вида раковин в Месопотамии и Индии. Т.Р. Генсхаймером высказана версия о том, что территория современного султаната Оман в древности использовалась как перевалочный пункт в месопотамо-индской торговле (Gensheimer, 1984).

В настоящее время изучением находок раковин (в том числе и *Turbinella pyrum*) на археологических памятниках полуострова Индостан активно занимается А. Дешпанде-Мукхерджи. В одной из работ она приводит карту древних поселений и могильников XXX в. до н.э. – V в. н.э., на территории которых найдены изделия из раковин, и публикует сведения о находках раковин *T. pyrum* на ряде археологических памятников Индии (Deshpande-Mukherjee, 2006–2007).

Таким образом, внимание исследователей сосредоточено на изделиях из раковин, найденных в археологических памятниках Азии XXX–XVII вв. до н.э. Определены наиболее распространенные категории предметов, сырьем для изготовления которых служили раковины *Turbinella pyrum*, описаны торговые пути, по которым изделия с побережья Индийского океана доставлялись как во внутренние территории полуострова Индостан, так и в более отдаленные регионы (Междуречье, Белуджистан и Систан).

- Deshpande-Mukherjee A., 2006–2007. Marine mollusks at ancient settlement in the Deccan // Bulletin of the Deccan college post-graduate and research institute. Vol. 66–67. P. 261–283.
- Durante S., 1979. The Utilization of *Xancus pyrum* (L.) at Shahr-i-Sokhta // South Asian Archaeology, 1975: Papers from the Third International conference of the association of South Asian archaeologists in Western Europe held in Paris. Leiden: E.J. Brill. P. 27–42.
- Gensheimer T.R., 1984. The role of shell in Mesopotamia: evidence for trade exchange with Oman and the Indus valley // Paléorient. № 10. P. 65–73.
- Hornell J., 1914a. The chank bangle industry: its Antiquity and present conditions // Memoirs of the Asiatic society of Bengal. Vol. III. № 7. Calcutta. P. 407–448.
- Hornell J., 1914b. The sacred chank of India: a monograph of the Indian conch (*Turbinella pyrum*) // Madras fisheries bureau. Bull. 7. Madras: The Superintendent, Government Press. 181 p.
- Hornell J., 1941. Sea trade in early times // Antiquity. Vol. 15. P. 233–256.
- Kenoyer J.M., 1983. Shell working industries of the Indian civilization: an archaeological and ethnographic perspective. Diss. ... Doctor of Philosophy. Berkeley. 456 p.
- Kenoyer J.M., 1984. Shell working industries of the Indus civilization: a summary // Paléorient. № 10. P. 49–64.

ARTIFICIAL CRANIAL DEFORMATION FROM SAMTAVRO CEMETERY IN THE EARLY MIDDLE AGE PERIOD: HISTORICAL MEANING AND GENESIS

The work is based on the research of normally and artificially deformed skulls of Samtavro Cemetery, dating back to the period of from the Early Middle Ages to today. The skulls are now located in the Anthropological research laboratory of the History and ethnology institute of the Tbilisi State University. Apart from the skulls themselves, the craniological catalogue, located in the same institute, as well as individual blank of each of the skulls has been used for the research. Archaeological diary from the National museum of Georgia has also been used for the research, through which, information about the cemetery types, burial rites and artefacts was acquired.

The work analyzes the types of the skull deformations, the sex and age structures of the buried, markers of the physiological stress and anomaly frequencies in the population of that period. The inventory is also distributed between those with deformations and those without them, in order to analyze if the deformations implied being part of the elite parts of the society. There are tables distributing information about those with deformed and not deformed skulls, based on their sex and age, which gives a clear picture of the lifespan of those with and without skull deformations. For the purpose of understanding underlying reasons for the skull deformation, historical sources have been analyzed and the reasons summarized in order to determine why the artificial deformation took place among those living in Mtskheta territory.

According to the craniological material obtained on the territory of Georgia, artificially deformed skulls are from the Late Bronze – Early Iron Ages.

On the basis of Samtavro cemetery, we may conclude that the artificial skull deformation will not be followed by an elite layer, which confirms the burial grounds and burial rites. But whether or not deformed are indigenous people, it is not easy to answer. However, with historical sources, the study of the Samtavro cemetery and the craniological material, we can express the assumption that deformed are not representatives of other ethnic groups. This is confirmed by a high percentage of metopic suture and involved the bones found in the Samtavro cemetery indicating their relatives. The metopic suture and the involved bones are marked as normal skulls as well as the deformed.

The idea is that the circular form of deformation comes from the Huns, and the the relevant craniological material found on the Samtavro cemetery is suspicious. Since the Huns in the Caucasus and Samtavro cemetery (IV–VI cent.) their skulls are placed in different chronological frames. Since the practice of deformation in the territory of Georgia is earlier than Middle Ages, the «producers» of these practices should seek more early periods (from the Bronze Age).

In the III cent. BC, the Alans had contact with Parnavaz's son. Historically it is reported that the Alans had certainly a deformed practice.

Therefore, it is quite possible that the deformation practice was spread out from the Alans. However, this fact does not prove that the deformed found on the Samtavro cemetery were the Alans.

This argument can be strengthened by the type of skulls found in the Samtavro cemetery. A Samtavro's skull belongs to a European type and no other morphological appearance is observed. Perhaps the Samtavro population simply took this practice from the Alans and then some parts of it were acquired.

Deformation practice can be compared to tattoos. The tattoos initially had religious loyalty, but a part of the modern society is for aesthetic pleasure. Perhaps it was also the artificial deformation of the skull for some part of the population.

So it is quite possible that the artificial deformation of the skull initially had some load, even religious. In the subsequent period, the whole area spread into various parts of the world.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Императорская Археологическая Комиссия
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИПОС – Институт проблем освоения Севера
КАЭЭ – Камская археолого-этнологическая экспедиция
ККАЭЭ – Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
НЦ – Научный центр
РА – Российская Археология
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СО – Сибирское отделение
ТАЭЭ – Туркменская археолого-этнографическая экспедиция
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых
УрО – Уральское отделение
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ – Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
CVA – Corpus Vasorum Antiquorum

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**Новые материалы и методы археологического исследования:
От критики источника к обобщению и интерпретации данных**
Материалы V Международной конференции молодых ученых

Редакторы *И.Н. Кузина, Е.В. Леонова, Н.Е. Чалых*
Дизайн и верстка: *Д.И. Киселев*

Подписано в печать 18.03.2019. Формат 60 x 84 ¹/₈
Усл.печ.л. 30,7. Уч.-изд.л. 23,6. Тираж 200 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

ISBN 978-5-94375-277-3

9 785943 752773